

12+

Виктор Ананишнов

Ходоки во времени

Освоение времени
Книга 1

Виктор Васильевич Ананишнов
Ходоки во времени.
Освоение времени. Книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40091205
SelfPub; 2019*

Аннотация

Мы все путешествуем во времени. А может время путешествует в нас. Время, возможно, субъективно и, возможно, объективно. Эта книга (первая из четырех законченных), написанная в жанре научной фантастики, предлагает свое измерение и освоение времени. Адресована всем любителям фантастики.

ХОДОКИ ВО ВРЕМЕНИ

Настоящее – тень прошлого,
будущее – рассеянный свет
настоящего.

Человек – это странник с рожденья,
он рождается на судне,
под которым волнуется время...

Мэтью Арнольд

Книга первая

ОСВОЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Санкт-Петербург
Красный Бор – 2006

Часть первая

УЧЕНИК И УЧИТЕЛИ

Ученичество в жизни, что бы там
не утверждали, – занятие всё-таки нудное,
а описание его – тем более...

Автор

Странные визитёры

– Ваммм! – услышал он и в то же самое мгновение десятков мягких, но сильных рук схватили его, смяли, скатали в небольшой тугой шар и бесцеремонно катнули в неизвестность.

Шар (он – Иван Толкачёв) упруго подпрыгнул на выступе, перевалил его и, глухо стучая, как в пересохшее дерево, покатился по невидимым жестким и холодным ступеням куда-то вниз, в темноту.

Шар катился и прыгал без задержек, а Иван, хотя и чувствовал и знал, что он – это шар, но как будто бы в то же самое время висел где-то над ним и рядом, слышал стук, ощущал движение извне и старался разглядеть его в темноте.

Через некоторое время, подпрыгнув в последний раз, шар остановился. Неведомая сила навалилась, стиснула Ивана в малом объеме шара. Раздался короткий звук лопнувшей струны и...

Иван проснулся.

В тишине торопливо и чётко, с под звоном тикали часы. Что-то передвигали, или ему это показалось, этажом выше. За окном шмелем прожужжала машина. И наступила тишина.

Не открывая глаз, Иван потянулся и подумал, что всё было сон и чепуха. Та, которая тайком прокрадывается в наш

мозг, когда мы спим, и творит там такое, что и, бодрствуя, не придумаешь...

Чепуха! Но совсем недавно у него по спине бегали мурашки, и рывками работало сердце.

Иван притаился, ожидая нового чуда, которым так богат утренний сон, но спать уже не хотелось. Счастливо вспомнил: сегодня выходной. Вот сейчас он встанет, спокойно умоется, тщательно побреется... Нет, бриться не будет. Со щетиной можно походить денёк. Зато, не спеша, просмотрит газету, позавтракает и на весь день укатит за город. Ну, например, в Рощино или, ещё лучше, в Павловск.

– М-м...

Вдруг вспыхнул яркий свет, ударил по глазам сквозь веки и заставил Ивана крепче зажмуриться.

– Что такое!?! – всполошился он.

Открыл глаза и приподнялся на локте.

Он лежал на широком ложе, устланном нежным ворсистым покрывалом. Его же давно обжитая полуторная кровать с матрасом и простынями куда-то исчезла. Стены его тесноватой комнаты округлились и раздвинулись вширь, потолок – в высоту. Ослепительный свет падал не из окон, а от белой тарелки купола. У противоположного от Ивана полукруга стены что-то горело. Ароматный дымок, лениво и прихотливо извиваясь, пепельно-голубой струйкой тянулся вверх, под купол, а там растворялся на светлом фоне.

Тепло и нега царили в этом помещении.

Неужели он и вправду заснул и ему снится чудный сон? Однако прочувствовать и по-настоящему отдать должное окружающей красоте и уюту Ивану толком не удалось, потому что рядом с его новым просторным ложем на причудливых пуфах восседали не менее занятные люди.

Они смотрелись уж слишком реально, чтобы можно было усомниться в яви.

Перед ним было двое мужчин.

Ивану понадобилось несколько мгновений, чтобы тренированным взглядом их оценить и выделить детали этих незнакомцев – внешний вид, позы, лица. И... успокоиться. От них не исходило угрозы. Напротив, веяло умиротворённым ожиданием, когда он проснётся.

Ближе к нему сидел худощавый блондин с высоким морщинистым лбом над серо-голубыми глазами в опушке длинных ресниц. Его тонкие веснушчатые руки свободно лежали на острых коленях. Чёрный костюм, пиджак расстёгнут, снежно-белая рубашка, широкий, в горошек, галстук. Лицо умное, спокойное, в глазах затаилась сверкающая слезинка.

Иван где-то его уже видел, и совсем недавно. Начал было лихорадочно вспоминать, где именно и когда, и тут же, осознав всю никчёмность этого занятия, перевёл взгляд на второго незнакомца.

Тот жадно рассматривал его.

Смуглое цыганистое лицо быстро менялось и выражало то радость, то испуг, то сомнение, то растерянность. Казалось,

внутри у него всё клокочет от нетерпения, и он не знает, чем всё-таки выплеснуться наружу. В одежде его, на взгляд Ивана, – небрежение и безвкусица. Просторная, пёстрая до ряби в глазах рубаха заправлена под широкий грубый пояс тёмной кожи. За расстёгнутым, замусоленным от долгой носки воротником видна мускулистая шея и часть волосатой груди. Сапоги с невероятно высокими каблуками и сверкающими голенищами, гармошкой сидят на сильных ногах, обтянутых цирковыми ярко-красными трико.

– Это и есть КЕРГИШЕТ? – спросил он блондина, глядя в упор на Ивана сумасшедшими глазами, в которых, казалось, не было зрачков.

Сказал он это по-русски, хотя на слух в его произношении чувствовалась чуть заметная неправильность. Так говорят в Прибалтике.

– Он, он. Не сомневайся, дорогой. Это ты скоро почувствуешь, – вкрадчиво отозвался блондин и мягко улыбнулся.

Говорил он без акцента.

– Поздравляю!.. А он знает об этом?

Блондин пожал узкими плечами, дёрнул белесыми бровями. Погладил колени ладонями.

– Откуда?

– Невероятно! – цыганоподобный по-кошачьи прищурил глаза и с чувством чмокнул полными губами. Ещё раз со вкусом пожевал слово: – Невероятно!

– Почему же? Мы же ждали... Он, кстати, наконец-то

проснулся...

«Однако, – подумал Иван, – что-то они поздно заметили моё пробуждение. Комедию разыгрывают?»

– Проснулся! – с вызовом подтвердил он и сбросил с ложа ноги/

Небрежно повёл литыми плечами. Обеспечил, так сказать, показ своей фигуры, дабы видели, с кем имеют дело: если надо, то постоять он за себя может. Не на того нарвались.

Второй незнакомец зажмурился и съёжился от его голоса и движений, как будто ожидал неминуемых грома и молнии. Или удара по голове. Напарник тронул его за крутое плечо.

– Привыкай, дорогой, – ободрил он его и, убрав улыбку, обратился к Ивану: – Я Вам сейчас всё объясню. Познакомимся. Его зовут Севильяк. Точнее, дон Севильяк. Меня – Симон. А... о вас мы знаем всё.

Чёрта с два, не поверил его словам Иван с непонятным для себя злорадством. Уж что он знает о себе сам, того никто больше знать не может. Тем более, эти, знакомые ему, люди.

Дон Севильяк при упоминании имён открыл один глаз, необычайно выпуклый и круглый, пошарил им вокруг себя, словно удивляясь своей целости и сохранности. А в округе, к его изумлению, ничего не изменилось.

– Ну вот, Иван Васильевич. Наш друг, Вы видите, пришёл в себя. – («Наш, значит, и мой друг», отметил Иван), а Симон невозмутимо продолжал: – Надеюсь, он к Вам ещё при-

выкнет... А мы займёмся делом. Я постараюсь Вам всё объяснить как можно короче...

– Я не тороплюсь... У меня сегодня, раз уж вы всё обо мне знаете, выходной... То есть день нерабочий. Так что, пожалуйста, валяйте!

Иван проговорил это грубовато и как будто не заинтересованно, что со стороны выглядело решительно и независимо.

На самом деле, он всё-таки был потрясён необычайной обстановкой, в которую неизвестно как попал, и всем происходящим.

Он, чтобы собраться с мыслями, ещё, наверное, добавил бы что-нибудь в том же роде. Но вдруг понял, что странный сон, пробудивший его, был, похоже, не совсем сон. Что всё это неспроста, и что он попал в какую-то историю, и что ему здесь пока ничто не угрожает, а напротив, ему стало даже казаться, будто бы он всю жизнь прожил в ожидании этой встречи. За ней ему уже грезилось и виделось нечто долгожданное и необычное. Выстраданное.

Он глубоко вздохнул, шумно выдохнул, поджал к подбородку колени. Ну, начинайте! – говорил весь его вид, – я готов выслушать всё, даже если это будет банальность.

Симон рассматривал на руках ногти, а дон Севильяк тем временем не сводил с Ивана выпуклых, чёрных как ночь, удивленных глаз. Что называется, ел его глазами. И ел со умело. Такой взгляд и скромного может подбросить на вершину тщеславия, а Иван был далеко не скромнен. Конечно,

лесть в любом виде не любил, но когда вот так: неподдельно, молчаливо, со страхом и уважением...

Он полностью успокоился, удобнее разместился на подsunутом ему ложе. В его позе появилась непринуждённость. Он прекрасно знал, как это делается, и улыбнулся с независимым видом. А чтобы не молчать, напомнил:

– Итак, мои новые, надеюсь, друзья, что вы мне имели сообщить?

Построение вопроса ему самому понравилось – на одесский манер, и он повторил его ещё раз. Капризнее и повелительнее. Для «новых друзей» его поведение могло выглядеть глупо, но как оказалось, произвело неотразимое впечатление, особенно на дона Севильяка.

– Вот так, дорогой Севильяк, – подвёл итог произошедшим переменам Симон.

Дон Севильяк смешно поводит большим пальцем руки у себя перед носом, глядя на них сведёнными глазами, и восхищённо выдохнул:

– Всё сходится... Непостижимо!

– Ты прав, дорогой, – поддержал его Симон. И к Ивану: – Вы, молодой человек, когда-нибудь слышали о возможности перемещения во времени и пространстве? О параллельных мирах и о том, что пространство можно сжать до одного шага? Что будущее и будущее время не одно и то же? Что...

– Не всё сразу, мой Симо-он, – дон Севильяк остановил напарника, певуче затягивая букву «о» в его имени. – Ви-

дишь, как его бросило в жар от твоих слов...

Как он был прав, этот полнеющий, похоже, наспех одетый, лупоглазый и восторженный человек! От слов Симона Ивану стало не по себе. Он даже вспотел, ибо тот коснулся того, о чём Толкачёв старался не думать всю жизнь.

Боялся думать!

Лет двадцать пять назад, когда живы были его отец и мать, а он был в том счастливом возрасте, когда ещё умеешь считать только до пяти, когда самая большая обида – на соседского Юрку, показавшего язык, с вопросами Симона Иван познакомился очень близко. По крайней мере, с некоторыми из них.

Как-то отец, капитан дальнего плавания, в его присутствии напомнил матери подробности их первой встречи в каком-то южном городе. Мать, смеясь, перебивала его, вспоминала о погоде в тот день, о своих мыслях, переживаниях и о том, какое впечатление произвёл на неё, молоденькую девушку, будущий отец Ивана – зрелый, повидавший виды мужчина, лет на двадцать старше её.

Они вспоминали, смеялись и грустно вздыхали по ушедшей счастливой поре.

Иван стоял рядом с родителями. Ему вдруг очень-очень захотелось увидеть их там, в минуту встречи, в далёком неведомом южном порту.

В тот же миг он почувствовал во всём теле лёгкость, его куда-то понесло так быстро, что он едва успевал перестав-

лять ноги, чтобы не упасть. И тут же увидел себя среди широкой ухоженной аллеи из нечасто посаженных, тянутых кверху стволами и ветвями, деревьев. За ними, почти в двух шагах, шепча и всплескивая, волновалось море. Оно уходило в небо. А около мальчика стояли его помолодевшие родители. Они разговаривали и громко смеялись.

– Папа, мама! – радостно закричал Иван и бросился к ним, широко раскинув руки.

Отец, в красивом, белом, расшитом галунами костюме, онемел и подозрительно посмотрел на девушку – мать Ивана. Она же засмеялась громче.

– Ты чей, мальчик? Ты потерялся? – спросила она его, присев перед ним.

– Не-ет! Я ваш...

– Ну, уж... Чей ребенок! – зычным голосом моряка, словно он стоял на мостике в шторм, рявкнул отец.

– Я же ваш... – захныкал мальчик и обнаружил себя вновь стоящим со своими родителями в родном доме.

Его мутило, голова кружилась, он едва держался на ногах от слабости и испуга.

– Куда это ты бегал, Ваня? Да быстро как! – одобрительно пробасил вмиг постаревший отец.

– Ты бегал гулять? – также поинтересовалась мама и тут же обратилась к отцу: – Помнишь, как к нам пристал странный мальчуган? Всё говорил: папа, мама, я ваш!

Иван расплакался тогда от обиды, от пережитого страха,

от головокружения и слабости. Непонятное и напугавшее его странное ощущение запомнилось навсегда. С годами, взрослея и участь на веру брать только реальные события, он стал думать об этом как о странном казусе, и всё больше сомневался: было это с ним или показалось...

И вот Симон ему напомнил.

Пока Иван был занят воспоминаниями и детскими переживаниями, незнакомцы тактично молчали. По-разному. Симон – спокойно, с видом человека, привыкшего ждать. Дон Севильяк, играя буграми мышц и гримасничая, всё время чем-то занимался, ворочался, поправлял одежду, приминая голенища сапог. И при этом посматривал на Ивана с опаской, словно не доверяя ему.

«Чего ему меня бояться?» – спрашивал себя Иван. Это он находится непонятно где по их, наверное, воле, и это он обескуражен их вопросами.

Небольшая передышка от напористости Симона, дала возможность Ивану успокоиться. Он взглядом поблагодарил дона Севильяка. И решил брать разговор в свои руки.

– Он прав, не всё сразу... дорогой! – твердо сказал он Симону, хотя на самом деле твердость его была только в голосе, а в себе её он так пока и не почувствовал. Ему хотелось ещё немного выиграть время и собраться с мыслями. – Вы, Симон, не подумали о том, что мы с Вами можем говорить на разных языках об одних и тех же вещах, – бодро произнёс он, хваля себя за находчивость. Они играют, так почему ему

с ними не поиграть? – Давайте-ка, уточним терминологию.

Незванные собеседники Ивана переглянулись. Наверное, его последнее предложение сбило их с толку. Во всяком случае, Ивану так показалось, потому что дон Севильяк ещё больше округлил глаза и с ещё большим подобострастием заглянул Ивану в рот, будто там родилось что-то слишком важное, и можно ожидать продолжения, а Симон слегка скис и принялся сжимать и разжимать кулаки.

– Разве я сказал что-нибудь непонятное? – спросил он с расстановкой, стараясь, чтобы его голос не срывался. – Нам известен Ваш уровень образованности, так что Вы могли бы нас понять правильно.

– Понятно, но не всё. И потом, Симон. Ведь Вы свалили всё в одну кучу.

– Что именно? – уже с вызовом воскликнул Симон.

За его показной вежливостью явно проглядывало едва сдерживаемое раздражение.

Такой его вид приободрил Ивана. Они хотели его удивить? Хе-хе! Как там?.. На всякого мудреца... Довольно наговорить ему какой-нибудь бестолковщины и он – готов.

Иван медленно и подробно, призвав на помощь всё когда-то вычитанное, пояснил, что именно ему не понравилось в вопросах Симона:

– А то. Перемещение во времени и параллельные миры... Или постулат о различии будущего и будущего времени и тут же – утверждение о сжатии пространства... Надеюсь, Вы

поняли свою ошибку, Симо-он?

Здесь он, пожалуй, перестарался: последние слова не следовало говорить. Тем более ему, в принципе, пока что ни к чему было вступать с Симоном в настоящий конфликт. А с другой стороны, пусть не воображают из себя некими всезнайками. Что он им – мальчишка? Пришли, наговорили.

Симон от его реплики весь передернулся, будто ему за шиворот налили холодной воды. Зато дон Севильяк засветился от восторга.

Однако делать было нечего, так как сказанного не вернёшь.

У Ивана бывали такие минуты, когда он мог с менторской интонацией говорить всё, что взбрѣдет в голову. Сейчас на него как раз и накатило такое настроение. Ему внутренне было весело, всё происходящее стало представляться лёгкой прогулкой по экзотическим местам, и он не задумывался о последствиях разговора. К тому же, вѣл его он, а не они, как им, возможно, этого хотелось бы.

– Хорошо! – Симон сменил позу, провѣл ладонями по коленям, успокаивая себя. Проговорил без прежней охоты: – Что ж, начнѣм с терминологии... Первое, перемещение во времени. Под ним мы понимаем возможность человека, одарѣнного особой способностью, передвигаться во времени или, как мы говорим, ходить во времени. Он может одним усилием воли из настоящего для него времени проникнуть в прошлое и вернуться назад, в своё время. В прошлом он

способен материализоваться, то есть проявиться в реальном мире. Жить и работать там, как все люди того времени.

– Ага! Вот теперь я Вас, уважаемый Симон, понял. Но зачем нужно проникать в прошлое? То есть, по-вашему, ходить туда?

Симон даже не посмотрел в сторону дона Севильяка, который хотел ему что-то подсказать.

– Нет уж, – с нажимом сказал Симон, тоже выказывая свой характер, противопоставляя его Ивану. – Давайте не будем забегать вперёд! А выясним всё по порядку. И вначале поговорим о терминологии. Этого желали Вы!

Иван оценил его выпад и примирительно улыбнулся.

– А кто это – мы? Симон да дон Севильяк?

Симон повёл подбородком вперед, как если бы его шею перетянул слишком тесный ворот рубахи. Разговор ему явно не нравился.

– Мы с доном Севильяком тоже, – медленно проговорил он. – Но я имел в виду всё наше общество. Мы называем себя ходоками во времени. И ещё вертами и ренками, то есть теми, кто может передвигаться во времени. Это очень древние слова, они подразделяют наших ходоков во времени на две неравные по количеству, но полноправные группы. Я, к примеру, – ренк, а дон Севильяк относится к вертам... – Симон помолчал. – Впрочем, обо всём Вы скоро узнаете и поймёте, надеюсь, почему такое деление существует.

Иван, искренне озадаченный разъяснениями Симона, ко-

торые, по сути, ему ничего не говорили, почувствовал разочарование. Ренки, верты... Ну и что?

Но ведь было что-то волнующее за всем этим, отчего хотелось говорить, спрашивать и узнавать. Неспроста же они появились у него, вернее, перенесли его куда-то и пытаются с ним вести переговоры.

– А я... я тоже имею к ним... к вам какое-то отношение? – спросил он осторожно.

– Вообще-то, к нам...

Иван судорожно вздохнул.

– Но Вы не относитесь ни к вертам, ни к ренкам...

Сказке конец, – упал духом Толкачёв. На его лице отразилась мина обиды. Намекнули и... бросили!

– Не торопитесь! О Вас, Иван Васильевич, разговор особый. О чём – несколько позже.

Если бы он знал, что творилось в этот момент на душе у Ивана. Ведь поманили и тут же – ни к тем и не к другим. Значит, он не такой как они и, как можно было сделать вывод из этого выражения Симона, ходить во времени не способен.

Не способен... не способен...

Симон продолжал:

– На сегодняшний день... У нас с Севильяком в день нашей с Вами первой встречи задумана была более скромная задача. А именно, не объяснять тут терминологию, – Симон сделал ударение на последнем слове с повышением тона, – и не уходить в сторону от основного по пустякам...

Не способен... не способен...

– ... а поставить Вас, Иван Васильевич, в известность о Ваших врождённых, но скрытых пока что от Вас способностях проникать в прошлое, то есть ходить во времени, и предложить Вам сотрудничать с нами.

– Да, – важно подтвердил дон Севильяк и покивал головой.

Шея этого здоровяка гнулась не очень-то, так что он качнулся всем телом.

Спо-осо-о-обен!!!

Иван почувствовал мелкую дрожь в руках, осветился счастливой улыбкой. Но тут же подавил в себе ликующее чувство приобщения к тем, кто может проникать просто так в прошлое, и внимательно всмотрелся в лица собеседников.

Предложили сотрудничать. В чём? Нет, чтобы сказать о его способностях и всё, а то приглашают вести с ними какое-то дело.

– Что вы понимаете под сотрудничеством?

Симон наморщил лоб.

– Я, может быть, не так выразился, а Вы не так меня поняли. Несмотря на Ваши способности, Вы, к сожалению, не знаете, как это делается. И, возможно, сами никогда не сможете ходить во времени. Надо учиться, Иван Васильевич. Вот содержание нашего предложения. – Симон посмотрел на дону Севильяка. Толстяк выпучил глаза. – Но, – сказал после небольшой паузы Симон, – обучение потребует всего Ваше-

го времени.

– Но... Я работаю... – начал Иван и осёкся.

– Да, – кивнул в знак понимания его заботы Симон. – Вам, Иван Васильевич, придётся выбирать. На совмещение того и другого у Вас не останется времени. И сил тоже.

Иван призадумался. И было от чего.

Ретроспектива его жизни промелькнула в голове, как ветерок по заброшенной дороге, подняв пыль прошлого, и остановилась на настоящем.

Конечно, его повседневные интересы и работа там, где-то наверху (Иван почему-то считал, что находится в каком-то подвале или подземелье), были сносными. А вернее, работа ему нравилась. Правда, она была крайне беспокойной по своему содержанию, но имела и положительные стороны, в число которых входил её подвижный характер.

Иван по окончании вуза связи был приглашён в строительномонтажное управление, а проще, в СМУ на должность прораба. Сейчас на его руках находился монтаж радиотехнического оборудования во многих местах города, кроме того, антенные поля в пригороде, несколько других объектов. Мотается день-деньской. Надо везде успеть. Наряды, накладные. Приёмка материалов, оборудования. Сдача готовых объектов. Ругань с кем надо, отчёты перед кем положено. Бесконечная круговерть! Зато каждый день встречи с новыми, нередко интересными людьми. Монтажники как будто его уважают, начальство – на то оно и начальство – журит

терпимо. Зарплата приличная: жить не на широкую ногу, но и без натуги, можно. Ко всему тому, поездки в разные концы города и области способствуют его собирательской жилке: старые книги, небольшая коллекция монет. Иван много читал, и не только на родном языке. Мать и отец сами знали несколько языков, привили к ним любовь и сыну.

Может быть, на другой какой-то работе он был бы лучше. Или хуже. Кто знает? Он мог хотя бы самому себе честно признаться, что своего призвания в жизни не нашёл и не знал его, однако уже ясно понимал: кроме лёгкого усвоения иностранных языков, звёзд с неба не схватит. Другие качества – не в счёт. Конечно, по служебной лестнице продвинется, станет начальником участка, потом и выше взлетит. А как же – «растёт, как говорят монтажники, над собой», набирается опыта, чувствует за плечами вузовские знания и армейские навыки, привыкает к новым порядкам в стране...

Что, казалось бы, надо нормальному, не испорченному деньгами и особой тягой к роскоши, человеку?

И вот тут-то появляются, подобно джиннам из бутылки, двое: один из них – верт, другой – ренк, какие-то. Как будто серьёзно говорят о волнующей с детства до щемящего чувства идее – фантастическом перемещении во времени, и обыденно так предлагают вступить в их общество с приводящим в смятение названием ходоков во времени. Бросить всё и сотрудничать.

Было отчего призадуматься Ивану. Было отчего...

Но ему никак не думалось. Разумом он ещё пытался взвесить все «за и против», а в душе, сам себе не смея ещё сознаться, уже согласился с их предложением и готов был на всё: забыть прошлую свою жизнь и отказаться от настоящей, пожертвовать карьерой на строительном поприще. Предложение этих странных людей показалось ему неким просторным полем после узкого бесконечного ущелья, которым он в последние годы продирался, оставляя на острых каменных углах части своих душевных сил, друзей, подавленных в коммерцию или канувших на дно жизни, подруг, жаждущих денег, а оттого отвергаемых им...

Всё оставить позади и начать сначала?! Опять же всё! Но разве так можно? Сразу, с кондачка, по первому зову незнакомцев всунуть голову неизвестно куда или к кому?

Лицо Ивана исказилось от обуреваемых его чувств. Видя это, Симон мягко и проникновенно проговорил, отбрасывая официальность:

– Вы, Ваня, можете подумать о нашем разговоре в привычной для Вас обстановке – дома. К тому же, дав согласие, Вы можете заняться каким-нибудь необременительным для себя делом и пользоваться радостями современного бытия в городе. Так что о Ваших занятиях с нами никто не заподозрит. Если Вас, конечно, волнует такой вопрос... Подумайте, Ваня, подумайте.

Иван был благодарен ему за его слова. За тон, каким они были высказаны. За имя, которым он его назвал. И рад был

отсрочке, данной на неопределённое время.

– Хорошо. Я подумаю. Но как мне с вами связаться?

– Просто. Позвони по телефону, – Симон назвал номер, Иван запомнил его. Первые цифры подсказали месторасположение АТС – абонент проживал в том же районе, где и Иван.

Незнакомцы встали.

Симон – невысокий, аккуратный, с лёгкими ногами.

Дон Севильяк...

Иван всегда таким представлял Портоса, у которого рука была, как сказано в книге, с «лошадиную ляжку». Ноги у донна Севильяка отличались длиной, ровностью и силой. Такие здоровяки Ивану нравились. Да и костюм, вначале показавшийся нелепым, подчёркивал мощь и прелесть фигуры донна. После того как он встал, можно было заметить выглядывающий из-под пояса старинный, с курками и кованым стволом, пистолет, а сбоку – тяжёлые, усыпанные, может быть, драгоценными камнями, ножны с большим кинжалом. Колоритный мужчина. Росту, пожалуй, повыше его, а Иван всегда считал свой рост достаточным для того, чтобы на подавляющую часть людей смотреть сверху – метр девяносто шесть сантиметров.

Иван осмотрел вставших ходоков, оценил.

– Вы уходите, а я?

– Видишь ли, Ваня, из этого помещения просто так выйти нельзя. В нём ни окон, ни дверей. Потому прошу Вас выпить

бокал вина. Он стоит рядом с Вами... Ваня! Вам придётся нам поверить на слово. Мы Вас сюда доставили... Да и вино Вам, уверен, понравится. Вскоре Вы будете у себя дома. У Вас ещё впереди выходные дни. До встречи!

От них самих, от пистолета, кинжала, слов о бокале вина веяло романтикой и сказкой. Симон сдержанно кивнул головой, дон Севильяк отвесил поклон в пояс, разметав кудри у самого пола. Жаль, что у него не было шляпы – с громадными полями и пером экзотической птицы.

Иван на мгновение ощутил себя участником славного спектакля. Но главные герои вдруг словно подёрнулись туманом и исчезли из поля зрения. Иван открыл и закрыл рот, проглотил набежавшую слюну и остолбенел на долгое время.

Какой спектакль? Тут впору сравнить с сумасшедшим домом...

Свет в помещении стал медленно гаснуть.

– Эй! – без надежды крикнул Иван.

Голос его отразился от сферического потолка, усилился и затих вместе с тускнеющим до полной темноты потолком.

Осторожно нащупав тонкую ножку бокала, Иван решительно глотнул его содержимое. Вино оказалось необыкновенным, и он с удовольствием допил его.

Иван Толкачёв

Иван Толкачёв был и слыл человеком настроения, а отто-

го порой сложным в понимании его поступков.

Хотя, наверное, каждый человек так устроен.

Другое дело, что у одного череда разного отношения к окружающим, и к себе в том числе, проходит гладко, без сильных перепадов от одного эмоционального настроения к другому. Но есть такие люди, в ком время от времени, словно что-то ломается. Их поведение и поступки со стороны могут показаться, мягко говоря, странными...

В Толкачёве гармонично уживались такие черты характера, как твёрдость кремня и вялость размазни. Он мог быть остроумным и сказать что-либо невпопад, а то и нелепицу.

Порой в нём всё будто кипело, капли брызгали на окружающих, доставляя им не всегда приятное. Но случались моменты, когда он остывал до холодного желе и впадал в меланхолию. Активность, способная свернуть горы, нет-нет, да и утопала вдруг в откровенной лени и нежелании что-нибудь делать или предпринимать.

Бывали у него периоды искромётной импровизации, нахождения и принятия неординарных решений, однако всё это могло смениться замедленным повторением одного и того же, словно он упирался в стену тупика и – ни с места.

Он обладал великолепной памятью на фоне элементарной забывчивости...

Но главное, что портило ему жизнь, в бытовом её понимании, так это вспышки абсолютной независимости ото всех и вся, выказывание её всякому, будучи при этом резким и

безапелляционным, не признающим критики и замечаний в свой адрес. И в то же самое время он мог неожиданно подпасть и оставаться под чьим-то влиянием или убеждением.

Его трезвый ум, всё охватывающий и отмечающий любые нюансы происходящего вокруг него, незаметно начинал анализировать какие-то мелочи, выискивать несущественные детали, привлекать воспоминания. А вокруг могут происходить события и возникать ситуации, требующие быстрой реакции на них. Он же, занятый своими думами, пропускает всё это мимо себя. Так, нередко, он терял нить разговора, поскольку просто не слышал собеседника, занимаясь размышлениями о посторонних вещах...

Это мешало ему жить. И в армии, и на гражданке. Особенно в состоянии независимого, горячащегося и всёвидящего остролова. Но и помогало, поскольку он бывал покладистым, терпеливым и до бесконечности наивным и беспечным.

Всё это в нём воплощалось. И трудно было предугадать, даже ему самому, что в данный конкретный момент станет доминантой в его поведении и словах...

Жизнь прораба не сахар

В понедельник у него на участке произошел несчастный случай.

Монтажник, ведя работы на мачте радиорелейной ли-

нии, достаточно опытный, чтобы выполнять монтаж без риска для себя, почему-то вздумал сталкивать бухту кабеля сигнального освещения мачты с одной из площадок ногой. Упругий и тяжелый, извиваясь кольцами, кабель опетлял ногу нарушителя техники безопасности и дёрнул за собой. Монтажник, к счастью, не разбился, но повис вниз головой с переломом в ноге на высоте почти ста метров. Его сняли, отправили в больницу.

Когда Иван примчался по телефонному звонку на станцию, там уже работала комиссия по охране труда из управления. Хотя все бумаги – инструктаж, роспись и другое – были в порядке, Ивану всё-таки высказали много нелестных слов. И подходы к трапу загромождены, и почему монтажники не принайтовываются карабинами к конструкциям мачты во время работы, и... вообще, когда он наведёт порядок на подведомственной ему территории, чтобы подобных случаев не повторялось?

Обычная суета после того, как что-то уже произошло.

«Хорошо же, – думал Иван, отвечая на вопросы комиссии, показывая документацию, вымучивая объяснительную, поднимаясь на мачту к месту происшествия. – Хорошо же, вот придёт вечер, все от меня отстанут, так я, используя свои способности, вернусь к утру этого злосчастливого дня, и разговор мой с пострадавшим, точнее с тем, кто днём соберётся пострадать, будет коротким, но для него памятным».

Наступил долгожданный вечер, однако как Иван не пы-

жился, как ни старался – ничегошеньки у него не получилось. Он ходил, ложился и вставал. Замирал на месте и подпрыгивал. Дёргал себя за волосы и пристально вглядывался в зеркало. Тщетно!

Впрочем, вообще-то, что-то, похоже, было. Он как будто видел какие-то тени, фрагменты своих действий утром. Или это ему казалось. Уж очень ему хотелось вернуться назад во времени, к утру...

Назавтра, во вторник, состоялось очередное заседание у заказчика. Иван обычно на таких посиделках помалкивал: без него кому было говорить, принимать решения, а потом не отвечать за них. В этот раз его словно кто острым шилом в бок ткнул, поднял и заставил выговориться. В принципе, всё, что он сказал, наболело не только у него. Да кроме дела, он наговорил глупостей, на которые был мастер. Потому-то часто и помалкивал, когда его не просили что-либо сказать.

К вечеру того же дня начальник управления, человек по натуре спокойный и сдержанный, а к Ивану доброжелательный за его рост, начитанность и участие в боях в Афганистане, накричал на него, поскольку дело касалось щекотливых взаимоотношений управления с другими организациями. Его вывело из себя утреннее необдуманное выступление прораба перед заказчиком.

Маленький подвижный начальник бегал перед мрачным и усталым Иваном и, наливаясь краской, выкрикивал:

– Мальчишка! Что ты себе позволяешь? Из-за тебя...

Одним словом, он накричал, а Иван ответил. От всего сердца. Высказал всё о заказчике, об управляющих субподрядчиков и некоторых других личностях.

В среду, в самом начале рабочего дня, когда ещё кровь не успела согреться, позвонили из бухгалтерии и – вполне справедливо – взгрели Ивана за неправильность каких-то оплат в прошлом месяце, а получасом позже Иван узнал, что монтажник Ступаков, краснобай и прощельга, заявился на работу в нетрезвом виде и учинил дебош. Не успел прораб с ним расправиться по-свойски, как по звонку, подобному воплю утопающего, ему пришлось помчаться выяснять отношения с автобазой, не приславшей по договору технику на объект. Потом...

К обеду Иван созрел.

А после обеда намечался новый неприятный раунд с начальником, но вместо этого он движением фокусника подсунул секретарше, милейшей Алле Григорьевне, заявление об увольнении по собственному желанию.

Алла Григорьевна, женщина впечатлительная, к Ивану неравнодушная, едва не свалилась в обморок.

– Иван Васильевич! Ваня, – только и успела она сказать ему в упрёк.

Он подхватил её под локти и силой втиснул в двери, ведущие в кабинет начальника.

Начальник, с видом распаренного любителя бани, выскочил в приёмную. Потряс бумажкой в воздухе и demonstra-

тивно подмахнул заявление. И лишь когда Иван на цыпочках уходил, начальник вслед ему бросил нехорошие слова.

А Иван, обернувшись...

Ну, он тоже знал много таких слов!..

По телефонному номеру, данному Симоном, отозвался приятный голос явно немолодой женщины. Иван скороговоркой выложил свое согласие встретиться с Симоном и доном Севильяком. Ему ответили:

– Ждите!

Чего следует ждать, хотелось ему узнать, однако из трубки раздались сигналы отбоя, а на повторный вызов никто не ответил.

...И он ждал.

Весь четверг, и пятницу, и субботу, лишь ненадолго выбегая из дома, чтобы прикупить еды, дабы не прозевать прихода гостей, телефонного звонка от них или простой реализации из небытия прямо в его квартире.

А телефон как взбесился, оправдывая определение самого Ивана: Телефон – это зло!. Звонили с работы, друзья кое-какие, незнакомые, ошибшиеся номером. Одни увещевали, другие бодрими голосами поддерживали в «неравной борьбе», третьи извинялись, уточняли, куда это они попали, и опять звонили...

Такое продолжалось целыми днями. Иван не оставался в долгу: первых, вторых и, тем более, третьих посылал к чёрту и просил к нему больше не звонить. В него словно бес все-

лился, и он безрассудно жёг за собой мосты с прошлым...

До чего же точно подмечено: нет ничего хуже, чем ждать да догонять. Пытка. Круги ада.

Иван ждал...

Иван согласен

– Ну-у, дорогой! Если бы мы, представь себе, в то утро пришли к тебе прямо сюда, наговорили бы кучу непонятностей, поверил бы ты нам? Если честно... То-то! Боюсь, что ты бы вышиб нас из квартиры, а?

Симон, одетый подчёркнуто элегантно в тройку, сидел в своей чинной позе, как монарх на троне. Он обстоятельно отвечал на вопросы Ивана, заданные после того, как они, Симон и дон Севильяк, с шумом и топотом, что в Ивановом представлении никоим образом не могло к ним относиться, ввалились к нему домой субботним вечером и, широко разводя руки прямо с порога, искренне и с приятнью бросились обнимать хозяина.

От них хорошо пахло вином. Дон Севильяк предстал в просторном, прекрасно сидящем на нём костюме цвета морской волны в непогоду и выглядел обычным человеком, правда, уж больно здоровым и большим. Его широкий галстук украшала алмазная заколка, а запонки играли крупными камнями. И весь он был добрым, покладистым и весёлым.

Они пришли к Ивану, словно по-настоящему в гости, как

принято у закадычных друзей, точно они знакомы со школьной скамьи. К тому же Симон дважды, подчеркивая это, с улыбкой упомянул полузабытое Иваном собственное школьное прозвище – Грибок, полученное в начальных классах за малый рост.

Иван же встретил их такими словами, мол, товарищи мои новые, забирайте меня со всеми потрохами! Делайте со мной что хотите, так как прораб из меня как из утки селезень, а начальство-то меня не любит и обижает. Монтажники же будто сговорились и норовят меня, бедного, довести до тюрьмы, нарушая правила техники безопасности!

Дон Севильяк смеялся славным, но таким могучим смехом, что дребезжали в окнах стёкла, и время от времени ласково отзывался дверной звонок.

Они выставили умопомрачительно дорогой коньяк и непринуждённо, но напористо попросили есть. Иван быстро накрыл на кухне стол и накормил их, чем мог.

Коньяк пошёл хорошо, бутылка большая, так что успели обсудить всё и вся.

Договорились об отказе со стороны Ивана делать самостоятельные попытки перемещения во времени и о том, что с завтрашнего дня у него появится учитель, он всё расскажет, покажет и познакомит с азами их общего дела – вернее они сказали нашего общего дела – ходьбы во времени.

Так вот после всего этого Иван и задал свои вопросы: для чего это они в прошлое воскресенье устроили цирк – пере-

нос тела, то есть его самого, в другое помещение, отгрохали просторное царское ложе, воскурили дорогие благовония? К чему понадобилось такое странное поведение и одеяние донна Севильяка, показная вспыльчивость и показная же якобы обескураженность Симона от некоторых заявлений Ивана, и тому подобные кривляния?

Вот Симон и принял на стуле позу фараона, отвечая Ивану:

– ...поверил бы ты нам?.. С твоим характером, Ваня, даже близким друзьям твоим трудно, а уж незнакомым и подавно. Мы же тебя изучили, прежде чем придти к тебе. Оттого мы, подумав, решили устроить, как ты выразился, цирк... И признайся, – Симону очень хотелось, чтобы Иван признался, у него даже лицо округлилось, – тебя эта непонятная обстановка потрясла? Да? А вид уважаемого Севильяка убедил тебя в необычности происходящего?.. Ха-ха! И ты поверил нам! Мы всё правильно рассчитали!

Симон залился колокольчиком, дон Севильяк радостно подхватил, вызвав переполох среди слабо устойчивых предметов: всё вокруг задрезжалось, зазвонило, затукало.

– Но я вас тоже... Тоже... – напыжившись, Иван, наконец, вставил сквозь смех и своё словечко. – Разговором о терминологии потряс! Ты, Симон, чуть не готов был на меня с кулаками наброситься? А?

Гости рассмеялись ещё веселее.

Захлебнувшись смехом, дон Севильяк парировал:

– Ах, Ваня, мы все твои штучки предвидели.

– Ну да, – усомнился на мгновение Иван и тут же сразу поверил ему.

– Конечно, мы не знали точно, что ты нам преподнесёшь конкретно, но готовы были ко многому. – Иван был восхищен ими, Симон видел его горящий взгляд и продолжал: – Так что мы тебя, Ваня, раскусили полностью, и ты сработал, как сейчас говорят, по схеме. Вот!

– Так вы что, – поперхнулся Иван, – и увольнение мне из СМУ устроили?

Он мог поверить во всё, что они скажут: начальника на него натравили, монтажнику ногу в кабельное кольцо засунули, даже Ступакова подпоили. Да и на него как-то воздействовали, чтобы он поступил так, как им нужно.

– Э, нет. Ты себя, Ваня, плохо знаешь, – Симон укоризненно поднял белёсые брови и погрозил пальцем. – Уж здесь-то мы ни при чём. Хотя догадываемся, как это безобразие выглядело... Рубил сплеча, наговорил сорок бочек арестантов, хлопнул дверью. Так?

– Так, – подтвердил Иван и опустил вниз глаза, в нём шевельнулись остатки совести, о которой он позабыл в эти дни.

Учитель

Он в квартиру Ивана свалился, словно с неба – злой, худой, взъерошенный и дикий на вид.

– Я никогда! – кричал он надсадно и кому-то грозил грязным кулачком жилистой руки. – Я никогда не позволю обращаться с собой как с самым последним вертом!.. Верт проклятый!.. – Он вытянул птичью шею и, глядя куда-то в пространство, по петушину проголосил: – Имею право, имею право!

Иван в это время, с понятным волнением ожидая прихода обещанного Учителя от ходоков, наводил порядок в квартире и как раз домывал пол в прихожей. А это, невесть откуда свалившееся пугало, не по размеру сапожищами топчется по вымытому. На каждом сапоге по пуду грязи или глины какой-то. Отваливаясь от его ног, она летела во все стороны, доставая до стен.

Иван, опешивший от наглости незваного гостя, в сердцах даже тряпкой об пол шмякнул, до того ему было обидно. И незамедлительно подступил к пугалу в рваном одеянии с вполне естественным намерением, то есть, надавать ему как следует по шее и выбросить вон из квартиры.

Первая часть задуманного удалась на славу. Так ему казалось. Однако, похоже, не слишком повлияла на поведение незнакомца. Тот, по-видимому, даже не заметил, что его бьют. Начав выполнять вторую часть намерений, Иван вдруг неожиданно осознал небольшую подробность появления этого чуда в образе человека – он попал к нему не через двери.

Вися в руке Ивана, тот тем временем продолжал вопить

в том же духе:

– Вы мне, – орал он, не сбавляя тона, глаза его были безумны. – Вы мне не указчики! Ишь, сколько вас развелось на мою голову! Каждый верт, – им уже в третий раз было упомянуто новое, недавно узнанное Иваном, слово. – Каждый верт барахольный будет здесь надо мной командовать!..

У Ивана мелькнула страшная до неприятности догадка.

Этот... Это... чучело имеет какое-то отношение к нему, вернее к ним, ходакам во времени. Иван засомневался и приостановил свои действия, не зная как поступить дальше.

Тут в дверь позвонили. Иван бросил безумца, тот упал ему под ноги, как только был выпущен из рук. Кто-то звонил не переставая. Иван открыл дверь. На пороге, глыба глыбой, объявился дон Севильяк, густо обросший ржавой щетиной недельного возраста (ещё вчера он был тщательно выбрит), оборванный и злой не меньше первого типа.

У Ивана тоже вскипела злость, подстать их злости. Что это они, решили сделать его квартиру проходным двором? Однако ничего путного он не успел произнести.

Дон Севильяк, невидяще никого и ничего перед собой, оттиснул хозяина в сторону, к стенке, согнулся, чтобы не стукнуться головой о притолоку, и шагнул в прихожую, топоча громадными в глине же сапогами. Грязь полетела комками.

– Ты уже здесь!? – крикнул гигант. Вся квартира дрогнула, на кухне что-то упало и разбилось. У стоявшего рядом Ивана зазвенело в ушах. А, до сих пор лежавший на полу и

без умолку изрекающий проклятия человек, притих. – А ну встань, не позорься! Посмотри, на кого ты стал похож! Стыдно! – Тут же дон повернулся к Ивану и сказал, будто бы он прилично вошёл, поздоровался и продолжил давно начатый светский разговор: – Это, Ваня, твой учитель.

Иван почти с испугом поглядел на огородное пугало, которое ему прочат в учителя.

– Однако... у вас и манеры, – только и нашелся он, как отреагировать на заявление дона Севильяка.

– Его зовут Ка́меном. Ка́мен Са́рый... – Громыхнул: – Ты встанешь? Или тебя поднять? – И опять Ивану задушевно: – Знаешь, Ваня, сколько я с ним за эти дни мучений принял, сколько он мне нервов попортил! – Дон Севильяк от слова к слову накалялся и повышал голос. – Посмотри только на него. Это же нечто немыслимое! Камен, ты слышишь, кто ты есть?

– Я тебе... паршивый... – вяло отозвался Сарый с кислой миной на худом лице.

– Молчи уж, горе моё! – И вновь обратился к Ивану нормальным голосом: – Ты не думай, Ваня, он человек хороший. Не думай о нём ничего плохого. Просто у него иногда такое бывает... Скоро пройдёт. Я же, знаешь, где его разыскал? Естественно! Опять в Фимане! Тёпленького оттуда выволок... Ты... Ты не знаешь, что такое Фиман?

Дон Севильяк выпучил на Ивана безумно-бессмысленные, на выкате глаза, точно увидел его впервые.

«Бандит!» – подумал с некоторым беспокойством Иван, глядя на его обросшие щёки, завитушки волос на кадыке и буйно-волосатую грудь, которая открывалась под бахромой рваной одежды – не то халата, не то длинной рубахи. Иван не мог бы точно определить, как это одеяние могло называться.

С кем это он связался? Погромщики какие-нибудь. Пройдохи, а не ходоки во времени. Или, может быть, они снова представление устраивают? Так зачем? Только вчера обо всём договорились как будто.

В дверь кто-то позвонил. Прежде чем открыть, дон Севиляк, неласково осведомился, будто распоряжался в своём доме:

– Кого ещё тут принесло?

«Кто-то из моих соседей», – запоздало подумал Иван и занервничал. Эти двое так кричали, что, наверное, весь дом всполошили...

– Спокойнее, дорогой.

В проёме двери, как на экране телевизора, обозначилась вычурно изысканная, на фоне других участников событий, фигура Симона. Костюм из серой шерсти элегантно облегал его худощавое подобранное тело. Он был в шляпе с большими полями и курил большую сигару. В его руках – трость. Таких Иван никогда не видел, разве что в старых фильмах, – тонкая, изящная, необходимая в руках, затянутых белыми, подстать рубашке, перчатками.

– Нашёл?

Негромко спросил он дон Севильяка между двумя неглубокими затяжками, вернее попыхиваниями сигарой. Из рта он её не вынимал, перебрасывая из одного уголка губ в другой.

От дыма смотрел на всех, прищурившись. Казалось, презрительно.

– Здесь, – отозвался, шумно переведя дыхание, дон Севильяк.

– Из Фимана?

– Оттуда, будь он проклят! Едва дотащил, а он ещё артачится, ругается. И...

– Ну, ну... – пых!.. – дорогой... Я, пожалуй, войду. А ты побрейся, переоденься, потом приходи сюда... – Дон Севильяк, не обронив ни слова в ответ, загремел сапогами на лестничной площадке. – Здравствуй, Ваня! – Симон переступил порог, улыбнулся и протянул узкую ладонь в перчатке для пожатия.

– Здравствуйте, Симон.

– Познакомились? – кивнул ходок на «учителя».

– Познакомишься тут, – буркнул Иван не очень вежливо, но без злобы, минутой раньше душившей его. Ему стало даже забавно оттого, что произошло, и он был в праве ожидать продолжения, хотя от недавнего возмущения никак не мог отойти. – Этот... вот, – он ткнул пальцем в сторону Сарыя, ставшего вдруг смирным и кротким, – объявился, весь пол перепачкал. А дон Севильяк так тут на него кричал, что, бо-

юсь, на кухне вся посуда разбилась, а соседи мне теперь прохода не дадут, выясняя, с кем это я здесь подрался.

Симон, так и не вынимая сигары изо рта, вежливо нагнул голову с видом: давай говори, я всё выслушаю и вытерплю. Иван же стоял перед ним, элегантно и спокойно, в одних плавках, босиком, непричёсанный. Руки мокрые, под ногами грязь и тряпка половая.

Осознав своё положение, он не стал растекаться мыслью по древу, а махнул на всё рукой и пошел приводить себя в порядок, перешагивая через учителя каждый раз, как только надо было проходить из комнаты на кухню и обратно.

Сладковатый дым сигары заполнил квартиру. Иван не курил и не выносил табачного дыма – вечная проблема взаимоотношений с монтажниками. Но сегодня дым его не раздражал, а напротив, приятно щекотал обоняние и успокаивал. Сказал о том Симону. Тот хмыкнул, затушил сигару о подошву сверкающей штиблеты. Пообещал:

– Больше у тебя курить не буду. Приготовь, Ваня, пожалуйста, ванну. Обмоем твоего учителя.

– Что, получше не могли найти? – Иван помаленьку отходил, и его реплики перешли в ворчание.

Симон почти повторил характеристику донна Севильяка, данную учителю:

– Он учитель хороший, но слегка... как тебе сказать, странноват, что ли при первом знакомстве. Но поверь пока на слово. Как человек и как учитель он хороший. Ты его ещё

узнаешь.

– Возможно, – неуверенно отозвался Иван, убирая тряпку и ведёрко с грязной водой.

Учитель стойко сидел на полу, хлопал глазами и молчал. Казалось, он не замечает никого вокруг и не слышит разговоров о нём.

– Ладно уж, – с вздохом согласился Иван. – Будет ему баня.

– Ты потом его тряпьё выброси. И дай ему свой спортивный костюм, – Иван даже не удивился осведомлённости Симона о своем гардеробе, – но обуви никакой. Я же пойду, поставлю чай. Его покормить надо.

КЕРГИШЕТ

Сарый, вымытый, причёсанный и порозовевший, сидел на кухне. На нём красовался громадный для него старый спортивный костюм Ивана. На ногах – вязаные носки. Их Иван надевал, делая лыжные пробежки. Учитель пил чай из блюдечка с шумным прихлёбыванием, не забывая скидывать красивые карие глаза то на Ивана – изучающе, то на Симона – виновато.

Ему было лет под пятьдесят, впрочем, такого сорта людям можно дать и тридцать, если бы не мешки под глазами да не дряблость кожи на шее. Лицо продолговатое и слегка усохшее. Прищур глаз говорил о лукавстве и веселости характере.

ра, но ни того, ни другого Иван у него не заметил ни сейчас, в день первой встречи, ни потом, по прошествии многих месяцев обучения. Зато это с лихвой проявилось позже...

Большие воскового цвета уши топорщились под длинными, седыми, редкими волосами.

И это всё, что мог бы сказать о нём Иван Толкачёв – его ученик.

Быть может, ещё, что роста учитель, уже без кавычек, среднего, и со стороны казался тщедушным и слабосильным. Как потом убедился Иван, это было обманчивое впечатление: силы Камену у других не надо занимать, своих достаточно.

– Ух! – выдыхал учитель после каждого глотка чая, покрываясь обильным потом.

– Хватит! – нарушил затянувшееся за чаепитием молчание Симон. – Давайте-ка я вас, друзья, познакомлю, так сказать, официально. – Учитель хрюкнул и протяжно всосал в себя чай. – Это, Ваня, твой учитель. Его имя – Ка́мен Са́рый. Псевдоним, а как зовут по-настоящему, он тебе сам, может быть, когда-нибудь расскажет...

– У тебя тоже псевдоним?

У Симона на лбу сбежались морщины.

– И да, и нет. Сегодня речь не обо мне. Я говорю о нём. Это лучший учитель из доступных нам... И вообще, лучший. Во всяком случае, на данный момент. – Симон нахмурился. – Поймёшь позже. А сейчас... Камен, отвлекись и по-

знакомься со своим учеником. – Камен мигнул и без видимого интереса уставился на Ивана. Очередной ученик – какая невидаль, говорил его взгляд. – Камен, перед тобой КЕРГИШЕТ!

– О-о! – Сарый вскинулся, губы его распластались в невыразительной улыбке – первой с момента его появления в квартире Ивана. Сейчас он остро и заинтересованно осмотрел ладную фигуру представленного ученика и со значением, но несложно прокомментировал: – Угу!

– Зовут его Ваней. Иваном Васильевичем, – продолжал знакомство Симон. – Фамилия – Толкачёв. Ты должен научиться его движению, выяснишь представление и...

Его перебило неожиданное появление дона Севильяка прямо из воздуха. Симон поморщился:

– Мы же договорились...

Чисто выбритый и вымытый дон Севильяк вновь одет был весьма экстравагантно: какая-то просторная нахальной расцветки длинная рубаха навыпуск под серым истрепанным пиджачком, прикрывшим лишь его спину и руки до локтей. Значительные ягодицы гиганта рискованно обтягивали то ли бархатные, то ли ещё какие ярко зеленые штаны по щиколотку. Башмаки на высоком каблуке надеты на босую ногу.

– У меня кто-то был, – игнорируя слова Симона, густо пророкотал он и, позабыв обо всех, схватил с подоконника пластмассовую вазу.

Тряхнув и мощно дунув в нее, якобы почистил, налил в

неё чаю. Иван вспомнил, что вазу ему подарили лет десять назад, и она никогда внутри не мылась. Но предупредить не успел.

– Интересно, – задумчиво проговорил Симон, брови его заломились. – Я посмотрю, кто там у тебя был... А что-нибудь?..

– Не было там ничего! Перевернули вверх дном, порвали всё и попортили!

Дон Севильяк пил огромными глотками, не обжигаясь крутым кипятком. При этом сопел как паровоз под парами и упрямо избегал смотреть на Ивана. Он явно был расстроен, и как ни старался казаться если не равнодушным, то хотя бы спокойным, его по-рачьи выпуклые глаза, мимика и жесты выдавали с головой.

Иван встревожился.

– Что-нибудь произошло? – осторожно поинтересовался он, уверенный в своей причастности к событию.

Дон Севильяк отвернулся.

– Нет... Пока нет. – Симон прищурил один глаз, будто прицеливался, посмотрел в сторону Ивана долгим взглядом. Привычным движением потёр колени ладонями. Вытянул губы в трубочку и пожевал их. – Впрочем... – что-то решив про себя, заключил он, – вскоре я тебе, Ваня, кое-что расскажу, а пока что это... несколько преждевременно. – Он помолчал и, словно отбросив все мысли о случившемся с дном Севильяком, отрубил: – Успеется!.. Пока поговорим о

другом. Итак, Ваня, Сарый будет жить у тебя. Слышишь, Камен?

– Как не слышать? – пробормотал Сарый, выхлёбывая, наверное, двадцатое блюдо чаю. – Вас послушаешь, так лучше здесь отсидеться. Да и КЕРГИШЕТ всё-таки... Интересно. Но сам знаешь, как оно бывает.

Симон недоверчиво хмыкнул.

– Проследи, Ваня, чтобы он на улицу пока не выходил. А чтобы отсюда куда-нибудь не улизнул, никакой обуви, как я тебе уже говорил, ему не давай. Знаем его... Впрочем...

Симон на некоторое время замолчал, чем воспользовался Сарый.

– Ну, что ты говоришь? – отбился он от наговора и налил себе новое блюдо.

– То и говорю. А это вот, Ваня, на твоё и его кормление.

Так и сказал – на кормление, и подал Ивану толстенную, листов на пятьсот, пачку денег. Крупными купюрами.

От их вида у Ивана, не привыкшего к таким суммам, появилось смутное подозрение о деятельности всех этих ренков и вертов, в том числе сидящих рядом с ним.

Выросший в достатке, он, тем не менее, цену деньгам знал. Поэтому отметал все выгодные, как некоторым казалось, предложения для получения легких деньжат, самих плывущих в руки во время внезапно наступившей в стране неурядицы в обществе и экономике. Боялся скатиться до животного состояния нувориша.

Потому он, беря у Симона пачку, замешкался. Симон заметил его состояние.

– Бери, Ваня, – сказал он твердо. – Мы твоё, мягко сказать, негативное отношение к ним знаем и одобряем. Но эти-ми не брезгуй. Они того не стоят... Эти деньги чистые, если хочешь, и не связаны ни с какими тёмными делишками или преступлениями.

– Сразу видно, зарплата, – съязвил Иван, не зная как ему поступить в данной ситуации.

Дон Севильяк, похоже, позабыл уже о своих бедах и от предположения Ивана о зарплате загоготал. Сарый от неожиданного грохота выронил блюдце и, обжёгшись горячим чаем, подпрыгнул.

– Без ехидства не можешь? – осуждающе покачал головой Симон. Повернулся к дону. – А ты прекрати!

Дон Севильяк сразу остыл. Он смотрел на товарища, рот его ещё был открыт для хохота, но ни один звук не вылетал из него, словно их там, глубоко в горле, придавили, заткнув все выходы.

– Да, Ваня, это зарплата. В основном, Сарью за твоё обучение. И плюс твоя стипендия. Устраивает?

– Вполне, – промямлил Иван. – Спыхватился: – Что я с такой уймой делать буду?

Симон, вдруг, простецки почесал затылок, что совершенно не вязалось с его аристократичной внешностью и поведением.

– Найдёшь. Питайся сам и корми Камена, как следует, обнови гардероб... Что ещё? Ну, перестань, Ваня. У нас такие ставки. – Симон встал. – Нам пора. На днях к вам ещё заглянем, посмотрим, как тут у вас идут дела. До свидания, Ваня! Камен... Ты должен его научить как можно быстрее.

– Быстро, знаешь, что делается? – сварливо откликнулся учитель.

– Всё-таки, от тебя многое зависит.

В дверях Симон обернулся:

– Ни пуха, ни пера!

– К чёрту! – без энтузиазма поддержал его расхожей фразой Иван. Настроение у него ухудшалось с каждой минутой.

Сарый продолжал пить чай и после ухода Симона и донна Севильяка, потребляя немеренное количество сахара.

«Вот куда пойдут деньги», – подумал Иван с неприязнью.

Уроки ходьбы во времени

День и ночь в представлениях Ивана слились в единое понятие, так как Сарый не признавал ни их различия, ни времени вообще.

Вначале ученик дурел от его выходок, бестолковых и бессистемных, с его точки зрения, занятий и знаний, которыми его пичкал учитель. К таковым относились:

аутогенная гимнастика, так её называл Сарый, а ещё – предваряющей;

плоские анекдоты из жизни давно умерших людей, от которых, анекдотов имеется в виду, Сарый был в восторге; гипнотические сеансы, когда у Ивана раздваивалось сознание не оттого, что это как-то воздействовало на него, а от занудности учителя и его веры в свои возможности на этом поприще;

уроки тарабарского языка ходоков во времени, быстро выученного Иванам, отчего Сарый не мог успокоиться и пытался начинать всё с начала;

основы каких-то несуществующих географий, топографий и тому подобное, не всегда понятное, но всегда легко осваиваемое учеником.

Кроме того, от его бесконечных чаепитий, разглагольствований и беспардонного поведения.

Ивану к тому же начинало казаться, что Сарый не спал вовсе и к этому же принуждал ученика, хотя на самом деле, ходок во времени только и делал, что спал подобно сурку зимой, но урывками и беспорядочно. Иван привык и знал свои потребности спать без перерывов часов восемь, только тогда он чувствовал себя человеком в силе, способным неумоимо ходить, бегать, работать, не злиться по самому незначительному поводу, воспринимать любой сложности информацию и кое-что соображать.

Каждый раз, когда, по мнению Сарыя, наступало утро, вне зависимости от часа суток, он поднимался с постели. В течение нескольких минут проводил необычную разминку. Так

он называл медленное своё исчезновение из поля видимости – вначале его тщедушная фигура светлела и становилась схожей с изображением на негативе, выцветала и, просуществовав мгновение размазанной серой тенью, смешивалась с окружающим воздухом и пропадала, как будто её никогда и не было в комнате. Проходило несколько мгновений, он появлялся, проделывая всё в обратном порядке.

Поначалу его разминка Ивана слегка волновала, он переживал за Сарыя, потом по привычке, справедливо считая, что у каждого свои недостатки. Если учителю нравится поступать именно так, то, какое дело до этого ученику?

Однако недели через две-три, Сарый, как у них теперь повелось, повелительно почирикивая, объявил Ивану, дабы он внимательно следил за его странными упражнениями, а не кривил рожу от занятий. Так и сказал – рожу. К тому времени от недосыпания, постоянных упрёков и оскорблений, занятий языком ходоков во времени, возникшем ещё тогда, когда люди и говорить-то не умели по-настоящему, и всякой другой нелепицы, Иван был доведён, как говорится, до ручки и безо всякого умысла пропустил мимо своего помутнённого сознания повеление учителя.

Это был тяжелый день в его жизни. В Афганистане, даже в бою, было легче. Там враг, с тобой друзья, а тут...

– Таких ослов, – капризно повизгивая, кричал учитель, трясая заметно пополневшими щеками, – нужно учить переходу из настоящего на дорогу времени как щенков плаванию.

Бросить в воду на глубину – и всё! Жить захочет, выплывет. Кретин!.. Бестолочь!.. Межеумок!..

Другие звания, присваиваемые учителем ученику, следует оставить в стороне, дабы не поощрять иных к их произнесению.

Иван стал следить за его разминкой. И что же? Поток оскорблений не только не уменьшился, но приобрёл новые краски и эпитеты. Как только и кем только он не был обозван...

Однако удивительным было не отношение учителя к нему.

Удивлению достойно было то, как это он, Иван Толкачёв, вечный поборник личной свободы, терпел словесные выпады и щелчки в свой адрес? Если бы ещё всего какой-то месяц назад ему сказали, что кто-то покусится на его личность и будет себе позволять такие высказывания, а с его стороны не последует отпора, то он бы нашёлся, как доказать обратное... А сейчас беспрекословно соглашался с учителем и вместе с ним сам себя считал именно таковым, и ни на йоту лучше. Более того, он старался неукоснительно исполнять его прихоти и в этом, порой, даже находить удовлетворение. Ему иногда даже казалось, что он плохо выполняет наставления учителя и неправильно оценивает его выкрутасы.

Итак, он стал следить за утренними (в кавычках, ведь это могло быть в любое время суток, а не утром) развлечениями учителя. А тот наговаривал ему одно и то же: – и тупица, мол,

ты, и в школе тебя надо драть было, а то, что его ученик осёл, дубина и лентяй, так это перешло в разряд милой ласки доброго папаши, любовно журящего нерадивое своё дитяtko.

Прошла ещё неделя. У Ивана не было времени вздохнуть, осмыслить происходящее: – недосыпал, что-то делал по указке Сарыя, поил его чаем, бегал в магазины за едой...

С едой и беготнёй по лавкам – беда! Учитель ел за пятерых. И сколько бы не приносилось домой еды, её хватало от силы на день.

Выглядело это так: в магазин вбегает взъерошенный, плохо выбритый, с провалившимися от бессонницы глазами и высохший от трудов человек, одетый кое-как (дважды босиком, на позднюю осень, глядя, а однажды – без брюк), и, рыская безумным взглядом, покупает всё съестное, что подвернётся под руку, и засовывает в громадную сумку.

Слава об Иване быстро распространилась по округе. Всякий пытался поздороваться, разрешали ему бесцеремонность. Один раз Иван слышал, как кто-то многозначительно сказал: «Гений!» Два раза: «Изобретатель!» И много раз: «Парень с приветом, а здоровый. С ним лучше не связываться...»

Он был взвинчен, опустошён душевно и крайне обессилен физически. При взбегании по лестнице на девятый этаж стал ощущать одышку. До того лифтом никогда не пользовался, теперь нет-нет, да и входил в кабину. Всё чаще он ловил себя на мысли о собственной бестелесности, думал о себе как о

существо, способном взлететь, которому нужна одна последняя подсказка или незначительный намёк, – и оно полетит наверняка или совершит какой-нибудь нелепый или иррациональный поступок.

Сарый, по-видимому, к тому и стремился.

Такова была обстановка после месяца «учёбы»...

Как вдруг в одно прекрасное «сарыевское» утро (на улице, быть может, стоял вечер, или светило солнце, а то и тянулась ещё глухая ночь), учитель встал с постели. (Он спал на диван-кроватьи Ивана, а ученик ютился при кухне на полуразорванной раскладушке: даже с деньгами купить что-либо поприличнее он не сумел). Встав, он ласково засмеялся, потянувшись и поднявшись на цыпочки, похлопал ученика по плечу лёгкой ладошкой, будто потрогал монумент, и сказал нормальным человеческим голосом, без чириканья, свары и спешки:

– А что, Ваня, нет ли у тебя желания подвигаться во времени?

И счастливо так и понимающе глянул на него выразительными карими глазами.

– ???

А что мог сказать ему в ответ Иван?

– Представляешь, Ваня, – продолжал учитель свой необычный монолог – доброжелательный и откровенный, – мне вот всегда хочется ходить во времени... Тебе, возможно, покажется смешным, но я вижу смысл своего предназна-

чения в движении во времени... Как ты думаешь, прав ли я?

Сбитый с толку, Иван пожал плечами и невразумительно что-то ответил на неожиданное просветление и признание учителя.

– Не притворяйся, Ваня, – излучая каждой чёрточкой лица благожелательность, проговорил Сарый. – Ты меня прекрасно понял... А дуешься... А дуешься-то!.. Ваня! Зачем?.. Ты же умный парень. Ты даже не знаешь, какой ты умный. А потому попробуй сегодня со мной сделать разминку. Я надеюсь, у тебя всё славно получится. Поверь, ты уже к этому готов. Прислушайся к себе как следует. Ну, ну... Слышишь?

Его мягкий голос, добрые глаза с хитринкой и предложение сделать с ним разминку без криков и оскорблений выбили Ивана из седла настроений последнего времени. Он обмяк и готов был поплакать.

Чтобы не допустить этого, закусил губу.

– Ну что ты, Ваня, право? – заметил его состояние Камен. – У тебя в твоей прежней жизни были не менее сложные периоды. И ты, я знаю, ни разу не дрогнул... Успокойся и настрой себя на работу. Да, Ваня, на работу. Пойми, всё, что ни делалось, всё ради тебя, для твоего раскрепощения и раскрытия способностей.

– Тоже мне метод, – буркнул Иван, не поднимая головы. – Пять лет жизни мне стоило. Коту под хвост!

Сказал, посмотрел на обиженное лицо учителя и почувствовал себя виноватым и грубым.

– Извини... Учитель! – Приложил руку к груди и через силу улыбнулся. – Что будем делать?

Сарый фыркнул с присвистом и повторился, уже без всяких сантиментов и коротко:

– Попробуем вместе с тобой сегодня подвигаться во времени. Я считаю, у тебя получится.

«Легко ему сказать: – попробуй и получится», – мрачно подумал Иван.

Первое составляющее фразы – разговор для слабонервных. Попробуй, чтобы удостовериться в способности, а само слово это связано с глаголом несовершенного вида, во всяком случае, задумаешься: выйдет прок из этого попробуй или не выйдет? Зато вторая часть – получится – вселяла надежду и желание попробовать.

– Делай как я! – произнёс учитель литую армейскую фразу, когда Иван обрёл относительное спокойствие и в непонятной ещё для него последовательности сделал руками хитроумные пасы, способные вогнать в тоску любого, тем более Ивана. Он их уже посмотрелся за время, проведённое рядом с учителем, до мозолей в глазах. – Делай как я! – повторял Сарый.

Ученик старался полностью повторять все его телодвижения, хотя в душе совершенно не был уверен в целесообразности Сарыевских поз – ноги так, руки – эдак. Шаманство какое-то! Два притопа, три пришлёпа. Будто на дискотеке.

Разминка в том же духе продолжалась минут пять.

Вдруг Сарый прикрикнул повелительно:

– Не отставай!

И начал блекнуть на фоне обстановки комнаты. Сквозь него стали просматриваться до того заслоняемые им же половинки телевизора и кресла.

Иван напрягся и... привёл его изображение к естественному состоянию.

Впрочем, напрягся – мало что сказать.

На самом деле Иван почувствовал, как в нём словно всё сместилось под напором посторонних сил, хотя ощущал в них и своё присутствие. Свои силы, которые повелевали и помогали сделать всё точно так, а не иначе, и привели в действие скрытые пружины его бытия во времени. Все остальные чувства, как показалось Ивану, оставались прежними. Правда, они особо его не особо занимали в данный момент.

Сарый коротко одобрил: «Хорошо!» – и внимательно осмотрел ученика с ног до головы, как будто подвергая контролю на наличие у него всех частей тела.

Его одобрение означало, что Иван, также как и он, двинулся сам собой по оси времени, отставая от его нормального течения. Оно для него перестало существовать, зафиксировалось в нулевой точке отсчёта.

– За мной! – с расстановкой позвал Сарый, вновь осветляясь. Это он двинулся в прошлое. – Пошли, Ваня, пошли... – долетело до ученика затухающее приглашение.

Сарый исчез, а Иван остался один, погруженный в ка-

кую-то неясную, неосязаемую пустоту. Завис в белёсом мареве. В нём самом пропало внутреннее напряжение, помогавшее вначале двинуться с мёртвой точки в деле хождения во времени. Иван застыл в оцепенении, боясь вздохнуть. Как же он теперь? Здесь? Один?..

Рядом наметилась тень, загустела, обрела плоть учителя. Он был взбешён. Куда только подевались его недавняя теплота и доброжелательность!

– Во времени, Ваня, ходить надо! – сварливо высказался он. – А ты тут обыкновенным болваном стоишь.

Иван беспомощно потоптался на месте, показал – вот, мол, хожу, а какой толк?

Учитель, глядя на его потуги, заверещал от смеха и переломился надвое, изображая необыкновенное веселье.

– Идиот и болван! – восхищенно изрёк он и потом ещё несколько раз повторил оскорбление на все лады, при этом кругами ходя вокруг ошалевшего Ивана и рассматривая его как памятник. Наиздевавшись вволю, проговорил вполне серьёзным голосом: – Ну, хорошо. Стой, как стоишь. Посмотри хорошенько, что ты видишь вокруг?

– Ничего, – охотно и категорически признался Иван, так как, и вправду, кроме каких-то клубов в светлом мареве, ничего не видел.

Будто парящий утренний туман над озером.

– Так уж и ничего, – погримасничал Сарый, выражая сомнение. – Ты ещё раз осмотришь и спокойно разберись в об-

становке.

Всё-таки, отметил Иван, учитель где-то нахватался армейских словечек.

– Туман, – неуверенно отозвался он на его уговоры.

– Хм... – Сарый надолго задумался. – Это уже... кое-что.

А ты говоришь – ничего. Туман – это нечто. Ну, а ещё что?

По настоянию учителя Иван основательно и без спешки осмотрелся: туман был, клубы его тоже были, но создавалось впечатление его текучести. Он стекал откуда-то сверху, падал к ногам и, стелясь внизу, уплывал в неизвестность.

Стена тумана?

Да, это была стена тумана, и она, едва заметно для глаз, отступала, оголяя подстилающую поверхность, на которой стоял Иван. Понять, из чего она состоит, он не смог, но подумал – обыкновенная земля.

В стороне, противоположной стене тумана (Иван повернулся и посмотрел), ему открылось... Он с сомнением перебрал слова, дабы определить для себя, что же перед ним такое распахнулось. Открытое пространство, простор, ширь, даль?.. Поле? Нечто похожее на поле. Границы его терялись где-то вдаль, неведомой ещё для Ивана. А там, на пределе видимости, как будто громоздились высоченные горы.

Сарый, склонив голову на плечо, выслушал наблюдения ученика со всем вниманием, ни разу не перебив его, и вздохнул:

– Похоже... Так и должно быть. О КЕРГИШЕТЕ так и го-

ворили.

– Обо мне? – вскинулся Иван.

Сарый моргнул, однако на заинтересованный вопрос воспитанника не ответил, а предложил:

– Вот, давай-ка, и пройдемся с тобой по этому, как ты изволил сказать, полю. И сказал правильно. Это поле ходьбы. Оно ровное?

– Как стол.

Поле выглядело ровным, словно по нему вначале прошли бульдозером, а потом примяли тяжелым катком. Во всяком случае, так оно и было, куда доставал взгляд Ивана.

– Что ж, и такое представление похоже... – Сарый поджал губы. – Пойдем, что ли?

Пока они разговаривали, Иван испытал до конца завладевшей им уверенностью в способности подчиниться любому приказу учителя. Он теперь наверняка знал, как надо ходить во времени.

Он не смог бы описать вдохновляющее чувство уверенности в себе. Ему просто показалось правильным, что если он чуть-чуть напряжётся, на мгновение перехватит дыхание и слегка развернёт левое плечо вперед, то всё получится, как следует. Поэтому, когда Сарый предложил пройтись, он тут же без малейшего замешательства двинулся за ним в прошлое.

Учитель тут же пробурчал нечто невразумительное и цепко ухватился за руку ученика.

– Не так быстро, Ваня... – Сказал он минутой позже. – Да, вот что. Если потеряешься... Ну, мы вдруг с тобой разъединимся и потеряем друг друга из вида... Так ты не суетись, а стань на месте и не сходи с него... Так... Не торопись, прошу... – Сарый тяжело задышал. – Мне за тобой, похоже, не угнаться. У тебя под ногами стол, а у меня камушки.

– Какие камушки?

– Долгий разговор, Ваня. Потом, потом.

Так они и шли.

Как будто шли.

Иван спокойно переставлял ноги по ровной местности – ни бугорочка, ни ямки. Сарый время от времени подпрыгивал и оттягивал руку ученика, порой почти повисая на ней. Его вес не слишком утруждал Ивана, зато занимало другое: зачем он это делает? Может быть, и ему стоило так подпрыгивать, но замечаний со стороны учителя не поступало. Сарый при каждом своём прыжке лишь с хитрецей поглядывал, как ученик на все его непонятные движения реагирует.

– Шаги считаешь?

– Н-нет, – оторопел Иван.

– Зря!

– Так сказать надо было, – искренне выразил своё недоумение ученик.

– А самому не догадаться. Думай!

Не-ет, с Сарыем по душам не поговоришь, пришёл к окончательному и огорчительному выводу Иван. Ведь думай, не

думай, а уж если не знаешь, о чём надо думать, то ничего нужного не надумаешь, будь ты хоть семи пядей во лбу. Откуда ему знать о необходимости считать шаги? Что-либо постоянно считать – признак шизофрении, а у него, слава богам своим и чужим, её как будто нет.

Иван толково разъяснил учителю пришедшую в голову правильную, по его убеждению, мысль о вреде ведения счёта шагов, окон, встречных людей и прочая. Сарый засмеялся по-детски радостным смехом и ещё крепче вцепился в Иваново предплечье, полностью повиснув на нём.

– Хватит на сегодня, – наконец сказал он. – Лет на три с половиной тысячи с большим довеском назад ушли. У меня камушки пошли крупнее. А как у тебя? Что видишь?

– Да всё то же самое... Поле.

– Посмотри-ка, далеко ли мы отошли от той стены тумана, о которой ты говорил?

Иван оглянулся. Трудно, конечно, в необычном состоянии оценить расстояние, пройденное по дороге времени.

– Метров... может быть, сто с небольшим, – поколебавшись, предположил он, не уверенный в таком измерителе, как метры.

Однако Сарый против таких единиц измерения на дороге времени не возразил, а вздохнул в очередной раз, как будто с ним поговорили о не совсем приятных вещах.

– У тебя, Ваня, запас, что надо, – сказал он не без скрытой зависти. – А до гор твоих ещё далеко?

– До них... Я не знаю, как считать. В Афганистане я бы сказал, что до них километров двадцать пять или тридцать, а мы прошли всего ничего, – не совсем понимая его любопытства, беззаботно отозвался Иван.

– Да, запасец у тебя... – повторился учитель и вновь тяжело вздохнул. – Ладно! – произнёс он, как бы уговаривая себя самого. – Теперь обрати внимание на наши следы. Ты их видишь?

– Следы?.. Нет.

Иван думал увидеть отпечатки ног, хотя бы своих. За ними поле ходьбы оставалось идеально чистым. Он приподнял ногу, чтобы убедиться в отсутствии следа даже здесь, под ним.

Сарый скривил губы, сделал: – Ц-ц-ц!

– Ваня, это не обязательно... – начал он, когда Иван уже сам заметил тонкую едва заметную светло-серебристую нить, связавшую его с недалекой стеной тумана – от прошлого к настоящему.

– Вижу!

– Ниточка, значит. – Сарый усмехнулся. – Вот и веди меня по ней обратно.

Возвращался Иван с большей уверенностью, чем когда делал первые шаги по дороге времени. Сарый подсказывал:

– Идём правильно. Запомни, Ваня, точка касания твоего следа со стеной – твоя комната в том настоящем, которое наступило, пока ты в ней отсутствовал. Понимаешь меня? –

Иван понимал и согласно кивнул головой. – След твой, по-видимому, недолговечен. Думаю, ты научишься вскоре возвращаться домой и без него...

Внезапно Сарый повис на руке Ивана. Его словно подхватил могучий вихрь – тело учителя мотнулось флажком.

Чёрная туманная тень с рёвом пронеслась мимо куда-то в сторону гор доступности, как пояснил до того Сарый, в Ивановом поле ходьбы. Вся округа поля, только что ватно-беззвучная, отозвалась затухающими ударами, будто били в железную обшивку большого короба.

– Носит их! – взвизгнул Сарый, обретая возможность стоять на ногах, а не болтаться подобно тряпке на палке, которой гоняют голубей.

– Что это? – Иван не успел испугаться, занятый тем, чтобы удержаться и не упасть самому и учителю.

– А-а... У Симона спроси, – Сарый мёртвой хваткой держался за ученика и говорил так, как если бы его кровно обидели.

«Кто-то за ним охотится, или за нами», предположил Иван и непроизвольно поёжился. Огляделся – поле опять помертвело и оглохло.

– Спрошу, но всё-таки?

– Носит их, – уже спокойнее буркнул Сарый и чуть разжал пальцы.

– Тайна?

– Какая тайна? – неожиданно взорвался учитель. – Ни-

каких тайн. Пронесётся такое, так из поля ходьбы выскакиваешь, куда попало... Они из будущего. Люди на аппаратах времени в прошлое ходят. У нас с ними договор, где они могут нестись на своих аппаратах. Так они... Видишь, нарушают...

– Неужели машина времени? – обрадовано воскликнул Иван. – Значит, всё-таки изобретут машину времени?

– Аппаратчики, Симон говорит. Их так зовут.

– Вот здорово!

– Чего радуешься? Ничего здорового.

– Ну почему же? Вы с ними в контакт-то вступаете? В прошлом или здесь, в настоящем?

– Попробуй! – Сарый помолчал и задал, по мнению Ивана, странный вопрос: – Зачем?

– Как зачем? Это же... Люди из будущего! Любопытно же поговорить. Узнать у них обо всём, что будет, а для них, что было. Разве не интересно?

Пополневшие щеки Сарыя опустились, он весь поблек и стал ещё ниже ростом.

– Не думаю, Ваня. И потом, в будущем не так уж... – Сарый осёкся. – А наскочит на тебя такой вот аппаратчик, то будет тебе любопытно.

– А что, наскакивали уже на кого-нибудь?

– Нет будто бы, – засомневался Сарый. – Ты, Ваня, ни о чём меня больше не спрашивай. Я учу тебя ходьбе во времени. И всё! Симон захочет, расскажет. А сейчас возвращаем-

ся домой.

Они проявились в квартире Ивана в том же самом месте, откуда уходили в прошлое. Знакомые запахи, вид обстановки, книжных полок, картина жизни города за окном – смутили мысли Ивана. Всего в нескольких шагах по дороге времени ничего этого ещё не существовало, так как дом был построен лет десять тому назад, а каждый его шаг мог равняться почти тем же самым десяти годам в поле ходьбы...

Сарый притворно бурчал, что с Иваном нет интереса и смысла заниматься всякими глупостями, как-то: изучать систему координат, принятую у ходоков, устанавливать для него на дороге времени пространственные ориентиры, что приходится делать при обучении других учеников, которые когда-то были у него. По его словам выходило – Ивану оставалось только лишь подсказывать что-либо о возможностях проделать то или иное, а он уже безо всякой, необходимой в обычных случаях, подготовки мог выполнить любое действие во времени и пространстве.

В том убеждался и Иван, с каждым разом всё увереннее и увереннее становясь на дорогу времени и двигаясь по ней.

И всё-таки...

– Многое ты. Ваня, можешь, – как-то за чаем тусклым голосом объявил Сарый, – однако не всё-ё... Есть и у тебя общая для всех ходоков неспособность. Тебе, как и всем нам, не преодолеть стены.

– Не понял, – отозвался ученик, ставя на стол кружку с

чаем, чтобы не отвлекаться, поскольку теперь, когда он научился ходить во времени, очень был заинтересован во всех замечаниях учителя о своих способностях это делать.

– Видишь ли, Ваня, для нас, ходоков, замкнутые пространства... – Сарый пожевал губами. – Скажем, твоя квартира открыта для входа непосредственно только из прошлого. Из того прошлого, когда стен, замыкающих пространство квартиры, ещё не было.

– А в дверь?.. В окно?..

– Это, пожалуйста. Если, конечно, они в том промежутке времени, когда ты захочешь попасть в помещение, существуют и, к тому же, приветливо раскрыты и ты можешь через них войти вовнутрь или выйти. Я же имею в виду нашу способность проявляться в самом замкнутом пространстве при выходе в реальный мир с дороги времени.

– Это что же, – засомневался Иван, – если моя квартира появилась десять лет тому назад, то проникнуть в неё с дороги времени можно лишь с глубины прошлого в те же десять лет? А, например, в пирамиду Хеопса, в её пустоты, только начиная движение к настоящему со времени её строительства?

– Ты всё правильно понял.

– Интересно... Значит, хочешь попасть в помещение, то... не знаю, как сказать... э-э... поднырни во времени под его стены или ограды?

– Так, Ваня.

Учителю он, конечно, поверил, но столько до того уже наслушался о себе лестного, что решил проверить его слова на деле – попробовал войти к себе домой в близком к настоящему времени прошлом.

Не тут-то было! Ничто не предвещало как будто закрытия, как говорят ходоки, точки выхода-входа, называемой точкой зоха. А тут оно возникло непреодолимым идеально обработанным столбом, толстым пальцем уходящим в ровно освещённое небо. Верхушка столба, если она и была, терялась на светлом фоне. Иван с бессильным недоумением походил вокруг него – закрытие оказалось мёртвым. Столб, а в нём как раз вход в его комнату. Бетонные стены жилища превратились в неодолимый монолит. Осознав тщетность своей попытки, он сместился во времени в прошлое, а потом уже проявился в комнате.

Можно было бы сместиться в пространстве и проявиться у подъезда дома, в котором он жил, но не рискнул. Кто-нибудь обязательно увидит, разговор не оберёшься, да и Сарый советовал этого не делать.

Встретив его, учитель хитро улыбнулся.

– Ну и что? – независимо прокомментировал его усмешку Иван. – Доверяй, но проверяй.

– А я, Ваня, сам такой. Мы с тобой друг друга стоим.

Нет уж, – хотел отмести подобные подозрения ученик, однако промолчал. Может быть, учитель прав. Ведь не даром говорят: с кем поведёшься, от того и наберёшься. Сам свои

чуждачества всё чаще отмечал, так чего отнекиваться от слов Сарыя?

Ходоки во времени

Однажды вечером наконец-то объявился Симон.

Прошло уже месяца полтора или того больше обучения, но это было его первое появление, хотя, как помнилось Ивану, он обещал приходить чаще и справляться о его удачах или неудачах. Правда, Иван подзабыл те посулы за сутолокой дней и ночей, преподнесённой Сарыем. Хорошо ещё, что время от времени их посещал дон Севильяк. Он что-то громко рассказывал, бесподобно хохотал, хлопал ободряюще по плечу ученика и уходил, оставляя того с опостылевшим учителем.

Симону Иван обрадовался будто родному. Начал бессвязно рассказывать об обучении и исподволь жаловаться на учителя, который стоял рядом и помалкивал.

– Не ябедничай! Всё делалось так, как нужно, – едва послушав его, отрезал Симон и добавил тоном, не терпящим пререканий: – У нас с тобой сегодня будет разговор совсем о другом.

Сарый на первую реплику Симона расцвел в улыбке: как же – похвалили. Его глаза излучали торжество. Вздёрнув лицо, он выразительно посмотрел на ученика, получившего по заслугам за непочтительное отношение к нему, к Учителю,

но тут же увял под холодным взглядом Симона.

Выглядел Симон неважно. На его интеллигентном лице отразилась усталость много поработавшего человека, и ещё не пришедшего в себя; он ссутулился, опустил плечи. Тем не менее, одет был, как всегда, безукоризненно и с иголки. старомодная тройка придавала его аккуратной фигуре лёгкость и определённый шик. Так, наверное, одевались в двадцатых или тридцатых годах двадцатого века щёголи Варшавы или Парижа. Из кармашка жилетки свисала тяжёлая цепочка от часов, Иван узнал чуть позже – массивного золотого брегета.

Сарый затаился мышью, сделался виноватым и предупредительным. Они с Симоном перекинулись между собой несколькими словами на неизвестном Ивану языке. После чего учитель заулыбался, опять посмотрел на ученика с вызовом и исчез из поля видимости – стал на дорогу времени, даже не простившись.

Иван дёрнулся и с трудом подавил в себе желание последовать за ним в прошлое: таким заразительным был уход Сарыя из реального мира в поле ходьбы.

Его порыв не ускользнул от внимательного взгляда Симона и вызвал у него мимолётную понимающую улыбку.

Расположились на кухне. Иван выставил на стол немудрёную снедь, что осталось от прожорливого Сарыя: кусочки колбасы и сыра, пакет молока, луковицу и хлеб. Симон ел с аппетитом, культурно, не то, что Сарый, а, насытившись,

поблагодарил и помог прибрать со стола.

После он принял излюбленную позу. Такие позы были типичны, по представлению Ивана, у самодовольных монархов, да у людей с большим позвоночником: прямо, чинно, кисти рук на коленях.

Не мешкая, Симон приступил к делу, ради которого пришёл.

– Мы называем себя, как ты знаешь, ходоками во времени, – потирая колени ладонями, негромко начал он разговор, даже не разговор, а монолог. На Ивана он не смотрел. Создавалось впечатление его неловкости перед ним из-за мучительного поиска нужных слов для понятного и связного объяснения неведомых ученику сведений и понятий. – Достоверно, Ваня, неизвестно, как много нас – ходоков во времени. Тут разные причины. Так, например, не всякий знает или догадывается о своей прирождённой предрасположенности к передвижению во времени. Не знает он, не знаем и мы, то есть подсказать такому человеку некому. Так и умирает он в неведении о своих уникальных способностях, а ведь такое, Ваня, бывает у одного лишь на многие миллионы и миллионы людей Земли... – Симон помолчал, прикрыл глаза, словно прислушался к сказанному. Ещё раз напомнил: – Да, на миллионы! К тому же иногда даже знающий о своих способностях боится по различным причинам воспользоваться этим даром... Ну, мало ли что удерживает их от такого соблазна. Да, да, Ваня, именно, от соблазна! Ты тому пример...

Продолжай, продолжай, ты мне не мешаешь, – поощрил он, когда Иван, внимательно слушая его, машинально взял гантели и сделал несколько заученных движений.

– Ходоки во времени, с точки зрения движения по дороге времени, бывают разными, – продолжал Симон, наблюдая за его упражнениями. – Некоторые очень свободно проникают сквозь время, мало ощущая его вязкость. Таких ходоков мы называем ренками. «Ага!» – отметил про себя Иван и положил гантели. Слово это ему хорошо было знакомо от Сарыя, да и Симон при первой встрече его упоминал. – Вот я и твой учитель – ренки. Но и временной диапазон движения у ренков неодинаков. Мы его называем кимером. У Сарыя кимер всего примерно до трёх с половиной тысяч лет, может быть, ещё плюс лет двести. У меня же – до семи тысяч. – Симон похрустел пальцами, давая возможность Ивану оценить диапазоны ходьбы во времени. – Есть другие ходоки. Им труднее... Они медлительны при ходьбе по дороге времени. Это – верты. Милейший дон Севильяк типичный верт. У вертов возможности движения во времени тоже различены, некоторые из них могут уходить в прошлое за тысячи и тысячи лет. Но, я уже говорил, делают это они очень медленно, будто просачиваются сквозь вязкую среду, да ещё через замысловатый лабиринт, который неохотно уступает им свои тайны. Это детали... Кстати, звучание и значение слов ренк и верт не изменялись, наверное, тысячи лет. Так и идёт из невообразимого прошлого... Представляешь? – Симон, пожалуй,

впервые посмотрел Ивану прямо в лицо.

– Впечатляет, – отозвался Иван. – Но это, как я понимаю, не всё, что Вы хотели мне рассказать?

Симон кивнул.

– И ренки, и верты способны передвигаться не только во времени, но, одновременно, и в пространстве. Не все, правда. Есть у нас небольшая группа ходоков, которые могут ходить только во времени. Их называют текиренками и текивертами, или просто – теки...

Симон рассказывал долго, и много интересного, хотя часто говорил: я считаю, возможно, можно предполагать и по-видимому.

Возможно, что ходоки во времени появились ещё во время Оно, когда у наших баснословно далёких предков только-только проявились первые проблески разума, и возникла память. А с ними воспоминания и произвольные желания вернуться назад, в прошлое, к тому периоду жизни, или к тому событию или дню, когда нашему пращуру было особо хорошо, сытно, либо он пожалел об упущенной возможности на охоте, либо в схватке с соперником. Можно лишь догадываться, как это могло всё выглядеть в те туманные времена, которые были так давно, что стали для нас – тайной.

– Наши монтажники говорят, – вставил Иван, – было так давно, что стало неправдой.

Симон реплику Ивана оставил без комментария.

По-видимому, первые организованные группировки рен-

ков и вертов появились за двадцать-двадцать пять тысяч лет до нашей эры. Во всяком случае, есть некоторые косвенные указания на это. К этому же времени, как эхо каких-то реальных событий, относятся воспоминания, подобные легендам и мифам, о КЕРГИШЕТЕ.

Можно предположить, что тогда же были предприняты первые попытки к объединению. И не только в пространстве с современниками, но и с теми, кто проживал в различных прошлых эпохах. Хотя, возможно, безуспешные. Свидетельством тому, полученным из третьих рук изустно, могут служить остатки таких объединений с устоявшимися традициями и даже с определённой структурой построения, существовавших ещё в шестом-седьмом тысячелетиях до нашей эры.

Я считаю, что где-то около пятнадцати-семнадцати тысяч лет назад образовалась Междуреченская школа ходоков во времени. Первая такого типа. А чуть позже – Нильская и Атлантическая, много сделавшие для развития движения во времени.

Потом в истории ходоков наметился внезапный провал, белое пятно. Первый раз что-то случилось на самой Земле. Разное говорят... Так сложилось, что преодолеть закрытый для подавляющего числа ходоков период почти в четыре тысячи лет практически никому не под силу. Прервалась связь времён, так сказать. Что это было?..

Симон долго не отвечал на вопрос Ивана, о чём-то уси-

ленно размышляя.

– Мы однозначно не знаем...

И дальше развил свой тезис. Период глобального закрытия окончился, по-видимому, где-то за десять тысяч лет до нашей эры. Никто из современников не может дойти до того времени. Это же десять тысяч лет! Сведения получены через вторые и даже третьи руки. В основном, от ходоков Сирийской школы, существовавшей во втором тысячелетии. Но она была скудна ходоками. Из-за того, что, начиная с третьего тысячелетия до нашей эры и до сего дня число потенциальных, то есть прирождённых ходоков резко снизилось по неизвестным причинам, да так, что распались объединения и школы, которых в лучшие годы насчитывалось, якобы, десятка два, если не больше.

С тех пор ходоки прозябают и, несмотря на появление в последние столетия некоторой тенденции к увеличению их числа, они имеют более скромные способности, и далеко им до тех вершин, каких достигали ходоки, скажем, пять-семь тысяч лет назад, не говоря уже о более давних временах. И неизвестно, достигнут ли. Вернее всего, даже деградируют...

– Но среди ренков и вертов ещё тогда, – говорил Симон, – ходила легенда, возникшая, как будто, в доисторические времена – о человеке, о ходоке, который практически не имеет ограничений для движения во времени и пространстве. Я уже упоминал. Это легенда о КЕРГИШЕТЕ. Появления КЕРГИШЕТА, не легендарного, а настоящего, ожидали

многие поколения ходоков, потому что только ему под силу будто бы связать разорванную ткань времён и вновь объединить всех ходоков, и настоящих и прошлых, для общего дела....

Симон задумчиво посмотрел на Ивана.

– Двадцать с небольшим лет назад совершенно случайно, но счастливо, был замечен твой, Ваня, стремительный прыжок сквозь время. Всего-то на пять-семь лет, но увидевший его был потрясён твоим движением – словно в пустоте. С того счастливого случая мы присматривались к тебе. Проанализировали твои поступки и возможности и сделали вывод о появлении КЕРГИШЕТА. Тебя, Ваня... Способности свои ты, мне думается, скоро проверишь... – Симон надолго замолчал. Потом вскинулся, проговорил: – Вот и всё! На сегодня всё!.. Нет! Вопросы пока что оставь при себе. Я, как видишь, устал... Но подумай о том, что я тебе рассказал. До свидания!

Он тяжело встал из-за стола, попрощался за руку и вышел из квартиры в дверь – исчезать посередине комнаты на глазах у Ивана, как это постоянно делал учитель, Симон, наверное, считал неприличным. Первая встреча не в счёт.

Симон ушел, а Иван бесцельно побродил по комнате, включил телевизор, с отвращением посмотрел на кислую физиономию говорящего чистейшие банальности диктора и выдернул штепсель из розетки. Тут же вспомнил, разозлясь на себя, что не спросил о доне Севильяке – он уже недели

две не появлялся и не разряжал обстановку постоянного лицемерия учителя. И ещё вспомнил, что так и не узнал, чем они, ходоки во времени, занимаются? Зачем во времени ходят-то? И об аппаратчиках, так напугавших Сарыя, не упомянул...

И вообще!

В мире наступила ночь. Полная луна светила в окно. Занятый невесёлыми мыслями, Иван не зажигал свет и пристально изучал через стекло знакомый рисунок на челе спутника Земли.

Известие о КЕРГИШЕТЕ почему-то не взволновало его, не вызвало подъёма.

Да и какой может быть подъём, если Симон не уверен в том, что он и есть КЕРГЕШЕТ. Если не он, то кто-то, значит, другой? Наверное, у ходоков есть тоже имя этого, другого...

Что-то всё-таки Симон не досказал.

Или Симон тут ни при чём, а у него самого после месяцев учёбы наступила полоса хандры?

Ренк проклятый!

– Хорошо-то как, господи! – то ли птичий, то ли скрипуче-дверной, а значит, непонятно какой голос учителя, внезапно объявившегося в комнате, оборвал его мысли и одиночество.

Иван включил свет и посмотрел на Сарыя... Ну что с ним

прикажете делать?

Учитель был вымазан с ног до головы в какой-то грязи, как в первый день появления у будущего ученика. С него: с одежды, обуви, приобретённой не у Ивана, и даже с головы, – со всего что-то капало, отваливалось комочками грязи.

Недавно вымытый пол! Вот наказание с учителем!

Глаза у него блестели, в них читались сразу и гордость, и насмешка, и непререкаемость. Едва взглянув на Ивана, как на муху какую-то, недостойную его внимания, Сарый вскинул перепачканную голову и независимо проследовал, оставляя за собой страшные для любителя домашней чистоты следы, в ванную комнату, в которой прямо одетый встал под душ. И запел что-то гнусавое и противное...

До исчезновения на нём был надет новый спортивный костюм ученика с подвёрнутыми рукавами и штанинами. Можно себе представить, что от него, шерстяного семидесятирублёвого, по старому счёту, осталось, если учитель даже не соизволил его снять, залезая в ванну?

Фыркая, завывая и размазывая грязь по всей ванной комнате, он громко, чтобы слышал Иван, нахально потребовал еды и горячего чая. Задетый за живое ученик, открыв дверь в ванную, сказал ему пару «ласковых» слов. В ответ учитель залился счастливым смехом деревенского дурачка и завёл нечто совсем несусветное таким голосом, что визг несмазанных колес – музыка по сравнению с его руладами.

– Ну, ренк проклятый! – в сердцах выкрикнул Иван.

Сарый поперхнулся и смолк, поражённо глядя на ученика, словно на стихийное бедствие. Вода стекала с его головы, перебирая жидкие волосы, и брызгала от его дыхания каплями и тонкими струйками, но он, казалось, забыл о ней, остолбенев от наглости Ивана, повторившего, вернее, переключившего его единственное ругательство, которое он позволял себе в адрес вертов.

По его обиженно-растерянному виду Иван понял, что погорячился и сказал лишнее. Может быть, ему никто никогда не говорил такого. Возможно, это было какое-то, незнакомое ещё ему, как ученику, оскорбление в среде ходоков. Не знал он тогда этого, и знать не хотел. Поэтому извиняться не стал, а бросил под ванну тряпку, которой тщетно пытался собрать грязные следы Сарыя, и пошёл на кухню греть чай и по сусякам собирать ему еду.

Зла у него на учителя не было. Да и можно ли злиться на ребёнка?.. Всё-таки, не смотря ни на что, был он безобидным, со своими причудами, старым человеком, которого уже не переделаешь, не перевоспитаешь. И надо его воспринимать таким, каков он есть, даже если тебе что-то в нём самом или в его поведении не нравится.

Осознав эту не ахти какую мудрёную мысль, Иван сам ни с того ни с сего запел. Тоже гнусаво и противно, подражая учителю, зато от души. Затем, сходя в комнату, достал из стенки свой красивый с красными лампасами лыжный костюм и отдал Сарыю, предварительно заставив его вымыться

как следует – с мочалкой и мылом. Тот покорно выполнил всё, что ему было сказано, оделся – костюм повис на нём как на огородном пугале – и скромно скользнул на кухню.

Есть он, наверное, хотел крайне. Но по мере того как наедался, подчистую подметая всё съестное, находящееся на столе, взор его туманился, а сам он становился опять нагловатым и независимым.

Иван же сидел напротив него и смотрел, как он ест... И отмечал – жадно! Вот как он ест. Одного слова достаточно для описания этого безобразия. Создавалось впечатление, что столовых приборов учитель не признавал напрочь, так как любую еду пытался хватать руками, забывая о столовых принадлежностях, без разбора заталкивал её в рот. При этом давился, сопел и стонал. Тьфу!..

– Из Фимана? – неосторожно назвал ученик запомнившееся слово.

Сарый весь передёрнулся. Открыл рот, чтобы заорать, как это делал раньше, однако не издал ни звука, только засопел громче и зачавкал невообразимо безобразно.

– Буду спать, – невнятно бросил он, когда на столе не осталось ни крошки, а чай из чайника был выпит до капли.

Ходоки – тоже люди

Как-то неожиданно у Ивана не то чтобы появилось свободное время, но ему удалось кое-что почитать о самом вре-

мени. О старых и новых концепциях. И чем больше он узнавал, тем сильнее запутывался от обилия гипотез, размышлений и понятий. Начитавшись, пришёл к отчаянному выводу: пока никто ничего такого не знает, чтобы объяснить эффект хождения во времени. Никто!..

Не только не знает, но и не подозревает...

Новая встреча с Симоном произошла лишь спустя несколько дней. После очередного занятия языком ходоков, практических движений на дороге времени и обильного обеда Сарый спал сном праведника в хозяйской постели, храпом убивая о стекло и стены мух и разных других насекомых, на своё несчастье залетевших и заползших в комнату.

Иван занимался уборкой квартиры. Раньше он не придавал особого значения этому занятию, хотя содержал своё жильё в идеальной чистоте. Просто некому было наводить беспорядок. Но с появлением Сарыя всё резко изменилось. Грязь возникала, будто сама по себе из небытия. Мусор мог появиться в любом углу квартиры. А ходить теперь надо было, глядя под ноги, ибо Сарый мог бросить всё что угодно в любом месте.

– Пусть спит, – остановил Симон намерение Ивана, хотевшего разбудить учителя. – У меня есть часа два свободного времени, так что успею кое-что рассказать о ходоках во времени. И о тебе. Хочешь?

– Конечно, Симон. А что дон Севильяк не заходит?

Симон на мгновение задумался, вытянул губы, будто по-

сосал конфетку, вероятно, обдумывая, отвечать начинающему ходоку на его вопрос или нет.

– Видишь ли, Ваня, дон Севильяк сейчас занят... ну-у... – Он дёрнул щекой, будто его кто за неё укусил. – Занят серьёзным делом. Но к тебе придёт обязательно. Скоро.

Не похожий на себя, Симон тянул слова, как будто скрывал что-то неприятное или не подлежащее огласке.

– Да Вы, если не хотите, ничего не говорите, – помог ему Иван.

– Что ты, Ваня? Просто тебе это пока не интересно.

– Не интересно, так не интересно, – примирительно закончил Иван ставший неприятным ему и Симону разговор о доне Севильяке...

История ходоков во времени, поведал в этот раз Симон, сама по себе была любопытна, но не более. Она, наверное, когда-нибудь будет изучена и описана, а пока он мог сообщить лишь отрывочные сведения и догадки его, Симона, и других, с кем из ходоков приходилось ему говорить о ней.

– Никому до того дела нет, вот в чём причина тёмных страниц нашей истории, – сокрушённо высказался Симон. – Причин много, но главное, Ваня, во всей этой истории хождения во времени – это взаимоотношения между ходоками... Между нами... Хотя нас, я уже тебе говорил, мало. Горсточка людей... – Симон нахмурился и надолго замолчал. Медлительно продолжил: – Так вот, эти отношения,

мягко говоря, не всегда были идиллическими. Отнюдь... Поскольку тебе среди нас, ходоков, придётся жить, то надо знать и об этой теневой стороне хождения во времени... Впрочем, к самому времени или полю ходьбы всё это имеет самое отдалённое отношение. Но всё по порядку. Как ни говори, а ходоки во времени в массе своей люди... ущербные, что ли. В силу своих уникальных способностей, они выпали из сообщества современников, да и вообще из обычного человеческого общества. У них своеобразный, отличный от других образ жизни... Ты прав. Есть такие профессии, когда люди живут обособленно. Это верно. Но ходоки, покинув нормальное человеческое окружение, попали в замкнутую группу таких же, как и они сами, странных, я бы сказал, субъектов, совершенно не похожих друг на друга не только характерами, возрастом и интересами, но и резко выраженными специфическими особенностями, как ходоков во времени... Может быть, у меня, Ваня, получается не очень убедительно, и я не нашёл таких слов, чтобы сразу описать то, о чём хочу тебе поведать, но я хотел бы, чтобы ты понял трагедию ходоков. Да, да, Ваня. Именно трагедию! Сейчас ты пока что не ощутил её в полной мере, но вскоре и ты будешь понимать меня с полуслова...

– Я и сейчас...

Симон изобразил свою полуулыбку.

– Не торопись, Ваня. Есть такой принцип – первоначального благополучия. Когда вначале всё как будто идёт хоро-

шо, замечательно просто. Оттого появляется надежда, что так будет всегда. Однако только время расставляет всё на свои места. Либо так оно и есть – благоприятный исход чего-то, но чаще – всё наоборот, когда благополучие было кажущимся, а по истечении какого-то времени оно оборачивается негативной стороной... Так вот, те, кто во времени не ходит, живут по естественным моральным, этическим и вообще мировоззренческим правилам своего времени. Даже те, кто как будто живёт отчужденно. Любой человек – нелюдим или общественник – всё равно в общей массе современников как бы растворяется, нивелируя свои поступки и черты характера. А как же? Сейчас вот газеты читают одни и те же, смотрят ограниченный перечень программ телевидения и кинофильмов, над ними довлеют общие законы. И так было всегда... Без радио и телевидения, конечно... А в среде ходоков царит дух... я бы сказал, общества постоянных незнакомцев. Ведь чаще всего мы, ходоки, живём в разном прошлом, иногда и очень далёком. Это сильно сказывается на психике и поведении. На разумном, с точки зрения современников, поведении. Нас не волнуют заботы и беды родного времени, да и любого иного. А, живя в разном прошлом, мы усваиваем разность обычаев ушедших и как будто канувших в вечность эпох, не слишком-то корректных для нынешнего поколения людей...

– Как видишь, Ваня, каждый из нас отличный ото всех индивидуум, а вместе мы – ходоки во времени. Парадокс!..

Если моё философствование кажется тебе беспредметным и неубедительным, то я скажу о некоторых неприятных последствиях нашей несхожести... Каждый из нас, естественно, по-своему смотрит на мир и определяет своё место в нём, оттого мы подчас не понимаем даже друг друга, тем более не понимаем или, лучше сказать, пренебрегаем настоящим, его насущными вопросами. Это значит, мы не только отстали от человечества в целом, но и вообще выпали из его истории.

– Как это? Мы ведь тоже люди, хомо сапиенс сапиенс, – возразил Иван, не уверенный, что Симон не опровергнет и этого.

Симон ничего опровергать не стал.

– А так, Ваня. Выпали и всё тут. Тебе ещё невдомёк, но, побывав, скажем, участником походов Александра Македонского, а затем, вкусив пакости столетней войны в Европе, провалиться в прошлое и посмотреть, что твориться на бескрайних степях Южной Америки в прошлом столетии... Как тебе эта последовательность? То-то! Так о какой истории для тебя может быть речь?.. Ладно. Не о том у нас с тобой разговор... Кроме того, что я тебе уже сказал, в ходоки приходят люди, по сути своей, случайные, узнавшие о своих способностях в разном возрасте. Некоторые ещё в детстве. Такие ходоки ничего, кроме ходьбы во времени не умеют делать. Заметь, Ваня, ни-че-го!.. – Симон запнулся, на некоторое время задумался. Лицо его постарело, глаза прикрылись морщинистыми веками. Он надолго погрузился в себя. – Но

это не всегда хорошо, – наконец сказал он, возможно отвечая своим мыслям. Потом оживился: – Ты вот – инженер, бывший военнослужащий, повидавший мир. Тот мир, в котором родился и прожил почти тридцать лет. А другие в нормальной жизни занимались всякими делами, порой, делишками, находились на разных ступенях социальной лестницы. Чаще, на самых низких. Как изломанные жизнью, так и вкусившие от неё всё, что она может дать человеку. Получив уникальный случай стать на дорогу времени, они пытаются сохранить свои привязанности с учётом новых возможностей. Одних обуяет дух бродяжничества во времени для защиты обиженных и голодных, других же – для стяжательства и тешения чувства безнаказанности за совершённые проступки, третьих, – для удовлетворения низменных инстинктов... Короче говоря, кто во что горазд...

– Но и среди ходоков, конечно, находятся разумные люди. Благодаря им, не раз удавалось организовать принятие всевозможных соглашений о нормах поведения во времени. Впервые это случилось давно, – говорил Симон. – По косвенным данным, о такой договорённости известно ещё в двенадцатом тысячелетии до нашей эры. Ближе к нашим дням практически каждое поколение ходоков устраивало встречи и обуславливало нормы поведения. В общем, договоры, договоры, договоры... Масса договоров. – Симон мимолетно улыбнулся. – Лейтмотивом всех этих договоров, конвенций, соглашений, условий и тому подобного выступают несколь-

ко неизменных положений. Основные из них – общечеловеческие: не убей, не богатей за счёт других... Да и вообще, будь скромнее, не мешай ходьбе во времени другим. Каждое понятие включает в себя расширенную трактовку. Такое короткое условие, как не убивай, расшифровывается многозначно. У ходоков это: – не нарушай законов той страны и того времени, в которых находишься, не причиняй людям этих эпох обид и, главное, никогда не убивай человека, не нарушай его жилища, не отбирай последнего... Не богатей – это не создавай себе за счёт ходьбы во времени богатства воровством, шантажом, нечестными поступками... Не мешай ходьбе – значит, не твори собратьям-ходакам препятствий ни во времени, ни в пространстве, открывай людям с врождёнными способностями их возможности, обучай хождению во времени... Как, Ваня, – неожиданно обратился он к внимающему слушателю, – тебе наши договорённости? Приемлешь?

– Разумно, – уклончиво отозвался тот.

Что-то в повествовании Симона, длинном и путаном, не понравилось Ивану. Сказано как бы обо всём, а, по сути, – ни о чём. Слова – что вода, будто бы всё время другая, а на проверку, всё та же – «аш два о».

«Да ладно, – подумал Иван. – Сейчас не всё понял, позже пойму. Что он ещё скажет?»

Симон, похоже, разгадал ход мыслей Ивана, отметив это тонкой улыбкой, и продолжал говорить, как ни в чём не бы-

вало:

– А теперь перехожу к самой, пожалуй, трудной части моего затянувшегося рассказа о некоторых сторонах жизни ходоков. Итак, Ваня, ходоки, по роду своего статуса, должны были бы выступать собратями по делу. Какому делу? Вот вопрос, который, вижу, висит у тебя на кончике языка. Так?

– Так! – искренне согласился Иван, потому что и, правда, порывался узнать об этой стороне деятельности ходоков.

– Может быть, Ваня, это звучит несколько неправдоподобно, но это как раз и является ключом ко всему нашему разговору... Вопрос вопросов!

Вот так вопрос вопросов!

Оглушённый, Иван расслабился.

Оказывается, никакого общего дела у ходоков не было, да и вообще, никакого дела не было. И, оказывается, не могло быть.

Лучше бы Симон не рассказывал сегодня о том и не разочаровывал бы его. И так день паршивый какой-то выдался, а тут ещё признание Симона...

Он-то, было, настроился на откровение, на приобщение к тайне ходоков, а получил пшик. Конечно, всё сказанное до того Симоном о ходоках могло для более проницательного слушателя самого подвести к подобному выводу. Иван же сразу расстроился, вполуха прислушиваясь к словам Симона.

А он говорил, что попытки объединить ходоков общим

делом, были. И не раз...

– Ты, наверное, читал об открытиях, граничащих с фантастикой, таких как Кумранские находки, Книга Велеса и... другие. К их появлению приложили руку ходоки. Но всё не так просто, как кажется с первого взгляда. Поверь, спасение памятников культуры сопряжено с определёнными трудностями: вещь надо оценить – нужна она потомкам или нет, её надо унести, а до того каким-либо образом взять или украсть её у кого-то, да и найти её ещё надо. Потом, к сожалению, не всякий ходок может протащить или пробить, как мы говорим, что-либо сквозь время. Но и это полдела. Наши современники, скажу прямо, справедливо недоверчивы и каждое воскресение утерянного ещё в древности памятника встречают с оправданным подозрением. Иногда вещь даже теряется навсегда, потому что её посчитали подделкой, её плохо хранили, ею пренебрегли... Так что, идея угасала каждый раз, как только за неё брались ходоки-энтузиасты... Да, слушаю тебя.

– Людей могли бы спасти! – выпалил Иван. – Детей...

Симон несколько раз мелко покивал головой.

– Да. Предотвращение гибели людей... Благородная, казалось бы, задача. А на деле! Ни одна смерть не была предотвращена. Сколько я знаю – ни одна!.. Иногда будущая жертва нападения ли, землетрясения, случайности даже поддавалась уговорам, что-то предпринимала, но... – Симон безнадежно махнул рукой, – всё оказывалось тщетным. Поистине

можно подумать о неотвратимой предопределённости судьбы человека: что на роду написано, то и произойдёт. Ходоки только неприятностей натерпелись...

– В конце концов, – Симон вздохнул, – каждый облюбовал себе эпоху и общество и живёт там, ища себе забав и счастья. Кто-то, увлекшись романтикой, бредёт по дорогам в легионах Древнего Рима, хотя, скажу тебе, романтического там мало. Кто-то бьётся с монголами или в их ордах. Другие участвуют в печальной схватке индейцев и белых. И на той и на другой стороне. Есть те, которые нашли женщину своей мечты и счастливы с ней в веках. У многих тяга к торговле, а некоторые даже ушли к дикарям в джунгли и стали вождями, а чаще жрецами племён. Кому что нравится... А что может понравиться делать тебе?

– Послушав Вас, так теперь и не знаю. Может быть, познакомиться с великими людьми прошлого?

– Великими, говоришь?

– А что?

– Великими их делает молва и время. Поверь мне, Ваня. На самом деле большинство из них... Не хочу хулить, но некоторые из них были в жизни ничтожествами. Скрягами, предателями, с гнусными наклонностями. Познакомишься с одним, с другим, посмотришь на них, поговоришь и навсегда отобьёшь себе желание посещать следующих. Великих...

На секунды Симон замолчал, допивая остывший чай.

– Правда, у нас есть день, когда мы, ходоки-современни-

ки, встречаемся... – он опять умолк, пожевал губами, потом решительно добавил: – Это тебе, Ваня, на сегодня.

Он улыбнулся странной летучей улыбкой, вытер ладони о колени и распрощался до следующего раза, не назвав ни числа, ни времени, когда это может случиться.

Странные у Симона манеры, странные концовки разговора...

Он ушёл и оставил Ивана в совершенной растерянности и подавленности. И от услышанного и домысленного им самим.

В тот день он впервые позвонил кое-кому из друзей якобы из другого города. Ему опять захотелось стать обыкновенным прорабом. Чтобы лицо в лицо говорить с начальством, делать выволочку нерадивым монтажникам, ругаться и мириться с заказчиками. То есть делать то дело, которое он знал, в котором всё ясно, открыто и доступно его пониманию.

Которое, в конце концов, полезно обществу и реально по существу.

Время

Время, как необъезженный конь, несётся, сломя голову, к известному только ему финишу, не сбавляя темпа, не оглядываясь, не рыская по сторонам – вперёд и только вперёд.

А за ним клубами неведомой материи тянуться невиди-

мые возмущения, в которых происходят странные, Ивану, например, совершенно непонятные, превращения, используемые с тем или иным успехом ходоками во времени. Пока держатся или проявляются возбуждения, созданные прищипоренным временем, можно отставать от него и вновь нагонять.

Так или примерно так думалось Ивану в начале раскрытия его уникальных особенностей, отличающих его ото всех людей.

Потом, много позже, Иван кое-что узнал о движении во времени из собственного опыта и откровения других ходоков. Не физику явления, нет, так как он сам и его собеседниками были людьми далёкими от науки, а узнал, в основном, о психологическом восприятии дороги времени каждым ходоком в отдельности, поскольку всякий ходок имел своё, отличное от других, постижение и понимание времени.

Вот первоначальное видение времени и поля ходьбы во времени самого Ивана...

Будущее – непреодолимая отвесная стена, истекающая туманом настоящего. В будущее, как будто, для него и иных ходоков дороги нет. Даже если попробовать, то вечно наступающее настоящее не даёт возможности даже притронуться к монолиту будущего.

Прошлое – бескрайняя равнина. В близком прошлом – на сорок-пятьдесят, а, может быть и на двести тысяч лет – плоская, как столешница огромного стола, по которой мож-

но идти без усталости. Дальше – рытвины, овраги, затрудняющие движение, но, в принципе, преодолимые препятствия и во времени и в пространстве.

Ограничение – предельное прошлое – проходимые горы, которые, чем глубже в минувшее, тем выше, неприступнее, хотя можно найти лазейки, горные тропинки и расщелины, чтобы проникнуть дальше и дальше в бездну тысячелетий.

Диапазон Ивана громаден по сравнению с другими ходами – сотни тысяч лет.

Потому он – КЕРГИШЕТ.

В поле времени и в горах есть участки, закрытые для него и во времени, и в пространстве, в точках зоха, как говорят ходоки. Это те места на поверхности Земли, которые в данной точке зоха могли ещё не существовать в таком виде, чтобы в них была возможность выхода в реальный мир для ходока. Это не существующие участки суши: материки или острова, покоящиеся пока что под толщей океанов, морей и озёр; вулканы, другие аномалии. Либо иные закрытия – дважды в одну точку зоха не войти, или он не нашёл покуда способа в них побывать, проникнуть: обрывистые ущелья, бездонные колодцы, столбообразные пики.

Закрытия могут создавать и сами ходоки, если не желают, чтобы кто-то последовал за ними. Но обладателей таких способностей – единицы. Сам КЕРГИШЕТ смог это делать, спустя лишь долгое время.

Как видят время и поле ходьбы другие ходоки? По-разно-

му.

Будущее – либо пропасть, край которой нарастает настоящим, либо гасимое настоящим слепящее сияние с таким жаром, что приблизиться и преодолеть преграду нет сил. Могут быть действующие на мозг звуковые эффекты, а то и влияние на органы чувств или на весь организм ходока: боль, слепота, рвота, необъяснимая неспособность сделать шаг вперёд – в будущее.

Прошлое и ограничения.

Проявлений множество: постепенное понижение дна безбрежного моря; болото, шаг за шагом становящееся непроходимым; встречный ветер, крепнувший во всё более дальнем прошлом, на границе доступности буквально выбрасывающий ходока вперёд во времени. А то и страшный холод и сильная жара; увеличение тяжести, буквально раздавливающая тело. Порой беспричинный до потери сознания смех и ослепляющие безудержные слезы; одуряющая икота и кашель. И многое другое.

У Сарыя, учителя Ивана, – камушки, как тот выражался. Вначале, в близком прошлом, мелкие, не мешающие ходьбе. Потом – покрупнее, затем вообще большие по величине, но реже, а между ними – провалы. Кое-где можно перепрыгнуть с камня на камень, а где и нет. Потому-то Сарый повисал у него на руке, когда они во время учебной ходьбы приближались к его границе доступности – дальше не прыгнешь, так что Иван просто переносил его через провалы.

Симон всю жизнь ходака во времени передвигается по льду. Это его дорога времени, это его поле ходьбы. Лёд по направлению к прошлому исподволь истончается, грозя провалиться под ним. Прогибается, потрескивает – предупреждает.

У донна Севильяка – своё. У него мало-помалу разрежается воздух, ему трудно дышать.

– Может быть там безвоздушное пространство, – громко подобно восклицает он, бешено выкатывая и без того до невозможности выпуклые глаза.

Иван как-то ему посоветовал воспользоваться аквалангом.

И однажды состоялась умопомрачительная картинка – дон Севильяк в акваланге с баллонами воздуха за спиной. Лишь во сне подобное может присниться. Уж лучше бы не советовал. У бедного верта на временной границе разрежение настоящее, и донна Севильяка стало вспучивать и норовать пустить на разрыв. Весёленькое дело!..

Да, летит неудержимо вперёд время, рождая и убивая поколения людей, хороня в забвении миры и поступки, вспыхивая сверхновыми на небосклоне и сокрушая горы, непрерывно высекая будущее из неведомой субстанции мироздания.

Крути скрипучие колёса
Бесценных лет, седой Эон...

Ещё не зная о себе, как о ходоке во времени, будучи студентом, Иван сочинил стих, начинающийся этими словами...

Кто взнуздal этого коня и куда его направляет?.. Не важно! Важно, что в его промелькнувшей тени образовалось нечто, позволяющее ходить во времени, посещать прошлое – эти упорядоченные, но жалкие руины многообразного будущего.

Поле ходьбы

Симон явно выбирал время для разговора с Иваном в те часы, когда Сарый, громко храпя, спал. Или так уж получалось.

В этот его приход на дворе уже стояла глубокая ночь. За окном успокоилась улица. Был слышен каждый шорох, возникающий в многоквартирном доме. Иван заканчивал ставшую традиционной уборку в прихожей после безалаберщины учителя, до сих пор не привыкшего класть вещи на свои места, убирать за собой со стола и соблюдать элементарный порядок в помещении, где жил, ел и спал.

Дверной звонок прозвонил коротко и тревожно. Иван внутренне к нему был готов и не удивился, пропуская в прихожую изысканно одетого Симона. Тот коротко окинул Ивана внимательным взглядом, поздоровался за руку, переобул-

ся в шлёпанцы, многозначительно послушал оглушительные вдохи и выдохи Сарыя и направился на кухню.

Быть опять разговору, догадался Иван, и не очень ошибался. Если Сарый учит ходить во времени, то Симон превратился в некое подобие просветителя о делах и истории самих ходоков. Так оно было и в этот раз.

– В нашей организации... Или в нашем союзе ходоков... Можешь называть это как тебе понравится. Так вот, у нас есть, как в любом сообществе людей, руководители и рядовые члены. Исполнители, так сказать, – начал он, приняв свою царственную позу.

От его начальных слов Иван поскущел, на душе стало муторно.

«Вот я и вляпался, – подумал он. – Чего доброго, среди них царьки и князьки водятся».

Симон, если и заметил состояние слушателя, то и бровью не повёл, позы не изменил и в голосе сохранил непринуждённость. Он дальше развивал перед Иваном сказанное:

– Ты не можешь стать рядовым членом нашего общества и простым исполнителем воли руководителей. Для рядового ты не подходишь, ибо ты – КЕРГИШЕТ. Да и что-либо исполнять – у тебя ещё нет практики. К сожалению, ты пока не можешь быть и руководителем...

– Ну конечно, – совсем обиделся Иван.

– Повремени, Ваня, и не перебивай... Ты пока не можешь им стать, хотя к тому дело и идёт. Но история всего нашего

общества ходоков стала так запутана... Ну, потерпи и послушай!.. Так запутана, что необходимо время, чтобы проникнуться её нюансами...

– Вы забыли рассказать о самой истории, – довольно резко перебил его Иван.

Честно говоря, ему поднадоела игра в таинственность.

«Они, право, с раздражением думал он, меня, что ли, за мальчика держат, которого до бесконечности всякими баснями подкармливать можно? А он, то есть я, этого не понимает. Дурачка нашли!»

Неожиданно, как ему в эти минуты показалось, он прозрел.

Вся их мышьяная возня вокруг него: обучение ходьбе во времени, подсунутый учитель-неряха, тонкая лесть по поводу его необыкновенных способностей и туманные намеки на нечто таинственное, которое должно было бы завлечь неопытного в их делах и в силу его дрянного (Иван всегда был собой недоволен) характера, в какую-то аферу. А остальное походило на элементарное натаскивание в меру сообразительной породистой собаки, предназначенной для выполнения, в конечном итоге, унижительного действия – таскать за хозяевами сумки или подносить им тапочки, когда они соизволят ему это приказать. И, показывая себя, демонстрируя поразительные успехи в обучении, он должен будет теперь возвеличивать хозяина, своего обладателя и благодетеля.

Как только мысль о натаскивании ядовито-жёлтой молнией пронеслась в его голове... Ух! как он вспыхнул благородным негодованием... Сердце от обиды забилося медленно и длинно, кровь в жилах, казалось, загустела и перемешалась с перцем, вызывая жжение во всём теле. И хотя Симон, выгнув белёсую бровь, довольно убедительно ответил на его вопрос: – Вначале, Ваня, факты, потом сама история. Потерпи ещё минуты две, пожалуйста, – Иван сорвался.

Не желая замечать удивлённого лица собеседника и его протестующих жестов, Иван сумел всласть выговориться за своё почти трёхмесячное бессловесное прозябание с учителем, как в старые добрые времена прорабства – невзирая на лица, всё, что предполагал и подозревал, не думая о последствиях.

Как ему было хорошо! На душе стало покойно и светло. Так, словно опрокинулся и высох огромный сосуд горечи, отравлявший до того его жизнь.

Вид у Ивана, после того как он выговорился и замолчал, был таким необычным – одухотворённым и, в то же самое время, яростным, – что Симон, вначале неуверенно, потом во весь рот, подарил ему редкостную улыбку, осветившую его славное усталое лицо. Под его глазами собрались мелкие многочисленные старческие морщинки, и Иван подумал, правда, без каких-либо эмоций, о его возрасте.

– Ну-у, Ваня... – пропел Симон протяжно, примериваясь к новой ситуации, возникшей в разговоре. – С тобой, доро-

гой, право слово, не соскучишься.

Он покрутил головой, мол, не ожидал от тебя такого.

– А что, в конце концов? – уже без огня и страсти спросил Иван, так как выдохся, и даже почувствовал себя в чём-то виноватым перед Симоном. – Ходите вокруг да около. Ни да, ни нет, как девушки неопытные, честное слово.

Симон провёл по лицу легкой ладонью и потёр подбородок. Ещё раз улыбнулся, но уже не той откровенной улыбкой, а мимолетной, скользкой, как делал всегда.

– Ты прав, Ваня... Ты, как сейчас говорят, всё-таки человек новой формации, продукт современной эпохи и общества, в лучшем понимании этого явления. И нам не следовало бы забывать о том... Мораль из всего сказанного к тому, что я тебе ещё сегодня скажу, на удивление очень проста и грустна. Всё плохо у ходоков во времени сегодня, Ваня... Да, Ваня, да!.. Так плохо, что где-то во времени по вине ходоков... именно ходоков, потерялся мой друг дон Севильяк, этот добряк, этот... – Симон не находил слов.

Он искренне удивил этой новостью Ивана.

– Как пропал? – удручённо спросил он, остро вдруг ощутив, как откуда-то из давнего прошлого глянуло ему в спину холодное до мурашек стоголавое чудовище – Время. – И давно?

– Уже две недели... Я кое-где побывал, поспрашивал о нём. Никто ничего не видел и не знает... Правда, есть одна зацепка. – Симон приподнял руку с вытянутым указатель-

ным пальцем. – Это наиболее вероятное, что с ним могло произойти... Если другое, то... Всё-таки я надеюсь, что всё ещё не так страшно. Как раз для того, чтобы ты понял идею зацепки, я к тебе и пришёл сегодня... Согрей-ка. Ваня, чайку. Даже в горле першит от неприятностей.

Мысль об исчезновении дона Севильяка не покидала Ивана, пока он зажигал газ, наливал в чайник свежую воду, доставал чайные чашки. Как всегда бывает в подобных случаях, его взгляд остановился на чашке, лопнувшей при одном из посещений великана от его могучего, сочного смеха. Как на знамени каких-то будущих событий, глаза у Ивана застыли на аккуратно сложенных половинках разбитой посуды.

– Это время его поглотило! – выдавил он трагическим голосом.

– Как это – время? – похоже, Симон не понял внезапной реплики Ивана.

– Очень просто – гам! и нету! – объяснил тот своё высказывание. И довольно комично показал, раскрыв, что есть силы рот, и клацнув зубами при его закрытии. – Разве время не может убить человека?

Симон непроизвольно дёрнул плечом, задумался.

– Может, конечно, – сказал он с сомнением в голосе. – Впрочем, только в принципе. К тому же дон Севильяк, как я тебе говорил, типичный верт, и ему подобное не грозит.

– Мало ли...

– Разумеется, такое может произойти, но лишь в том случае, если кто-то увлёт его за собой за грань доступности, и он канул где-то там, откуда ему не вернуться... Однако протащить, вернее, пробить верта сквозь время за его границу, если он этого не захочет, да ещё такого могучего, как наш друг, задача практически невыполнимая. Ты меня понимаешь?

– Не совсем, – честно признался Иван, так как, и вправду, ничего не понял из объяснений Симона.

– Верта во времени не разогнать так, чтобы он смог проскочить свою предельную границу. Даже если дон Севильяк не сопротивлялся, подобное не может, вообще говоря, произойти... Дай подумать... Если это сделать рывком. И то в том случае, если он вдруг забылся, был в беспамятстве, что тоже маловероятно, или если он сам захочет погибнуть во времени.

– Кому охота? – возразил Иван.

Симон помолчал, глядя на него с прищуром, как сквозь прорезь прицела. У него, с холодком по коже, отметил Иван, такой взгляд получался весьма образно, что наводило на размышление.

– Ты, Ваня, – сказал он с нескрываемым пренебрежением к ученику, – ещё... совсем, мальчишка.

– Мне уже тридцать лет! – не возмутился, а удивился Иван его словам.

Он-то давно считал себя стариком.

После Афганистана, когда пришёл в институт, он оказался самым старшим по возрасту студентом на курсе и единственным прошедшим войну. К нему вначале даже приклеилось незамысловатое прозвище – Старик, но его взрывной характер и неуёмная жажда покуролесить, отсутствующая у многих более молодых, делали его в глазах сокурсников намного моложе, и прозвище отпало само собой.

Он бы ещё добавил о своих боевых делах, побывавшие в которых взрослеют за несколько часов, но Симон не дал ему продолжить высказывание.

– Мальчишка, мальчишка. Не по годам, а по жизни. Что ты знаешь о жизни и смерти?.. О желании умереть?.. Даже пройдя войну?.. Ни-че-го!.. То-то, Ваня!.. Это слишком серьёзное дело, оно назревает исподволь... – Симон прервался на полуслове. Одна щека его дёрнулась – он был недоволен собою. – Но мы не о том... Опять ты выскакиваешь со своими вопросами. Сколько можно?

– Да вы же сами...

– Ты спросил, я ответил.

Они посмотрели друг на друга и вдруг прыснули смехом, хотя то, о чём они только что говорили, было далеко не смешным.

Потом они беседовали.

Иван чувствовал: между ними ломается ледок принуждённости, который установился в их отношениях. Всё-таки дон Севильяк, по его сложившемуся мнению, был человеком

намного проще, добрее. А тут оказывается, что и Симон не такой уж сухарь и не сверхчеловек, которому все те, кто не умеет ходить во времени и одеваться как он, не достойны внимания. Простой человек, проживший жизнь, и, наверное, нелёгкую.

– Скажите, Симон, – неожиданно для себя спросил Иван, – сколько Вам лет?

Симон растерянно, как-то даже по-детски, посмотрел на него, словно Иван прихватил его на мелкой проказе.

– Интересно?

– Да нет. К слову пришлось, – сконфузился Иван. – Есть что-нибудь будете?

– Буду. И чаю мне покрепче, и в большую чашку... Мне, Ваня, шестьдесят восемь... Похоже?

– Нет, – искренне отозвался Иван. И тут же поправился: – Последние дни – да. Раньше казалось, что чуть больше сорока.

– Консервы, Ваня, – усмехнулся Симон невесело. – Они долго хранятся в доброкачественном состоянии, а всё – консервы.

– Ну, уж, – вежливо усомнился молодой человек.

Симон отмахнулся.

– Давай чай и слушай!

Они пили чай, Симон рассказывал, ученик слушал, время от времени вставлял незамысловатое словцо, а Сарый свирепо храпел в комнате и создавал разговору уютные помехи.

На дворе стало светлеть, словно за ним разливался медленно разгорающийся театральный свет. Разжижались густые ночные тени – неясные, подвижные и по детски сказочные, а на смену им приходили реальные и чётко очерченные тени дня.

Всё было бы совсем хорошо, если бы не тревога за славного дона Севильяка.

– Лет пять назад, – говорил Симон, прихлёбывая чай и жуя хлеб с колбасой, – некоторые ходоки начали жаловаться на препятствия, мешающие ходьбе. Одному с трудом оборудованный мост между доступными точками кто-то разрушит, другому подстроит ловушку с неприятными ощущениями. В общем, пакости всякие. Потом забеспокоились ходоки прошлого тысячелетия: некто, по их утверждению, приходит из будущего, именно из нашего будущего, и нарушает соглашения и договоры...

Симон допил чай, вытер губы.

– Подобное, конечно, бывало и раньше. В ходоки, я говорил тебе уже, идут люди разные. И мы не очень-то волновались. Тем более, обуздать зарвавшихся своих, в принципе, не трудно. Но вот месяца два назад исчезли сразу три ходока. Они не вернулись с дороги времени. Во всяком случае, о них никто ничего не слышал. А если ходоки не движутся во времени, отыскать их практически невозможно. И ясно почему. Толщи времени и необозримые пространства в каждом моменте времени затрудняют любой поиск. Ведь достаточно секунд, чтобы разминуться...

– Учитель мне говорил, – сказал Иван.

Симон кивнул.

– Наш совет ходоков созвал встречу современников. Тех, кто дожил до нашего времени. Поговорили, подумали. Отбросили то, что могло произойти не по вине самих ходоков... Именно. Могло быть и иное. Но всё говорило, что тут замешаны ходоки... И постепенно вырисовалась такая нехорошая картина. Где-то в пространстве нашего времени образовалась небольшая, похоже, группа, пренебрегшая договорами, решившая повеселиться за счёт своих способностей, а, может быть, и для других целей. Кое-кого из этой группы нам удалось определить. Среди них оказался очень подвижный ренк с интервалом движения семь-восемь тысяч лет... Много!.. Выдающиеся способности.... Но, возможно, дело не только в нём...

Симон надолго замолчал. Потом, словно поскучнев, продолжил:

– Так что, Ваня, у нас появилось прочное подозрение, что исчезновение дона Севильяка и других ходоков связано с действием этой группы. Дон Севильяк по моему поручению занимался этой компанией, что, возможно, дошло до них, и они учинили охоту на охотника... Может быть, помнишь, что в дом дона Севильяка приходили неизвестные?

– Помню. Вы тогда мне ничего не объяснили. Чуть ли не кодом между собой разговаривали.

– Преждевременно объяснять было... А ты тогда обидел-

ся?

Он и точно обиделся, но сегодня, покривив душой, Иван независимо ответил:

– Вот ещё... Но, помнится, Вы обещали посмотреть, в чём там дело.

Симон повеселел.

– Вот ты себя и выдал... Не обиделся, не помнил бы разговора, тем более, как ты заметил, вели мы его полунамёками... Ну, ладно!.. Ладно!.. Мы отвлеклись, а я тогда вернулся во времени назад для проверки. Была вероятность и обычной кражи со стороны людей, совершенно не умеющих ходить во времени. Обычными ворами. Таких бы я смог увидеть, а потом с помощью дона Севильяка и кого-нибудь ещё справился бы с ними. Но... Знаешь, Ваня, хождение во времени для нас и для тебя, я думаю, – это ходьба не совсем по ровной дороге. Есть такие точки зоха, которые нам не преодолеть. Мы их называем закрытиями.

– Наслышан. Сарый мне говорил. Я их видел, когда хотел войти в свою квартиру из поля ходьбы в настоящем.

– Конечно, – мимоходом заметил Симон. – Такое закрытие я и нашёл, придя с проверкой...

– А как оно у Вас выглядит?

– Интересуешься?

– Интересно. У меня одно, у учителя другое, а у Вас?

– В моем представлении это полынья. Но и другие ходочки, кого мы просили пройти к дону Севильяку в момент его

исчезновения, тоже находили там закрытие. И закрытие-то небольшое. Несколько минут, но как раз в этом промежутке всё, по-видимому, и произошло... Ну, ну, Ваня, выскажись! Вижу, что не терпится поделиться предположением. Так?

– Так, – согласился Иван, поскольку ему действительно хотелось высказаться.

Суть его предположения сводилась к следующему. Либо кто-то прекрасно был осведомлён о всеобщности закрытия данной точки зоха, либо кто-то её сконструировал по своему усмотрению, либо это массовый гипноз подстерёг ходоков. Кроме того, почему бы ни выйти на точку, когда дон Севиляк в последний раз становился на дорогу времени, и от неё проследить за его движением?

– Bravo! – похвалил его Симон, но тут же вздохнул. – У нас тоже возникали подобные мнения и предложения, но, подумав, мы от них отказались. И вот почему. Точки закрытия сугубо индивидуальны и обычно никому не известны, так как связаны с особенностями ходоков. Отсюда всеобщность закрытия – вещь невероятная. А идея конструирования таких точек, мягко сказать, сомнительна. Во всяком случае, для тех, кого мы подозреваем. Следовательно...

– Никакого такого – следовательно! – пылко возразил Иван, но больше риторически, чем от убежденности в сказанном.

Симон реплику не отверг и даже согласно кивнул головой.

– Правильно, Ваня, не следует, если говорить вообще. Но

никто пока что до сегодняшнего дня ни словом, ни намёком, ни, тем более, делом не смог опровергнуть и того, что сказал я... Ну, скажи, скажи, Ваня, не мучайся!

– Послушать вас с учителем, так иной раз от вас дряхлым средневековьем веет. Точно научные, технические и научно-технические революции обошли вас далеко стороной. На Луну слетали, в космосе люди уже работают, как дома, сердце искусственное сделали... Да что там говорить?.. А вы всё ещё как Козьма Индикоплов расстояние по лаптю измеряете. Вы же, Симон, умный современный человек, а всё делаете по старинке, в надежде только на человека, на ощупь. А техника?.. А математика?.. Где они у вас?.. Все ваши... да, конечно, наши врождённые способности можно смоделировать, просчитать и узнать всю подноготную ходоков... Можно обнаружить и точки всеобщего закрытия, и условия протаскивания ходоков и других людей во времени, и всё остальное, что хотите.

– Ты бы смог? – поинтересовался Симон.

– Я прораб, а не математик или физик... У меня, как и у многих моих сверстников, высшее образование, но это не значит, что я умею абстрагироваться до понимания всеобщей картины пространства-времени. А вот ваши подозреваемые могут иметь у себя на службе математиков и физиков. Не обязательно даже ходоков, но которым всё толково объяснили и дали возможность поработать, поэкспериментировать. И на бумаге, и на мощной вычислительной технике.

Выслушав Ивана внимательно, Симон с сомнением покачал головой.

– Всё может быть. Возможно, ты прав... Но... – Он на мгновение остановился. Было видно, что он колеблется, говорить или не говорить ученику нечто более определённое. По-видимому, решил, что не стоит. – Это после... Чуть после, Ваня! Не торопись, пожалуйста!.. А сейчас вот о чём. Они, Ваня, тоже ходоки и тоже живут, поверь мне, вчерашним днём, по старинке, как ты тут изволил выразиться, и навряд ли догадаются выйти на учёных. Да и не выйдут никогда. Это точно!

– Достаточно одному догадаться... Вы бы хоть газеты читали, что ли! – проговорил Иван с досадой. – Сарый, мне сдаётся, вообще безграмотный. Так?

– Успокойся, Ваня, и не говори о том, чего не знаешь... Но мысль ты высказал интересную. Может быть, это дело будущего. Ты её не забывай. А по поводу закрытия... У нас есть некоторые запреты, они-то, думаю, и проявились.

Симон задумался, машинально поглаживая колени ладонями. Он словно позабыл, где находится.

– Вы хотите, чтобы я сходил и посмотрел? – напомнил Иван о себе.

Симон вскинул на него светлые глаза и прищурился, как для выстрела. Кивнул головой.

– Разумеется... Но не так скоро. Не торопись, потому что... Запомни, Ваня, всё это не так просто. Поэтому пер-

вое, тебе на уяснение в виде замечания. Ходок не может в одну и ту же точку пространства-времени или зоха выйти дважды... Сарый тебе ещё не говорил?.. И правильно, не всё сразу. Так вот, если ты где-то когда-то проявлялся, то здесь тебе больше не бывать, там тебя будет поджидать закрытие. Возможно, чтобы ходок не встретился сам с собой. Во-вторых, чтобы ты знал, существует жёсткий порядок встречи с другими людьми. Однажды встретившись с человеком, ты с ним сможешь увидеться вновь только по прошествии какого-то независимого времени. Нельзя, скажем, поговорить с кем-нибудь сегодня, а потом продолжить разговор вчера, для него. Или для тебя. Вот почему я считаю, что закрытия появились неспроста и не по воле сторонних ходакам физиков и математиков. Ты понял?

– Смысл понятен. Я о том уже думал. Но, Симон. Я же видел своих родителей. Они ещё только знакомились, и меня не было и в помине.

– Иногда такое бывает. Редко, но бывает. Любой ходок может тебе рассказать о таких встречах. Мне кажется, подобное происходит при случайной встрече, которая никоим образом не влияет на дальнейшие события.

– Жаль. Это значит, мне никогда не увидеть Вас молодым, как и Сарыя, и дона Севильяка. И не поговорить. Так?

– Да, Ваня... – Симон вздохнул. – Потому-то так и получилось, что там, у точки закрытия, я побывал и наследил вокруг неё, проявляясь до и после. Моя полынья разрослась,

закрыв туда мне ход навсегда...

Симон посмотрел на унылое лицо Ивана и неожиданно озорно подмигнул ему.

– Не переживай! Может быть, всё не так, как я тебе наговорил. Дон Севильяк – мужчина в соку, и мог пропасть из нашего поля зрения по совершенно другим причинам.

Он посмотрел на окно, потом на часы, вынув золотой брегет небрежно-привычным движением руки, проговорил:

– Мне надо поговорить с Каменом, а ты бы в это время ходил в магазин кое-чего купить... Давай, Ваня... Наш разговор тебе будет не интересен... Разбуди-ка его!

В магазин сходить надо было – аппетит Учителя (Иван всё чаще старался думать о Сарые как об Учителе с большой буквы) не уменьшался, а день ото дня крепчал как вольный ветер. Так что предложение Симона пришлось кстати. И не только поэтому кстати. У Ивана появилась необходимость побыть одному хотя бы несколько минут и неторопливо обдумать наговорённое Симоном за ночь и поразмыслить о его туманном предложении сходить на квартиру дона Севильяка, а это, по сути дела, его первый самостоятельный выход во время.

«Так-с... – думал он, будя учителя, удивлённого бесцеремонными толчками, неторопливо одеваясь и выходя за дверь квартиры. – Итак. Что мы имеем и чего мы не имеем?.. Имеем почти... да, почти убедительный рассказ Симона о нарушителях спокойствия, которые, якобы, посягнули на жизнь

или свободу ходоков во времени, в том числе (Иван отметил в себе возрастающую злость к нарушителям) дона Севильяка... Если верить этому рассказу, я могу вмешаться в судьбу дона, а может быть, и других ходоков. А вначале надо пойти и посмотреть, кто был когда-то в доме у дона Севильяка».

На улице стояла прекрасная погода. Выпавший за ночь снежок прикрыл грязное пятно на пустыре. Морозец пощипывал нос и уши. Лето пролетело незаметно для Ивана. А он любил его за возможность чаще бывать за городом, где-нибудь в лесу. А осенью сходить по грибы...

Но сейчас Иван мало обращал внимания на радости природы. По дороге в магазин его тяготили иные мысли.

Так обстоят дела у ходоков, если верить Симону, допускал Иван в своих размышлениях.

Не верить ему у него не было основания.

«Однако чего мы не имеем? – Иван приостановился, потёр переносицу, вынул платок, прочистил нос. – К сожалению, – констатировал он, – ни уверенности в рассказанном, ни возможности проверить, что во всём этом – правда, а что надумано».

Но главное. Нет в нём особой страсти, очертя голову, броситься в настоящую авантюру, ведь детектив какой-то, а не реальное течение событий. И не имел он ещё опыта для выполнения задания Симона.

Вот и думай!..

Иван верил Симону и... не верил.

Ему вдруг показалось, что у истории, рассказанной Симоном, просматривается какое-то двойное дно, недосказанность. И, в то же самое время, он был бессилён опровергнуть чем-либо Симона. Наоборот, чем больше он размышлял, тем всё больше находил логики и в процессе формирования группировок в среде ходоков, и в участии их в охоте на своих коллег по ходьбе во времени. Это даже смешно, что всё у них началось всего пять лет назад...

Пять лет? Каких?

Интересно, как они считают для себя годы, если ходят в прошлое?..

Потом. Пусть пять. Не пять лет, так сегодня бы, в конце концов, весь тот разброд, по словам Симона, существовавший у ходоков, привёл бы к появлению подобной группы, использующей свои необычные способности для целей наживы, утверждения своего я, ради развлечения, в конце концов. Что им договоры и соглашения! Там, где нажива, там и преступления – между ними небольшой шаг, который так соблазнительно сделать, тем более при почти полной безопасности и безнаказанности... В этом не было ничего такого, что не соответствовало бы рассказу Симона.

И ещё одно «за». По мере его обучения и Сарый, и Симон постепенно открывали ему неизвестные подробности и особенности ходьбы во времени. Для заурядной же авантюры такие детали ни к чему. Зато с точки зрения педагогики, как Иван себе её представлял, они обучали его правильно.

Без последовательного и продуманного раскрытия истории ходоков, рассказов о представлении ходоками времени, объяснения возможностей и классификации ходоков, терминологических экскурсов и указаний на помехи ходьбе ему никогда бы до конца своих дней, не познать и не осилить и десятой части этой науки

Да и своим рождением для ходьбы во времени он полностью обязан им: Симону, Сарью и дону Севильяку.

«...Я им обязан!» – пришёл он к твёрдому выводу и был готов на всё, хотя одна мрачная тень всё-таки ещё маячила на чистом небе его искренней обязательности. Обязан-то он, обязан, и это правда, но так же можно быть благодарным и обязанным обычным жуликам и преступникам при незнании мотивов сохранения жизни жертве. Важна цель. А цели пока что Иван не видел.

«Чтобы знать, – думал он, – надо выйти на многих ходоков, и серьёзно говорить не только с Симоном, но и с другими, разными. Лишь тогда будет видно, какую линию поведения избрать».

Впрочем, Симон неоднократно уже обещал встречу с ними, как только он по-настоящему научится ходить во времени...

Когда Иван вернулся домой с покупками, Сарый, старательно округлив полусонные глаза, самозабвенно хлебал горячий чай. Ученик щедро высыпал из кулька ему прямо на стол целый килограмм ванильных пряников. Сарый кротко

глянул на него и от удовлетворения захрюкал.

Симон же посветлел лицом, глядя на их трогательные мирные взаимоотношения.

Разложив остальные покупки по полкам холодильника и кухонного пенала, Иван решительно сказал:

– Симон, Вы давно обещали познакомить меня с другими ходоками... Давно обещали!

Симон внимательно посмотрел на него прищуренным взглядом.

– Раз обещал, – сказал он с расстановкой и переглянул с Сарыем, – значит, обещание надо выполнять... Но предупреждаю, Ваня, чтобы совсем ты потом не разочаровался в ходоках. Слишком-то на это знакомство не рассчитывай. Разочаруешься. Может быть, чуть позже, когда сойдёшься с ними поближе. А в первой встрече не придавай какой-либо значительности.

Симон сказал и вновь, уже вопросительно, посмотрел на Сарыя. Учитель его взгляда не заметил, промолчал, жадно глотая чай и запихивая в ненасытный рот по целому прянику.

– Там видно будет, – буркнул ученик и отвернулся от них.

Собрание ходоков

Утром следующего дня, получив некоторые наставления от Учителя, Иван стал на дорогу времени для проверки вре-

менного периода, в течение которого исчез дон Севильяк, и куда не смог попасть Симон. Обычно закрытия для него проявлялись в поле ходьбы лишь после приближения к ним на достаточно короткое расстояние – в реальности, года на два-три. Проще, он натыкался на них. А здесь, как только его координаты пространства-времени сориентировались по указанному Симоном адресу, он сразу увидел громадные монолитные столбы, явно отрезающие ему все возможности выйти в заданную точку зоха.

Толкачёв разочарованно послонялся вокруг странных образований, неизвестно из чего сделанных или выполненных – не из пространства или не из времени же, в конце концов.

Бесцельно походил взад-вперёд по дороге времени, ощущая свободу движения без опеки Сарыя, и вернулся домой, в своё время. И, подражая Учителю, завалился спать...

Прошла целая неделя, прежде чем его пригласили познакомиться с другими ходоками.

Иван как будто заметил кого-то на дороге времени, отвлёкся, и его проявление запоздало всего-то на полминуты от назначенного срока, но Симон был очень недоволен его задержкой.

– Точность – вежливость не только королей, – сухо проговорил он и ещё раз критически осмотрел одеяние, в которое вырядился Иван.

Похоже, осмотром остался доволен. Сам он был одет так

же, как и Иван. Вязаная, ручной работы, длинная шапочка, верхушкой спадавшая к уху. Тёплая рубаша из грубого серого материала, заправленная в перехваченные ремнём почти под грудью штаны. Высокие до бёдер сапоги дополняли их нелепый, по мнению Ивана, наряд.

В Европе шёл 1931 год.

Ходоки проявились на севере Норвегии. Скалистый берег без растительности. У самых ног ходоков гуляли свинцово-тяжёлые волны Ледовитого океана, бешено врывающиеся в безымянный фьорд. От холодного северного ветра людей защищала вздыбившаяся дикая скала, а августовское солнце второй половины дня приятно пригревало спины.

– Маскарад, – подумал, а, может быть, сказал вслух Иван.

– Не маскарад, а маскировка, – поправил Симон и добавил менторским тоном: – И не забывай, что эта точка пространства и времени для тебя отныне уже закрыта. Навсегда!.. И, Ваня, – он огорчительно вздохнул, – дальше их у тебя будет всё больше и больше. Таких точек будет у тебя столько, сколько произойдёт проявлений в реальное время. Вот почему, чтобы собрать многих, особенно тех, кто давно уже ходит во времени, а значит, и проявляется, надо быть уверенным, что в данной точке зоха никто из собравшихся никогда не побывал. Ты понял, Ваня? Никогда.

– Извини, Симон, – конфузливо потупился Иван.

Он понимал, конечно, что сказал нелепость. Мог бы сам догадаться. Просто чувство противостояния всему тому, что

его сейчас окружало, толкало на подобные высказывания.

– Пора бы самому соображать!

Симон сегодня был настроен неласково. После его последнего разговора отношение к Ивану резко изменилось – он не считал теперь его учеником.

– Стараюсь, – буркнул Иван.

– Старайся, но и помни, что не мы выбираем места встречи, а обстоятельства... Здесь обычные люди живут, вдруг увидят нас... Вот мы и оделись, как одеваются все местные... Ладно, пошли! Не для того сюда явились, чтобы я тебе читал наставления.

И всё-таки Иван остался при своём мнении. Если Симон и убедил его точками недоступности, то тут, собственно, и убеждать не надо было, а вот дурацкое одеяние имело отношение к никчёмной клоунаде, да и только, и ненужной, на его взгляд, предосторожностью. Какие тут, богами забытом уголке Земли, могут быть местные жители?

Лавируя среди хаоса камней, они несколько минут шли на восток, прочь от морского побережья. Вышли к небольшой поляне, усеянной равновеликими валунами. Дюжина людей, одетых подобным образом, лениво приветствовали подошедших: кто голосом, кто вялым поднятием руки, а кто отделался и простым кивком головы. Иваном заинтересовалось человека два, да и то ненадолго. Такое пренебрежение к его особе несколько задело Ивана за живое. Он вполне мог бы ожидать хоть какой-то встречи: и как нового члена со-

общества ходоков и, особенно, как КЕРГИШЕТА. Однако ни то, ни другое не имело здесь, по всему, никакого значения. Ореол собственной значимости, внушённый Учителями (Симоном, Сарыем и доном Севильяком), стал неудержимо блекнуть в его глазах.

Иван потоптался, не зная, куда себя деть, затем присел на округлый камень со скучающим, подавшимся общему настрою, видом.

Прождав еще минут пятнадцать (Симон явно зря распространялся о точности ходоков), они уже оказались в окружении человек тридцати пяти, так что в этом диком углу Скандинавии ходоков собралось порядочно.

«Бедные местные жители», – глядя вокруг себя, подумал Иван с издёвкой. Вся эта маскировка с переодеванием была сплошной фикцией. Теперь он в этом был уверен точно.

«Тоже мне – конспираторы! Детский сад какой-то! Сыщики и разбойники!»

Собравшаяся компания не понравилась ему с первого взгляда, и не только потому, что отнеслась к нему равнодушно. Было и другое, хотя он одёргивал самого себя, убеждая не торопиться с выводами. Но чем больше он к ней приглядывался, тем сильнее она была ему не по душе. Первое, что бросалось в глаза стороннему наблюдателю, каким в этот раз был Иван, так это полное отсутствие связи между людьми, свойственной любому коллективу или содружеству. А тут сидели далёкие друг от друга индивидуумы, занятые сами

собой, хотя и собравшиеся вместе, но не делавшие никаких попыток к сближению.

Последние радужные надежды Ивана что-либо узнать для себя новое от встречи с ходоками довольно быстро испарились, и он уже не горел желанием задавать многочисленные вопросы кому бы то ни было из собравшихся ходоков. Зря, пожалуй, он не верил Симону. На самом деле всё, видимо, было даже хуже, чем он говорил.

Правда, были исключения: их пара – Иван и Симон, и невдалеке расположилась группа в шесть человек. На неё Иван обратил внимание сразу после её шумного появления. Эти ходоки держались отдельно от остальных и были соединены между собой если не дружеской привязанностью, то, наверняка, каким-то общим делом. Все они с деланным безразличием, иногда, даже не оборачиваясь друг к другу, обменивались короткими репликами. Свободно гуляющий ветер то заглушал их голоса, то доносил обрывки разговора, ничего не значащего для Ивана, но, по всей видимости, очень заинтересовавшего Симона. Он явно прислушивался к нему.

Из всей компании Ивану непроизвольно понравился красивый и ладный детина, под стать ему и дону Севильяку. После каждого своего высказывания он громко смеялся. Одет был подобно всем, но как будто всегда носил и такую рубашку, и такие штаны, и сапоги, подчёркивавшие стройность и длину его сильных ног.

Они перебрасывались репликами. Симон напрягал слух,

чтобы узнать, о чём у них там идёт речь. Ему интересно, пусть и слушает, – решил Иван, и продолжил свои наблюдения за ходоками, тем более, что делать больше было нечего, а собрание как таковое не начиналось.

Итак, первое, что бросалось ему в глаза, была обособленная группа ходоков. Второе. Все ходоки сидели почти неподвижно и чего-то или кого-то ожидали, отчего общий вид развернувшейся картины наводил Ивана на вычурное сравнение, почерпнутое ещё в стенах вуза: дух уныния и затянувшегося умирания витал над печальным форумом членов Всемирной организации ходоков во времени. Вот!

Перед ним были сплошь старики, за исключением уже упомянутой группы. И совершенно не было женщин. «Неужели среди них нет ходоков?» – задался он тревожным вопросом. У Симона спрашивать не хотелось... Или ему это показалось из-за униформы, надетой каждым ходоком для свидания с остальными?

Иван опять вернулся к прежней мысли. У него создавалось впечатление: один шутник придумал, а другие, безвольные и ленивые, на всё махнув рукой, приняли шутку без критики. По-видимому так оно и было, ибо пустые потухшие глаза многих ходоков нагнетали обстановку отчаянности. И при достаточно продолжительном взгляде на них у Ивана внезапно, пугающе стремительно, стало нарастать несвойственное ему чувство тревоги и какого-то отчетливо подступающего несчастья.

– Ну и народ, – одними губами сказал он Симону.

Симон даже не взглянул в его сторону, и он не столько услышал, сколько понял его ответ:

– Помолчи!

«Молчу... – про себя отозвался Иван. – Как все жду у моря погоды... второго пришествия... когда рак на горе свистнет... морковкиных загодей, как говаривала когда-то его бабушка... Чего ждать, если здесь что-то затевается?»

Грея холодный камень, на котором сидел, Иван молчал и с отчаянной тоской наблюдал за происходящим. Хуже нелюбимых лекций в вузе! Или наставлений начальства. Когда торчишь в аудитории или на собрании неведомо зачем, но присутствие твоё обязательно. Сидишь, а мысли твои витают неизвестно где. Лишь бы отвлечься от обыденности и не слышать голоса преподавателя или начальника, толкующих истину. Она интересуется только их, но непонятно зачем она нужна студенту, тем более специалисту. Вспоминая те давние лекции с томительными часами ничегонеделания, Иван как-то незаметно для себя, безо всякого, правда, умысла, стал думать о собственной исключительности. Вон их, ходяков во времени, сколько, а КЕРГИШЕТ – один!

А кто? Он!! Иван Толкачёв!!!

Не известно, к чему привели бы его эти мысли, скорее всего – ни к чему, но они были прерваны на самом интересном месте, когда он уже стал подумывать, а не выкинуть ли какую такую ... э-э... штучку, дабы потрясти их и расшевелить

сонное царство.

Всего в двух шагах от него проявился ходок с престранной фигурой, похожей на пивную бочку. Громадная приплюснутая голова его под вязаной шапочкой-блином довершала отчётливость образа – пивная бочка или Пэбэ, как когда-то в школе, где учился Иван, называли Тольку Шастова за его чрезмерную полноту. Казалось, появившийся в реальном мире Пэбэ не сможет оторвать свои маленькие короткие ручки, карикатурно прижатые к весьма объёмистому животу, и долго не удержится на кривых ножках.

Но, как оказалось чуть позже, подвижен он был весьма и весьма.

Его появление вызвало некоторое вялое движение ходков – они все посмотрели на него, у иных в глазах загорелась искра мысли. Пэбэ взмахнул ручками как шмелиными крылышками, забегал, гремя камешками, засуетился, открыл необыкновенно большой рот и быстро заговорил:

– Все в сборе!.. Достаточно и того, что собралось... Прекрасно!.. Надо решить неотложные и в высшей степени серьёзные дела... Вы о них знаете!.. Мы не можем пройти мимо тех странных, преступных, – он задохнулся от возмущения. – Да, да, преступных случаев, которые участились на дороге времени. И не по вине каких-нибудь перлей или тарсенов...

Стоило ему проговорить первые слова, как Ивана, и без того уже охваченного ощущением приближающегося несча-

стыя, затопило предчувствие глупо банального продолжения нынешнего заседания ходоков. Словно он всё уже знал заранее, или о чём-то похожем читал, или уже предполагал такой исход раньше. Но вернее всего, опыт Афганистана подсказывал ему – берегись! Да, местные горы величественно и мирно вздымаются в высь, отсутствующие здесь заросли кустов не шелохнутся, но в любое мгновение всё вокруг может ожить и захлебнуться в автоматных очередях и взрывах гранат.

Сколько раз он переживал такое!..

Озябнув от мрачных мыслей, он с насторожённой стал посматривать в сторону оживлённой группы молодых ходоков. От них холодной волной исходила опасность.

– Они вооружены? – отрывисто спросил он Симона.

Симон посмотрел на него долгим взглядом, оценивая вопрос, затем с сомнением пожал плечами:

– Не думаю... Не уверен. У нас, вообще-то, это не принято.

– ... и вы!.. только вы виноваты в этом! – выкрикнул Пэбэ и театрально показал детской ручкой в сторону молодёжной группы. – Особенно ты, ренк Джозеф Радич! Я обвиняю тебя и требую сатисфакции! А твоим сообщникам я...

В следующее мгновение случилось так, как Иван и предполагал: глупо, банально, нечестно. Предвидел, пожалуй, не только он, так как, то тут, то там из поля зрения стали исчезать ходоки. Вот был человек – и нет его. Камень, на котором он только что сидел, хранил ещё тепло его тела, а сам

он неведомо где уже шёл по дороге времени: в неведомом пространстве и в неведомом времени.

Группа, во главе с Джозефом Радичем, была вооружена пистолетами. Они буднично вытащили их из карманов, из-за пазухи и открыли беспорядочную и бес прицельную, а точнее, демонстративную стрельбу. Пули чиркнули по взлобкам валунов, комарино зажужжали, но всё-таки кого-то ранили – ходок ушёл, оставив капли крови на глянце камня.

Иван отметил непрофессиональное владение оружием – люди явно взяли его в руки для баловства. Однако один из вооружённых ходоков повёл дулом так, что выстрел мог предназначаться Ивану, либо Симону.

Симон исчез из реального мира за мгновение до Ивана, но Иван не стал уходить по дороге времени восвояси, а остановился или завис во времени, отставая от настоящего как раз настолько, насколько пуле, после вылета из пистолета, необходимо, чтобы пролететь те десять-двенадцать метров, что отделяли Ивана от стрелявшего в него ходока.

С ней он разминулся на сотые доли секунды.

Иван замер, как учил его Сарый, и поплыл в будущее с некоторым отставанием от настоящего, в котором сейчас оставались только сторонники Радича. Они его не видели. Раза два или три кто-то из них тоже зависал, страхуясь, но способности Ивана проникать во времени, по сравнению с ними, были значительно выше, и он без труда уходил от контакта вдоль по дороге времени.

Наконец, он вернулся в реальный мир.

Их было семеро. Кто-то к ним присоединился ещё. Иван лежал за валуном почти рядом с камнем, на котором восседал их предводитель. К нему все ходоки-отщепенцы обращались почтительно, не как-нибудь, а только – «господин Радич», он же их называл по именам.

– Война наконец-то объявлена! – самодовольно провозгласил господин Радич. – И мы их развеяли как... стадо баранов.

Они засмеялись, зашумели, загомонили все сразу. Кто-то тонким надтреснутым голоском несколько раз прокричал:

– Я его продырявил!..

Общий шум перекрыл густой хриловатый возглас. Иван узнал сказавшего на слух – это он, здоровяк и красавец, сидел к ним с Симоном ближе всех и понравился ему.

– Рано веселиться начали! Война-то только ещё объявлена.

– Иди ты!.. – отреагировал господин.

– Пойду... Но мы, Джо, не всё учли.

Иван не ослышался – он назвал Радича по имени, даже сокращённому, панибратскому и без примелькавшегося слова – господин.

– Чего там? – недовольно пробурчал Радич почти над головой притаившегося Ивана.

– А ты видел этого... Рядом с Симоном? Здоров... Как Севильяк. И, по всему, тренирован.

– Здоров и здоров. Ну и что? – спросил обладатель тонкого надтреснутого голоса.

– Думать надо, дурачки вы такие! Это же новый ренк.

Ивану не было видно их лиц, зато он с некоторым волнением – речь-то шла о нём – пережил молчаливую паузу, вдруг наступившую у ходоков.

– Плевать на него! – хохотнул господин Радич, обидев Ивана навсегда. Встать бы и стукнуть его по голове. А тот, уже строже, продолжал: – У нас и без него дел невпроворот. Дел, заметьте, а не сонных заседаний и ненужного прозябания в этой жизни. Пора нам, молодым и сильным, объединить вокруг себя тех, кто пожелал бы переделать мир и жить красиво и интересно, без пугливой оглядки на дурацкие законы и надуманные порядки, измышленные для тех, кто не умеет ходить во времени. Это они пусть ползут в своём сером настоящем, а нам, ходокам, не пристало пристраиваться к их миру. Он нам не нравится! У нас должен быть другой мир, свои законы, свои дела! – Радич витийствовал довольно складно, иногда переходя на распев. Создавалось впечатление, что он сам себе подвывает. Иван понял: у них всё уже оговорено, имелась, похоже, даже какая-то программа действия. А Радич подтверждал догадки: – Когда наши патриархи вымрут... Чёрт их возьми!.. Тойво и ты, Эдуард, займитесь, наконец, Симоном по-настоящему, а то он водит вас, как щенков неразумных, за нос. Ты же. Арно, можешь, если хочешь, конечно, присмотреть за новым ренком. Встреться,

поговори с ним, пощупай его, пригласи к нам. Что ему со стариками делать?.. Тебе, Владимир, придётся покрутиться в Фимане.

«Кто из них Арно?» – разобрало Ивана ненужное любопытство.

Он старался изловчиться, посмотреть и удостовериться, что Арно, приставленный заняться им, и есть тот ходок, который ему понравился. Но старался, как оказалось, неуклюже, чем и выдал себя.

– Лёгкок на помине, – спокойно и без особого удивления сказал Арно, увидев, как Иван высунулся почти из-за плеча Радича. – Мы о нём, а он здесь...

Не дожидаясь, когда в его сторону повернуться все остальные, Иван стал на дорогу времени, так и не рассмотрев ни Арно, ни Радича, сидевшего к нему спиной.

Прежде чем направиться к себе домой, он сделал хитроумную, подсказанную Сарыем, петлю во времени, чтобы никто за ним не увязался и не установил место его квартиры.

Впрочем, образ Арно постепенно как-то выкристаллизовался в его памяти: открытое лицо, большие, как будто, голубые глаза, аккуратный нос и лёгкая, красящая его, постоянная улыбка.

– Приятный парень, – поделился Иван своими наблюдениями с Симоном, который спокойно, несмотря на произошедшие, а, по мнению Ивана, на возмутительные события, поджидал его, мирно беседуя с Сарыем, пьющим чай.

Ваня может

– Мне он самому таким всегда казался, – ответил Симон и попросил ещё раз пересказать подслушанный разговор. – Да, компания у них, Ваня, крепкая, – продолжил он после нового повтора Иваном за всех, в лицах, беседу заговорщиков, уже с подробностями, по сути, слово в слово. – Сам Радич, я тебе как-то говорил, ренк с довольно большим временным диапазоном. Вот проницаемость у него – так себе... Между ренком и вертом. Он себя считает ренком, а мы – не против... Далее, Арно... Арно Сорель. Сложная и противоречивая, есть такое выражение, фигура. Ренк с высокой подвижностью, но диапазон не ахти, тысячи две с половиной или чуть больше. Как у Камена. Всегда жил сам по себе. Любит показать себя, покрасоваться. А в остальном – нормальный человек. Я бы сказал, мягкий человек, добрый. И, честно говоря, я его не понимаю. Не понимаю его связи с Радичем. Что-то тут есть тёмное. Я Арно не видел вот уже года два, но... Впрочем, кто его знает? Люди, тем более ходоки, порой меняются. Пожил где-нибудь в подобающей обстановке, нахватался глупостей... Надо бы о нём подумать, поспрашивать кое-кого...

– Да они все разбежались, спрашивать некого, – саркастически высказался Иван, вспомнив недавнее, словно неживое, собрание ходоков и их исчезновение, лишь запахло по-

рохом.

– Ты, Ваня, не прав. Не разбежались, а давай сформулируем это по-другому. Скажем, ушли от греха подальше.

– Какая разница?

Симон поднял брови, выражая крайнее удивление реплике Ивана и своё несогласие с ним.

– Жаль, что ты не видишь разницы. Ты разве, когда воевал, под пули лез?

– Не лез, конечно, – вяло отозвался Иван, но остался о поведении ходоков при своём мнении.

– Я его последний раз видел в Фимане, – неожиданно подал голос Сарый. Его красивые карие глаза оживились, в них запрыгали огоньки заинтересованности. До этого казалось, что он пил чай и к разговору побывавших на собрании даже не прислушивался. И вот эта валаамова ослица заговорила: – Там Арно встречался со Шломом.

Симон подпрыгнул так, как если бы его снизу кто-то уколол иголкой до самой кости.

– С кем, с кем?.. Со Шломом?! Ин-те-рес-но! Сейчас, Ваня, я кое-что соображу, а уж потом объясню... Видишь ли... Камен! Давно ли это было?

Учитель, припоминая, важно прищурился.

– Я думаю, – сказал он степенно, – был я там... после того раза два... Устал тогда сильно, едва дошёл...

Хотя Иван не услышал чёткого ответа Учителя, но этого оказалось достаточным для Симона.

– Так, так. Похоже, Шлом проник со срединной точки, – Симон не дослушал стенания Сарья по поводу тяжести перехода. – Шлом погиб в четыреста сорок третьем году до нашей эры, если я не ошибаюсь в своих расчётах. С календарями такая путаница... Мы, Ваня, говорим о Шломе по прозвищу Анурхай, что будто означает – Красивый. Таков он и был. Сарый вот знает, что Шлом был великолепным вертом с выдающимся диапазоном движения. Тысяч под десять. Притом умным, сильным и красивым... Здоровый красивый мужчина, как ты, Ваня. – (Ну, уж! – буркнул Иван, польщённый донельзя). Симон, видя его смущение, рассмеялся. – Многое из того, что я тебе рассказал о ходоках, некоторые исторические экскурсии, факты и имена, и кое-что ещё я почерпнул из бесед с ним... Так, значит, Арно встречался со Шломом... О чём говорили ты, конечно, не знаешь?

Симон с сожалением даже цыкнул языком и обескуражено покачал головой. Сарый в ответ глянул кротким невинным взглядом и, не спеша, отхлебнул из чашки.

– Знаю, – наконец, многозначительно промямлил он и сделал паузу. – Они были рядом со мной.

– С тобой?!. В этом?!!

– Нет! – Сарый метнул в сторону Ивана быстрый настороженный взгляд. – У фонтана Забвения.

– Ты уже до него добрался?

– А что? – Сарый начал выпрямляться и выпячивать вперёд птичью грудь, изображая независимость.

– Перестань! – отмахнулся Симон. – Ну, Камен! – он явно разволновался. На лбу у него выступили мелкие капельки пота. – Не тяни!

– Может быть, не интересно... – проговорил Учитель протяжно, но, посмотрев в лицо Симона, смешался и зачастил: – Они говорили о мешке Сола... Вот. Сам знаешь, какой это разговор. Вот я и подумал, что ничего интересного в этом разговоре нет...

Симон присвистнул.

– Вот оно что!.. Так, так... Они тебя видели?.. Нет! Со всем хорошо... Теперь, друзья, помолчите некоторое время.

Лицо Симона окаменело – он думал. Сарый тоже думал. Губы его вздрагивали, глаза лихорадочно блестели, и, вообще, он имел несколько затравленный вид. Он, наверняка, знал, о чём думает, вернее, что пытается понять Симон, сопоставляя известные ему и предполагаемые им же факты и события последних и стародавних дней.

Глядя на них, Иван проникся к ним необычайным уважением.

Ходоки во времени – мудрецы, – родилась и билась мысль в его сознании, подавленном сосредоточенным видом Учителей. Именно Учителей! Так могли думать только мудрецы. Мудрецы тех, прошедших столетий, полностью ушедших в размышления, занятых мировыми, вселенскими проблемами, позабывших обо всём мирском и суетном... И они его Учители! Не учителя, а Учители, те, которые стоят у истоков

всего того, чему они его учат.

Уф!.. Лицо Симона порозовело, он шевельнулся.

– Неужели, дорогой, мешок Сола действует? – нервно спросил его Сарый.

Симон вымученно улыбнулся.

– Мы, дорогой, пришли с тобой к одному мнению... Но каково!.. До чего додумались и добрались, стервецы!.. А тут ещё дела... наши...

Они замолчали и несколько минут грустно смотрели в глаза друг другу, словно занятые мысленным диалогом, в который ученика – непосвящённого – не пускали.

– Ваня уже может, – нарушил молчание и серьёзно сказал Сарый. – Я в нём уверен.

– Ваня может! – подобно эху, всё ещё занятый решением каких-то вопросов, повторил Симон,

Учитель промолчал, с шумом отхлебывая остывший чай.

«Моё имя названо!..» – Иван почувствовал себя перед боем, сейчас начнут стрелять, угадать бы – откуда.

Да, его имя названо...

Ваня может, – подвел черту Сарый всему тому, чему он успел научить Ивана. То же самое повторил Симон, как само собой разумеющееся...

Но они не торопились испытывать его возможности.

Симон ещё раз попросил пересказать подслушанную беседу ставших на путь раскола ходоков. Потом сказал несколько слов о Тойво и Эдуарде, назначенных Радичем за-

няться им самим. Дал туманные, во всяком случае, непонятные для Ивана наставления Сарью, чему в ближайшее время того учить, и ушёл, озадачив ученика неприкрытым равнодушием ко всем тем событиям, что произошли на встрече ходоков. Он никого не осудил, не сказал о принятии каких-то мер...

Ивану-то казалось, произошёл из ряда вон скандальный и страшный для ходоков инцидент, который был противоестественен по своей сути: вооружённые люди стреляли в безоружных. Шайка гангстеров или наёмников какая-то. Настоящие фашиствующие молодчики. А для них, для Сарья и Симона, такое как будто было в порядке вещей, существующем у ходоков.

Симон ушёл, а Сарый, хлопая посоловевшими после еды глазами, направился спать. Иван сел за убранный стол на кухне и задумался надолго, наверное, так в первый раз в жизни.

Хотя кто знает, что значит – задуматься по-настоящему? Подчас этому придают слишком большое значение. Думать думу – само по себе тягостное состояние души. В ней что-то бродит там, по бесчисленным нервным клеткам в виде слабых токов, понуждая мозг работать и осознавать то или иное событие, уже случившееся с ним. Случившееся, но почему-то пропущенное мимо. А теперь вот оно вновь напоминает о себе и заставляет вязать ниточку с такими же эпизодами или с более понятными явлениями. И выстраивается

новая картина окружающего. Это приводит к тому, что человек вдруг познаёт либо радость ото всего того, что с ним случилось или может случиться, либо, что значительно чаще, ибо в радости мало задумываются, к нему приходит понимание необходимости принятия новых, порой, неприятных решений. Тогда он следом начинает думать – а не обойтись ли малой кровью и не плюнуть ли на всё?..

Вначале мысли Ивана витали вокруг недавнего переполоха среди ходоков из-за стрельбы по ним. И вспоминая подробности, выражения лиц, глаза, жесты участников событий, он теперь представлял, что они, по кому стреляли, не очень-то все испугались её, этой стрельбы. И Сарый, когда ему рассказали об этом, похоже, вообще пропустил мимо ушей сам факт появления у некоторых ходоков огнестрельного оружия и пальбы из него по людям. Зато о мешке какого-то неведомого Сола говорил взволнованно.

В голове перемешались имена и дела – Шлом, Арно, Джозеф Радич, собрание ходоков и его личное разочарование в них во всех. Ивану теперь думалось, что Симон не без причины оттягивал его знакомство с сообществом, в которое он, по истине, угодил как кур в ощи́п.

Потом он почему-то стал думать об Учителе, Симоне, о себе, о взаимоотношениях между ними, и, к своему удивлению, нашёл их приемлемыми на фоне всех других событий.

И, в конце концов, решил: они могут положиться и рассчитывать на него.

На его стороне были они – друзья и Учители.

С противоположной – те, пока ещё не враги, но чьи замыслы и, главное, действия, были ему не по душе. С ними он не прочь расквитаться за дону Севильяка, если они, и вправду, причастны к его исчезновению. И за стрельбу.

Да и чего греха таить, показать им себя.

Кто он – КЕРГИШЕТ или нет?..

Часть вторая

К ПРЕДЕЛУ

...сама вечность бродит по замкнутому кругу в этих горных дуарах, где окаём сокрыт зубастым снеговым ожерельем.

Е. Парнов. Звёздные знаки.

От Ивана

Никогда в жизни не болела голова, а тут разболелась. И даже не физическая боль настигла меня, но нечто такое, что раньше называлось томлением духа. Как будто душно мне стало и нехорошо.

Помявшись, я излился перед Симоном, когда он нас посетил в очередной раз во время беспробудного сна Учителя.

– Ну что ж, – ответил он, словно знал о моих ощущени-

ях. – Бывает. Тебе, Ваня, пора развеяться. И не в прошлом, а в настоящем.

Я засомневался, пожал плечами.

– Дослушай... У тебя плохая привычка...

– С кем поведёшься, – успел вставить я.

Симон на мою грубость не обратил внимания.

– И я о том, – ровно сказал он. – Посмотри, как ты жил последние месяцы... Учёба и Камен. А?

– Конечно! – не приминул обидеться я. – А что от вас ещё дождёшься? Признайся, Симон, вы меня загипнотизировали?

– В каком смысле... – он запнулся, – ... загипнотизировали?

– А в том, что я... Я! Свободный от рождения человек! Не смейтесь, пожалуйста!.. Так вот я, свободный человек, торчу тут с Учителем, будто кто меня к нему привязал. Выслушиваю от него всякое... Ему бы только в Фиман сбежать...

Симон предостерегающе поднял руку.

– Ваня! Ты о Фимане не говорил, а я не слышал!

– Тоже мне... Тайны, всё тайны!

– А по поводу гипноза... Ты не прав. Какой может быть гипноз? Просто тебе всё это самому было надо. Вот ты, как свободный человек, реализовал свой интерес. Так что иди-ка, Ваня, пройди-ка по улице. В кино сходи, на девушек посмотри.

– а – а! – отмахнулся я, но потом решил на прогулку.

Одичал я всё-таки. Машин даже стал бояться, так и тянуло при их виде зависнуть во времени. Но на улице такие провалы небезопасны, чего доброго при проявлении под ту же машину или по инерции в фонарный столб врежешься, не говоря уже о реакции прохожих.

Мне будто заново приходилось учиться ходить по городу. Памятуя совет Симона, взял билет в кино. А до начала фильма ходил у кинотеатра и посмотрел на девушек.

Точно одичал! Кем был и кем стал! Аскет! Право слово. Сказали бы раньше, никогда не поверил бы. Даже попытки расшевелить себя, сделать заинтересованное лицо и пристальный, нацеленный взгляд на женские прелести не спасали.

И я взбунтовался против себя. Мне тридцать лет, ещё не вечер, а я хороню себя в проклятом провале времени.

Ни за что!..

Разозлился!

Помогло. Плюнул на фильм, позвонил по знакомым телефонным номерам. Один из них отозвался милым женским голоском, который удивился и – пролившись целебным бальзамом на мои душевные раны – очень обрадовался.

Меня расслабило... На два дня я позабыл о ходоках, Симоне, его заботах, об Учителе и таинственном исчезновении дона Севильяка.

Так оно и было...

Когда хозяйка квартиры ушла из дома по каким-то делам, а вернее всего, проветриться после моих невероятных чувств, накопленных за месяцы воздержания, Симон вежливо напомнил о себе. В строгом костюме он проявился передо мной, разнеженным и неприбранным, лежавшим в свободной позе без мыслей в чужой постели.

– Ваня, – сказал он мягко, но настойчиво, – ты нам нужен...

Два дня отдыха встряхнули и взбодрили меня, позволили обрести какую-то отчаянную уверенность в себе. Похоже на то, когда я долго готовился и ужасно боялся прыгнуть с парашютом и, наконец, прыгнул, то ощутил блаженство свободного полёта и раскрепощённости, которые остались в каждой клеточке тела после приземления, и теперь – сам чёрт не страшен.

Так оно и было...

Две минуты на сборы, записка хозяйке, и вот мы уже в моей квартире. Чинно расселись как три высоко договаривающиеся стороны, где Учителю отводилась роль пассивного и созерцательного присутствия.

– Послушай, Ваня, меня внимательно, – начал Симон.

Я же как-то легкомысленно пропустил мимо ушей его призыв и отключился, сладко переживая события последних двух дней. Бурно встречали, повисли на шее, быстрый обмен бессмысленными словами... Было здорово!.. Я насторожил-

ся и выплыл в реальность, лишь услышав:

– ... это не ходоки во времени в нашем понимании, а обычные люди, но использующие технику. Мы их называем аппаратчиками... Жаргон.

Я и Сарый вздрогнули. Я от знакомого слова, Учитель от тех неприятностей, которые они ему приносили.

– Что? – Я потёр лицо ладонями. Мне стало стыдно перед серьёзным Симоном, а ведь ещё недавно уверял его, что не мальчишка я какой-то, но муж, ответственный за слова и дела свои. Сказал виновато: – Я ничего не понял.

Симон, как я неоднократно отмечал, человек вежливый, он лишь прищурил левый глаз и обозначил обо мне своё мнение шевелением губ.

– Я повторю, – потирая колени, устало сказал он.

Интересно, что он обо мне думал в этот момент?

Вдруг примерно так, что вот сидит, мол, баловень судьбы и природы с блаженной улыбкой деревенского юродивого, ловит мух и ждёт, чтобы с ним говорили учтиво и мягко и, как бестолковому первоклашке, неоднократно объясняли бы суть необходимости в нём. А она, суть, довольно нешуточная, возникла неожиданно и не терпит отлагательства.

Неужели он так мог обо мне думать?! Если...

А ведь, может, именно так. А мне совсем не хотелось бы выглядеть перед ним плохим.

– Извини меня, Симон! – подобрал я своё небрежно развалившееся на диване тело, подтянул ноги и сел прямее. –

Отвлёкся я. Как-то так уж получилось.

Симон прикрыл глаза, качнулся вперёд-назад и без обиды поддержал меня:

– Бывает, Ваня.

Симон скармливал мне очередную порцию сведений о ходоках вообще и о себе, в частности.

По-видимому, в подсознании я догадывался о многом, так как его признание, похожее на откровение, что они с Каме-ном Сарыем не из этого времени, а из будущего, не только не удивило меня, но, наоборот, успокоило. Как будто в наши взаимоотношения лёг последний камень, завершающий всю постройку.

Забегая вперёд, скажу, как оказалось: ложный камень и отнюдь далеко не последний.

– Мне всегда казалось, что вы не наши современники, – выразил я своё отношение к сказанному. – А дон Севильяк?

– Он, если так можно выразиться, – улыбнулся Симон, – туземец этого времени.

– Однако!.. И я туземец, значит? Абориген?

– Не придирайся к словам.

Наверное, притягательное и забавное сочетание слов «туземец этого времени» вновь отвлекли меня, и Симону пришлось опять напоминать, зачем мы здесь, собственно, собрались.

Извиняться не следовало, и так всё было понятно, и я просто выразил внимание к собеседнику.

– С тобой, Ваня, разговаривать – только время терять. Никакого терпения может не хватить. Ты же в школе, насколько я знаю, был примерным учеником... И в армии дисциплину чтил, а?

– Да слушаю я!

– Слушаешь, да не слышишь. Ладно... У нас в прошлое ходят не одни ходоки, от природы наделённые этим даром, но и обычные люди, использующие технические средства... Аппаратчики.

– Ага, – показал я понимание. – Мы их видели. Учитель обещал, что ты мне о них расскажешь.

В этот раз я незаметно для себя перешёл в разговоре с Симоном на «ты». Он не удивился.

– Знаю! – оборвал нетерпеливо он мои воспоминания. – Дослушай ты, пожалуйста!.. Диапазон у них велик, но без стабильной материализации в прошлом. Они чаще всего, как в кино, наблюдают жизнь со стороны. Для историков удобно: и прошлое не загрязняется их появлениями и поступками, и можно изучать многие исторические моменты воочию... Так вот. Техника развивается, и аппаратчики могли уходить в прошлое всё глубже и глубже. И уходили. Но вдруг перестали оттуда возвращаться.

– Как дон Севильяк?

– Нет, Ваня. Дону Севильяку такой диапазон и не снился. Те, кто исчез, ушли за сто тысяч лет.

Я произвольно присвистнул.

– Сто тысяч лет!.. И мне, что... – Я с замиранием сердца уставился на него, так как на столько лет в прошлое ещё не уходил, – надо узнать, что с ними случилось?

Симон кивнул.

– За сто тысяч?!

Он снова китайским болванчиком покивал головой.

– Ух! – выдохнул я со смешанным чувством радости и страха.

Невероятно, что у меня такие возможности. Вернее, здорово, что мне подвластны такие глубины прошлого. Знал и до того, но всё равно дух захватывает.

Мы несколько минут обсуждали, что я могу, а чего должен опасаться или на что обращать внимание, поскольку Симон, уверенно говоря о ближнем прошлом, весьма приблизительно мог прогнозировать моё поведение в дальнейшем во времени поиске.

Стратегия поиска, подсказанная Симону в будущем и переданная им мне, выглядела предельно просто и одновременно предельно сложно.

Следовало прочесать время и пространство на рубеже ста и более тысяч лет в прошлом, найти хотя бы одного пропавшего аппаратчика и попытаться вернуть его назад. Или же посмотреть, а лучше попробовать разобраться, в конце концов, какие там, в этих далёких тысячелетиях, действуют эффекты, неодолимые для аппаратчиков. И то и другое поможет, вероятно, разработать программу возвращения всех

других исследователей, застрявших в неведомых веках времени.

Так коротко моя задача выглядит в пересказе, а на самом деле разговор с Симоном в присутствии молчаливого, и оттого значительного в своём молчании, Сарыя, длился значительно дольше.

Мне нужны были ориентиры, хотя бы едва правдоподобные гипотезы и предположения о случившемся с аппаратчиками в прошлом. Способы идентификации (Симон так говорил) аппаратчиков, координаты точки зоха для вывода найденного человека...

Пришлось обсудить много других вопросов.

Иначе всё было бы как в сказке: пойти туда, не знаю куда, найти то, не знаю что.

К сожалению, после, казалось бы, всего того, что мне хотелось узнать и выяснить, неопределённого и недосказанного осталось не меньше.

– А дон Севильяк? – под конец спросил я.

– Да, дон Севильяк, – вздохнул Симон. – Ты пока займись аппаратчиками, а мы ещё наведём справки.

Меня провожали.

Утончённый Симон с бритвенно острыми стрелками на брюках, при модном – шире хари – галстуке, причёсанный на пробор. И Учитель – в моём красивом спортивном костюме со свежими заплатками на локтях (Сарый сам их приши-

вал вкривь и вкось, бормоча при этом о рачительности уважающих себя людей, к которым относил себя и только себя). Стоял он с круглыми карими глазами во всё лицо, с заметным уже брюшком и, по обыкновению, молчаливый в присутствии Симона. Не хватало милого дона Севильяка – было бы шумнее и веселее.

Хотя проводы никогда не таят в себе радости.

Прозвучало последнее напутствие:

– На дороге времени будь осторожен и осмотрителен. Мы знаем несколько периодов, где могут встречаться живые существа, умеющие посещать поле ходьбы. Не все они безобидны. Поэтому держи оружие наготове.

– Учту, – пообещал я, не совсем ещё понимая заботы Симона; сколько уже хожу, а на дороге времени никого не встречал.

– Ладно, Ваня, – прервал Симон натянутую паузу. – Пора.

Он помог мне просунуть руки под лямки рюкзака, купленного для этого случая, с едой и питьём, поправил на поясе нож, печально потрогал пальцами рукоять пистолета, засунутого на три четверти в кожаную кобуру. Взять огнестрельное оружие он посоветовал сам, и достал его, и объяснил, почему это надо, но делал всё перечисленное неохотно, так как оружие не уважал, а подчинялся необходимости. А мне с ним, по недавней памяти, было привычно и безопасно.

Я им улыбнулся на прощание. Учитель моргнул и как будто выключил себя – не стало глаз, не стало Сарыя. Симон

поднял руку в немом салюте.

Так они и остались в моей комнате, а я для них растаял, вылинял на ковре настоящего и ушёл в провал прошлого...

Каждый шаг, каждая секунда движения во времени – годы. Лёгкая пробежка – века, а впереди десятки тысяч лет – идти и идти по неведомым годам, запасаясь терпением и надеждой.

Став на дорогу времени, я отвернулся от будущего и... пошёл в сторону гор недоступности.

Первые семьдесят тысяч лет я прошел легко, без особых трудностей, потому что не старался задумываться об оставленном позади времени. Мне, правда, было интересно отметить какие-либо препятствия или закрытия на дороге времени в районе тех четырёх тысяч лет, может быть и задолго до нашей эры, о которых говорил Симон. Но поле ходьбы везде для меня оставалось монотонно плоским. Напрашивалось представление о большом хорошо подметённом дворе – ни соринки, ни рытвинки.

Зато ближе к семидесяти тысячам, граничные горы придвинулись, чаще стали встречаться неровности, а то и закрытия, но проявляться в реальном мире я не собирался до поры до времени, поэтому безбоязненно шёл, где удавалось, напрямую.

Ещё через десять тысяч лет, то есть где-то в точке зоха,

соответствующей восьмидесяти тысячам лет до нашей эры, по договоренности с Симоном, меня должен был встречать аппаратчик, выделенный для моего сопровождения из будущего. И я уже посматривал по сторонам, отыскивая его.

Как он выглядит в моем поле ходьбы, я не знал. То, что когда-то пронеслось мимо нас с Сарьем, никак не выглядело, вернее, походило на сгусток тени из-за громадной скорости движения во времени.

Мой аппаратчик будет стоять на месте.

Расспросы Симона ничего не дали мне определённого. Для его восприятия – аппаратчики тоже представлялись тёмными массами, с большой скоростью снующие по дороге времени. Таким образом, нечто подобное и я видел – туманное облачко. А для Сарья – неожиданный с ног сбивающий вихрь, или внезапно возникающие закрытия. У него из-за них были, хотя он не признаётся, какие-то неприятности. Как будто.

– Едва убедили их изменить трассу движения. А то среди ходоков всякие нелепые сказки стали появляться, – пояснил Симон. – Ходоки же суеверны, как старые женщины.

Вот и отметка. По моему представлению именно здесь находится граница оговорённого для встречи года. Сунув руки под лямки рюкзака, я осмотрелся.

Аппаратчик, если это был он, висел метрах в ста пятидесяти по направлению к будущему. Тёплое розовато-жёлтое сияние окружало его, словно он горел в пламени свечи, кап-

левидный абрис которого колыхался и ещё больше увеличивал иллюзию подобия язычку огня, но уж очень большому. Ни свечение, ни человек в нём – темнеющая издалека фигурка – земли не касались. Парили.

Точность, подумал я, для рандеву вполне приличная. Конечно, если бы мы с аппаратчиком проявились в реальном мире, то никогда бы не встретились. Нас разделяли бы тысячи лет и тысячи километров неведомых пространств. Впрочем, то, что я его видел, зависело не от меня, а от него. Вообще, на дороге времени видимость не та, что в реальном мире. Бывает, иного ходака можно не увидеть даже на расстоянии нескольких шагов. Пока лоб в лоб не столкнёшься.

Он меня заметил, я ему помахал рукой, подзывая к себе. Всё было так просто, будто стою утром – ещё сумрачно во круг – на обочине дороги, останавливаю такси, чтобы подбросило до нужного пункта.

Сияние привспыхнуло, загустело до сиропного цвета и медленно приблизилось ко мне.

Аппаратчик, по-видимому, мой ровесник, с интересом посматривал на меня и не скрывал этого. Был он тонок и высок, одет просто, но униформа (об униформе я узнал позже) сидела и смотрелась на нём вечерним костюмом, так она подходила к его росту, фигуре, движениям, хотя и ограниченными рамками аппарата

Никакой это не аппарат, а сложный, наверное, до невозможности кокон, укутавший человека. Его движение – от-

чуждение потока времени, он для него не существует, он вне него. В нём, наверное, и в космос податься можно...

Молча обменялись приветствиями. В непосредственный контакт мы вступить не могли, только язык жестов, да возможность воспользоваться дощечками. На них можно было писать особым фломастером. Дощечки – идея Симона. Может быть, он всё-таки знал о моём видении аппаратчиков в поле ходьбы?

Моя дощечка лежала в рюкзаке сразу под клапаном, чтобы достать её можно было без труда; у него она болталась на виду, подвешенная как уланская ташка.

Он улыбнулся во весь рот. А мне много ли надо? Я расплылся, зафыркал. Мы рассмеялись. Он беззвучно, а мой смех, толчками проталкиваясь через субстанцию времени, раскатился по полю ходьбы.

Одним словом, мы друг другу понравились. Бывает так: встретился, улыбнулся и проникся безграничным доверием. И нет между нами стесняющих рамок для откровения.

Он первым подхватил дощечку. Естественно, это была не дощечка, а плоский экран, на нем высветилось латинскими буквами (он писал на нём указательным пальцем): – «Алекс Жердецки». Впрочем, Симон предупредил, что мы с ним можем общаться и кириллицей по-русски.

Мне не доставило труда вынуть и свой незатейливый экран обмена информацией и написать своё имя. Алекс кивнул головой, его русые волосы колыхнулись, он поправил их

заученным движением руки. Потом показал – пора начать движение.

Тут я понял по-настоящему все народные пословицы и поговорки о спутнике, скрашивающем превратности и укорачивающем протяженность дороги. Мимо нас неслышно сквозило время, а мы шли с Алексом, вернее – я шёл, а он плыл во взвешенном состоянии, и было мне приятно ощущать, в этом потерянном памятью времени, сопричастность человечества в его лице.

Алекс, не стесненный, как я, ходьбой и рюкзаком, время от времени что-нибудь высвечивал на дощечке, чаще в виде рисунка, а я либо принимал к сведению, либо отвечал мимикой и жестом; иногда писал или рисовал сам. Коротко. Так, он предупредил, чтобы я к нему слишком близко не подходил, так как не ясно было, как среагирует энергетический кокон, в котором он находился. Заметил, что передвигаемся мы медленно, я же пожал плечами, мол, как можем. Поинтересовался, сколько мне лет. Ему-то оказалось пятьдесят два, но на вид ему столько не дашь. Правда ли, что я живу в конце двадцатого века? Из какого города? Знаю ли я таких-то писателей, поэтов, художников?

Ему, естественно, интересно. Мне тоже – многое хотелось бы у него узнать. Да не поговорить. Много ли на дощечке, в две ладошки площадью, напишешь? Да ещё на ходу? Вот бы где нам пригодилась грамота глухонемых!

На девяносто седьмой тысяче лет в преддверии событий,

ожидающих меня в скором времени, я, поддразнивая Алекса, плотно поел, напился и присел отдохнуть. Рюкзак всё время держал в руках. Отпустишь – ищи его неизвестно где. Так говорил Сарый. Проверять его слова я не собирался.

Горы недоступности придвинулись ещё ближе, но, прикидывая расстояние до них, я видел – идти до них далеко.

Однажды в Алма-Ате (я тогда впервые попал в этот город) я шёл по улице. Посматривал, как это водится в таких случаях, по сторонам.

Но вдруг от удивления остановился, обеспокоенный тем, что прямо передо мной к небу громоздится снеговой горный пик. Мне тогда подумалось, пройду ещё сто-двести метров и – я на горе.

Возможно, на дороге времени такой же обман зрения. Как будто предел рядом, но пока что начинаются лишь отроги, да как будто труднее идти стало.

Поел и аппаратчик. Еда у него, на мой взгляд, малопривлекательная – в виде пятикопеечных монет. Таблетками, бедный, наверное, питается!..

Все-таки лучше мясо и хлеб, а?

Желание моё как-нибудь расспросить его о будущем пропало, потускнело оно, коль уж там едят не по-человечески. Предполагал, конечно, о необходимости такого питания в коконе, а на самом деле они, наверное, едят то же, что и мы, но настроению не прикажешь.

Плохо там у них – и баста!

Отдохнул – и снова в дорогу.

При дальнейшей ходьбе Алекс всё время обгонял меня, увлекая за собой. Мне казалось, перевалим через стотысячный рубеж, прыти у него поубавится. Но нет. Лишь энергетический его кокон увеличивался в размерах и стал светиться значительно сильнее, чем при встрече. Алекс же беззаботно поглядывал на меня и спокойно продвигался в прошлое.

Всё! – решил я твёрдо. По моим представлениям времени, мы вышли к сто третьему тысячелетию, и пора было поостеречься за Алекса. Во всяком случае, следовало сбавить скорость ходьбы и внимательнее осмотреться. Симон настрого предупредил: дальше ста тысяч с аппаратчиком не идти.

Я остановился и написал на дощечке: – 103-я тысяча лет. От удивления он дёрнулся в коконе, колыхнув сияние энергополя, и посмотрел на руку. На ней в виде часов, по-видимому, находился прибор, отмечающий глубину погружения в прошлое. Уже по первому движению его губ можно было понять о несогласии со мной. Я тоже вздрогнул, увидев на его дощечке надпись: – 90-е тысячелетие.

Однако... Тут что-то не так.

– Нет, нет! – показал я качанием головой и размахиванием руками. Улыбнулся.

В себе я был уверен вполне. Мы, ходоки, даже с точностью до секунды можем сказать, в каком времени находимся и, до сантиметра, куда должны проявиться в пространстве. Так что, улыбаясь, я показывал ему свою собственную уверенность.

ность и непогрешимость определения глубины прошлого.

Алекс не на шутку забеспокоился. Да и я, глядя на него, перестал изображать из себя спокойного и неуязвимого. В конце концов, одним делом занимаемся, и завязаны этим делом друг на друга. У него не получается, и я, вроде бы, не в стороне.

Ладно. Бессмысленно доказывать вот так, как у нас случилось, свою правоту. Всё равно, что спорить – шесть или девять, стоя на противоположных сторонах этой цифры. Я написал: Что будем делать? Он попросил подождать несколько минут и, взбурлив сиянием кокона, умчался в сторону будущего, быстро исчезая за далью. Мне ничего не оставалось, как подсунуть под бок рюкзак и поскучать, хотя скуки я не чувствовал.

В технику, а особенно в технику будущего, я верю слепо. Почему бы и нет?

Но на то она и техника, что могут, конечно, и у неё быть повреждения всякие и отказы. Так, возможно, случилось с прибором Алекса. Сбилась настройка, отказала какая-то деталька, да мало ли что.

Теперь я по-новому проанализировал нашу встречу. Алекс подждал меня с разницей почти в тысячу лет. А я тогда был точно в оговорённой точке зоха. То же самое он мог сделать по своему прибору. Однако же нас разнесло всё-таки!

Честно говоря, думая о невязке времени, я не предполагал

чего-либо невероятного, больше беспокоился о себе, а не об Алексе. Неужели не правы мои ощущения времени? А ведь я уверовал в них бесповоротно. Впрочем, вяло утешал я себя, мало ли какое влияние оказали на них десятки тысячелетий. Ссылка на других ходоков бессмысленна, ибо они ходят во времени на расстояния в десятки раз короче, чем я.

Так что, застигнутый врасплох, я не знал, что и предполагать и кому теперь верить. Себе, Учителям или Алексу.

Он, как и обещал, вновь появился не позже, чем через пять-шесть минут в сияющем великолепии. Не один. Его сопровождали ещё двое аппаратчиков, один из которых, с суровыми чертами лица и влажными беспокойными глазами, без предисловий вступил со мной в контакт. Состоялся разговор на дощечках, который я расшифрую шире: Левон Маркос – Иван Толкачѳв.

– Вы утверждаете, что сейчас возможен выход...

– ... в сто третье тысячелетие до нашей эры. Точнее, сейчас сто две тысячи восемьдесят шестой год, лето, август, середина месяца. По моему представлению и нашему исчислению. Что на самом деле в реальном мире, надо выходить в него и смотреть.

– Наши данные, – сообщил Маркос, – восемьдесят четвертая тысяча шестьсот сорок девятый год, весна, начало мая. По-вашему.

– Странно... – неопределенно сказал я вслух, он меня понял и кивнул головой.

– Всё может быть... – добавил я на дощечке.

Их коконы слились в один, большой, яркий. Непроизвольно я отпрянул в сторону на несколько шагов. Аппаратчики посовещались.

– Будем возвращаться, – передал решение Маркос. – Прошу Вас делать остановки через каждые десять тысяч лет. Начнем со ста тысяч по Вашему измерению.

Идея сличения дат по точкам зоха мне была понятна, хотя чем дальше, тем больше я сомневался в себе. Если уж три прибора аппаратчиков показывают одну и ту же величину, то моё мнение, построенное на чисто субъективных представлениях, становилось, мягко говоря, смешным. Особенно, подозреваю, людям будущего.

От нелюбимого анализа я даже расстроился. В ногах слабость появилась, усталость.

– Согласен, – подал я знак аппаратчикам и побрёл назад, под горку, к дому.

Благо люди рядом были, а то проявился бы тут же в реальном мире и завалился где-нибудь спать, чтобы ни о чём не думать. Моё настроение Левон и Алекс заметили – третий аппаратчик покинул нас, – поддержали меня: Не переживай! Разберёмся... Я же отмахнулся рукой, ускоряя движение, и они оставили меня в покое. Если они правы, а я не прав, что тогда мне даст подобное разбирательство? Головную боль, не более того.

Однако поддержка есть поддержка, знаешь, что не один в

огромном поле ходьбы.

Делали отметки. На восемьдесят пятой тысяче Маркос сообщил: – «Разница всего девять тысяч. У нас сейчас семьдесят шесть». А на последней, семидесятитысячной отметке наши различия уместились в девятьсот двадцать семь лет.

Аппаратчики любезно попрощались со мной, пожелали благополучного возвращения восвояси. Я ответил им тем же. Наши дороги разошлись. Полыхнув светом коконов, они исчезли, а я остался один, разочарованный и как будто обиженный, а кем, неизвестно, и высказаться, излить обиду некому.

Пошёл кого-то спасать, но получилось не так, как представлялось. Находился во времени досыта, а дела не сделал.

Проявился Иван в реальном мире без подготовки, где придётся.

Горячее солнце подбирало последние капли росы на травах. Песчаная степь с полосками близких и дальних роищи и перелесков обдувалась неровным ветерком, потерявшим нужное направление и теперь не знавшим, что предпринять: то ли задуть во всю мощь, то ли затихнуть вовсе и впасть в полуденную сонную одурь.

Стрекотали кузнечики. В ногах Ивана, почуяв тень, застыла серовато-горчичная ящерица.

Иван полной грудью вдохнул вольный пряный воздух реального мира, бросил на землю рюкзак, уже не беспокоясь, что он затеряется неизвестно где, разделся, разулся, прилёг

на жесткую траву и погрузился в приятную полудрёму, в которой недавние неприятности и раздражение рассеялись, а их место заняли непрошенные и негаданные желания и воспоминания.

Он заснул, разметавшись под жгучим солнцем.

– Ты, Ваня, уж слишком-то не переживай, – выслушав рассказ Толкачёва о походе с аппаратчиками, успокаивающе сказал Симон. – Я вот однажды заблудился во времени. Да, да... Как говорится, нашло на меня. Где проявился, забыл совсем. И что интересно, никак не мог определить направление, где будущее, а где прошлое. Мне тогда почудилась тень забвения, красиво говоря, в неведомых годах и полях.

– Да я, собственно, ничего, – сказал Толкачёв, а про себя почему-то подумал: – «Уж лучше бы потеряться. Хотя бы на время».

Симон покинул меня, а я промаялся бездельем не меньше дня. Сарый что-то бурчал себе под нос, но я его не слушал. Наконец, сказал, что еда на столе, а сам ушёл в поле ходьбы. Я не успел поесть, как опять появился Симон.

Он смотрел на меня странно. Как в первый раз видел.

– Ты у нас настоящий переполох устроил.

– У кого это, у нас?

– У нас, Ваня, значит у нас в будущем.

– Вы говорили, будущего времени нет.

– Я и сейчас говорю, что его нет.

Он что, разыгрывает меня? Я сдержался, не нагрубил, а помолчал, чтобы голос не дрожал, когда говорить начну.

А что говорить, не знаю. Симон, как всегда суховатый и царственный, смотрел на меня спокойным взглядом и при этом утверждал, что будущего времени нет, а сам из этого самого будущего к нам приходит.

Перед лицом его невозмутимости, я всё-таки как смог, так и выложил ему свои сомнения, вначале сдерживаясь, а к концу не стесняясь в выражениях, вплоть о его заумности и обидной снисходительности ко мне.

– Вот что, Ваня, – после небольшой паузы, когда я выдохся, промолвил, постепенно привыкающий ко мне, Симон, – ты потерпи немного со своими эпитетами и я тебе подробно расскажу о будущем. О будущем. И о будущем времени. Это не одно и то же...

– Вот ещё, – не смолчал я.

– А ты не фыркай! Так оно и есть. А сейчас о переполохе... у нас, в будущем... Я с тобой заговариваться стал... Там идентифицировали время, то, что определил ты, и то, что значилось у аппаратчиков.

– Ну и...

– Ты оказался прав.

Я так обрадовался, будто Симон подарил мне конфетку, а я, маленький лакомка, только о ней и мечтал.

– Хоть это... – гордо сказал я, одёргивая себя, чтобы не наговорить чего лишнего на их будущее. – Переполох-то от-

чего? Ходок им нос утёр, а им досадно?

– Об этом они и не подумали. Переполох оттого, что пропавшие аппаратчики в таком случае ушли в прошлое не на расчётные сто шесть тысяч лет, а куда-то за все триста восемьдесят или даже за пятьсот тысяч...

– Ничего себе вилка! Больше ста тысяч лет. Но какая разница в том, что они ушли дальше расчётной отметки? Ведь тогда в их аппараты должны быть заложены возможности обеспечения таких погружений в прошлое.

– Как какая разница?.. Разница хотя бы в том, что им разрешалась материализация за стотысячным пределом, и они, наверное, воспользовались случаем.

Я вдруг всё понял.

– И вновь стать на дорогу времени не смогли? – подхватил я его разъяснения наводящим вопросом.

– Да. Проскочили слишком далеко. Потерялись, провалились во времени, если хочешь...

И снова, как в тот вечер, когда я узнал об исчезновении дона Севильяка, кто-то ощутимо глянул на меня в спину из прошлого и даже прикоснулся к ней вековым холодом. Я знобко повёл плечами и почувствовал, если не страх, то тоску какую-то, потому что со всем этим, что-то подсказывало мне, придётся наверняка встретиться и преодолевать его.

Но только бы не сейчас! Я покуда ко всему этому не готов.

В последнее время я чувствовал себя каким-то усталым и разбитым. И постаревшим к тому же лет на сто. Оттого

сообщение Симона о моей правоте и точности определять время в поле ходьбы и радостная гордость от этого меня не взбудрили. Вспыхнуло в душе лёгким светом и погасло. Со всем темно стало.

– Так что теперь?

– Мы просим тебя походить там и поискать их.

– В таком далеке? – воскликнул я. – Каким образом?

Не спеша, ровным голосом, Симон вкратце, а, может быть, и всё, что должен был мне передать из будущего, объяснил возможную стратегию поиска.

– Не густо, – понял я.

Он согласился и добавил:

– Сам знаешь. Ваня, всё дело случая. Во времени можно искать вечно и не найти. Если неизвестно, где искать... Ты и здесь прав. Но вот это должно тебе помочь, – Симон протянул брусочек величиной со спичечный коробок. – Индикатор. Он даст возможность нащупать аппаратчика, вернее его систему временного нейтрализатора или тайменда, если тот будет находиться в некотором промежутке данного времени в любой точке пространства Земли.

– Это меняет дело, – искренне обрадовался я. – Что я должен увидеть?

– Покраснение. Чем ближе, тем сильнее. И вот здесь обозначаются координаты аппаратчика и стрелкой – направление к нему.

– Ценная вещица. Может быть, у вас что-нибудь ещё при-

пасено для меня?

Симон с печальной улыбкой покачал головой.

– Нет, Ваня.

– Да я шучу. Что мне делать при обнаружении людей?

– Поговорить, успокоить. Да, с ними можно говорить на английском. Там есть понимающие этот язык. Но я уверен, что все они снабжены лингвамами и смогут говорить с тобой по-русски.

– Это прибор? Лингвам?

– Что-то вроде этого, – уклонился от прямого вопроса Симон. – А что тебе делать?.. Ну, мало ли что с ними стряслось. Поддержать словом и делом, то есть попробовать вывести их в наше время, или вытащить из временной ямы, а там уж они сами смогут добраться до студии института...

– Там у вас целый институт занимается прошлым?

– Институты, Ваня. Несколько... А как же ты думал? Всё самотёком? И в них сейчас дым коромыслом. Переполох, но не связанный с жизнью аппаратчиков. Если ты прав, а их методы датировки не верны, всё надо будет пересматривать и переосмысливать. Ты даже не представляешь, что это означает. Относительность времени в прошлом – важная новость... И все их представления о течении времени в прошлом могут рухнуть, а с ними и существующая датировка событий тех давних лет. И окажется, Ваня, что Земля наша, например, недаром называется старушкой, и существует не шесть с половиной миллиардов лет, как у нас считали до сих

пор, но десятки миллиардов, а возможно, кто знает теперь, и сотни. Вселенная же – и подумать невозможно, сколько! Притом жизнь на Земле зародилась так давно, что и определять теперь бессмысленно. Так-то, Ваня.

Вот это разговор! Такие вещи мне нравятся. Вот каша получится, если всё, что поведал Симон: правда, и если я его правильно понял. Мне вспомнилось или пригрезилось, что уже читал о подобном. В журнале каком-то. И я, ни много, ни мало, хожу в творцах этого события.

Дух захватывает!

Теперь бы поговорить с Симоном. Куда усталость делась! Интересно же! А он, зануда, другого слова нет, говорит:

– Я, Ваня, почти всю сознательную жизнь провёл в прошлом. В основном, в девятнадцатом и двадцатом веках. И занимался делами, далёкими от работы институтов Времени. Так что извини. Умом, может быть, Ваня, такие парадоксы времени понять можно, но сердцем, – он приложил руку к груди, – да ещё обсуждать их, избавь меня, пожалуйста!

– Будущее время тоже относительно? – чтобы как-то подтолкнуть Симона к интересующему меня разговору, спросил я.

Однако Симон покривил губы – показал, что улыбнулся, и встал. Весь такой картинно-аккуратный, строгий, спокойный и... недоступный. Я даже пожалел о заданном вопросе.

– Вот что, Ваня, – глядя на меня из-под веснушчатого лба, так как доставал мне едва ли до подмышки, сказал он, – по-

бегай-ка ты во времени. (Так и сказал – побегай). Но лучше не недалёком прошлом. Близкое прошлое чревато неожиданностями... Впрочем, это лишь предупреждение... Побегай, развейся. Посмотри мир. Иначе закиснешь... А будущее время, – проговорил он, уже прощаясь со мной за руку у двери, – не только относительно, но и многовероятно, многовариантно и изменчиво, и... многое другое... До свидания, Ваня.

Симон ушёл; щелкнул замок двери; я постоял перед ней в отрешённом состоянии. Думать не хотелось. Да и о чём? О времени, о котором я ничего толком не знал? О будущем? И о нём ничего.

О себе?..

Вернулся Сарый и сразу залёг спать. Однако к утру, в конце третьей стражи, он проснулся, посмотрел на меня шальными глазами и попросил есть. Я его накормил, раздражённо делая замечания, чтобы не сопел, пользовался вилкой, чай пил из чашки и рот промакивал салфеткой, а не тыльной стороной ладони, а ещё хуже рукавом. Одним словом, наши роли поменялись, и я, подобно ему, брюзжал на Учителя по-стариковски. А он, пряча жгучие глаза и слушая меня вполуха, всё равно поданное мною хватал руками, хрюкал от удовольствия и пил чай из блюдца, дуя на него носом, чтобы не терять времени и поглощать его как можно больше ртом.

Передал ему разговор с Симоном. Сарый сам попросил, а я с удовольствием высказался в лицах и, честно скажу, в выгодном для себя, а значит, в искажённом, свете.

– Как ты думаешь, мне сразу идти искать аппаратчиков или... это... побегать во времени?

Сарый, блестя повлажневшим лбом, пробормотал:

– Уж лучше побегай...

Почему все-таки – побегай, как сказал Симон и подтвердил Сарый, а не походи, например?

Побегай...

Кстати, куда бы, и вправду, сходить, «сбегать» и посмотреть?

К собственному недоумению, сколько я не перебирал в памяти свои сокровенные недавние желания: и Древний Рим, и Древняя Греция, и строительство Вавилонской башни, если её, конечно, строили, и Бородино, и Ледовое побоище, и...

Да что там говорить! Весь мир во все времена раскинулся передо мной, а я ни на чём никак не мог остановиться.

Не растерялся от изобилия, нет. Но лишь по той причине, что впал в равнодушие от свалившегося богатства возможностей.

Вот также жители иных мест, зная о красотах и редкостях своего города или окрестностей, по сути дела, ничего этого не видят. Они уверены в не проходящей с годами доступности и красот, и редкостей: сел на автобус или сбежал в метро,

полчаса езды – и имярек уже в музее, в парке, у шедевра архитектуры, у полотна великого мастера. Тем не менее, идут годы, а картинные галереи, памятники старины и природы так и остаются ими не осмотренными.

То же случилось со мной. Глаза разбежались, чувства расслоились, желания схлестнулись...

Лёгкость, с которой можно проявиться в любом мыслимом – и немислимом – времени и практически в любом месте земного шара, заморозила и обожгла меня. Я рвался побывать сразу везде, но проходили часы, а я оставался в своём настоящем, теща себя рассуждением: всё еще будет! Никуда от меня не убежит. Когда и куда захочу, там и буду! – думал я. И мучился от нерешительности двинуться куда-либо.

Ничего хорошего не придумал. Пошёл в кино и, только подойдя к кинотеатру, понял, что ещё слишком рано, часов восемь утра. Купил газету – давно не держал её в руках. Развернул, стал читать.

Мир плеснул в глаза проблемами, событиями и будничной, далёкой от меня, информацией. Меня толкали – люди спешили на работу, а я стоял посередине тротуара, расставил в стороны локти и читал, впитывал новости вчерашнего дня, сжатые до нескольких строчек. Каждая из них подмывала кинуться ей навстречу и самому воочию увидеть, пережить, осмыслить.

Свернуть в первый попавшийся подъезд было делом одной минуты. Засунув газету в карман куртки, я стал на доро-

гу времени, перешел во вчерашний день, чтобы своими глазами посмотреть скрытое за скупой статьей в газете.

В Чили день неповиновения... Я дёрнулся туда.

Зачем?

Откуда я знаю?!

Меня, едва проявившегося, чуть ли не сбили с ног в проходе между зданиями. Юноша цепким взглядом агатовых глаз окинул меня, передёрнул плечами, хрипло предупредил: Солдаты! Я сжал кулак у плеча и выкрикнул: Но пассаран!. Мне казалось, я должен именно так реагировать на происходящее. Он же меня не понял, даже, похоже, усмотрел в моём движении угрозу, что-то гортанно крикнул и убежал, затерявшись среди других бегущих мимо меня людей.

В обжигающих лучах южного солнца всё казалось необычным и нереальным. Самодвижущиеся картинки – и только.

Послышались выстрелы-хлопки. Вначале в отдалении, потом стремительно стали приближаться к тому месту, где находился я.

Я оглянулся на звуки и непроизвольно сделал шаг в сторону – кто-то прямо передо мной взмахнул руками и с маху упал мне под ноги. Я наклонился над ним. Тут же рядом цвиркнула пуля. Я почувствовал себя в горной долине Афганистана. По мне стреляли. Стрелявший – серо-зелёное пятно вместо человека – вновь целился в меня. Всё решали секунды. Я оценивал его возможности попасть в меня, готовый

кинуться в сторону. Всмотривался в него, но видел лишь перекошенное от прикрытого глаза лицо. Вздрагивающие перед глазами мушка и тёмная точка ствола мешали по-настоящему рассмотреть его черты и понять, когда он нажмёт курок.

То, что я могу уйти в поле ходьбы, вылетело у меня из головы. Поэтому я ждал, дабы в последний момент увернуться. Если, конечно, удастся...

Кто-то рядом крикнул, мгновением позже ко мне подскочили и выдернули из-под пули в прикрытие. К жизни. Не успел я рассмотреть спасителя, как он исчез, а рядом уже слышались проклятия солдат и топот их ног...

Сарый испуганно забился в угол комнаты, когда я, растрёпанный и взвинченный донельзя, проявился в тихой комнате своей квартиры. Руки и ноги мои подрагивали от возбуждения и пережитого. Только сейчас я стал понимать, что вёл себя глупо, что за последние годы потерял сноровку, и неизвестно, как бы для меня закончилась эта прогулка, не подвёлся ли более опытный человек, спасший меня.

– Где был? – поинтересовался пришедший в себя Сарый, дождавшись, когда я расслабился.

– В Чили.

– Когда?

– Вчера.

– Эх, куда тебя занесло!

Сарый выбрался из-за телевизора, сел рядом со мной на

диван. Сытый, спокойный, одомашненный весь какой-то. Кот ангорский, разжиревший на хозяйских харчах, под солнышком на завалинке.

Да, сильно изменился Учитель с того памятного дня, когда он грязный, истощённый и злой объявился у меня. Теперь он подобрел телом и обзавёлся томной лентой в движениях и речи.

Снова у него порвались носки, и большие пальцы ног вызывающе поблёскивали синеватыми ногтями. Нет, чтобы в безделье взять иголку и зашить или хотя бы выбросить носки. Носить будет, пока я ему не подскажу.

Подарочек!

– И что там было?

– День неповиновения властям.

– Тебе это надо?

Я пробормотал что-то невразумительное, мол, с детских лет готов постоять за правое дело.

– Не-е, – говорил он чуть позже. Почти пел. – Надо ходить туда, где поспокойнее.

– Всегда воевали, – заметил я, сдерживаясь, чтобы не нагрубить ему.

Томность и нега Учителя после только что увиденного и пережитого показались мне кошунственными и аморальными.

Учитель моей интонации не заметил, продолжал наставительно цедить:

– Всегда. Это да-а... Да не всегда стреляли из огнестрельного оружия, тем более, автоматического.

– Разница!?. Били из луков, метили дротиками, кололи пиками, убивали дубинками, махали мечами, саблями... Кололи ятаганами... Мечи вон одноручные, двуручные и даже шестиручные. Швыряли камни катапультами, пращами, руками...

Меня понесло. А Сарый покачивал ногой в рваном носке, будто отсчитывал названные мной орудия убийства, не перебывал меня и с сомнамбулической улыбочкой слушал, что я вываливал на него.

– Разница есть, олух ты мой! – сказал он так, как будто вернулся на три месяца назад – важно и безапелляционно. – Побегай лучше во времени. В разном времени, посмотри, сравни... А потом найди местечко, где тебе больше всего нравится... Я вот люблю второй век... – И он мечтательно прикрыл глаза.

Так хотелось сказать: «Там бы и сидел!»

Однако, глядя в его безмятежное лицо и слушая его переходящий на сварливость голос, я успокаивался, словно под гипнозом, а он журчал, не мешая мне уже думать о чём-то другом.

«Что мне бегать? – думал я, – если есть вполне определенная задача от Симона – искать аппаратчиков. И она мне по плечу».

Не мешкая, снял с гвоздя рюкзак, выгреб из холодильни-

ка еду – Сарый захочет есть, сам в магазин пусть сбегает, дорогу знает, да и не нянька я ему теперь – и положил её в полость рюкзака. В наружный его карман впихнул бутылку водки. Туда же засунул пистолет, так как кобура на ремне мне мешала. Наскоро попрощался с ходившим за мной по пятам Учителем и стал на дорогу времени.

Первый привал сделал, пройдя сто тысяч лет. Шёл и ни о чём не думал. Ни о времени, которое осталось позади, ни о себе, потому что не привык о себе особо думать, ни об аппаратчиках, которых ещё не видел и представить их в натуре не мог, ни о том, что меня могло поджидать в глубинах прошлого.

На привале отдохнул, попил воды, поел. Еще сто тысяч преодолел. Не так уже споро, как первые. Тяжеловато стало. Дорога пошла в горку, да постоянные препятствия появились: глубокие расщелины, крутые уступы, бездонные колодцы, стенки – всё это приходилось обходить, кое-где перепрыгивать, а то и ползти по скату.

Чтобы поспать, проявился в реальном мире. В каком-то болоте, под вечер. Зудели комары, злые и вездесущие, как и в наши дни. Они липли к лицу, лезли в глаза. Вокруг раздавались тревожные крики и шлепанье по воде. Вой и утробное чавканье. Всё это наводило на понятные ассоциации. Поспишь тут.

Сделал ещё несколько проявлений. Наконец, нашёл, что хотел.

Солнце здесь клонилось к закату. Дул тёплый ветер. Крупный хрусткий песок, отделивший сонную лагуну от невысокой стенки кустов – это на переднем плане и от, взбегающего вверх по холму низкорослого леса – на втором. Сухо. Покойно.

Потоптался несколько минут, оставляя на влажноватом песке отпечатки подошв кирзовых сапог. Прислушался. Только птицы подавали голос. По-видимому, мне ничто не угрожало. Так что, подсунув под голову рюкзак и разровняв под спиной песок, я залёг спать.

Скажу честно, хотя я уже второй раз спал далеко в прошлом, мне было как-то не по себе. Не то, чтобы я чего-то боялся. Всё дело было, по-видимому, совсем в другом. Если бы я видел угрозу, то смог бы за себя постоять. В крайнем случае, уйти от греха подальше во времени. Меня смущали сотни тысяч лет, которые должны были пройти на Земле, прежде чем достичь той далёкой отсюда точки, когда я, сын своей эпохи, смогу войти в лес, вскарабкаться на гребень скалы, подойти к берегу реки ли, моря ли, и, не думая об окружающей меня природе, спокойно заснуть, потому что я не буду отделим от неё.

Здесь же я был лишним. Подкидышем, законы для которого не писаны – ни для него самого, ни для окружающей среды.

Но ни тревоги, ни мысли о них не помешали мне заснуть и проснуться только среди ночи.

Кто-то ходил вокруг меня, скрипел песком и вздыхал. Хотел я полюбопытствовать, кто это тут бродит, да подумал, надо ли?..

Я шёл во времени. Замечал препятствия и обходил их. Оставалось одолеть ещё около пятидесяти тысяч лет до срока, указанного Симоном. Дорога неожиданно пошла чуть под горку. Я не смутился. Такое уже встречалось. Что бы это могло значить, я особо не задумывался. Просто идти легче. В прошлое. А в будущее, при возвращении, возможно, будет немного труднее.

Передышка, однако, длилась недолго. Внезапно земля подо мной разверзлась, и я не почувствовал опоры, хотя под ногами и находился грунт из смеси песка и глины, что были и всегда. Вокруг стремительно выростали склоны воронки, на дне которой я стоял и проваливался куда-то в тартарары.

Сверху сорвались и посыпались первые камешки, потом заструился разрыхлённый грунт, и появились молнии трещин, по которым вот-вот обрушится стена земли, хороня меня под собой.

В минуту опасности я не контролировал своих действий. Так у меня уже однажды случалось. Я служил ещё в армии. До Афганистана. Копался танковый окоп – громадная яма для бронированной машины-машины, для стрельбы из укрытия. Я стоял внизу у начала аппарели, когда одна из стен уже готового окопа вдруг стала падать на меня. Потом, когда пыль, поднятая пересохшей землёй, осела, ребята рассказа-

ли, что произошло. Я будто бы подобно пингвину столбом выпрыгнул вверх.

И сейчас я очутился на краю глубокой воронки, едва переводя дыхание от проделанного усилия. А провал на глазах мелел, дно его поднималось. Ещё несколько мгновений – и ничто уже не напоминало о ловушке, поджидавшей меня на дороге времени.

Чем могло обернуться такое погружение ниже уровня поля времени? Вопрос хотя и был риторическим в моём положении, но занятным, если подумать. Следовало на будущее предвидеть подобные возможные неприятности, поджидающие меня при ходьбе во времени. Сегодня я избежал одной из них, но всегда ли мне удастся так счастливо вывернуться, как в этот раз?

Посидел я так у бывшей воронки, то ли о чём-то думая, то ли что-то смутно вспоминая, и... пошёл дальше. Искать аппаратчиков.

Программа поиска – по Симону – не доставляла труда, но походила на поиски куда-то засунутой и забытой вещи. Когда равновероятно любое её положение во времени и пространстве. Ищи-свищи.

Надо было с небольшими интервалами, скажем через пять-шесть лет, проявляться и по индикатору прощупывать пространство. И таких проявлений может быть тысячи и тысячи.

Нет смысла говорить о каждом моём выходе в реальный

мир и последующее возвращение в поле ходьбы. Да и не припомню я их. Калейдоскоп красок различных времён суток, года, пейзажей и климатических зон.

Проявление, быстрый осмотр окружи – нет ли какой опасности, сверка по индикатору и новый шаг в прошлое. Каждое проявление не больше минуты, но они складывались в часы и дни.

Спать приходилось урывками. Рюкзак исхудал. Кончился хлеб. Отросла жёсткой щёткой борода, и до слёз хотелось забраться в горячую ванну и посидеть в ней, пока не надоест.

А чёртов индикатор равнодушно фиксировал отсутствие аппаратчиков во всех тех тысячелетиях, что я проверил. Закрадывалось сомнение – не сломался ли он?

Много времени теперь уходило на охоту. Пригодились пистолет и нож, подаренные Симоном. Я жарил на костре и съел громадное количество мяса, и, тем не менее, всё время хотел есть. Живот ещё урчал, туго набитый каких-нибудь пару тысяч лет назад, а к горлу уже подступала тошнота голода.

Через две недели мною совсем были утеряны представления, где я нахожусь, и отпало желание болтаться во времени.

Загадал, если до предстоящего сотого проявления ничего не обнаружу, вернусь в двадцатый век, домой, и перегожусь столько, сколько потребуется, чтобы придти в себя и повидаться с Симоном. Поплакаться.

Делая шестьдесят второй шаг, я провалился в новую ловушку. В проклятую яму, разверзшуюся под ногами. Стре-

нительно и неудержимо. Никакая моя реакция не могла спасти положение. Я падал, а на меня наваливались тяжелые глыбы земли. Однако ноги успели достичь твердого основания, и у меня не было другого выхода, как проявиться в реальном мире.

Ложе большой округлой долины, в короне обступивших её гор, предстала передо мной. С гор стекали ручьи и впадали, по-видимому, в небольшое озерцо, зеркальце которого асимметрично расположилось влево от центра низины. Всё остальное пространство занимал лес – высокие, но странно изломанные стволы деревьев высились редколесьем. Между ними желтел безжизненный песок.

Чем-то открывшийся пейзаж поразил меня, уже привыкшего не отвлекаться на красоты возникающих при проявлении местностей или на другие побочные детали. До сознания, замороженного и потрясённого, долго доходило, словно проявляющееся на фото изображение, что я, собственно, вижу. Видел же я дым, серым столбом уходящий ввысь. И индикатор на ладони горел малиновым огнём. Светло-голубая – льдинкой – стрелка на нём показывала в сторону дыма, ниже, под нею, надпись: – 4,5 км.

Аппаратчики!..

Наконец-то нашлись!

Но теперь я совершенно не знал, где нахожусь сам – ни во времени, ни в пространстве. Зато беспокойная мысль-подозрение подсказала, что я встретился с аппаратчиками или, по

крайней мере, с одним из них, именно здесь неспроста. Недаром же я вышел сюда необычным способом, а через дырку в земле. Подспудно во мне зрело предположение о возможности существования некоего пространственно-временного отстойника. В него могли угодить и не выбраться обратно аппаратчики. Эдакая энергетическая яма.

Так оно, возможно, и было на самом деле. И теперь к ним присоединился я, провалившись сквозь время.

Я постоял, созерцая окрестность и не торопясь сразу направиться к озеру, у которого горел дымный костёр. Подойти к нему я всегда успею, думалось мне. Меня занимало иное. Что будет, если я вновь сейчас же стану на дорогу времени?

А сделать это надо было. По двум причинам.

Во-первых, проверить дорогу времени. Не окажусь ли я снова в яме, так удачно приведшей меня сюда? И что мне тогда следует делать – оглядеться, отступить, обойти или снова вернуться в реальный мир? Так или иначе, а проверить необходимо, поскольку, не зная своих теперешних возможностей движения во времени, я не мог говорить о чём-либо с аппаратчиками. Да и самому хотелось узнать всю подноготную случившегося со мной, и как можно быстрее. А то как бы не пришлось искать спасения для себя, прежде чем заниматься людьми.

Была и вторая причина. Я не знал, как долго ко времени моего проявления находятся здесь аппаратчики. Следовало походить, посмотреть и прибыть к ним не слишком поздно,

лучше всего почти следом за ними.

Осторожно, не делая лишних движений и готовый ко всему, я стал на дорогу времени. И похвалил себя за принятые меры, так как увидел себя на почти отвесном сбросе горы. Под ногами опора – узкий карниз, по нему я, вероятно, смогу сюда забраться. И мне стало ясно – я, наверное, достиг своего предела.

Впрочем, карниз рядом со мной делал небольшой уступ и шёл дальше, так что у меня, по всей вероятности, были ещё кое-какие шансы сдвинуться в прошлое и проследить появление аппаратчиков, что я и сделал.

Погрузился в прошлое года на два, проявился.

Вид округи не изменился, только было утро. Индикатор равнодушно темнел в руке – людей не было,

Продвинулся на год спустя. То же самое.

Еще на полгода – без изменений.

Мое мнение об «отстойнике» окрепло. В него затянуло аппаратчиков, сюда же попал и я. Но у меня есть возможность вернуться в своё время, а у них, по вскому, нет.

Рюкзак, отощавший в поиске, плеч не давил, и я довольно быстро приблизился к месту, где горел костёр.

Под ногами шелестел тонкий песок. Как только здесь могли расти деревья? Даже трава не выживала. О подлеске и говорить нечего. Молодых деревьев почти не видно – пока шёл, встретил два или три, чуть повыше меня, тонкие как хворостинки, с кольчатым венчиком листьев. Таких дере-

вьев я ещё никогда не видел. Вообще никогда: ни в книгах, ни в кино. Особенно поражали стволы. Их будто кто специально изломал, и острые углы изломов так и остались, создавая впечатление скопища стальных конструкций, сброшенных вниз с большой высоты: забытые, искалеченные и безжизненные. Птиц не слышно, а следы животных отсутствовали, лишь несколько жидких дорожек в один след, оставленных людьми.

Рядом с озерцом влажный песок был истоптан больше. Вода в пологих берегах застыла расплавленным серебром. Ветер где-то затаился или вовсе не посещал этот уголок давно прошедшей поры.

Странная роща, странное местечко.

По истине – отстойник.

Жаркое пламя костра трубой било вверх. Близко к нему, хотя тепло его я почувствовал шагов за десять, стояли люди с повернутыми ко мне лицами. Пять человек. Я шёл к ним, ощущая неуверенность и какое-то беспокойство: они как будто поджидали меня не для того, чтобы радостно приветствовать как спасителя, но как жрецы, готовые принести меня в жертву неведомым богам.

Что-то я им сейчас скажу? Оратор я, не ахти какой. Да и поймут ли они меня? Наверное, существуют между нами какие-то барьеры. Но просто поговорить – полдела. Как проще объяснить им – кто я и что? На этот счёт даже Симон ничего не смог мне посоветовать.

– Ты их найди, – сказал он с ударением на последнее слово, – а уж там – по обстоятельствам.

Первое впечатление: одеты аппаратчики по-разному, но на одно лицо. Довольно красивые, мужественные. Почти одного со мной роста, под метр девяносто пять. Широкоплечие.

Чуть после увидел и иное. Конечно, они не походили друг на друга. Только взволнованные сходными чувствами при виде меня, свалившегося к ним словно с неба, они сделались одинаково растерянными и настороженными.

По их сдержанному поведению при встрече мне стало ясно – во мне они своего не признали. Может быть, весь мой вид: двухнедельная щетина, исхудавшее лицо, красные глаза от недосыпания – им не понравился, или рюкзак и мои кирзачи их шокировали. Уж не знаю. И как я ни старался, если не завоевать доверия к тому, что говорил, то хотя бы более тёплого приема, ни того, ни другого я не добился.

Правда, они мне кое-что рассказали. Все они, оказалось, произвольно были выброшены в реальный мир. Называли разные годы прошлого, в котором, по их мнению, они оказались. Впрочем, разброс составлял всего лет двадцать. И, тем не менее, все они проявились именно здесь, в котловине, с небольшими интервалами. Первый из них попал сюда три дня назад, последний – вчера к вечеру.

Честно говоря, не ожидал я такого натянутого приёма. Как будто я им был в тягость, и они с нетерпением ожидали, ко-

гда я их, наконец, оставлю в покое. А слова едва цедили. Если я по направлению к ним делал шаг, то они тут же отступали от меня. Двое даже перешли на другую сторону костра и оттуда сквозь свилеватый столб воздуха от горячих восходящих потоков безучастно глазели, как я, сдерживаясь, чтобы не вспылить, пытаюсь что-либо выведать у них, дабы спасти их же. Они даже имён своих не назвали, когда я представлялся...

Они-таки вывели меня из себя. В конце концов, разыскивая их в бездне времени и пространства, я отощал, одичал и пережил кучу неприятностей, а они тут в прятки-загадки со мной играют. Нашли время и место!

В общем, я закатил им спич, от которого они вначале остолбенели, а потом стали смеяться, подлив масла в огонь моей ярости, так как мне казалось, что ничего смешного я им не говорил, а напротив.

– Ну, и... сидите здесь! – крикнул я в сердцах, готовый и вправду покинуть их.

Один из них, одной рукой держась за живот, другую протянул в мою сторону.

– Извини нас. Мы смеёмся над собой. Мы приняли тебя за перля.

– Я – КЕРГИШЕТ, – гордо оповестил я их.

Почти по Горькому: КЕРГИШЕТ – это звучит гордо!

– Возможно, – предположил он, всё ещё не снимая с лица гримасы смеха. – Но мы-то думали, что ты перль.

Он подчеркнул это мне слово – *перль*. Что оно означало, я не знал, так же как они не знали, естественно, что означает КЕРГИШЕТ, а потому ответил как можно непринуждённое:

– Я к нему отношения не имею.

Те двое, что ушли за костёр, вернулись на прежнее место, а аппаратчик, обратившийся ко мне первым, подошёл и прикоснулся к моей руке. Удостовериться, в плоти ли я или призрак?

– Неужели можно двигаться во времени без тайменда?

– Без чего? – сухо поинтересовался я.

Я ещё не остыл от недавнего возмущения и оттого позабыл, что о тайменде мне уже говорил Симон.

– Безаппаратным способом?

– Как видите.

– Знаем мы одного такого... – поскучнел аппаратчик. –

Но тогда, чем ты можешь нам помочь?

Ничего себе вопросик!

– Не... знаю, – честно признался я, поскольку передо мной стояла задача их найти. Поэтому сказал: – Вот нашёл вас. Узнал, что вы живы и здоровы... По-моему, я достиг своего предела движения в прошлое, а вы, по всей видимости, проскочили какую-то границу и теперь вам ваши аппараты не помогают.

– И мы так думаем.

Помня сведения, принесённые Симоном из будущего, я передал им идею нелинейности времени от настоящего к

прошлому.

– Может быть и так. Наши возможности находились где-то у трехсот тысячилетней границы, – сказал аппаратчик, наконец, назвавший своё имя – Найк, и уточнил: – Достоверные возможности... В каком же тысячелетии мы находимся теперь?

– Пока точно не знаю, – признался я, понимая, что становлюсь смешным.

И то. Пришёл, накричал, а сам ничего не могу, не знаю.

Они заговорили между собой, я же не столько слушал, о чём они говорили, сколько разглядывал их.

Бросалась в глаза их раскрепощённость, какая-то полная свобода в жестах, движениях, во взглядах, неподходящая в моём представлении, для группы людей, попавшей в безвыходное положение. Как будто в воскресный день, бездельничая, они развели на берегу озера костёр, встали вокруг него и, щурясь от дыма, жара пламени и солнечных лучей, перекидывались сейчас пустыми репликами, ни к чему не обязывающими и забываемыми тут же после очередного высказывания.

– У нас появилась любопытная гипотеза, – сказал, обращаясь ко мне, один из тех аппаратчиков, который уходил за костёр. Был он молод, но с жестковатым лицом аскета. Назвался Каримом. – Это урочище, – он повёл вокруг рукой, – имеет непосредственное отношение к тому, что мы здесь очутились все вместе. И ты в том числе.

– Отстойник!..

– Как?

Я поделился с ними своими подозрениями и пояснил, какой смысл пытался вложить в произнесённое слово.

Показалось ли мне, но они, как будто, посмотрели на меня с интересом. Или это я сам придумал? Надо понять меня. Передо мной находились люди будущего. И для них я, возможно, был тем же, чем средний ремесленник прошлого или позапрошлого века, для меня.

– Значит, и ты почувствовал? – Найк потёр подбородок. – И у тебя здесь, ты говоришь, граница?

– Не совсем так, – пояснил, подумав, я и рассказал о поиске в двухлетнем прошлом, и даже добавил, правда, нерешительно: – Мне кажется, я смогу ещё дальше углубиться в прошлое. Немного...

У них опять состоялся разговор без меня, а я рассматривал их. Ничего похожего на какие-нибудь технические средства при них или рядом с ними я не видел. Тайменд, наверное, был невелик по размерам или мог находиться в специальном кармане их одежды. А спрашивать напрямую, где он у них располагается, и как они им пользуются при погружении во времени... В общем, спрашивать я пока что постеснялся. Не то положение, при котором следовало любопытствовать.

Наконец они, в лице того же Найка, обратились ко мне:

– Ты уверен, что сможешь отсюда выбраться и вернуться

в своё настоящее?

На сто процентов уверенности у меня, конечно, не было, и я произвольно пожал плечами. Аппаратчики вежливо подождали, пока я, раздумывая, выпячивал губы, облизывал их кончиком языка и морщил лоб. Что сказать? Уверен?.. Не уверен?

– Главное, мне удалось найти вас, – пошёл я на хитрость, чтобы прямо не отвечать на вопрос, – а остальное... Мало ли что может преподнести дорога времени.

– Дорога времени?

Несколько минут они заинтересованно расспрашивали о моём видении дороги, о терминологии ходоков, иногда подсмеивались над тем или иным выражением, но не обидно, чаще от неожиданности, наверное. Предлагали свои сочетания слов, которые, как им казалось, неплохо разъясняли и дополняли смысл ходьбы во времени.

Им интересно, они меня спросили, но и я расхрабрился и упомянул об аппаратах.

– Тайменд? – Найк усмехнулся. – Да вот он.

Аппаратчик пошарил за воротом похожей на комбинезон одежды и вынул небольшой, сантиметра три в диаметре, медальон.

Глядя на него, я не разочаровался. Техника будущего! Его можно было включать и выключать. Но здесь, в «отстойнике», он оказался бессильным помочь людям, так как переключение ничего не давало. Аппаратчики, объясняя сложив-

шуюся ситуацию, сокрушённо покачивали головами, а Карим, небрежно повертев тайменд в руках, высказался о нём более определённо:

– Превратился в игрушку.

«Пора прощаться», – спустя некоторое время проговорил я себе, но, представляя обратную дорогу, и предстоящее скучное одиночество, я всё оттягивал и оттягивал прощание. Да и поговорить мне с ними ох как интересно, так же как им со мной...

Они полнокровные участники и творцы своего времени, не то, что Симон или я через несколько лет в качестве ходока во времени. Наши интересы в прошлом, а аппаратчики – обычные исследователи. В прошлом они не живут, оттого не проникаются его страстями и нравами, но лишь исследуют его, раскладывают по полочкам, классифицируют, находят корреляции и потом с высоты своего времени и знаний объясняют, почему то или иное событие произошло, забывая людей в плоти и крови, творящих, собственно, данное событие. Они не знают, что порывы этих людей, слёзы и отчаяния прекрасно и убедительно дополняют общую схему исторического развития.

Да что я тут расфилософствовался? Знаю же, что о подобном где-то прочитал. Но мысли приходили как свои, выстраданные и, значит, близкие и понятные сердцу.

Расставались дружески. Они рукопожатий у себя не отметили, так что я ощутил тепло и силу их рук. Найк, Карим,

Делес, Берн, Дека Витер...

Становиться на дорогу времени у костра раздумал, ушёл по цепочке своих следов к месту проявления.

Вновь очутился на карнизе почти отвесного сброса.

Внизу в палевой дымке простиралась неведомая страна моего поля движения во времени. В виде скомканной постели были видны подо мной предгорья этого поля, а дальше – растланная расстоянием равнина. И вовсе далеко-далеко обозначилась стена будущего. Я видел её – тёмная лента, подобная тяжёлой надвигающейся дождевой туче, затмившей весь горизонт от края и до края, где она тушевалась с видимым окоёмом.

Тогда мне, стоящему распятием над пропастью вечности, почудились прорехи в некоторых местах будущего, однако об их истинном смысле я не задумался. Да и пригрезиться они могли.

«А что если спрыгнуть вниз?» – вот о чём думал я тогда, поглядывая перед собой. Стремительный полёт во времени подобен ли падению с большой высоты? Разобьюсь ли? Или произойдет нечто похожее, что произошло с ямой, незаметно для меня в одночасье поглотившей сотни тысяч лет прошлого? И ещё невероятное, но заманчивое предположение: может быть, здесь можно использовать дельтаплан?

Удивительные мысли приходили мне в голову, пока я стоял, упершись спиной в слегка податливую, как будто устоявшийся стог сена, скалу прошлого... А почему бы и нет?

Просто так прыгнуть вниз я, пожалуй, не решусь, а на планирующем устройстве можно и попробовать.

И... я парю во времени, быстро и легко скользя в будущее...

Да-а! Впечатляющие прожекты!..

Мысли мыслями, но не торчать же здесь до скончания века. Надо было идти и выяснять для себя – на сколько это сотен тысяч лет я провалился в прошлое?

И вот – вниз...

Всегда был убеждён, что спускаться с горы значительно труднее, чем подниматься на неё. Но убеждения так и остаются убеждениями, пока сам не попробуешь сделать это практически. И оказалось, что не трудно, а почти невозможно. Ни веревки у меня, ни альпенштока, если он, естественно, здесь удобен. Только нож. Он-то и служил мне единственной опорой, засунутый в расщелину, расплзающуюся прямо под рукой.

Когда я, наконец, добрался до первой более или менее удобной площадки, на которой можно было без опаски делать лишние движения при переходе, я проявился в неизвестном году и месте, лёг под пышный куст и мгновенно заснул, будто обрызганный мёртвой водой – без сновидений, чувств и мыслей.

Мне самому не совсем было ясно, почему я не осмеливался спать на дороге времени. Она для меня всегда оставалась пустынной, безжизненной. Встречи на ней с другими ходока-

ми практически маловероятны, особенно в таком глубоком прошлом, но во мне таилось недоверие к пустоте пространства-времени, и в мыслях я её населял некими монстрами, для которых дорога времени, наша дорога, дорога ходоков, могла служить и местом существования, и тропой разбоя.

Впрочем, упоминание Симона о подобном у меня в голове отложилось плохо. Всё это я сам придумывал.

Глупость этих измышлений, пока я не узнал потом всю правду о поле ходьбы, о бродящих по ней всевозможных тварях, мне самому казалась явной и смешной. Но как только тело моё деревенело от усталости, а в глазах при моргании появлялся песок и мешал видеть, я вспоминал о них, этих мифических существах, называемых в фольклоре ходоков обобщающим словом, как я потом узнал, – «тарзи». Черты-хался, злился на себя, однако проявлялся, ища тёплого солнечного света и доверяясь миру, частицей которого я был. Хотя в этом моём, реальном мире, меня как раз и поджидали настоящие, а не мнимые опасности: и хищники, и змеи, и природные катаклизмы – обвалы, лавины, грозы, селевые потоки...

Именно здесь лили непредвиденные дожди и бушевали ветры...

Что говорить, коль это реальный мир?

С трудом переставляя ноги от усталости, я, в конце концов, дошёл до туманного монолита – настоящего – и про-

явился у себя дома.

Сарый, лоснящийся от сытости и спокойного житья, встретил меня всплеском рук:

– Ваня, на кого ты стал похож! Ах-ах!

Замельтешил, забегал. Приготовил ванну. С кухни поплыли зажигающие запахи.

Пока я отмокал в горячей воде, мылся и брился, Сарый приготовил обильный стол. Он ни о чём не спрашивал, а сидел напротив меня с умильным видом хлебосольной хозяйки, любящей, когда кто-то много и аппетитно ест, и довольной тем, что ублажила гостя разносолами.

– Симон? Когда будет? – спросил я, набиваясь едой и уже ощущая её приятную тяжесть.

– Кто же знает, Ваня, – приуныл Учитель.

– Как кто? Ты должен знать! – Глядя на него в упор, заявил я неласково. – Должен!

Сарый заволновался, беспомощно заморгал.

– Ты не представляешь, Ваня...

В прихожей звякнул звонок, и Сарый, не договорив, охотно кинулся к входной двери.

Как всегда, без лишнего шума и легко, вошёл Симон, поздоровался, сел на место Учителя, принял от Сарыя чашку чая и, отхлебнув из неё, попросил:

– Рассказывай.

Начал я рассказывать на кухне, а закончил своё повествование уже в комнате, оставив на попечение Сарыя кухню –

наши роли переменялись. Он там гремел посудой и шумел водой, а мы сидели на диван-кровати, и Симон задавал мне вопросы.

– И как далеко это было во времени?

Ответ у меня уже был готов:

– По моему счёту это восемьсот семьдесят второе тысячелетие до нашей эры. Триста шестнадцатый год, начало января.

– Да-а-а! Вон куда их занесло... И я думаю, что ты прав. Совсем не случайно там они собрались вместе, а у тебя к тому времени отнесён предел. Отстойник, говоришь?.. Неудачное слово, но дело не в названии... – Он задумался, потом повторил: – Дело не в названии, а в сути его... Ты, Ваня, отдохни тут, а затем займись вот чем... Нет. Отдыхай пока. А я передам твой рассказ в будущем.

Он уже уходил, когда я вспомнил ещё об одном.

– Почему они посчитали меня каким-то перлом? Даже из-за этого вначале говорить со мной не хотели.

– Они подумали, что ты – перль? – мгновенно отреагировал Симон и вновь присел на диван. – Вон оно что... Тебе повезло, что после этого ты смог к ним приблизиться и поговорить.

– У вас что, в будущем кастовая система?

– Какая там кастовость?! – вдруг вспыхнул всегда вежливый Симон.

Таким я его видел впервые и пожалел, что спросил. Не

хотел я его таким видеть. Подумаешь, назвали перлем. Мало ли как меня могут назвать незнакомые люди при первой встрече. И Эй, ты!, и товарищ, и дорогой, и друг, и даже какого чёрта!. На каждый роток, как говорится, не набросишь платок. Перль так перль. От меня не ubyло, а Симон сам на себя не стал похож. Даже испарина на его умном морщинистом лбу проступила. А заглянувший к нам Сарый, слышав произнесённое слово, охнул и вновь убежал на кухню.

Симон, не моргая, смотрел на меня, поглаживал колени вздрагивавшими руками и жевал губами.

– Перль... это... это... – несвязно заговорил он. – Жаль, что мы с тобой об этом не поговорили раньше. Мне трудно тебе это объяснить, чтобы ты понял... Вот если бы ты узнал, что некто... например, эльфы, гномы там... лешие и водяные... Существуют и могут каким-то образом тебе помешать или навредить, а то и убить... – Он тяжело вздохнул. – Нет, Ваня, так сразу просто всё не объяснить. Надо слишком много рассказывать, прежде чем...

Он бормотал, а я заводился. Обиделся я. В груди словно зашипело от возмущения. Я болтаюсь бог знает где во времени, а у них тут от меня опять какие-то тайны!

– Опять ты торопишься, – неожиданно спокойно и внятно охладил Симон сосуд обиды, готовый взорваться во мне и выплеснуться на него потоком слов. – И полгода не прошло, как ты стал ходокom во времени, а хочешь сразу узнать всё многообразие существующих вокруг тебя проблем. Да-

же живя в своём времени, о многих ли из них ты догадываешься? Лишь о малой доле, да и то из газет. А теперь, когда перед тобой раскрылись двери во времени, надо помножить эти проблемы на каждую секунду прошлого. Представь себе этот бесконечный и бездонный океан проблем, и ты поймёшь, сколького ты никогда не узнаешь. И у нас, и в будущем... Там и здесь – своё. В том числе и проблема перлей, выходцев из параллельных миров нашего временного потока... Такое возможно и на грани будущего времени... Я тебе уже говорил. Будущее, в бытовом понимании, и будущее время – разные понятия...

Мне его последнее рассуждение ни о чём не говорило. Будущее – всегда будущее! Поэтому я передёрнул плечами и фыркнул.

– Мне не хотелось пока говорить тебе, рановато ещё, но уж слишком пренебрежительно ты относишься к моим словам. А ведь ты можешь двигаться не только в прошлое, но и в будущее.

– Ну, уж?..

Вот так Симон всё время. Спокойно, медлительно говорит о таких вещах, что дух захватывает.

– Чего же тогда молчали?

– И сейчас зря сказал. Зато как туда попасть, мы воздержимся пока, пожалуй.

– Сам пройду! – выпалил я.

– Не уверен... Впрочем, с тебя станется. Поэтому я тебя

попрошу, Ваня, повременить. Успеешь ещё... Всё ещё успеешь. В твои-то годы!.. Сейчас отдохни. Здесь или в прошлом.

Я вышел в город, купил газету. На четвёртой странице в небольшой заметке Стихия разбушевалась прочёл о катастрофическом цунами, обрушившемся на один из японских островов. Сообщалось о жертвах.

Цунами я никогда не видел и с возникшим желанием бороться не стал...

В небольшом, утопающем в зелени, прибрежном посёлке уже знали о надвигающейся опасности. В глубь острова, в гору, по двум нешироким улочкам двигался густой поток людей и машин. Раздавались крики, сигналы клаксонов.

Обнажённое дно далеко ушедшего от берега моря поблескивало металлической рябью. И уже была видна иссиня-чёрная бровка цунами. Стена воды росла в высоту и стремительно приближалась к пустеющему посёлку.

Я проявился и теперь стоял неподалеку от набережной, бутированной крупными камнями. Набережная, на которую вот-вот должен был обрушиться всё сокрушающий молот моря, не оставалась безлюдной. Люди бесцельно, казалось, сновали по ней, и становилось очевидным, что ничто уже этим приморским жителям, кроме провидения, помочь не сможет. Ударит волна, сметая и нивелируя всё на своем пути, а потом бурно отхлынет, унося в пучину дома, зазевавшихся людей и их пожитки.

Не знаю, что подвигло людей не убежать подальше, а остаться здесь, на берегу...

Возможно, то же, что и меня.

Тугой, замораживающий нервную систему гул волны, неестественные и бессмысленные движения обречённых сельчан, яркое, клонящееся к закату солнце, вычурная голубизна неба, пышная зелень – всё это разом выплеснуло из моей головы способность трезво мыслить, приобщив меня к общему страху перед неизбежным. Что такое виденные мною в кинофильмах падающие стены, несущийся вниз по откосу на всех парах сошедший с рельсов паровоз и клубящееся марево лавины – по сравнению с той свирепой неотвратимостью, которую приближало цунами.

Перед лицом любой опасности в человеке теплится надежда остаться живым и неуязвимым, если уж не за себя, то хотя бы за своих близких. Но перед лицом несокрушимого вала воды таких надежд не оставалось.

Я на некоторое время оцепенел. Потом во мне проснулись древние инстинкты. Бежать, бежать!.. Подальше от ужаса. Ноги, не подчиняясь сознанию, сделали несколько шагов в гору. А вал высотой с десятиэтажный дом, уже повис в сотне метрах за моей спиной.

Во всём мире наступила тишина, но грудь, сердце, шею сдавило, и я против воли закричал.

Но кто слышал мой крик?

Волна заслонила солнце. Зловещая тень упала на меня и

умчалась вперед, догоняя замешкавшихся жителей обречённого посёлка. Они, наверное, тоже были парализованы страхом и кричали, как и я.

Не было солнца, земли, неба – оловянные пятна перед глазами. И... глаза на детских лицах, открытые так, словно хотели поглотить и усмирить энергию волны.

Дети – двое, как позже оказалось, мальчики, лет четырёх и шести – держались за руки.

Их глаза, отражавшие темную массу приближающейся смерти, отрезвили меня. Куда я бегу, если я – КЕРГИШЕТ? Ходок во времени, способный переместиться в любую точку пространства-времени и избежать любого катаклизма?

Понадобились мгновения, чтобы обхватить детей руками и стать на дорогу времени.

Проявился я сразу же, в полутора километрах от берега. Рядом стояла толпа поселочан. Молчаливая, объединённая горем, и оттого как будто безучастная ко всему. Все смотрели вниз, на посёлок. Цунами, кипя и грохоча, уползло назад в море, перемешивая в себе изломанные деревья, части домов, исковерканные автомобили.

Цепкие руки детей не отпускали моей шеи. Я слышал лихорадочный стук их сердечек и частое дыхание. Их ужас перед слепой стихией моря, только что угрожавшей их жизням, смешивался с моим...

Лёжа на диване в своей квартире, обутый, в перепачканной и влажной одежде, я впервые осознал многие как будто

бы нелепости, замеченные мной у прохожих.

Мне казалось, что Сарый, мой Учитель, – неряха и грязнуля. И то. Ведь практически все его проявления в квартире после ухода в прошлое заканчивались очередным мытьём полов и новой стиркой. Но я никогда не задумывался, почему это он имеет такой нереспектабельный вид? Казалось, что он таков в жизни. Так вот, что бы я сказал полугодие назад, видя себя в таком, как сегодня, образе на диване, да ещё среди бела дня? И себя не признал бы, и по шее такому нахалу и разгильдяю поддал бы, поди.

Да, во времени побегать мне как-то никак не удаётся.

Может быть, в этом и заключался план моих Учителей, подсказавших побегать в прошлом? Дабы я вкусил неприятностей, поджидающих человека, который втиснулся в неизвестную обстановку, в жизнь незнакомых, отличающихся от него людей: по нравам, по стремлениям, по духу времени. Потому-то они, Учители мои, сами надолго осели в нашем веке, нашли туземцев, подобных мне, обзавелись знакомствами, освоили мораль нашего общества и прониклись проблемами нашей повседневности. И живут!..

А мне вот, молодому и неискущённому, предложили побегать и нюхнуть, так сказать, синь пороху, и заодно убедиться, что пахнет он так себе: опасно и скучно, как туристу на второй неделе бесконечных переездов, после надоедливой скороговорки гидов и мелькания достопримечательностей, а их, таких, и дома пруд пруди.

Сарый время от времени заглядывал в комнату, понимаяще качал головой и вновь уходил на кухню.

Замечая его, я опять удивлялся тому, как он обжился у меня, как пополнил, обрёл плавные движения, речь умно-медлительную, да и слова стал употреблять приличные. Даже вежливости научился (или вспомнил о ней). Здравствуй! там, или спасибо стал говорить, то есть всему тому, чего у него не было, как мне представлялось, вначале нашего знакомства.

Заглянув ко мне в очередной раз, он сказал:

– Симон скоро придёт, а ты...

А я... Лежал грязный, невесть от чего обиженный. И жалел себя. Тьфу!

До прихода Симона успел привести себя в порядок: сменил одежду, умылся, побрился. Рассказал при этом Сарью, что со мной приключилось. Ах, ах! – причитал Учитель, и было неясно, притворяется он или искренне сопереживает вместе со мной.

– Странный ты, Ваня, какой-то, – сказал он, когда я закончил описание трагедии на далёком японском острове. – Это ты уже в который раз по газетке, будто неразумная бабочка на огонёк, полетел?

– Ну и что в этом странного?

– Обычно молодёжь иных приключений ищет. Веселья, женщин...

«Ишь, каналья! – хотелось мне съязвить. – Старый крью-

чок, а туда же!»

Но не сказал. Обидится опять. Но если с ним говорить, когда он вот так, не кривляется, а по серьёзному, то многое, наверное, можно узнать. И о будущем в том числе.

– Одно другому не мешает, – нейтрально заявил я.

Однако он разгадал меня.

– Не хитри, Ваня. Я ведь не то что слишком умный и проницательный, но старый. Людей на своём веку повидал разных, да ещё во временном срезе. Так уж. Ваня, говори то, что думаешь. А думаешь ты обо мне не очень... корректно. Но я ведь когда-то тоже был молодым, таким как ты, и помню заботы тех лет. Недаром сказано: блажен, кто смолоду был молод. А ты... – И со сварливыми нотками передразнил меня: – Одно другому не мешает...

Пожалуй, это было самое длинное, связанное и не лишённое логики высказывание Сарыя за всё то время, пока он меня учил ходьбе во времени.

– Да мне, и вправду, интересно было посмотреть на цунами! – искренне воскликнул я. – А остальное... Я не аскет, конечно, но... знаешь, даже как-то в голову не приходило заводить знакомства с женщинами в прошлом. Здесь, я имею в виду настоящее, такое дело как будто естественно, а там... Не знаю...

Рукой с растопыренными пальцами я повёл у головы, показывая своё сомнение. В конце концов, так оно и было. Здесь и где-то там, во времени, для меня ещё существовало

порознь.

– Понимаю, – тихо проговорил Сарый, в задумчивости потрепал себя узкой кистью руки за подбородок и, шмыгнув носом, помрачнел лицом.

Наверное, вспомнил что-то неприятное.

Я отвернулся к окну...

В природе наступило сухое лето.

Дожди, пожаловался Сарый, не выпадали с весны.

Неужели уже прошёл год, как я стал КЕРГИШЕТОМ?!

Небо над крышами домов светлело белёсым однотонным покрывалом. Листья на деревьях, стремительно выросших рядом с домом, поблекли, кое-где свернулись в трубочку и повисли безжизненно. Ветер где-то затаился и забыл свои обязанности: дуть, освежать, приносить грозы.

А я наступление лета пропустил мимо...

Мне стало жарко и душно, я заметил, что взмок от пота. Ничего не хотелось. Ни прихода Симона, ни разговора какого-либо с Сарыем, ни думать, ни, тем более, что-то делать или совершать какие-то поступки. Вот так бы вечно стоять и смотреть на мир через свили стекла, опершись локтями о подоконник, вяло перебирать воспоминания и образы.

Короткий звонок предупредил о приходе Симона.

– Наконец-то! – радостно засуетился Сарый и поспешил открывать дверь.

Я поплёлся за ним следом.

Симон... В синей свободной блузе независимого худож-

ника, с сумкой через плечо, строгий и подчёркнуто холодный. Он протянул сухую горячую руку для пожатия, снял сумку и аккуратно повесил её на вешалку. Поправил взмахом руки короткие волосы.

– Камен, что нового?

Учитель развел руками – ничего.

– Так... А у меня новости...

Пропажа ходоков

– Исчез Кристофер.

– Час от часу не легче, – всплеснул руками Сарый. – Ну, подлецы! Никак не успокоятся.

– Кристофер, – спросил Иван, – это кто?

– Ты его видел, – сказал Симон. – При встрече ходоков он обвинил Радича.

– Да, да, – вспомнил Иван и выразил внимание предстоящему рассказу Симона, но тот молчал.

– Что же это такое у нас происходит? – посетовал Сарый и тоже не получил ответа.

– Так что теперь? – снова поинтересовался Иван, не дождавшись ничего.

Симон после его слов с прищуром посмотрел на него, и... ещё помолчал.

Своим поведением он сегодня удивлял Ивана.

– Поговорим теперь об аппаратчиках, – наконец, сказал

Симон, игнорируя всё, что было сказано до того. – Надо к ним сходить и передать вот это. – Симон протянул Ивану коробочку. – Здесь для них инструкция, что следует делать.

Побывав в будущем времени и посетив институт Непосредственных исторических свидетельств и контактов или ИНИСК, Симон не мог доложить там ничего существенного, кроме как пересказать услышанное от Толкачёва. Однако даже этих довольно скудных сведений хватило, чтобы сделать некоторые выводы и составить программу действий аппаратчиков, оказавшихся в плену у времени.

Свой век, быстрый в развитии, стремительный в проникновении в тайну тайн природы, обогащённый новыми зрелищами и элементами активного отдыха, Симон не любил. Ходок во времени с детства, он отстал и отвык, подобно большинству ходоков, от всего того, чего достигли его сверстники. Девятнадцатый и, особенно, двадцатый века были ему и его другу-напарнику Камену Сарью ближе и понятнее. И безопаснее.

Конечно, Симон мог пользоваться всеми благами современной ему цивилизация, но считал их слишком далеко оторванными от естественной надобности человека, а потому – вредными. Всевозможным ионным, электростатическим и вакуумным душам он предпочитал обычный, водяной. Синтетическим пище, одежде, предметам повседневного обихода – естественные. А обезлюдившим из-за резкого уменьшения численности землян мегаполисам, просторно раскинув-

шимися бесконечными, похожими друг на друга улицами, площадями и строениями по всей Земле, – старые города, лишённые стандартов, асимметричные и медленно изменяющие свой вид и порядки.

Если Камен просто боялся появляться в том веке, в котором родился, потому что терялся в нём, становился беспомощным и смешным, то Симон не хотел в нём жить, как он считал, из-за неприятия целей людей, его населяющих, а вернее всего, из-за непонимания ни самих людей, ни их устремлённости. Однако была и другая причина. Она, хотели в том признаваться ходоки из будущего или нет, именно она диктовала им стратегию их поведения и способствовала бегству от современников подальше в прошлое.

Это была их тайна, о которой они даже между собой делились не часто...

В институте попросили привести КЕРГИШЕТА. Чтобы познакомиться с ним и услышать из первых уст сведения об аппаратчиках. Его непосредственный рассказ очевидца мог выявить детали, замеченные им при движении в прошлое и пребывании в котловане, где он нашёл пропавших исследователей.

О приглашении в будущее, зная вспыльчивый характер Ивана, Симон промолчал. Лучше уж потом, решил он, когда Иван вернётся назад. И объяснять ничего не надо будет, приглашение получится вполне естественным.

– Что это? – Толкачёв повертел перед собой сине-зелено-

ватую коробочку и подобросил её на руке, будто взвесил.

– Я же сказал, инструкция для них, – пояснил Симон. Помолчал и добавил: – Что в ней, не знаю, и что это за прибор – тоже.

– Ладно уж, прибедняться!

– Правда, Ваня, не знаю. Они тебе там, если попросишь, могут рассказать о назначении прибора и содержании инструкции.

– Может быть, плюнуть на все эти инструкции и приборы, а мне их лучше сразу попытаться протащить сквозь время? По одному поближе к настоящему? – предложил Иван и, демонстрируя мышцы, потянулся, мол, что мне стоит такая безделица.

Симон летуче усмехнулся.

– Нет, Ваня. Не торопись. Да и силы твои не беспредельны. Притом не каждый из них обладает достаточной проницаемостью, чтобы легко было с ними справиться в поле ходьбы. Редко, но есть такие, что чувствуешь полную невозможность передвинуть их во времени. Это всё равно, что упереться в стену и пытаться передвинуть её. И потом, передвигать их придётся на слишком большие временные расстояния.

– Ну-у... – упорствовал Иван. – Попытка не пытка. Потихонечку, полегонечку...

– Это у тебя от здоровья, Ваня. Предела силы ещё не чувствуешь. Протащить сквозь время или, как у нас, у ходо-

ков, говорят, пробить можно почти любого человека или животное. Для большинства ходоков – это на пять-десять лет. Иным удаётся, конечно, и на сотни лет. Всё зависит от возможностей ходока и проницаемости пробиваемого во времени. Но на восемьсот тысяч... Даже выговорить эту цифру трудно. Количество переходит в новое качество, Ваня. Ты знаком с этими категориями? Когда количество переходит в новое качество?..

– У меня по философии была пятёрка, – едва ли не торжественно заявил Иван, так как вопрос Симона показался ему обидным. И хотел дальше пояснить суть своего ответа: – А в ней ...

Сарый фыркнул.

– Значит, знаком, – повёл на Учителя глазами Симон и опять повернулся к Ивану. – Вот и думай теперь.

– Было бы предложено, – пробурчал Толкачёв так, будто и не слушал собеседника.

Симон осуждающе покачал головой.

– Не будем спорить. Что мы знаем о твоих способностях по пробиванию? Пока что ничего определённого. А, Камен?

– Меня пробивал без особого труда. Но то меня.

– Да, ты не пример. Поэтому, Ваня, при попытке пробить аппаратчиков всё может случиться. Хотя, конечно, может быть, придётся тебе заняться и таким неприятным делом... И всё-таки, пусть они попробуют вернуться сами... Сами, Ваня. Понимаешь? Иначе вся программа аппаратного спосо-

ба проникновения в прошлое может, в конечном счёте, ликвидировать себя. Вот в чём проблема.

– Ладно, Симон. Меня уговаривать – только портить. Сейчас вот посплю и пойду... А как же дон Севильяк? Кристофер?

– Не всё сразу. Ими пока что займусь я. Что-то у нас с ними не складывается. Так что время, – Симон усмехнулся, – терпит.

Время течет, меняется. Настоящее, походя, крушит литое основание будущего, переплавляет его в успокоенное, казалось бы, и изжившее само себя, прошлое.

Но и прошлое подвержено изменениям.

Чем дальше погружаешься в него, тем плотнее становится оно, ужимая по дороге времени столетия в годы, потом в дни, а где-то за пределами мысленного прошлого – в мгновения. А, может быть, исчезает вообще или переходит в совершенно иное состояние, которому у нас нет названия.

И не охватить сразу эти мгновения умом человеческим.

Миг, он и есть миг.

Но это для нас, ушедших вперёд так далеко, что прошлое – тоже время – источило энергию и, под прессом пролетевших сотен и тысяч миллионнолетий, сколапсировало разделённые, теми же миллионами лет, события до продолжительности полёта сорвавшейся с крыши дома капли воды...

Что тогда можно сказать о том или ином событии? Ес-

ли даже каждое из них разворачивалось, возможно, сотнями лет?

К сожалению, ничего...

Подходя к своему временному пределу, к крутым склонам гор прошлого, Иван не узнавал дороги. Вернее, не самой дороги, а её частностей, деталей. Дорога, всё также пересекаемая оврагами, хранящая тайные ловушки, усыпанная отдельными всплесками скал-закрытиями, вела его вверх, но скалы были не те, что в первый раз – некоторые выросли, заострились, другие помельчали и стали плосче; были и такие, что вовсе исчезли. Появились новые крутые сбросы.

Время живёт, думалось Толкачёву, и здесь никакие ухищрения ходоков по устройству дороги для проникновения всё дальше вглубь времени неприменимы – уж слишком время подвижно.

И непредсказуемо.

От Ивана

Для аппаратчиков моё отсутствие длилось пять дней. Горел жаркий костёр, гора сушняка высилась рядом с ним. Люди разбрелись по долине котлована. В облике её – древнего вулкана или кратера от падения огромного метеорита – было много необычного. Но первое, что вновь бросилось мне в глаза – это деревья. При первом посещении я не был так

удивлён их видом, как в этот раз.

Дома я успел полистать двухтомный энциклопедический словарь, но ничего подобного этим деревьям не встретил.

Здесь произрастал какой-то геометрический хаос или как в мультфильме – изломанные проволочки с игольчатыми метёлочками одуванчиковых крон. И стволы, и ветви – угластые, словно сваренные из отдельных кусков различного диаметра труб, покрывали крупные, с палец толщиной, шипы; с горизонтальных участков ветвей свисали ядовито-синюшные то ли растения-паразиты, то ли будущие корни. Комли деревьев вспучили песок буграми. Кроме этих деревьев в долине ничего больше не росло...

Я ошибался, думая, что у костра никого нет. Меня преувеличенно радостно встретил тот аппаратчик, который больше всех вёл со мной переговоры при первой встрече, – Карим.

– Приветствую тебя! – радостно вскричал он нараспев, ошеломляя меня спичем: – Сейчас все будут здесь... Надеюсь, ты в этот раз пришёл уже не как гость, а как друг и спаситель потерпевших неслыханную в истории человечества катастрофу?.. Что они там думают о времени, схватившем нас, и о нас самих?..

Вначале подумалось: рад, наверное, поговорить со свежим человеком, поэтому опередил и не дал мне сказать и двух слов. Мне-то казалось, что они, люди будущего, могут только какие-нибудь учёные разговоры вести, от которых я, засучав, умру. А он – своё:

– Если бы не сознание, что мы, как невиданные доселе ку­ропатки, попались во временную ловушку, то тут можно бы­ло бы хорошо отдохнуть и повеселиться... Ха-ха!.. – («С че­го бы повеселиться-то?») – с удивлением подумал я). – При­нюхайся и оцени! Чувствуешь, какой здесь воздух? – Керим причмокнул губами. – Тягу-у-уч от запахов...

И, правда, дыхание доставляло удовольствие. Прохлад­ный пахучий воздух бодрил, наливал силой.

Вывалив на меня свою речь, Карим занялся костром, под­бросив в него громадную охалку хвороста из обломков веток деревьев. И словно позабыл обо мне. Отвернулся, замурлы­кал неизвестную мне мелодию. Жёстковатое и побледневшее лицо его светилось улыбкой.

Вскоре из-за редкой с угловатым узором ширмы дере­вьев по одному вышли остальные аппаратчики. Все они были охвачены необыкновенным возбуждением. Щеки их за эти дни запали, но горели румянцем, глаза светились энтузиаз­мом. Говорили они, перебивая друг друга, рискованно раз­махивали при этом руками, вступая в спор, и подобно Кари­му, забыли обо мне и о том, что я к ним пришёл не для бол­товни. У всех у них были свои темы для обсуждения, но го­ворили они наперебой, поэтому понять, о чём, собственно, каждый из них толкует, было невозможно: резкие выкрики, невнятные доказательства – вот чем они обменивались, не слыша, похоже, один другого. К тому же они говорили на как будто испорченном английском. При первой встрече я обра-

тил уже на это внимание, но тогда разговор шёл неторопливый. А тут...

Вначале я возмутился, но чуть позже, глядя на них, как они ведут себя, я ощутил беспокойство. Они очень изменились.

Не воздух ли, настоящий на испарениях странных деревьев, наркотиком подействовал на них?

Если да, то смогут ли они в таком состоянии понять и выполнить принесённую мной инструкцию? И всё больше убеждался – навряд ли.

– Вот что, – пришлось мне громко выкрикнуть, дабы пересилить их голоса и обратить на себя внимание, – Я к вам сюда пришёл не для того, чтобы только говорить. У меня к вам дело! – Они чуть притихли и внимательно глянули на меня. Мне показалось в их покрасневших глазах недоумение, как будто они меня видели в первый раз. – Да, да, дело! Из вашего института.

– А-а... Из нашего... – они наконец стали воспринимать меня и сказанное мною.

– Да, из вашего института. Это инструкция, как вам отсюда выбраться и...

– Так чего ты? Давай её сюда! – будто о безделице проговорил и шагнул ко мне один из них.

Имя его я запомнил.

– Да, но только не здесь, – решительно заявил я. – Её мне предложили, – пустился я в импровизацию, – передать

вам не здесь, а там, — я махнул рукой в сторону кольца гор, за которые я решил их увести подальше от кратера, к чистому, как надеялся, горному воздуху. — Идите все за мной!

Может показаться странным, однако все они беспрекословно подчинились мне и плотной группой последовали по моим следам.

Мы поднимались всё выше, оставляя далеко внизу котловину, но я никак не мог отделаться от запаха странного леса. Казалось и здесь, вдали от него, и воздух, и камни, и кустарник погружены в приторно-приятный аромат. Однако стало свежее.

Это вскоре сказалось на аппаратчиках. Они уже не шли, а, потерявшие резвость и разговорчивость, едва брели за мной. Глаза их слипались, они засыпали на ходу, и мне стоило трудов всё дальше и дальше увлекать их за собой в гору.

Наконец вдоль склонов подул чистый, не отравленный воздухом долины ветер, и мои спутники один за другим снопами попадали и уснули. Вначале их беспробудный сон озадачил меня, но потом я понял. Они весь срок пребывания в кратере не спали, взбадриваемые наркотическими парами. И лишь стоило легким очиститься, сон свалил их с ног.

Делать нечего. Выбрал место, чтобы солнечные лучи не слишком пригревали, и перенёс туда бесчувственные тела аппаратчиков. Для удобства положил головами в горку. Ещё некоторое время походил вокруг, укладывая их руки и ноги, а затем и сам с блаженством растянулся рядом с ними.

Люблю поспать, но в последнее время разве можно было выспаться по-человечески?

Проснулся ночью. Темно. Вдали рдеет вершина далёкой горы. Не поймёшь: закат догорает или утренняя заря сигнал подаёт? Со сна не сориентируюсь никак.

Наконец, дошло – утро.

Новые мои друзья-аппаратчики раскатились, подминая траву, кто куда. Похрапывают.

В бледном тумане родился день. Вот и солнышко заглянуло к нам. Роса сошла. День к полудню. Аппаратчики спят.

Сутки спят!

Терпения моего не хватило. Сколько можно? Хотя и знал ответ: сколько нужно, – но я не внял ему. Вначале легонько, чуть погодя, когда легонько не помогло, – более бесцеремонно, мне удалось растолкать спящих и привести их в такое состояние, чтобы они могли выслушать и понять меня.

Не очень-то они уразумели мои объяснения. Им было не до того – хотели есть и пить. Надо же, и о еде-питье позабыли! Опасное всё-таки местечко этот лесок в кратере не то вулкана, не то от метеорита.

Пока я охотился, подстрелив какое-то, похожее на недельного телёнка, парнокопытное, они костёр развели, потом, поев, отвалились в сторону от обильной мясной трапезы, хотя я им порекомендовал съесть для начала не очень-то много.

Затем они ещё с час приходили в себя, прежде чем смогли приступить к настоящему разговору. После него ещё дня

два мы бродили по округе и собирали образцы, так сказать, флоры и фауны, песка, воды горных пород и даже воздуха, набранного в небольшой полиэтиленовый мешочек. Карим критически высказался по поводу последнего образца, мол, тара слаба и ненадёжна, да и сама изготовлена неизвестно из чего. Но, тем не менее, хоть так, но воздух надо было доставить в институт.

Рюкзак мой потяжелел неимоверно, мне пришлось тащить его почти через миллион лет в будущее. Но возвращаться домой – это не уходить из него неизвестно куда. Намного легче и веселее.

Толкачёв, обросший курчавой бородкой, сидел на полу своей комнаты и за углы рюкзака вытряхивал его содержимое между широко разбросанными в стороны длинными ногами.

– Вот!.. – переводя дыхание, сказал он значительно. – Всё добро! Мог бы дотащить, так ещё раза в два большие могли бы насобирать... Они там в поисковый разж ударились... За этим жуком... Смотри-ка, ещё живой!.. За ним Витер охотился целый день. Довёл жука до изнеможения...

– Мне раз пять пришлось бы сходить в будущее, – Симон прервал возбужденный монолог КЕРГИШЕТА, – чтобы всё это перенести, а ты за раз... А значит, и в институт мне тоже придётся сходить те же самые пять раз.

Он сидел напротив Ивана на табурете, с руками на коленях, спокойный и величавый. Левый глаз его прищурился, а

правый – нацелился на Толкачёва, занятого образцами, собранными аппаратчиками.

– Может быть, ты мне поможешь, Ваня?

– Сходить в будущее?

Иван нервно провёл тыльной стороной ладони по заросшему подбородку, передернул плечами и молча стал заталкивать в рюкзак навалом, высыпанные до того образцы. Осторожно – не спугнуть бы – глянул в приоткрытый глаз Симона, замер.

– Когда?

Симон поджал губы, чтобы не рассмеяться. Лицо у Ивана было глуповато-растерянным.

– Приведи себя в порядок, побрейся, тогда и...

– Я бороду решил отпускать... Чешется только. Две недели отмучился, привыкать начал... А где Учитель?

Симон пропустил мимо ушей его вопрос. Но Иван не сдавался.

– Мы же уйдём, а он... Ждать будем?... Но ведь, чем раньше мы доставим это в институт, тем быстрее они решат, что делать дальше.

– Ваня, ты лучше соберись, пожалуйста, как следует. Передохни. И не задавай сто вопросов сразу. Как ученик первого класса! Ты же знаешь, что время для нас, по сути дела, ничего не значит. Проявимся в будущем тогда, когда пожелаем.

– Хорошо! – тут же согласился Иван. – Пойду, помоюсь.

Устал, честно говоря... Правда, в будущее пойдём?.. Конспираторы!.. Тихушники!..

Он спал и не видел появления грязного и замызганного Сарья, не слышал, как его сердито отчитывал Симон, а Сарый лишь хрюкал в ответ, как они потом пили чай на кухне и вели разговоры, далекие от будущего и аппаратчиков.

– Время, конечно, имеет одно измерение, но это совсем не значит, что в нём нет параллельных каналов. Мы их называем струями. Так что, Ваня, в некотором смысле, время объёмно и фронтально. И в разных его точках процесс превращения будущего в настоящее не адекватен.

Как бы мне ни было обидно и завидно, но Симон всё-таки наголову выше меня, простого инженера конца двадцатого века, впрочем, вот-вот начала двадцать первого. Я его рассуждения понимаю, но и представляю всю трудность его разговора со мной, ведь ему приходится упрощать то или иное объяснение, дабы я, воспитанный высшей школой нашего времени, мог уловить отзвуки того, чем занимаются люди будущего. А он невозмутимо посматривал на меня и низал слова:

– Этой неадекватностью ты можешь воспользоваться. Походи вдоль кромки настоящего и будущего, поищи проходы к нам, в наше время... И я с тобой пойду. Мне тоже любопытно, что и как ты будешь делать. До тебя к нам из прошлого никто ещё не приходил. Ты будешь первым.

Скажу честно, упоминание о моём первенстве как-то не всколыхнуло моих амбиций, напротив, подсказало мне об определённых ожидающих меня трудностях, преодолевать которые мне не хотелось.

– Что я должен увидеть или ощутить на границе настоящего и будущего, чтобы проникнуть вперёд во времени?

Может быть, я был не прав, задавая такой вопрос, но хоть что-то я должен знать заранее, пробивая монолит будущего.

А он:

– Глупейший вопрос, Ваня. Я же не знаю, как это может выглядеть у тебя.

– А у тебя?

Он усмехнулся.

– Не забывай, что я сейчас в своём прошлом и могу ходить до своего времени свободно. В будущее же, моё будущее, мне путь закрыт.

– Никогда, наверное, не разберусь с этими понятиями, – честно признался я, так как действительно всё это мне казалось больше игрой слов, чем реальностью. – Твоё будущее, моё будущее, передовое будущее... Да, вот ещё, будущее время.

– Разберёшься. Невелика наука.

– Скажите... А вот в твоё... личное будущее я смогу войти?

– Ну да, Ваня. Я тебе о том и толкую. Твоё будущее – это не моё будущее. Я тебя приведу в своё настоящее. А тебя мо-

жет остановить не просто будущее, в его историческом понимании, так сказать, а только будущее время. То есть, та грань, до которой сама природа, да что природа, сама Земля и с ними человечество ещё не дожили, не достигли.

– Мудрено всё это, – сказал я, хотя приbedнялся, так как уже кое-что начинал понимать в высказываниях Симона.

И, тем не менее, в моём сознании будущее и будущее время, несмотря на неоднократные обмолвки и некоторые пояснения Симона, сливались в одно представление. Не знаю почему, но я не торопился разобраться до конца в значениях каждого из этих понятий, вкладываемых в них Симоном.

Кто знает, но, возможно, уже тогда тень или отсветы будущего, моего будущего, накрывали меня и сигнализировали о наступающих грядущих событиях, а я, чувствуя подсознанием влияние этих сил, пытался отодвинуть и эту тень, и блики света, и пожить настоящим или прошлым без их участия.

Тень будущего... А почему бы и нет?

Ткань времени – ровная и спокойная вокруг настоящего – деформировалась и сжималась, подобно шагреновой коже в прошлом, и яростно прорастала в неведомом для нас направлении в будущем, оставаясь единой от канувшего в вечность сотворения мира до своего собственного сотворения. Всё во времени-ткани пронизано одной основой, отмирающей в прошлом и стремительно обновляющейся в будущем, и только утки этой нерукотворной ткани или сама её основа – настоящее – фиксирует последовательность вечности...

Моё будущее ощущает моё настоящее и воздействует на него...

Точно так же и свет из будущего...

До меня уже доходят и пронизывают мою суть редкие пока что лучи, заставляющие грезить и что-то предполагать. какие-то события, их возможную последовательность, и даже исход каждого из них.

А, с другой стороны, всё это ничто иное, как морок и блажь, рождённые моим воспалённым мозгом. Ибо, так ли было на самом деле, как мне представлялось? Хотел бы я знать!..

Но если о наступающем времени можно было ещё так или по-иному поговорить, порассуждать, то о том, что ожидает лично нас там, по прошествии дней, недель и годов – загадка.

И ещё одно. Уйдя в будущее, смогу ли я там узнать о себе? Как прожил, когда умер, оставил ли потомство, и каково оно, коль скоро мои отпрыски всё-таки появились на свет?

В тот раз Симону таких вопросов я не задавал. Не стеснялся, а боялся. Боялся узнать подноготную своего бытия, своей кончины...

И до сих пор не знаю!

Словно дети, взявшись за руки, стали мы с Симоном на дорогу времени. Плотный туман настоящего окутал меня. Я постоял, проверил, что рука Симона, полускрытого от меня плотной шторой истекающего времени, в моей руке и двинулся вдоль стены отступающего будущего.

– Почему ты решил пойти в эту сторону? – как всегда вежливо до осторожности спросил Симон о моих действиях.

Идти мне было трудно, так как видимость оставалась нулевой, а под ногами на каждом шагу подстерегали неровности, порой такие, что приходилось отступать далеко в прошлое и огибать по каким-то причинам нереализованное будущее в этих пространственно-временных точках. Правой рукой я ощупывал монолит будущего.

– Не знаю, – честно ответил я на вопрос Симона.

Да и что я мог ему сказать? О том, что, когда стоял на пределе своего прошлого при поиске аппаратчиков и смотрел на далёкую стену будущего, мне показалась или почудилась пробоина в ней где-то там, куда я теперь направлялся?

Но так ли это на самом деле, я совсем не был уверен.

О возможной дыре, я так её и назвал – дыра, и о своих сомнениях в правильной оценке увиденного на расстоянии почти миллиона лет поля ходьбы я немногословно поделился с Симоном. Он выслушал меня внимательно.

– Ну что ж, – подвёл он итог сказанному мной, – возможно, ты прав. Но мне кажется, Ваня, у тебя есть более простые способы проникновения в будущее, чем поиск этой дырки. Когда мы будем возвращаться обратно из будущего, ты внимательнее присмотришься к своему настоящему с той стороны. И ты, я уверен, найдёшь в следующие разы другие способы проникнуть в будущее.

– Хорошо, – согласился я, но подумал: надо ещё в это бу-

дущее попасть, а то буду так вот безрезультатно вдоль линии настоящего ползать, а за монолит – ни шагу.

– И потом. Никто, правда, не знает и ты, наверное, будешь первым, кто узнает, как всё это выглядит. Но, я думаю, раз уж ты имеешь доступ к будущему, то путей у тебя в него должно быть много, а не один. Не только дыры, но и что-нибудь иное.

– Пока вот ничего, – пожаловался я, и тут моя рука провалилась в пустоту. – Ага!

– Что?

Подготовленный Симоном, я не растерялся от неожиданности и потому промолчал. Да и не смог бы в эти мгновения что-либо сказать. У меня свело челюсти от мысли: – Вот сейчас шагну в будущее, в век, даже века, быть может, о которых сейчас лучшие человеческие умы спорят, предполагают, говорят о них: кто с надеждой, кто со страхом, а кто и с иронией.

Не помню, что я там такое мечтал увидеть. Наверное, мои представления были так расплывчаты, что ничего от них не осталось.

Я стоял перед неведомым. Перед тем, о чём всё равно никогда нельзя сказать что-либо определённое. Даже будь я или кто другой на моём месте хоть о семи пядей во лбу.

Будущее!.. Читал Будущий век Беллами. Местами смешно, как он представлял наше время, но местами удивительно – до жути – достоверно.

Возник неожиданный в нашем положении вопрос к Симону, из какого он, собственно, будущего? До сего момента мне как-то на ум не приходило поинтересоваться этим. Сто, двести или того больше лет отделяет его время от нашего?

Не в силах сделать решающий шаг по оси времени вперёд, я стоял, тянул время и задавал вопросы Симону. Он не удивлялся и спокойно отвечал:

– Нам идти не очень далеко. На сто тридцать семь лет... Да, двадцать второй век... Ну почему ты думаешь, что люди очень изменились?.. Да, конечно, они ушли вперёд, но человек-то, Ваня, как биологический вид, меняется медленно... Ты видел аппаратчиков?.. Что?.. У вас в школах об этом говорят?.. Ха-ха! Я, как видишь, чтобы жить, должен, подобно тебе и твоим современникам, есть и пить, спать и умываться... А что еда? Ты думаешь, одно печенье едят?.. Или таблетки глотают?.. И картошку! Что в ней плохого?.. Тут ты прав, но только не суетливее они живут, а, скажем, насыщеннее... Ну почему? Наоборот, интереснее. Правда, жизнь людей внешне отличается от вашей жизни, и на улицах не встретишь толпы праздно шатающегося народа, но это не означает застоя. У людей появились совершенно другие интересы, да и их количество значительно поубавилось... Ну почему обязательно вымерли? Естественный процесс. Об этом у вас уже говорят... Полмиллиарда. Вполне достаточно. Зато качество и жизни, и здоровья стали значительно лучше... Общение – смысл жизни... Я?.. Ты, Ваня, нахал. Я те-

бе уже объяснял. Мы, ходоки, живём там, где нам нравится. Мне нравится у вас... Видишь ли, не всем живущим в своём веке удаётся справиться с его ритмом и проблемами. Многим прошлое, канувшее в Лету, кажется золотым веком... Вы?.. Какой у вас золотой век, ты сам знаешь... Проблем везде хватает. У вас свои, у нас – свои. Мне проще решать ваши... Мы долго так будем стоять и рассуждать?

В течение всего времени разговора я не упускал из рук расщелину в стене будущего. В неё-то я и протиснулся, подстегнутый словами Симона.

– Правильно идём? – спросил я его через несколько шагов.

– Всё в порядке, – подбодрил он меня. – Чуть позже повеселевшим голосом добавил: – Мне даже не верится, что ты попал как раз туда, куда нам надо.

– То есть? Что означает, куда надо?

– То и означает. Идём, Ваня, идём!

Там, где я задевал плечами края расщелины, мой спутник проходил свободно. Мне приходилось идти в гору, ощущать ускользящую из-под ног почву, и всё это в сплошном тумане. По моим расчётам, нам пора бы достичь названного Симоном времени, но он, не выпуская моей руки из своей, уводил меня всё дальше в будущее. Никогда ещё дорога времени не утомляла меня так.

– Пришли, Ваня.

Проявились мы внутри здания, в широком коридоре, концы которого терялись вдаль, в светлом мареве.

Под ногами текла... Нет не речка.

– Это эскалатор. Нам надо стать на него.

Нас несла самодвижущаяся дорожка. Скорость передвижения на ней регулировалась: в центре – быстрее, к краям – медленнее. Ничего удивительного в этом для меня пока что не было. В учреждении, занимающем большую территорию, где, должно быть, работает много сотрудников, проблема транспорта могла решаться именно так.

Рядом, на расстоянии вытянутой руки, бежала дорожка в противоположном направлении. Навстречу попадались люди, по-видимому, полностью замкнутые в своих заботах. Впрочем, я не был уверен полностью, что все они были людьми. В будущем могли быть и человекообразные роботы. А почему им не быть?

Мы не привлекали их внимания. И понятно. Нас никто не знал, у них свои дела, и мы ничем от них не отличались. Я имею в виду одежду, поскольку здесь так одевались все, то есть, по моему мнению, как бог на душу положит. И на нас с Симоном ничего лишнего. Кроме, конечно, громадного рюкзака за моей спиной.

– Теперь сюда!

Симон свёл меня с дорожки и открыл ближайшую к ней серую дверь в стене, ничем не примечательную по сравнению с другими такими же дверями. Вошли. Я ожидал увидеть нечто грандиозное. Что ни говори, а ведь я был в будущем!

Однако – цветы в простеньких кашпо вдоль стен небольшой комнаты, яркий свет от потолка и обычная – до боли знакомая по присутственным местам – ковровая дорожка, слегка вытертая посередине. Она вела к другой двери – видом побогаче и нарядней входной. Её покрывал причудливый орнамент, блестела, будто только что начищенная, тяжёлая на вид вертикальная ручка из металла жёлтого цвета. Так иногда говорят о золоте – металл жёлтого цвета... А за ней, за её порогом...

Да-а! За порогом, под небольшой площадкой перед дверью, – провал громадного помещения.

Задохнувшись от панорамы огромного, с первого взгляда почти пустого зала, я остановился.

– Вот здесь это всё и происходит. Имитационная, – обвёл Симон рукой открывшееся пространство и, не дав хорошенько рассмотреть, что же передо мной находится, потянул за руку к лифту.

Внизу сновали люди. Такие же озабоченные, как и те, на дорожке, в окружении необыкновенных по виду механизмов – они что-то передвигали или перевозили громоздкое.

Я жадно выхватывал фрагменты из многокрасочной мозаики необычных для меня действий и явлений, замедлял шаг и вытягивал шею.

Вот скользит за человеком небольшая платформа, на ней массивная пирамида с округлой вершиной. Платформа не касается пола. Тут же, опережая их, легко переставляя три

опоры, пробежало нечто невразумительное. А слева... А слева обычный тельфер и рядом с ним человек с пультом в руках, от которого тянется тонкая нитка кабеля. Ничего себе – будущее! Я такое сооружение как-то видел лишь в одной строительной организации, как технический реликт. Здесь он, конечно, был изготовлен со всем возможным в этом веке дизайном, однако тельфер, он и есть тельфер...

Симон же скользил по всему равнодушным взглядом и подталкивал меня вперёд.

Надо сказать, что равнодушие Симона и моя некоторая неудовлетворённость от увиденного – уж и не знаю, что мне не понравилось, не вид же техники позапрошлого века, – несколько охладили мой первоначальный восторг от прорыва в будущее. Закралась мысль: а что тут может меня так уж потрясти, в принципе?

Техника? Транспорт? Быт?

Попробуйте стать на моё место и подумать над поставленными вопросами. Человек из глубинки никогда не видел метро. Ну и что? Приехал в город и, с лёгким волнением, не без того естественно, воспользовался им, и перестал удивляться уже после первой поездки. А где-то в нашем времени стоят вычислительные машины на триллион действий в секунду – то же самое недостижимое будущее для меня.

Оттого не прошло ещё и десяти минут моего пребывания в будущем, а я уже был оглушён, как будто всё это время простоял рядом с джаз-оркестром, и трубы его дули мне пря-

мо в уши. Ничего ещё не увидев, я устал и разочаровался.

Смешно? Возможно.

Помещение, куда вскоре меня привёл Симон, находилось рядом с имитационной, правда, что в ней имитируют, я так и не узнал. Навстречу нам, улыбаясь и разводя широко руки, вышел невысокий, с мощным торсом человек.

– Симо-он! – протянул он, словно подражая Сарью. – Рад тебе!

– Здравствуй!

– Рад и тебе, Ваня!

Всматриваясь в суровое лицо встречающего, я узнал его. Как его?.. Его привёл Алекс. Ах, да! Леви Маркос.

– Здравствуй, Леви!

– Прекрасно! Нет нужды знакомиться. Пройди, пожалуйста, Ваня, сюда, – он показал на широкий проём в стене, наполовину загромождённый каким-то устройством в виде куба. – Там тебя ждут. Расскажешь о посещении наших сотрудников и покажешь принесённое от них, а мы с Симоном поговорим. – Крикнул: – Алекс, встречай гостя!

Из проёма выглянул поджарый Алекс, улыбнулся приветливо и приглашающе махнул рукой.

Вот так! Придёшь как будто в неведомые края, а там, оказывается, знакомых полно. И начинаешь чувствовать себя как дома.

Я человек компанейский, во всяком случае, таковым себя считаю, и стал, пожалуй, держаться раскованнее по отно-

шению к ним, чем они ко мне. Тем более что они тут народ умный и обижать меня, как брата меньшого, поостерегутся. Мало ли что, думалось мне об их осторожности, может выкинуть обиженный непониманием или выражением превосходства потомков перед предком, то бишь передо мной.

Вот я и начал...

– О! Алекс! – наигранно весело воскликнул я, как мне показалось, правильно выбирая линию поведения. Быстро прошёл к нему в комнату. – Рад с тобой поговорить не по переписке, как нам пришлось это проделывать в первый раз. А?

Я хохотнул, ожидая от него подобного же ответа.

– Я тоже рад... Ваня, – отрезвляюще холодно отреагировал он на моё игривое приветствие и безразличным жестом, будто надоевшему посетителю, пригласил меня сесть за низкий стол.

Алекс неторопливо, сохраняя серьёзное лицо, присел напротив меня и пододвинул к себе небольшую плоскую коробочку. Наверное, это был пульт какой-то, потому что в продолжение нашего разговора он время от времени притрагивался к его поверхности кончиками длинных пальцев,

– Показывай, что принёс! – сказал приказным тоном.

Я стерпел, но...

Моей недовольной гримасы он не заметил.

Из расшнурованного рюкзака я вынул первый попавшийся образец – пучок травы – и молча подал его Алексу. Он и это моё нарочитое молчание пропустил мимо.

Всё, что я ему потом доставал и показывал, он, после придиричивого осмотра и кратковременной работы с пультом, откладывал в сторону, постепенно загромождая стол камнями, пакетами с водой, почвой, полиэтиленовым пузырьём с воздухом, кусками деревьев из котловины и её окрестностей. О каждой вещи, увлекаясь, я давал свой собственный комментарий – где взята проба или добыт данный образец. При моих объяснениях Алекс внимательно смотрел мне в лицо.

– Теперь, – сказал он ровным, спокойным голосом, когда я свернул опустевший рюкзак в небольшой веретёнообразный жгут, – мы сможем сделать кое-какие выводы о... Симон говорит, ты назвал это отстойником?

– Не очень удачно, – скромно повторил я слова Симона, – но другого слова не нашёл. Можно, правда, назвать и ловушкой, и тупиком, и пределом.

– Неважно как назвать. Отстойник, так отстойник. Главное, что мы считаем так же. Неспроста и ты, и наши сотрудники встретились именно там, в кратере от метеорита. Мы нашли этот кратер и обследовали его. Метеорит упал около двух миллионов лет назад. В тех местах сейчас идёт активное горообразование. Так что за последние восемьсот тысяч лет там произошли такие изменения, что твои описания кратера совершенно не совпадают с современным его обликом. Но озеро и поныне там.

– Да, я читал как-то. Горы могут расти быстро. Анды вот, якобы, выросли на памяти человечества в несколько раз.

– Вот именно. Есть предположение о возникновении отстойника благодаря метеориту. И эффект движения ходоков, а теперь, похоже, и аппаратчиков, во времени – от него же. От метеорита

– Почему же тогда не все могут проникать так далеко, как я? – Алекс вскинул на меня зеленоватые глаза и не ответил, ожидая моих новых вопросов. Они у меня были. – Почему к моему, и тем более к вашему, времени ходоков становится меньше? И почему я тогда не могу уйти в прошлое на два миллиона лет, а только лишь на половину возможного?..

Алекс кивнул головой, останавливая меня.

– Первые два... Скажем так, недоумения... Мы уже задались выяснением, и как будто можем ответить на них. Но почему твой предел ограничен не днём падения метеорита, то, признаюсь, у нас такой задачи даже в мыслях не было поставить. Ин-те-рес-но!

За время разговора я заметил: Алекс говорит и одновременно скучает, оттого и предложения строит как-то необычно. А в его сказанном с расстановкой «интересно» не слышалось никакой заинтересованности. Я же так считаю: если интересно, то и голос это должен подтверждать, и взгляд, и жест.

Вскоре он и вообще повёл себя странно.

Он сидел со скучным видом уже всё увидевшего и услышавшего в жизни, склонив голову к плечу, как бы прислушивался к чему-то в себе, и на меня смотрел невидящим взгля-

дом. Правая рука его шевелила пальцами над пультом.

Я встал, постоял – не скажет ли он мне что-нибудь. Не сказал. Пришлось вернуться к Симону и Маркосу. Они голова к голове склонились над столом, где на просторной столешнице возникали какие-то картинки, по которым гулял палец Маркоса.

Он первым заметил меня.

– Всё? Закончили?

Я пожал плечами, почти пожаловался:

– Он там в каком-то столбняке. Сидит, ничего не видит, как будто.

– С ним бывает такое, когда он о чём-нибудь размышляет.

Побудь с нами.

– Хватит с него, – сказал Симон, внимательно посмотрев на меня. – Иди, Ваня, прогуляйся на свежем воздухе.

То побегай во времени, то теперь – прогуляйся на свежем воздухе...

– Пожалуй, – согласился Маркос. – Сюда, Ваня.

Он показал на дверь, от которой я находился в двух шагах. До того я её воспринимал створкой встроенного шкафа.

И этим, оказывается, я помешал!

Думал, выйду и грохну дверью. Покажу, как мне у них не нравится.

Открыл её и – замер поражённый...

Там, за дверью, могла быть ещё одна комната, зал имитационной, коридор, улица, да мало ли что за ней могло быть!

Но в лицо мне пахнуло осенью и чистым воздухом неухоженного парка. Я стоял на невысоком, в три ступени, крыльце, а передо мной – во всей красе золотая осень.

Люблю осень. И умру когда-нибудь осенью, наверное. До того она настраивает меня на минорный лад, и легко мне, шурша ещё не совсем усохшими листьями, идти в полном изумлении. Люблю песню, петую когда-то в студенческие годы, написанную моим другом:

К нам осень, к нам осень
Пришла в кружевах волшебства.
Вновь осень, вновь осень,
Шуршит золотая листва...

Вернулся к Маркосу умиротворённым и покладистым. Не хотелось раздражаться и выискивать какие-то крючки, которые могли поцарапать моё самолюбие – хотели этого они, люди будущего, или нет. Вернее всего, не хотели, а мне в каждом их слове чувствовался подвох.

Алекс ли меня так расстроил?

Ну что я к нему прицепился, если даже его местные (по времени) считают, что с ним такое бывает часто?

На предложение посмотреть что-либо меня интересующее, я, не задумываясь, отказался.

И думаю, был прав.

На Луну или Марс – летают же они уже, наверное, туда

запросто – попросить доставить меня постеснялся. В конце концов, я трезво осознавал, кто я такой, да и кто может это просто так устроить? А посмотреть, чего достигла их техника, так это же надо заглядывать куда-то на завод, а там, уверен, автоматика сплошная, роботы, словом, работающая сверх техника и супертехника. А располагается она, естественно, в спецпомещениях, в которые, естественно, вход-то запрещён. Не только мне, а вообще людям.

Конечно, посмотреть бы, чем и как обычные люди живут: быт, повседневный отдых. Но это – в гости напрашиваться, значит... А по гостям я ох, как не люблю ходить. Придёшь, сидишь болваном, хозяев развлекаешь, а твой приход для них – лишние заботы...

Уж лучше, пришло ко мне решение, я здесь сам как-нибудь побываю. Без опекунов. Тогда всё и посмотрю. А то – по улицам слона водили, как видно на показ... Ещё чего! Не столько я буду смотреть, сколько на меня, как на реликт прошлого.

И Симон, и Маркос, по-видимому, иного от меня и не ожидали и больше никаких предложений не делали. Перешли сразу к вопросу об аппаратчиках.

– Твоё соображение, Ваня, – сказал Леви, – до сих пор уточняется. Возможно, метеорит запустил нечто, влияющее на субстанцию времени, и теперь мы можем до определённого предела уходить в прошлое. Но вот что это такое? Что могло протянуть нам руку из прошлого и связать в единое

целое такой громадный промежуток времени? И насколько уникально подобное событие в истории Земли? Может быть, в эпоху до этого метеорита каналы во времени уже существовали? Да и единственное ли это каналообразующее место на Земле? К тому же, метеорит – этот только гипотеза. Возможно, он никакого отношения ко всему случившемуся с вами не имеет отношения, а просто так совпало... Видишь, сколько сразу проблем, требующих разрешения, принёс ты нам. И это только те, что лежат на поверхности и сразу приходят на ум. А сколько ещё иных, уже просматриваемых, и тех, что ещё возникнут. – Он энергично потёр руки. Радостно улыбнулся. – Работы хватит всем.

– Чем могу вам ещё помочь? – спросил я ради вежливости.

– Пока ничем. Мы будем разбираться. Подумаем. Уж потом обратимся к тебе. И тебе придётся опять сходить к нашим сотрудникам и передать наше решение. Кстати, у тебя не было с ними языковым трудностей?

– Нет. У них же эти... Симон говорил. Лингвистические устройства есть.

– Лингвамы?

– Да, – я оглянулся на Симона, ища подтверждения.

Он кивнул. И тут у меня мелькнуло! Вот что надо заметить. Это вещь стоящая. С кем хочу, с тем и поговорю без переводчиков. А то ходоки общаются между собой не столько словами, сколько жестами.

– А мне можно дать такой лингвам?

Они переглянулись.

– В принципе, да, – сказал Маркос. – Но вам тогда придётся задержаться. Лингвам трансплантируется.

– Если ненадолго... – поторопился сказать я, прежде чем до меня дошло, что означает это – «трансплантируется». – Он что, вшивается?

– Вводится.

– Куда?

– Да хоть куда. Мне вот ввели его в ухо, – Маркос коснулся правой рукой мочки. – А тебе, Симон?

Я рассмотрел его ухо. Никаких следов: ни подкожных бугров, ни швов каких-либо.

– Мне встроили в вечный зуб, – повёл челюстью Симон. Леви качнул головой.

– А я отказался, когда мне его предложили поставить. Да, Ваня? Что ты хочешь сказать?

– Так всё-таки, долгое это дело? – стал я добиваться своего.

Маркос неопределённо повёл рукой.

– Я сейчас выясню, где это можно будет сделать быстрее.

– У Алекса, – не столько спросил, сколько подсказал Симон.

– Думаю, да, – Маркос поджал нижнюю губу. – Попробую, если он сейчас в состоянии... Подождите!

Он направился в другую комнату, где находился Алекс. В

походке его была заметна неуверенность.

Мне все их реплики о встраивании лингвама то в ухо, то в зуб не очень понравились. К тому же, решение подключить к этому Алекса сопровождалась явной нервозностью. Складывалось впечатление, что они, в принципе, не против того, чтобы я обзавёлся лингвамом, но всё это не так-то просто. А поскольку я не отказался, когда они мне намекнули о таком положении дел, то им пришлось искать выход, чтобы удовлетворить мою блажь.

Однако просьба с моей стороны показалась мне уместной и для исполнения довольно скромной по сравнению с тем, что я действительно мог попросить их организовать мне экскурсию на Луну или на Марс.

– Это... эта операция сложная? – спросил я у Симона и проглотил подступившую вдруг кислую слюну. – Под наркозом?

Ненавижу и, честно сказать, побаиваюсь самого слова «операция», если оно означает вмешательство в мой организм.

– Нет, что ты? – развеял мои страхи Симон, в усмешке дёрнув щекой. – Никаких наркозов. На уровне укола. А если Алекс...

– Он распорядился, – досказал за него Леви, торопливо выходя из-за угла устройства, перегородившего проход. И мне: – Иди, Ваня, за мной!

Маркос в пять шагов пересёк свою комнату, приложил ру-

ку к стене. Она стала прозрачной. Во всяком случае, от его руки пошли словно разводья, делая стену вначале ясной, а затем и вовсе убирая её. Она истаяла, открыв проход в тесную каморку, чуть больше телефонной будки.

– Сюда, Ваня, – пригласил он меня и пропустил в кабину. – Тебя встретят и отправят обратно.

Не успел я хотя бы бегло осмотреться, куда это я, собственно, попал, как стена материализовалась, запирая меня со всех сторон, свет на время потускнел и вновь загорелся. Следом опять пропала стена, и открылся выход.

Всё это произошло в течение считанных секунд. Я не смог ни о чём подумать и проанализировать свои ощущения. Так бывает, когдаходишь в лифт, кто-то за тебя нажимает кнопку – двери сомкнулись, и тут же неизвестно почему раскрылись. Вот и все мои ощущения. Вошёл и вышел...

Встречал меня невысокий, бледный лицом человек. Поверх его плеч была наброшена накидка, похожая на пончо, но не из шерсти лам, а из серебристо-белого материала. Складки её не мешали движению рук.

Он представился: – Нарсет. Окинул меня взглядом зеленоватых мерцающих глаз. Словно подражая Леви, так же приглашающе повёл рукой.

– Проходи! Куда будем вводить? – усаживая меня, спросил он, хотя и спотыкаясь на каждом слове, но по-русски.

Я нервно передёрнул плечами от его торопливого вопроса. Мог бы с подходом каким-нибудь это сделать. А то – сра-

зу в лоб.

– Не знаю.

– Ну да, – охотно констатировал он факт моего незнания. – Я обычно советую в вечный зуб, но у тебя, как я узнал... – Он покачал головой – осудил такую неосмотрительность с моей стороны. А я об этом вечном зубе узнал всего пятью минутами раньше. Что ещё за вечный зуб? А он продолжал: – ...вечного зуба нет. Тогда лучше в мочку уха или в нос. – Он тут же внимательно осмотрел моё лицо. – Нет, твой нос... – Сделал мину. Чем ему мой нос не понравился, уж и не могу сказать. Всегда им гордился, да и другие отмечали его правильность. Он же решал: – Пожалуй, будет правильным в тыльную часть мочки. Волосы у тебя длинные. На первое время прикроют, а после прорастания, когда всё придёт в норму...

Это я привожу перевод его неторопливых рассуждений, как они мне были понятны. На самом деле, такие слова, как-то: трансплантация, кортикализация, иннервация и другие, неведомые для меня до сего дня, – составляли основную часть его толкования, пока он вживлял или вставлял этот пресловутый лингвам в моё ухо.

Это была расплата за желание его иметь.

Я сидел в обычном кресле с далеко откинутой назад спинкой. На мою мочку был подвешен в виде клипсы громадный и довольно-таки тяжёлый зажим. В ухе постоянно раздавалось потрескивание от нагрузки на него.

– Посиди так, – обыденно сказал Нарсет, как о безделице какой-то. Вот если бы у нас, в нашем времени, произошло нечто подобное, то я представляю, на что это было бы похоже. Телевидение, радио и газеты захлебнулись бы от восторженных статей и речей. А он, Нарсет: – Постарайся ни о чём не думать и не делать резких движений. Представь, что ты на отдыхе... В полудрёме...

Заставить себя не двигаться – проще простого. Но по поводу «не думать» – всё наоборот. Лучше бы он об этом не упоминал. Моя голова тут же словно раскололась от всевозможных мыслей – отрывочных, случайных, волнующих...

– Вот и всё, – Нарсет внимательно осмотрел моё горящее как в огне ухо. – Болит?

– Горит.

Он кивнул и пообещал:

– Скоро пройдёт. И, пожалуйста, день-два поменьше касайся... ошупывай... – он ввернул какое-то словечко, – чтобы не раздражать.

Впрочем, я его понял, по-видимому, правильно. Не надо знать терминологию, чтобы определить, что он хочет мне сказать. Но рука так и тянулась потрогать мочку и оценить, что она теперь из себя представляет. Может быть, висит большущая гуля, и на меня сейчас страшно смотреть даже.

Симон и Маркос после моего возвращения ни словом, ни намёком не вспомнили о только что произведённой над мной экзекуции. Наверное, справедливо считая данную рас-

праву платой за желание иметь лингвам.

Маркос в конце встречи напутствовал меня:

– Ты, Ваня, про нас забудь пока что. Симон говорит, у вас там свои заботы. У тебя будет время ими заняться.

– Дон Севильяк?

– Об этом поговорим дома, – с укоризной посмотрев в мою сторону, сказал Симон.

Он так и сказал – дома. Станный всё-таки Симон человек. Человек из будущего с домом в прошлом. Сюжет...

Попрощавшись с Маркосом (Алекс так и не появился больше, а ведь у нас с ним при первой встрече наладились, чуть ли не приятельские отношения; здесь же даже разговора не получилось), Симон и я следом за ним проделали обратный путь до коридора института.

– У Маркоса небезопасно становиться на дорогу времени, – пояснил он, словно виноватаясь передо мной. – Энергополя, излучения, аппаратчики, закрытия. Вообще нам следовало бы отсюда уходить подальше от института. Но!.. Поистине, Ваня, но! Потому что, чем ближе к институту, тем надёжнее. Больше уверенности не нажать неприятностей. Тут до передового, как мы говорим, будущего рукой подать. А там, на границе будущего времени, творится, чёрт знает что... – Симон при мне впервые так выругался. В его речи никогда не было грубых и бранных слов. У меня, наверное, нахватался, вот и чертыхается теперь. – Давай, Ваня, присядем. Я тебе кое-что расскажу.

Наконец-то, обрадовался я не понятно чему.

Длинная глянцевитая скамья протянулась вдоль стены коридора, прерываясь лишь у дверей и вновь продолжаясь, казалось, в бесконечность. Почти у ног текла дорожка, убыстряющаяся к середине, как будто вязкую массу проталкивали в стесненных границах: она намертво припаялась к стенам, зато в центре, увлекая соседние слои, двигалась скорой струёй. Движение её завораживало взгляд. Так гипнотизирует текущая вода. В эти минуты она оставалась пустынной. Никто ею не пользовался. Мы сидели в одиночестве.

Симон опёрся прямыми руками о скамейку, словно пытался на них приподняться, ноги подвернул под себя и подался вперёд. На меня он не смотрел, а так же, как и я, неотрывно следил за вечным бегом транспортной дорожки в никуда.

– Те аппаратчики, что застряли в кратере, – начал Симон, – из этого самого, передового будущего. Я хочу сказать, что они живут на границе будущего времени. Почти. Потому что неизвестно, что там, собственно, на самой границе происходит. Теорий и гипотез много. Некоторые, может быть, и правильно описывают процесс. Однако кто определит и выявит их адекватность? Для моих современников будущее известно на пятьдесят четыре года. Но дальше... Оттуда не приходят ни аппаратчики, ни ходоки. Там, возможно, хаос, заготовка осязаемого времени... И мы здесь, и вы, в двадцатом веке, живём, как принято говорить у нас, в устоявшемся,

спокойном времени. А у передового будущего время катастрофически непостоянно и, к тому же обладает, если можно так сказать, многополюсностью. Или... Не знаю даже, Ваня, как объяснить тебе это простым языком... Оно, время, имеет множество вариантов будущего. И вначале реализуется несколько этих вариантов, так же как несколько вариантов эскизного проекта, в которых живёт и развивается наша планета, а на ней... На ней люди, их история, жизни, судьбы. На ней существует наша цивилизация... Вся биосфера, в конце концов. – Симон помолчал. – Ты понимаешь, Ваня, весь трагизм положения (я не понимал) в том, что параллельно, то есть одновременно сосуществуют альтернативные миры, но лишь один из них сможет стать прошлым, то есть лишь он имеет право на жизнь. Но какой из миров?!

Симон не был на себя похож, говорил с болью и тревогой в голосе, да и я поддался его настроению. Меня трясло холодной дрожью от его слов. Что же творится на свете? А он продолжал:

– Алекс тоже оттуда. Из пограничья. Вот он и те, кто осуществляет связь сотрудников института в пятидесятичёртырёхлетнем промежутке времени, приносят нам вести о передовом будущем... Все мы занимаемся проблемой параллельности миров, но пока что ощутимых результатов не имеем.

– Но может быть, – осторожно предположил я, – нет никаких других вариантов? И потом...

– Нет, Ваня. Аппаратчики и мы встречаем перлей.

– Кто же они, эти перли? Чудовища, черти?

– Какие там чудовища? – вдруг вспыхнул Симон. – Люди!

Обыкновенные люди. Как ты, как я...

– Так чего их бояться? Люди, они и есть люди.

– Конечно, люди... Но и перли! Впрочем, есть перли и...

как у вас говорят, не к ночи будут упомянуты, тарсены. И в компании Радича кто-то тарсен, а рядится под перля. Я чувствую, и он или они знают о том, подстерегают...

– Ты-то зачем им?

Симон коротко глянул на меня, словно оценил, надо ли мне раскрывать какую-то очередную тайну ходоков или повременить. По-видимому, решил остановиться на втором варианте.

– Никто не понимает тарсенов... Да и некоторых перлей тоже.

– Они, ты же только что сам сказал, обычные люди, значит, и мыслят и поступают так же как и мы.

– Они тарсены и перли, Ваня. Хотя... – он яжемо вздохнул. – Я тоже прой сомневаюсь и в тех, и в друих. То, что они есть, это точно. Но так ли страшны все перли? И могут ли жить среди нас тарсены? И всё-таки...

Слушая его, я стал безнадежно тупеть. Что-то я недопонимал. Даже если и допустить многообразие миров где-то на границе этого самого будущего времени, в чём я сомневаюсь, то и тогда непонятно отношение между людьми разных путей развития. Наоборот, казалось мне, надо объединить уси-

лия многочисленных клонов потомков, от одних прародителей для решения совместных проектов по улучшению жизни, в научных поисках... А у них возникла проблема вражды. Глупо же, глупо...

– Беда в том, – говорил тем временем Симон, несколько отвечая на возникающие у меня мысли, – что институт наш создан уже где-то за пределом образования параллельности. Поэтому остаётся возможность проследить и изучить лишь только один вариант, доступный нам. А вдруг он побочный?! Наш вариант! Не основной! Страшно, Ваня, оказаться в положении, когда наш мир сам себя изживёт, время наше истает и перестанет существовать. И мы окажемся в ловушке... Нет! В небытии. Вот Камен потому-то из двадцатого века ни шагу...

– То есть, вы тоже можете быть перлями?! – воскликнул я, поражённый догадкой.

Симон вздохнул и после длительной паузы сказал:

– Выходит, что так.

– И перлей же боитесь?

– Перль – представитель параллельного мира. Если ты находишься с ним в соприкосновении или вообще вблизи в тот момент, когда его мир исчезает, то исчезнет и он, увлекая тебя за собой. А тарсены...

– Хватит, Симон, – наконец, сказал я, поднимаясь со скамьи. – Извините, но Вы мне сегодня столько наговорили, что будь я более нервным и любопытным, то свихнулся бы.

Так я выразил своё отношение к услышанному от одного из своих Учителей. Да и что ещё можно было сказать по поводу его откровений? Тоже мне, запуганные потомки!

– Что же получается? Неужели все люди твоего и передового будущего так и живут под страхом исчезновения?

– Что ты, – почти испуганно сказал Симон, – Об этом знаем лишь мы. Остальные... Те живут.

– И правильно делают!

Я начал злиться. Подумать только! Их современники строят, изобретают, любят, летят вперёд на гребне прогресса... А рядом с ними кучка затравленных, знающих всё о прошлом и будущем специалистов, у которых поджилки трясутся: Ах! Как бы чего не вышло!

Не прав я, конечно, был, не прав! И вскоре сам на своей шкуре познал все прелести параллельных миров. Но тогда мне обидно стало за Симона, которого уважал, за Сарыя, которому, как не говори, был обязан многим, за аппаратчиков, ребят не робкого десятка, что работают, рискуя собой, над проблемой времени, за все их страхи и потуги обрести устойчивость в неустойчивом мире.

Впрочем, подтекст этой слезливо-печальной, как мне показалось, исповеди одного из моих наставников был понятен, хотя, возможно, Симон и не думал меня разжалобить и чего-то добиться. Тем не менее, становилось ясно, что мне надо поискать гипотетические варианты существования перлей вместе с тарсенами и, или отбросить версию их суще-

ствовании, или подтвердить. И тогда... Что тогда? Бояться вместе с ними, даже, несмотря на то, что моим современникам ничто не угрожает? Или, и вправду, вдруг очутиться во вневременьи изживающего себя или не выдержавшего конкуренции альтернативного мира?

Не-е-ет! Всё это выше моего понимания...

– Я посмотрю... – пообещал я и тут же раскаялся, потому что делать сейчас этого не хотелось. Потому добавил скороговоркой: – Только не сегодня!

Симон вскинул на меня удивлённый взгляд.

– Что ты согласишь?

Теперь я удивился.

– Посмотрю, есть ли эти перли и тарсены на самом деле.

– А-а... Они есть. Но почему ты хочешь на них посмотреть?

– Не хочу я ничего, – нелюбезно отозвался я и, скрашивая свою грубость, добавил: – Давайте займёмся доном Севильяком, а?

– Может быть, и займёмся, – неопределённо пообещал он. – Пора нам возвращаться.

В душе моей от разговора с Симоном осталась неустроенность и настороженность.

Становясь на дорогу времени в будущем, я уповал на Симона.

Было отчего.

В тумане, который должен был меня окутать, я боялся потерять направление. А это задержка совершенно ненужная: так мне в тот раз не терпелось быстрее попасть домой. В наш тихий двадцатый век, где время течёт плавно, девушки самые красивые и понятливые, а всё, что меня там окружает – целесообразно и привычно.

Однако после перехода очутился я на обширном плато, изрезанном, как сетью морщин, глубокими лощинами. И путь мой лежал по одной из них вниз, где вдали уже проглядывалось моё настоящее. Обозрел я открывшееся пространство, так непохожее на привычное для меня поле ходьбы и подумал, что, наверное, как раз на этом плато и реализовались все варианты параллельных миров. Шаг влево – один мир, быть может, наш, шаг вправо – и я в мире перлей или тарсенов.

Как много я тогда не знал...

Симон цепко держался за мой рукав. Он внимательно выслушал мои размышления по поводу того, что я увидел. И не согласился с ними.

– Нет, Ваня, – покачал он головой и задумался, вновь становясь похожим на обычного Симона, каким я привык видеть его всегда: неторопливого, чётко формулирующего свои мысли, спокойного. – Это, скорее всего, реализация только лишь, возможно, того будущего, где мы сейчас находимся, а не всех вариантов сразу. Иначе слишком просто. Плато как поле шахматной доски, где шаг влево, шаг вправо – новая по-

зия. В поле ходьбы так не бывает. Впрочем, твоё видение поля сильно отличается от моего. И что ты сейчас видишь, позже сам разберёшься. Главное для тебя, мне думается, выбрать правильную стратегию проникновения в будущее.

– В каком... смысле? – не понял я.

– В прямом. Твоё представление будущего меняется в зависимости от того, с какой стороны к настоящему ты находишься, то есть подходишь к нему из прошлого или из будущего. Должна иметь место симметрия. Уходя в будущее, тебе надо избавляться от тумана, как ты это делаешь, уходя в прошлое. То же самое и по возвращении назад.

– Но я не знаю, как от него избавиться. Он меня окружает со всех сторон...

– И сейчас?

– Нет, – растерянно сказал я.

Тумана вокруг меня не было, иначе бы я не видел плато, раскинувшееся во все стороны. Оно было таким, будто я стоял в степи, где видно за многие километры.

– Вот и хорошо, – буркнул Симон. – Веди куда надо!

К настоящему мы шли недолго, и теперь мои ощущения совпали с продолжительностью ходьбы и протяжённостью пройденного времени, не то, что когда мы проникали в будущее в сплошном для меня тумане.

В моей квартире стояла тишина. Учитель куда-то опять без нас отлучился. Наверное, в мифический Фиман.

– Ты, Ваня, не против того, если я у тебя посплю? – лукаво

подняв бровь, попросил Симон.

– Конечно, – не отказал я, но на моём лице, по всей вероятности, было написано такое удивление, что Симон криво усмехнулся.

– Побуду у тебя. А ты бы развлёкся что ли? У себя или во времени...

Я развлёкся.

Оставил за спиной тысячелетия и с десятков мест на Земле, где увидел много чего – и плохого, и хорошего. Всего не перескажешь... Одно забылось навсегда, другое напоминало о себе неоднократно, а подчас становилось для меня неким предвестником новых событий.

А сколько времени – моего, личного – утекло на эти развлечения, уже и не припомню. Будто плыл в круговороте, топчась на одном месте...

– Ваня, где тебя опять носило? – встречал меня каждый раз почти одной и той же репликой Сарый, глядя на мои запавшие щёки и утомлённый вид.

– Бегаю во времени, как вы с Симоном посоветовали, – так же отделялся дежурной фразой и я, чтобы не вдаваться в подробности.

– И как? – тот же неизменный вопрос Учителя.

– Ничего хорошего, если всё суммировать.

– Да-а, – разочарованно отвечал мой Учитель.

Его разочарований от моих хождений во времени я не по-

нимал.

Схожу, думаю как-то, на жизнь Древнего Рима посмотрю... Гладиаторы, римский плебс... Императоры... Но лучше всего попасть в Афины времён Мильтиада Младшего. Много когда-то про него знал.

Ещё в школе учитель истории не слишком любил меня, настолько я ему победителем при Марафоне надоел. Очень я им интересовался. Книжки всякие читал. Вот Дельбрюк свою “Историю военного искусства в рамках политической истории” так и начал с Марафонской битвы и Мильтиада там представил предвестником полководцев новой формации – новаторов будущих войн. Уже за ним, за Мильтиадом Младшим, якобы, последовали деяния Филиппа Второго и его достославного сына Александра Македонского. В детстве я даже строчки из «Полтавы» Пушкина переиначил:

Вдруг слабым манием руки

На персов двинул он полки.

Хотя у Мильтиада, сына Кимона, под началом в тот сентябрьский день было всего одиннадцать тысяч воинов: свободных афинян и рабов, да тысяча платейцев в том числе, – но победа над десятками тысяч персов получилась полной, принеся Мильтиаду славу в веках, Афинам же – авторитет и уважение в греческом мире на долгие годы.

Да что тут вспоминать Дельбрюка!

Помыкался я по комнате, на улицу даже настроился пойти, чтобы о Марафонской битве не думать. Потом, как говорится, махнул рукой, переоделся так, как мне казалось, одевались люди того давнего времени, и подался в четыреста девяностый год до нашей эры, на берег слабенькой речки, впадавшей в Марафонскую бухту...

Пёстрая, неровная по фронту масса персов, вернее, тех неведомых народов, что пришли на землю Эллады под руководством персов, моргая в солнечных лучах бесчисленными мечами и копьями, вопя от страха, азарта и причастности к предстоящей резне, быстро накатывалась за тучей, посылаемых ею же стрел на редкую, но чёткую цепочку гоплитов. Перед нею на лошади возвышался Мильтиад – стратег афинского войска в этот день, седьмого сентября.

Историки, писавшие о Марафонской битве, реконструировали её правильно. И расположение на флангах греческого войска усиленных групп, и команду Мильтиада бегом броситься на врага, чтобы проскочить губительную от ливня стрел полосу. И стойкость гоплитов – их тонкая ниточка не только сдержала нестройный и могучий вал персидской толпы, но, уплотняясь в тугую дугу с провисом в центре, шаг за шагом двинулась вперёд, оставляя за собой груды поверженных пришельцев.

Будто цветы застыли на каменистом ложе долины от ярких халатов убитых.

Одно – читать, но видеть своими глазами, уже зная, чем

всё кончится, намного интереснее и более захватывающе.

Набегая от берега моря, от кораблей персов, прокатилась видимая волна по всему их воинству. С ходу она ударилась будто в монолит, заполняя округу гулом, и – пошла обратно, сбила в тесное скопище и без того мешающих друг другу людей. А перед ними, подобно отлаженной и хорошо смазанной машине, рубилась и кололась, почти теряющаяся на фоне многолюдства персов, цепочка греков. Будто сачок из тончайших, но до невозможности крепких нитей, затягивал в себя и гнал перед собой неисчислимую морскую мелочь.

Я стоял довольно далеко в стороне от битвы, на склоне горы, и считал себя защищённым расстоянием от стрел и мечей. Но оказалось, что и здесь не было спокойствия. Или мне фатально не везло при подобных экскурсиях в прошлое?

Прямо на меня из колючего кустарника, гогоча и раздирая в клочья одежды, вывалилась толпа персов-мародёров. Они, наверное, промышляли в окрестностях Марафона и теперь, довольные и пьяные от неразбавленного вина, спускались в долину. У некоторых на загривках висели блеющие козы, другие волокли ворох каких-то тряпок, третьи ласково обнимали изящные амфоры с вином.

О битве они, по-видимому, даже не помышляли, уверенные в победе соплеменников, и решили первыми пожать её плоды. Как это согласовалось с дисциплиной, мне было непонятно. В те времена мародёрство процветало, иначе, зачем было тащиться в такую даль, но во все времена суще-

ствовал жёсткий порядок, докатившийся и до нас: – уклонился от боя, значит, дезертировал, а с такими разговор короток – смерть.

Впрочем, к чему мои предположения? При их виде я, как в других случаях, вновь позабыл и о своих способностях растаять для них во времени, и о том, в каком прошлом нахожусь.

Они ко мне, а я – чуть ли не поговорить с ними собрался о Марафонской битве. Смех, да и только! Другой на моём месте, из туземцев, убежал бы, по крайней мере, или приготовился к худшему. Я же, мол, ребята, я вас не трогаю, вы меня тоже, и – идите своей дорогой.

Проклятое время, проклятая вражда между людьми!..

Для них я представлялся, наверное, легкой добычей, чтобы позабавиться только, а потом... Не знаю что потом. Поработить, убить...

Так бы оно и случилось, не имей я возможностей уйти от них, а возникшие намерения уже подогрели мародёров. Они, видя мою, якобы, беспомощность, приступили к делу спокойно и даже без особой спешки. Козы, тряпье и амфоры были опущены на землю. Лениво перебрасывались непонятными для меня репликами, неторопливо вытирали обильный пот с лица и шеи. Готовились.

Не найдя ничего лучшего, как запоздало решиться выскокить из круга персов, я бросился напролом туда, где их было поменьше. Но и они не дремали. Кто-то из них дотянулся до

меня лезвием меча и скользнул поперек правого предплечья, а метко пущенная стрела попала, к счастью, мне под мышку, лишь только поцарапав кожу под ней.

Где-то внизу кипела Марафонская битва. Умирали свободные греки и их рабы, кровью покупая себе освобождение. Скошенной травой под косою падали под ноги афинянам тысячи ассирийцев, медийцев, персов и выходцев из тех мест и народов, которые объединил в рыхлый конгломерат громадной империи Дарий Первый.

А над великой схваткой, уже входящей в историю, на каменистом склоне, поросшем колючим, жёстким кустарником, от шайки мародёров зайцем убегал я, на ходу становясь, наконец, на дорогу времени.

«Кино» у меня опять не вышло! Пошёл по шерсть, а вернулся стриженным.

Сарый, когда я в разодранной одежде и в крови завалился в квартиру, хитро посматривая мне в глаза, промыл порез на моем плече и заклеил пластырем.

– А я, – сказал он, оглаживая на мне мягкими пальцами белую полоску пластыря, – в битве при Фермопилах участвовал. Да, да... Изображал, как и все в том достойном в веках бою, мужа достойного и неустрашимого. Но, – Учитель значительно помедлил, – среди тех трёхсот спартанцев, о ком говорят и сейчас, меня, по сути дела, не было. Драка только-только начиналась, а мне кто-то камнем из пращи попал

в грудь. Я повалился на поле брани замертво. Ночью пришёл в себя. Раздетый догола и истоптанный – сплошной синяк. Едва в своё время вернулся. Лечился с полгода. Лёгкое мне тогда заменили, мышцы на левой руке реставрировали. А ты вот уцелел, лёгким испугом отделался...

Видать, в молодости мой Учитель был непоседой.

– У меня совсем всё не так было, – поморщился я от боли и душевного расстройства и рассказал Учителю, как всё случилось.

Сарый покачал головой. Осуждал.

– Носит тебя, Ваня, как неприкаянного. Потому у тебя ничего путного и не получается. Чужая жизнь – не кино, как ты тут выразился. Пришёл, посмотрел и забыл... Не надо торопиться, а побывать хоть самую малость среди тех, на кого посмотреть хочешь. А то, как в набегам участвуешь. Прибежал, схватил, оплеуху получил!.. Мы думали, советуя тебе по прошлому побегать, что ты сам поймёшь, что к чему, а ты... Так ничего и не понял. Умный ты, Ваня, умный, но... так себе.

– Ладно, уж, – буркнул я не слишком вежливо. Но мне ли обижаться? Сарый-то прав. – Симон был?

– Был. Как не быть. И вещицу тебе важную оставил, – таинственно сообщим Учитель.

– Ну, и какую?

– По мне, так я тебе никогда не посоветовал бы её принимать, – не ответил на мой прямой вопрос Сарый. Он посе-

рвѣзнул лицом. – Но, – развѣл он руками, – они там, у себя в институте, что-то подсчитали и решили тебе его подарить. На всякий случай, мол.

– Да что за вещица? – нетерпеливо спросил я.

– Лежит там, – Сарый кивнул в сторону комнаты. – Лежит.

Я её на подушку положил.

Совсем меня заинтриговал Учитель.

На подушке лежал... лежало нечто, похожее на аккуратную миниатюрную электродрель. Я её взял, повертел в руках.

– И что это? – спросил у подошедшего Сарый.

– Это, Ваня, лазерный бластер.

– А?.. А-а... – не нашѣлся я сказать что-либо вразумительное. – Это же оружие?

– Оно... Красивая вещица?

– Оружие – не вещица, – начал я было наставлять Учителя, но во мне заговорило любопытство. Сколько я начитался о бластерах в фантастических рассказах и романах. А тут – вот он, как детская игрушка лежит. Я взял его в руки. – Как им пользоваться, покажете?

– Только не я! – воскликнул испуганно Сарый и поднял перед собой руки, как бы защищаясь от меня. – Придѣт Симон, вот он и расскажет, и покажет. А меня не спрашивай.

– Когда придѣт?

Учитель покачал головой.

– Торопись? Ах, Ваня, зря они там всё это надумали. Тарзи, эти исчадия, порой, конечно, встречаются на дороге

времени, но это не значит, что надо всегда в них стрелять.

– Я согласен, но почему они так решили?

– Симон придёт, вот у него и спроси.

– А Вам разве не интересно?

– Нет, Ваня.

– Вы пацифист?

– Ну, вот ещё! – искренне возмутился мой Учитель, словно я уличил его в чём-то мерзопакостном, столько экспрессии было в этом отрицании. – Зачем бы я тогда правдами и неправдами оказался в Фермопилах? А вначале в Спарте. Там же все знают друг друга в лицо. Каждый грек известен своим отцом, дядей или братьями. И втиснуться в спартанскую когорту... Нет не когорту. Это у римлян... Не помню... В общем, попасть в эти триста было нелегко... Был бы пацифистом, дома просидел бы...

С человеком не пуд соли съесть надо, а значительно больше, только тогда он раскроется для тебя с самой неожиданной стороны.

Сарый, мой Учитель – один из трёхсот спартанцев, остановивших армию персов? Ну, кто может поверить, глядя на него сейчас? Спартанцы – это же сплошные бицепсы, мощные торсы, красивые лица... Впрочем, надо сходить и посмотреть, каковы они были на самом деле. Вон чудо-богатыри Суворова были росточком, как иногда говорят, в метр, если ещё считать с шапкой и на коньках. Всё потому, что они родились и жили во времена малого ледникового периода. В

то время на Земле люди все такими были.

По крайней мере, в Европе так оно и было. Будто бы в битве при Полтаве встретились две армии: русская и шведская, – так вот, средний рост шведских солдат был всего метр пятьдесят три, а русских – на сантиметр меньше. То-то Пётр Первый гигантом среди них был...

Возможно, и спартанцы – мелкота, тогда Сарый среди них гляделся богатырём.

– Ладно Вам, – перебил я поток слов Учителя. – Когда всё-таки придёт Симон?

–

Вот-вот...

Симон появился отнюдь не «вот-вот».

Усталый и чем-то расстроенный. На мои вопросы отвечал нехотя, многозначительно переглядывался с Сарыем и вздыхал.

Короче, печальная встреча, бессмысленный разговор.

Симон ушёл, а я вновь остался перед выбором, куда и в какое время податься, чтобы переждать полосу ненужности ни ходакам, ни учёным из института, что в будущем.

Ни самому себе...

Часть третья

ПОЯС ДУРНЫХ ВЕКОВ

О скалы грозные дробятся с рёвом волны
и белой пеною, крутятся, бегут назад.

Но твёрдо грозные утёсы выносят волн напор,
над морем стоя.

«Садко». Песня варяжского гостя.

...с шумом покорным, немолчным
волны идут на погибель.

В. Брюсов.

Последний Подарок

Здесь, под крутой скалой гор недоступности, Иван с удивлением обнаружил распашные арочные ворота.

Вначале он посчитал увиденное за галлюцинацию. Какие тут могут быть ворота?

Он протирает глаза, оглядывался, вновь всматривался и... видел то же самое – ворота. Явно рукотворные.

Арка ворот выделялась на фоне серо-невзрачного творения природы – скалы – отделкой кроваво-красным камнем. Камни со столешницу журнального столика были едва тронуты обработкой, но хорошо подогнаны. В центре каждого из них отсвечивала зеркально отполированная площадка ве-

личиной в ладони две. В глубине зеркалац просматривались какие-то причудливые знаки: в них отсутствовали прямые линии – плавные завитушки, изгибы, петли – всё это переплеталось в замысловатый узор. Узкие и высокие, явно деревянные створки ворот, сверху донизу имели оклёпку бляхами из того же камня с вытесненной или вырезанной монограммой – латинские буквы Р и G.

Потрогав рукой и убедившись, что ему не показалось, что неожиданное сооружение существует наяву и имеет материальную основу, Иван слегка успокоился. А чуть приоткрытые створки разожгли его любопытство и он, позабыв обо всём, прильнул к узкой щели. Делать это было неудобно из-за её малости. Приходилось плотно упираться лбом и высматривать то, что могло располагаться за нею, то одним, то другим глазом поочерёдно.

Однако через минуту-другую он разочарованно вздохнул, так как впереди виднелась только темнота, а раздвинуть створки шире никак не удавалось, словно их что-то подпирало изнутри.

Иван передохнул, обследовал округу, опять вернулся к воротам и опять прильнул к тонкой полоске раствора ворот...

И тут же от сильного удара отлетел далеко назад, по направлению к настоящему. Ворота внезапно с силой растворились на всю ширину.

Толкачёв лежал и ошеломлённо потирал ушибленную

скулу. Представив, как он сейчас выглядит со стороны, Иван готов был уже рассмеяться. И то – не суйся куда не следует, – подумалось ему. Как это... Любопытной Варваре нос оторвали...

И всё-таки, откуда и зачем здесь сделаны ворота? И не привёл ли он в действие какой-то механизм, раскрывший створки?

В открытом зеве всё также таилась тьма, и Иван стал приподниматься, чтобы продолжить исследование.

И не успел.

Из темноты с жужжанием вылетело нечто бесформенное, но большое, не меньше кухонной плиты. Оно спикировало, жёстко врезалось в землю, едва не поразив Ивана, и закрутилось юлой. Из-за быстрого вращения, рассмотреть, что оно собой представляло, не было никакой возможности, но отодвинуться от него следовало, ибо, хотя это непонятное устройство крутилось на месте, но скоро стало заметно: оно исподволь подбирается к Ивану.

Он отполз на безопасное, как ему показалось, расстояние, и только сейчас у него в голове будто лопнула какая-то плёнка. Она до того как бы не давала ему трезво оценить случившееся с ним происшествие на дороге времени. Поэтому Иван сейчас сидел и удивлялся не столько тому, что вылетело из ворот, а самим воротам. Факт их существования мгновенно изменил некоторые его представления и предположения о поле ходьбы и недоступности прошлого.

Действительно, если горы нельзя обойти или перевалить через них, так почему бы под ними не пробить туннель, дабы по нему всё дальше и дальше уходить в прошлое?

Конечно, построить такое в поле ходьбы – занятие сложное, практически невыполнимое, особенно с технической стороны дела. Но кто-то же уже догадался давным-давно до него о такой возможности и уже осуществил идею, проделав эту дыру под горой!

Впрочем, почему бы и нет? Ведь умудряется же Сарый перебрасывать какие-то вполне материальные мостки с «камушка на камушек» на своей дороге времени.

Но такое инженерное сооружение подвластно только титанам ходьбы во времени. Неужели они где-то здесь, в реальном мире, существуют и используют проход в прошлое, минуя все превратности предела поля ходьбы?

Так он словно в полузабытьи полулежал, потирал скулу, размышлял и смотрел на крутящееся непонятное нечто.

Но всё это улетучилось из сознания Ивана, когда нечто прекратило своё бешеное вращение и обозначило свою нелепую, по всему, искусственную конструкцию. Оно легко вспорхнуло на метр в высоту и выстрелило в сторону человека три тонких суставчатых щупальца. Они подхватили его, спеленали – даже не шелохнуться, руки прижаты, ноги оплетены – и поволокли в проём ворот.

Иван не успел даже вскрикнуть. Да и вскрикнул бы – так кто его мог бы здесь услышать?

Там, за чертой ворот вдаль простирался коридор, по высоте и ширине равный арке, и уходил куда-то под гору. Конца его Иван не мог видеть по простой причине – ворота, пропустив нечто, несущего человека, бесшумно захлопнулись, и наступила темнота.

Правда, свет какой-то был, но Иван не тратил времени на разглядывание стен и мрачного подземелья, он нашёл себе более важное занятие – тужил мышцы, пытаясь освободить руки и добраться до ножа или бластера. Путы хотя и не затягивались при его возне, но держали крепко.

Наконец, он понял тщету своих усилий, расслабился и обратил внимание на туннельное освещение – оно усиливалось.

Беглый осмотр ничего не дал, так как Иван висел вниз лицом и мог только отмечать неровности пола, да и то не все. Виной тому был розовато-сиреневый отсвет, заполнивший пещеру. Напавшего на него тоже не было возможности увидеть, даже уз, связавших его члены. Нечто бесшумно работало над его спиной и стремительно мчалось по подземному проходу к известной только ему цели.

Ну, не на обед же его несут!..

Иван даже плюнул с досады, выражая своё отношение к случившемуся с ним...

Всё теперь ему казалось странным с самого начала, с того самого момента, когда он сегодня ступил на дорогу времени.

Утром он выспался, одел подходящий к случаю костюм и

подался на пару часов в начало семнадцатого века, в Испанию, на обед к хлебосольному дону Ираньесу. Оттуда вернулся, разбудил Учителя, чтобы тот поел, да и нельзя же полдня спать. Сарый вставал долго. Иван успел неторопливо переодеться в походную одежду.

Наконец кивнул на прощание полусонному Учителю.

– Куда ж это ты теперь? – любопытствовал тот без особого, правда, интереса.

– Прогуляюсь, – отделался короткой репликой Иван и погрузился в поле ходьбы.

Тут же почувствовал какой-то запах, как если бы где-то далеко-далеко жгли костры из опавших листьев.

Обычно воздух в поле ходьбы нейтрален, но сейчас Ивану приятно былодохнуть полной грудью чуть прогорклый аромат, рассеянный в атмосфере, и пережить мгновение грустной ностальгии об утраченном – о том, что не произошло или произошло, но безвозвратно кануло в вечность.

Затем Иван отметил зеленоватый отблеск, падающий со стороны будущего. Он подкрашивал туман настоящего и, отражаясь от земли, уходил в прошлое.

Ни то, ни другое не показалось Ивану подозрительным или из ряда вон выходящим, потому что дорога времени, вернее само поле ходьбы непрерывно меняло свой вид. Его иногда пронизывали прорвавшиеся извне мимолётные лучики, быть может, солнечные, оттого здесь могло быть светлее, сумрачнее или темнее; даль иногда словно затумани-

валась неуловимой шторкой примесей, а порой становилась хрустально прозрачной...

Проще, Толкачёв не задумался над тем – хорошо, что окружало его сегодня, или плохо. Для него хорошим становилось положение при открывании или сужении какого-либо закрытия, а плохим – его расширение или появление, потенциально ограничивающее, тем самым, свободу движения и проявления в реальном мире там, где хотелось бы.

Сейчас, трясясь в неудобной позе, он вспомнил ещё одно, отмеченное им: будто бы был неясный теневой след. Он необычным образом пересекал поле ходьбы наискось. Но и это воспринялось им тогда спокойно. Зато именно он, как теперь стал вспоминать Иван, этот след в виде тонкой ниточки, как раз и подтолкнул его пройти вдоль неё.

А ведь так и было!

Под воздействием неумеренного любопытства или... навязчивости, Иван подобно собачке на верёвочке зачем-то ринулся в прошлое, но не туда, куда собирался идти. Что его и привело к странным воротам у гор недоступности.

«Вот! Попался, как мальчишка, на приманку», – думал он о себе без уважение, словно к постороннему лицу.

Перебирая в памяти все эти подробности, он постепенно стал склоняться к мысли о злом умысле против него, однако неизвестно от кого исходившем. Ничем иным пока что ему не удавалось объяснить свой необдуманый поступок. Его просто провели, увлекли, заманили...

Но кто и зачем? Перли или тарсены, так часто упоминаемые Учителями?

Он мог делать любые предположения. Отщепенцы во главе с Радичем? Так они на такие временные расстояния не ходят. Они не могли создать подобный агрегат или машину по определению: у них на то ни знаний, ни умений, ни возможностей.

Эта штука, что несёт его, судя по всему, какой-то механизм. Механизм в поле ходьбы? К тому же действующий здесь самостоятельно? Робот или новый вид аппаратчика? Не из того будущего, где он уже побывал? То есть... Опять же – перли или тарсены?

Нет никаких перлей!.. Нет никаких тарсенов!.. И никто его не тянул за собой, сам вздумал проверить ниточку.

Ну, зачем ему, спрашивается тогда, надо было потратить столько времени и сил, чтобы как замороженному, идти к горам недоступности, если Уленойк, вождь племени ылымов и ходок во времени, которого он собирался сегодня навестить, родился и живёт всего в пятом тысячелетии до нашей эры?

Они договорились встретиться в древней Амазонии, и определили место встречи. Уленойк, одноглазый, могучий и энергичный ходок, обещал сводить Ивана к какому-то ущелью и показать необычных то ли зверей, то ли каких-то существ, не похожих на людей и якобы разумных.

– О, Ваня! – экспансивно потрясал вождь ылымов перед собой громадными кулаками. На языке ходоков он, однако,

говорил не слишком хорошо, оттого речь его была, как бы рваной, от слова к слову. А Иван ещё плохо пользовался лингвамом, чтобы с ним говорить на его родном языке. – Ты там... удовлетворишь свой интерес... к необычайному. Такое редко может увидеть человек... Поверь мне. Я сам... Но, Ваня!.. Опасно, Ваня. Как там опасно!.. У-у...

В чём состоит опасность, сколько его ни расспрашивал Иван, Уленойк ничего определённого объяснить не мог. Он закатывал глаза, кривил сочные губы и пытался что-то изобразить жестами, что должно было, по-видимому, показать степень возможной опасности, а не её суть. Поэтому, собираясь к нему, Иван на всякий случай экипировался соответствующим образом: надел бронерубаху, снятую последний раз семь лет назад и без надобности провалявшуюся в кладовке, в рюкзак засунул бластер – подарок из будущего – и метров пятьдесят тонкой верёвки. Верёвка появилась по его инициативе: ему казалось, раз есть ущелье, значит, нужна верёвка. Кроме того, взял еды, пистолет ТТ, приобретённый по случаю (сходил в годы войны, там такого «добра» можно было найти не слишком напрягаясь), нож в ножнах, одел новенькие, недавно купленные, кирзовые сапоги, а также прочные джинсы и куртку с капюшоном.

Поход к Уленойку и далее с ним к неведомым существам числился в плане Ивана на этот раз первым этапом пребывания в прошлом. Затем он собирался вернуться ближе к будущему, во Францию времён последнего Меровинга. Там его

ожидала – надежды юношей питают – прекрасная Лоретта...

Вернее, ему очень хотелось, чтобы она ожидала его. И надеялся, что в этот раз у него получится всё, как было задумано, и Лоретта примет его ухаживания...

Столкнулся он с нею в одной из вылазок в прошлое случайно. Она его приворожила. Иван сам для себя использовал это мистическое слово: приворожила, потому что в первый раз видел её всего несколько минут. Потом он негласно погостил рядом с нею с неделю. Вокруг неё вилолось с дюжину купцов, рыцарей, а вернее большей частью обычных проходимцев, привлечённых не только её красотой, но и тем, что оставалось после смерти её отца в предместье небольшого городка – Парижа, где Лоретта проживала на правах хозяйки таверны. Пришлось с некоторыми не в меру вспыльчивыми претендентами подраться. В результате таких стычек получил несколько болезненных укулов и порезов в разных точках тела, что послужило предметом язвительных замечаний Сарыя. Несколько дней, проведённые рядом с девушкой, окончательно занозили сердце Ивана её красотой и обаянием, а главное, неприступностью.

Но в этот раз он надеялся...

Так нет же! Прибежал непонятно зачем к горам недоступности почти на одном дыхании. И с бестолковым любопытством вознамерился что-то высмотреть в темноте через щель в воротах. Ну, не наваждение ли это?

Несут вот его теперь, как несмышлёныша какого-то...

«Всё, – решил он», – пора выходить в реальный мир.

Но вспомнил. Тут же закрытое пространство, нечто вроде пресловутого мешка Сола, о котором с трепетом упоминают ходоки. И ещё одно. Он даже не мог сам себе признаться, что ему, как бы то там ни было, – интересно.

Кто, что и куда?

Что это за штука на него попала? Куда и зачем тащит?

Дорога времени такого ему ещё не преподносила. О подобном ни Сарый, ни Симон ничего не говорили. Впрочем, они никогда и не бывали в этом невероятном для них дальнем прошлом. Но всё-таки должны же существовать хотя бы легенды или предания у ходоков о чём-то похожем.

Все истории ходоков отличаются от последовательной передачи какого-либо предания от поколения к поколению, как это бывает у обычных людей. Ходоки, пересекаясь в прошлом для них времени с местными, по Симону, аборигенами, умеющими ходить во времени, узнают от них более свежие, так сказать, новости, принесённые теми из их собственного прошлого. То есть у ходоков передача от одного к другому «сказаний старины глубокой» происходит быстрее и точнее, поскольку может исходить от непосредственного участника тех событий.

Должны знать, но как видно, не знают...

Из мира размышлений его вырвали в реальный мир, где уже догорала вечерняя заря, и где кипела, бурлила, орала и суежилась большая толпа людей, стиснутая со всех сторон

невысокими постройками вокруг небольшой площади. Клеши, охватывающие Ивана, ослабли, он почувствовал свободу и тут же упал вниз. Не высоко. Ноги упёрлись во что-то упругое, в спину впились какие-то перекладыны. Иван, ещё до конца не понял, что произошло, но одно ему стало ясно – он очутился в тесноватой для него клетке. Над головой с сухим треском опустилась решётка, щёлкнул, или ходоку показалось, замок.

Иван судорожно ощупал себя и не обнаружил рюкзака.

– Крохоборы! – воскликнул он, однако не со злостью, а с удивлением.

Кому он понадобился? Рюкзак?

И сразу вспомнил – в рюкзаке еда и бластер. Забеспокоился, стал внимательно осматриваться. Оружие будущего в руках дикарей – это ли не самое страшное, что можно придумать?

Никто, по-видимому, не проявил особого интереса к новому действующему лицу на этой сумбурной сцене из неизвестного спектакля, имена режиссёра и автора которого Ивану также не были известны.

«Это и хорошо», – подумал он, так как роли своей пока не знал, и знать не хотел.

Ему всё ещё мнилось, что он случайный статист, подвернувшийся кому-то под нелёгкую руку, а значит, некий незначительный фон происходящему вокруг. Отсюда появилась надежда выкрутиться из непонятной пока что ситуации.

Шансы на то были. В конце концов, и раньше, до того, как он стал ходоком во времени, в его беспокойной жизни щекотливые или опасные положения случались неоднократно. Не такие, конечно, интригующие, как сейчас, но случались. До сих пор он выходил из них без потерь для себя.

Это к слову.

На самом же деле он всё ещё не мог отойти от внезапных перемен в своих представлениях о дороге времени и... жизни. Да, жизни! Потому что всё вокруг подчёркивало: он не по своей воле очутился в этом странном месте, странным образом, в немыслимом прошлом, но среди... людей.

Вокруг были люди. Вот почему он находился в растерянности, а его мысли крутились вокруг надежды и шансов на то, что всё, мол, пройдёт, а его не коснётся, а если и коснётся, то мимоходом и безболезненно. Так что сейчас ему ничего не оставалось, как ждать и наблюдать.

Он долго и обстоятельно осматривался. Наконец, видя, что на него никто не обращает внимания, стал на дорогу времени.

И застыл, ошеломлённый.

В поле ходьбы он находился в той же самой клетке. В рассеянном свете тёмной бронзой отливали фаланги бамбуковых перекладин. Снизу угадывалась цельная платформа, на которой была установлена клетка.

* Секундой позже он кинулся в прошлое, где этой клетки не должно было существовать, но сразу же с размаху уткнул-

ся в неё же. И в будущем, когда сооружение, стеснившее его, должно будет развалиться от старости и согнуться, его побег привёл к новому синяку на скуле, ушибленной ещё воротами. Поразмыслив, он с тревогой осознал тщету своих усилий. Эти стены ему никак не одолеть, ибо клетка, по всей видимости, существует как в реальном мире, так и в мире поля ходьбы. А, может быть, находясь в ней, он лишён возможности вообще передвигаться по стреле времени?..

* Не хотелось о подобном даже думать.

Иван на мгновения вспылал злостью и впал в безумие, позабыв обо всём. Он ухватился за прутья и с остервенением потряс ловушку. Она ходила ходуном, перекладины решётки легко и упруго изгибались, однако выскользнуть наружу не было никакой возможности.

Он вернулся в реальный мир, чтобы отдохнуть, успокоиться и поразмыслить.

Не стал делать резких движений, а опустил и сел удобнее, насколько позволяло отведённое ему пространство.

И так просидел с полчаса. Постепенно его внимание к своей персоне переключилось на кипение людских страстей рядом и вдали от его клетки. Сейчас он увидел несколько таких сооружений, и в каждом из них кто-то обязательно находился.

«Узники?» – предположил он, относя вопрос и к самому себе.

Клетки располагались, насколько мог видеть Иван за

мельканием человеческих тел и наступающих сумерек, на низких тележках и, вероятно, ничем не отличались друг от друга. Его место заточения находилось наверняка на такой же тележке: длинная узкая платформа, установленная на изогнутых конструкциях, может быть, рессорах. Оси колёс далеко выступали за габариты платформы, оттого сами колёса оказались вынесенными в сторону как у гоночных автомобилей. Из чего были сделаны платформы и колёса Иван, сколько ни всматривался, определить не мог, а вот прутья клетки – явно из бамбука. Хотя тут он сомневался в выводе: они словно прорастали друг сквозь друга, создавая решётчатые стенки.

Быстро темнело.

Солнце ещё где-то посылало горячие и светлые лучи, но чёрная тень падала от строений, создавая зыбкий полумрак, оттого разглядеть других узников Ивану так и не удалось.

Он продолжал наблюдать за людьми и пришёл к выводу – идут спешные сборы. Всех вокруг словно застали врасплох, и всем теперь надо куда-то бежать, но они, похоже, в таком состоянии находятся уже давно и всё-таки никуда не бегут, зато кричат и ругаются на пределе сил. Правда, о чём они так галдели, оставалось Ивану непонятным, ибо языка их он не знал, а может быть, даже при работающем лингваме их слова неузнаваемо искажались из-за шума

И вдруг – тишина!

Толпа живо расступилась, пропуская с десяток иначе оде-

тых по сравнению с другими, но одинаково, людей: белые рубахи с засученными по локоть рукавами и белые шорты. Загорелые, независимые.

Они направились к Ивану. Остановились перед его клеткой полукругом и некоторое время в упор рассматривали его. Иван также хорошо мог видеть подошедших, и отметил их зрелость. Каждому из них было, пожалуй, не менее пятидесяти, а одному, что стоял в центре группы, возможно, и за семьдесят. Старик первым нарушил молчание, и Иван едва не воскликнул от изумления, поскольку тот заговорил на английском языке. Слегка исковерканном, но понятном.

– Откуда вы притащили такое чудо?

– Хем выхватил его из-за Пояса Закрытых Веков, – ответил один из группы.

– Откуда? – встрепенулся старик и обернулся к сказавшему. – Но как?

– По трубе Бригса-младшего.

– Поразительно!.. Это любопытно, пенты! – всё больше оживлялся старик, на его сухом лице обозначились новые морщины. – Посмотрите, вид у него вполне цивилизный. Поднимите его!

Кто-то позади Ивана крикнул гортанно и зло. Иван хотел посмотреть на того, кто это так разошёлся, но тут же, как от хорошего пинка, вскочил на ноги и с воплем выдернул из ягодицы глубоко воткнутое острие бамбуковой палки.

– Какого чёрта! – заорал он, глядя прямо в лицо стари-

ка. Мгновениями раньше он с волнением слушал высказывание подошедших людей и раздумывал о том, каким образом вступить с ними в переговоры, с чего начать. На языке уже вертелись всевозможные вступительные слова, типа «уважаемые» или «господа». А тут они все вылетели из его головы. – Вы что, в зоопарк пришли? Кто вы такие? Чтобы сажать людей в клетки?

Он кричал, обвинял и угрожал, однако услышал в ответ:

– Прекрасный экземпляр, не находите ли, пенты? Прекрасный экземпляр эпохи Первой Стагнации. Обратите внимание на его одежду и метод выражать свои мысли. Анахор будет доволен подарком. Хотя...

Старик повернул голову к соседу слева, что-то шепнул ему на ухо. Тот кивнул головой.

– Да, пожалуй, это будет правильным.

– Я тоже так думаю. Он, пенты, достоин называться Последним Подарком. Так и сделаем. Гхор!

Из-за клетки выступил полуголый здоровяк («Это он ткнул меня копьём, негодяй», – догадался Иван, и возненавидел его) и почтительно склонил голову, положив ладони рук на полусогнутые колени.

Что говорил старик Гхору, для Ивана осталось тайной, так как говорил он на незнакомом языке, а те слова, которые он смог уловить, благодаря лингвату, не помогли установить суть диалога.

– Так и сделаем, – уже по-английски произнёс старик. –

Пусть этот будет Последним, а того, – он повёл головой в сторону, – будем считать Первым Подарком...

– Там женщина, – подсказал кто-то из пентов.

– Дикарка! Она... Забудем о ней, пенты. А этот экземпляр позабавит Анахора своей болтовней. Всё, так и сделайте!

С этим они отошли от Ивана и неторопливо направились к другим клеткам. В наступившей уже настоящей темноте рубахи пентов были видны, пока они не вошли в одно из зданий.

Саднила ягодица, к окровавленному пятну липли плавки и джинсы. Иван расстегнул ширинку, оголил заднюю часть своего тела, что ниже спины, – а кого здесь стесняться – и наклеил на ранку пластырь, благо, несколько находилось у него в карманах куртки.

Ничто так не удручало его, как этот неожиданный укол ниже бронерубахи и прилипшее прозвище – экземпляр. Обида и злость сдавливали горло. Походя, пырнули, словно в арбуз ножом, а потом, ничего не расспросив, обозвали...

Сами экземпляры!..

Люди Прибоя

Ночь на дворе, а кормить и поить Ивана никто не соби-рался. И рюкзак с едой отняли...

Площадь постепенно затихла. Вповалку, где их застал сон, спали те, кто встретил его шумом и толкотнёй. И лишь в от-

далении светился жёлтым светом прямоугольник окна. Глядя на него, Иван незаметно для себя вздремнул. Во сне он куда-то безостановочно падал и падал, потом опять возвращался в некое первоначальное положение и опять начинал падать.

– Эй, ты! – услышал он сквозь дрему чей-то шёпот.

В открытые глаза ударил свет окна, до того неяркий, а сейчас, к полуночи, нестерпимый.

– Кто тут?

В ответ прозвучал приглушённый, беззвонный смех.

– Ишь ты, какой быстрый... – проговорил кто-то на том же слегка странном или испорченном английском языке. – Слышал, будто ты из-за Пояса Дурных Веков к нам пожаловал. Верно ли?

– Может быть. Не знаю.

Невидимый в темноте собеседник помолчал.

– Ладно. А откуда вообще? Это-то знаешь?

– Из Ленинграда... Из Санкт-Петербурга.

– Чего?

– Город есть такой. В России. Страна такая есть – Россия.

– Россия?.. – явно озадачился говорящий. – Когда-то я уже слышал о ней. Не от тебя ли самого? – Он опять помолчал, возможно, ожидая от Ивана подтверждения. – Но ты это брось! Брось, говорю... Если ты смог объясниться с дурмами, то не думай, что сможешь морочить мне голову всякими там Ленинградскими и Россиями. Я не такой, как ты тут дума-

ешь...

– А кто такие дурмы?

– Не придуривай, говорю! Сам видел и слышал ваш разговор. Хе!.. Ты, правда, больше вопил...

В темноте раздались всхлипывания давящегося от смеха собеседника. Иван шутки не принял.

– Так всё-таки кто они, дурмы?

– Чудно! Из России, говоришь? А язык их знаешь.

– Ты тоже.

– Я жил с прадедом, потому и знаю. Но я никогда не был за Поясом Дурных Веков. А ты был. А кто такие дурмы, будто не знаешь?

– Впервые слышу. Чёрт их побери! Чуть насквозь не проткнули меня.

– Это не они. Дурмы сами ничего не делают. Это Гхор постарался тебя так расшевелить. Ты же сидел, будто не дурмы перед тобой, а какие-нибудь прибойные.

– Доберусь я до этого Гхора...

– Доберись, доберись, – некто, так и неразличимый для Ивана в темноте, вновь захлюпал носом от приступа смеха.

– И доберусь... Как думаешь, – решил спросить Иван о важном для себя в данный момент, – они поесть что-нибудь дадут?

– Ты же Подарок... – По новому взрыву смеха ходок догадался о напрасных надеждах на ужин, но сейчас, как ему показалось, смеялись уже двое. – Кто же тебя кормить будет?

Не дурмы же. А Гхор никогда не переступит...

– Ну, тогда, – Иван осторожно ощупал пластырь – укол болел, – мне здесь делать нечего.

– Ха-ха...

Смех погас – Иван стал на дорогу времени. Ему казалось, что сейчас-то он что-нибудь придумает и найдёт способ выбраться из клетки и уйти от неё подальше, а уж потом разобраться, куда его, собственно, угораздило попасть.

Но новое разочарование поджидало его и в поле ходьбы.

Нечто, притащившее его сюда, названное пентами или дурмами, кто их разберёт, Хемом, висело в трёх шагах от клетки. Оно прореагировало на его появление перемещение слева направо. Иван смог разглядеть похитителя поближе. Но первое, бросившееся в глаза, – это его рюкзак. Он, по-видимому, случайно зацепился за одно из сочленений тонких ног паукообразного Хема и теперь придавал ему несколько комичный вид.

– Эй, ты! Хем! – крикнул Иван. – А ну-ка иди сюда!

Конструкция дёрнулась и отплыла от клетки на несколько метров.

– А-а, боишься? – со злорадством отметил Иван. И тише с расстановкой: – А ну, иди сюда, говорю!

Ему хотелось таким способом подманить Хема, как собаку, поближе, чтобы изловчиться и сорвать с него рюкзак. Тогда у него будет еда и бластер, а бластер... О-о!..

Хем не послушался, а двинулся по кривой, центром кото-

рой оказался Иван в клетке. Ходок покружился за ним, сделав несколько оборотов. Понял бесперспективность такого кружения, плюнул в сторону Хема и вышел в реальный мир, так ничего и не добившись.

В темноте двора ярко светило окно. Иван потряс головой, словно сбрасывая с себя какое-то наваждение.

Именно наваждение, ибо там, на дороге времени что-то было, от чего у него в голове возник беспорядок. Он там словно позабыл о себе и о своих намерениях.

– Ты чего молчишь, Подарок? – услышал он знакомый шёпот.

– А-а, это ты?

– Кто же ещё? На вот, возьми, пожуй.

В локоть ткнулась рука незнакомца. Иван взял округлый, чуть липкий на ощупь предмет. Машинально поднёс его ко рту, откусил кусочек, пережевал, проглотил. Похоже на сыр, но хрусткий, словно хрящ, и сладковатый. Но есть можно.

Надо было прутья из пистолета перебить, – запоздало и равнодушно подумал он, – надо бы... Тем не менее даже не шелохнулся, чтобы выполнить намерение, а спросил, глядя перед собой в ночь:

– Кто же они, дурмы?

– Спроси, что полегче.

– Что, не знаешь? Хм... Ты же их язык понимаешь и... –

Ивану хотелось поддеть говорящего, но незнакомец остановил его.

– Ладно тебе... Я ничего плохого тебе не сделал, чтобы меня на слове ловить. А дурмы... Дурмы, говорят, потомки хурков. А те...

– Объяснил, называется. А хурки кто?

– Как это? – удивились в темноте. – Хурки же! Колдуны и волшебники. Ты же знаешь, Пояс Дурных Веков – их работа.

– Не знаю, – буркнул Иван.

Услышав про колдунов и волшебников, он сразу потерял интерес к разговору.

Который уже раз в различных эпохах и у разных народов ему о них рассказывают, но никто из рассказчиков их никогда не видел, а только слышал от других. Правда, они иногда подсказывали, где их можно, якобы, найти или обнаружить, однако всегда это оказывалось выдумкой чистейшей воды. Побегал Иван уже по времени и пространству, поискал. И не нашёл.

Естественно, что не нашёл, поскольку их нет в природе, а все сведения об их существовании и деяниях – басни и рассказы.

Колдунов и волшебников не встретил, зато шарлатанов во всех временах – пруд пруди.

Тем временем невидимый в темноте обладатель голоса – не спалось ему в эту ночь, что ли? – разговорился. Иван же после скромного ужина совсем впал в меланхолию и превратился в не слишком внимательного слушателя. Не хотелось двигаться, думать, даже поменять позу не было желания, а

надо бы, так как нога онемела от долгого на ней сидения.

– Дурмы – потомки хурков, – доносился шёпот, будто из небытия. – Значит, у них есть будущее. Представляешь? Будущее у них есть. А у нас нет, потому что мы люди Прибоя. Тебе, быть может, раз уж ты к нам заявился из-за Пояса Дурных Веков, этого не понять, но я тебе поясню... Вот идёт волна... Я имею в виду морскую волну. Ты море видел?

– Повидал.

– Так вот, идёт она, катит себе, пока не уткнётся в утёсы берега. Дальше ей дороги нет. Что тогда происходит? Прибой, вот что происходит. Так и мы, люди Прибоя, только временного. Живём во времени, которое, подобно той волне, катит себе в будущее. Но вот перед ней возникают неодолимые утёсы – это Пояс Дурных Веков. Время ударяется об него и откатывается назад, снова разгоняется, чтобы опять стукнуться и отхлынуть. При этом брызги во все стороны! И в этом времени, мы, люди Прибоя...

– Постой! – Иван вздрогнул, и оторопело глянул в сторону говорившего, но ничего не увидел. То, о чём тут наговорил незнакомец, в голове как-то не укладывалось. – Как это у времени нет будущего? А сам Пояс Дурных Веков разве не будущее?

– Там другое время.

В ночи раздался тяжёлый вздох.

– Но... Какая разница? Время же не может остановиться.

– Оно и не останавливается, а отбрасывается. Отражается

от Пояса. И мы с ним. Лет на двадцать в прошлое или десять, а то и на пять. Кому как повезёт. Потому-то наши потомки объявляются среди нас... Мы все тут, в Прибое, столпились: и предки и потомки. Новый порыв, новые... Кто в брызги попал, где их искать? Сам посуди. Брызги и пыль времени, а в них люди и события, потомки наши в них...

«Заговаривается, – облегчённо вздохнул Иван, – несёт всякую околесицу. Не может же быть такого? Предки, потомки, Прибой, брызги времени, люди Прибоя... Бред какой-то».

– Ты, я смотрю, так ничего и не понял, – сказал грустно невидимый в темноте рассказчик – Всё потому, что у тебя ещё нет потомков. Ты ещё не стал прародителем и ни разу не повторял свою жизнь. И тебя не прятали потомки... Вот зациклишься, станешь Первопредком – поймёшь...

Незнакомец умолк

– Эй! – позвал Иван.

Ему не ответили.

Ну ладно! Он стиснул зубы. Всякие эти дурмы, хурки и тем более люди Прибоя ему не понравились. Всё-таки дичь какая-то, чтобы быть правдой или некоей реалией. Лапшу на уши вешают? Развлекаются?..

Не-ет, они ему не понравились. И клетка, в которую его заключили – здесь и в поле ходьбы. И Хем – полуящик-полупаук – поставленный ими на страже...

Всё не нравилось!

Он достал нож. Ухватил рукой за перекладину клетки. Со злым неистовством вонзил лезвие ножа в твёрдый стебель бамбука. Острое лезвие легко резал, падали стружки, но поверхность среза нарастала до прежнего диаметра быстрее, чем успевал работать Иван.

Он стал приходить в ярость.

– Успокойся ты! – раздался безмятежный знакомый голос. – Клетки заколдованы. От ножа, от пилы, от топора, выстрела и от много чего ещё. Пили, строгай, ломай, а им ничто не вредит... Заговорённые.

– Вздор какой-то!

– Не-ет, ты не прав. Вот Элам Девятый знал, что следует сказать, и, может быть, смог бы тебе помочь. Но он, говорят, выплеснулся, либо попал в Сорванную Пыль... До нас теперь не доживёт, наверное, бедняга.

Иван пропустил последние его слова, потому что ничего не понял.

– А что он знал?

– Слово, которое надо сказать, чтобы снять заклинание. Клетка от него разваливается сразу. Элам Девятый однажды будто бы видел такое. Говорил, страшно даже смотреть на клетку. Разрывается на клочья.

– Хм... А кто такой Элам Девятый? Тоже колдун?

– Он не колдун, он мой потомок. Правнук.

– М-да... – Иван не знал, что и подумать. – Но почему тогда он знал? Ты произнёс это в прошедшем времени.

– Мы люди Прибоя, – терпеливо повторил незнакомец. – Я вот Элам Шестой, а он – Девятый. Мой потомок.

Иван помолчал, усваивая сказанное.

– С тобой здесь ещё кто-то?

– Да, Элам Семнадцатый. Он недавно *оттуда* и ещё не совсем хорошо себя чувствует. У нас с ним когда-то приборные ритмы почти совпадали, потом случился сбой. Теперь опять встретились. Его в этот раз отбросило не намного. Он испытал *это* впервые.

– Я мало что понимаю из твоих объяснений. – Иван сел, кривясь от боли в ягодице. – Извини.

Сказал о непонимании искренне, так как, и верно, всё изложенное Эламом Шестым находилось вне его восприятия.

– Может быть, и хорошо, что не понимаешь, – философски заметил незнакомец. – Для тебя хорошо. Нам вот с Семнадцатым не страшен Переход, потому что наш предок будет жить в безопасности, а мы уже...

Элам Шестой стал говорить слегка нараспев, и Ивану опять показалось – заговаривается.

– ...может быть, завтра на Переходе выпадем из цикла, но потомки мои... У Семнадцатого их ещё мало... Каждый имеет потомков, но чтит...

Иван засыпал, убаюканный распевом Элама Шестого, терял нить слышимого, ему мнилось тёплый, пронизанный солнечным светом, лес, где журчит ручей или щебечет какая-то птичка.

Дочь Пекты Великого

Нечеловеческий крик заставил Ивана вскочить на ноги. Со сном всё позабылось: и Хем, и клетка, и люди Прибоя. Стеснённый со всех сторон, считая явь продолжением дурного сна, он в недоумении и бессмыслии заметался. Везде его встречала преграда, не помогали и резкие движения.

Когда же, наконец, вспомнил события вчерашнего дня, в сердцах ударил кулаками по прутьям клетки и едва не взвыл от боли и бессилия что-либо изменить в напасти, затронувшей его.

А вокруг опять шумела и оживлённо перемещалась, будто в кипящем котле вода, людская толпа. Утренний свет хорошо осветил площадь, обшарпанные от древности или неухоженные стены строений. Пугающими зевами темнели пустые глазницы окон, кроме того, где ночью горел свет – оно отражало сейчас солнечные блики остеклённой поверхностью.

Тележек с клетками Иван насчитал, включая в общий счёт и свою, шесть. Одну из них никто не занимал, в остальных сидели какие-то люди. Узники или Подарки?

«Тоже мне, Подарки!» – подумал он.

Пустая клетка его не интересовала, зато товарищи по несчастью привлекли внимание. Разглядывая их, он хотел сделать хотя бы какое-то заключение о своей роли во всём

этом кошмаре. Или определить степень возможности каким-либо образом избавиться ото всего этого.

Ближе всех находился человек с бритой головой и вислыми усами. Он сидел и беспрерывно кивал головой. Его голые мосластые ступни вылезли за пределы клетки, пальцы ног шевелились.

Не отметив для себя ничего достопримечательного, Иван перевёл взгляд на другого узника. Его тележка стояла метрах в двадцати, поэтому трудно было понять его действия. А он, похоже, к удивлению Ивана, делал физзарядку. Иван сам бы не прочь был размяться, но в клетке!..

– Гхор! – крикнули невдалеке.

Иван вздрогнул и резко обернулся на крик. Заныла ягодица, и ему захотелось лучше рассмотреть виновника раны и обидчика. Кроме того, не хотелось снова получить тычок туда же.

Трое, в белых рубашках и шортах, дурмы, как назвал их ночной незнакомец, или пенты, по их самоназванию, стояли у пустой клетки.

Гхор, бесцеремонно расталкивая людей, подбежал к ним и сделал полуприсед-полупоклон. Между ним и дурмами состоялся невнятный разговор, после чего Гхор просунул руку в клетку, что-то там сделал и быстро, словно обжёгся, выдернул свою конечность обратно. К удивлению Ивана, после всех манипуляций Гхора, в пустой, казалось бы, клетке матово за клубился воздух, и вскоре проявилась фигура жен-

щины. По-видимому, о ней вчера говорили дурмы, называя её дикаркой.

При одинаковости клеток, Иван мог судить о женщине одно: она была сравнительно высока и хорошо сложена. Он не видел её лица, но смог по достоинству оценить её грациозные движения. Тонкая ткань её одежды, подчёркивала фигуру. По плавному полёту руки, и особым нюхом мужчины, Иван посчитал её красавицей. Вернее, ему хотелось, чтобы она была таковой. Какая же она дикарка?

Что там говорила девушка, совершенно не было слышно, а дурмы порой повышали голос, и Иван ловил ничего не значащие для него обрывки фраз:

– ... второй раз ... он знает, что делает ... никогда не пройти ... ты знаешь ...

– Элам Шестой! – вспомнил и позвал Иван, не будучи уверенным получить отклик от ночного собеседника.

– А я уж подумал, ты позабыл обо мне, – услышал он знакомый голос с торжественно-уверенными нотками, мол, так и должно быть, а – никак иначе.

Рядом с клеткой стоял невысокий, совершенно лысый толстячок в распахнутой на груди грязной шерстяной куртке, в шортах до колен и в тяжёлых башмаках, рассчитанных, наверное, служить ему всю жизнь. В плечах его чувствовалась сила, но руки едва доставали бёдер и заканчивались пухлыми кистями – явно не из трудяг, сразу определил Иван.

– Доброе утро, Элам Шестой.

– Доброе, говоришь? – Элам, прищурившись против солнца, посмотрел на Ивана.

Иван хмыкнул. Элам, конечно, прав. Какое уж тут доброе утро? Впору клетку разнести и убежать куда подальше. Он подавил нарастающее раздражение.

– Кто это? – он показал в сторону клетки с женщиной.

– Напель... Кто же ещё? Тоже не знаешь?.. Говорят, она дочь самого Пенты Великого. – Толстячок в улыбке округлого лица показал редкие зубы. – Восстала, говорят, против отца своего. Сбежала сюда, в прошлое. И не в первый раз, говорят.

– Говорят? А на самом деле? О Пенте Великом не спрашиваю, так как понятия не имею, кто он и что собой представляет.

– Ну-у... Пекта Великий известен всем. Он повелитель Дурных Веков. Это он их создал и назвал Поясом Постоянного Времени или Закрытых Веков. А мы их Дурными Веками называем. Не иначе. И все наши, людей Прибоя, проклятия – этому Пекте. Дурмы, и те, кроме как Убийцей Времени, его не называют... Убивре – и всё!

– Прибой его разбей! – скрипуче сказал человек, сидящий на земле подле ног Элама Шестого, по-видимому, догадался Иван, Элам Семнадцатый.

Потомок, о котором вчера говорил старший Элам, ни в чём не походил на своего дальнего пращура. Костистое удлинённое лицо увенчивал припухлый нос; длинные руки с гро-

мадными, но с сухими кистями охватывали острые колени; жидкие вислые усы и кочковатая поросль на голове – вот всё, что отметил Иван в Семнадцатом при первом осмотре.

Иван хотел спросить ещё что-то, но дико, на пределе человеческих возможностей, закричал Гхор. Ему таким же криком ответил двор (Эламы тоже начали кричать, выпучив от напряжения глаза так, что на их шеях вздулись вены).

Одна стена, где как будто стояло здание, легко сдвинулась в сторону, и взору Ивана открылась даль простиравшейся ниже угла зрения зелёно-жёлтой долины с холодными проблесками речек и озёр. Через проход туда, в долину, выплеснулась орущая толпа. Все торопились непонятно зачем, безжалостно отталкивали локтями соседей, при этом грязно, на мгновение прекратив крик, бранились.

Словно поддавшись этому паническому неистовству исхода, покатались и вклинились в толпу тележки с клетками и узниками в них. Двинулись сами, никто их не подталкивал, не было слышно, чтобы работали какие-то моторы. Колёса на независимых подвесках плавно понесли платформы. Иван едва улавливал качку.

В проёме выхода из двора тележки Толкачёва и Напель сблизились на расстояние прыжка с места – считай рядом.

Они разом повернули лица навстречу друг другу.

Это была удивительной красоты молоденькая девушка. На её матовом овале лица не было ничего лишнего из того, что могло бы исказить его черты. Привлекали большие глаза.

Она открыла их ещё шире, Ивану показалось на мгновение – вот уже сияют три глаза, и он от невиданной силы, ударившей по нему, отлетел к противоположной стенке клетки. В его воспалённых ослепительной вспышкой глазах несколько минут плавали розовые сгустки кругов. Мало того, он чувствовал слабость во всех членах, которая, правда, быстро проходила.

– Не смотри на неё! – Иван ощутил на плече пухлую ладонь Элама Шестого. – Это же ведьма!

– Не ведьма, а ведьмочка, – сказал Иван, вытирая обильные слёзы. – Ведьмы такими красивыми не бывают. Только ведьмочки...

«Не могло такое божественное создание быть ведьмой», – думал он.

Впрочем, как раз в подобном ангельски прекрасном виде, если верить сказкам, ведьмы предстают перед человеком, чтобы обворожить и увлечь его душу за собой.

Образ знойной Лоретты потускнел и навсегда вылетел вон из воспоминаний Ивана.

Что только не случается с человеческой памятью!

Казалось, ещё несколько часов назад все его помыслы были там, в таверне, и вдруг – не было никакой Лоретты и её таверны никогда, и всё тут...

Дорога сузилась, люди и тележки растянулись редкой цепочкой. Возбуждение спало. Люди просто шли, тележки катились. Властвовал один звук – только шорох шагов.

Вокруг же ранняя осень. Чистый, стекольно-прозрачный воздух, не ухоженность округи, лишь полотно идеально утрамбованной дороги прихотливо прорезала девственный на вид ландшафт.

Рядом с тележкой Ивана, держась руками за бамбуковые перекладыны клетки, шли Эламы. Шестой из них разговаривал с Подарком. Однако это был не совсем разговор, а скорее вечер вопросов и ответов, в течение которого Иван, нет-нет, да оглядывался на следующую за ним тележку с Напель.

Она стояла к нему боком, вцепившись в перекладыны длинными пальцами и, возможно, разговаривала с теми, кто сопровождал её «экипаж». А их теснилось вокруг неё, пожалуй, не менее двух десятков различного вида оборванцев. Во всяком случае, неприхотливые костюмы Эламов выглядели на фоне их одеяний вечерними нарядами.

Элам же обстоятельно отвечал, добавлял, разъяснял:

– ... правда ли, не знаю, но люди Прибоя говорят, мол, они существуют только благодаря Дурным Векам. Исчезнут они, исчезнем и мы... Так как будто говорят дурмы, а люди подхватывают. Поэтому радоваться надо, а не роптать на Пояс Постоянного Времени, созданный Убивре... – Элам Шестой печально вздохнул и помолчал. – Так оно может и быть, но когда твоё время достигает этого Пояса, когда оно со всего маху стукнется о его монолит и отбросит тебя... Назад... Опять туда, где всё по-старому, и в то же самое время... всё по-новому. Когда после этого чуть ли не неделю, словно в

бреду, переживаешь произошедшее с тобой... сразу всё, что видел и слышал до того... Это экстаз... некоторые так называют своё состояние после Прибоя. Говорят, им будто бы даже нравится... Мы же, Эламы, проклинаям и Пояс, и чудовище Убивре...

Она повернулась к нему лицом и как будто подала какой-то знак – поиграла пальчиками около губ, потом подула на них – и напряглась в ожидании ответного знака. Иван не рискнул ответить. Вдруг ему показалось...

– ...правда ли, но Анахор, говорят, вхож в Дурные Века. Самого Анахора никто, наверное, никогда и не видел, даже дурмы. И кто он, человек или, может быть, машина, не известно... Вот Напель знает о нём, наверняка, многое. Сама ведьма, потому и знает!.. Дурмы её боятся. Говорят, – Элам понизил голос до хрипловатого шёпота, – она когда-нибудь разрушит Пояс. Даже очень скоро уже... Фу-фу-фу! – Элам помаячил растопыренными пальцами руки перед своим лицом и пофукал на ладонь...

Она отвернулась, присела, переломившись тонким станом. Долетел её тонкий голосок – она пела! Иван потряхнул клетку...

– ...правда ли, но говорят...

– Послушай, – прервал Иван Элама, монотонно высказывающего все бродившие в умах и на языке слухи среди людей Прибоя. – Кто или что такое Хем?

– Сам я не знаю, но говорят о нём такое. Его, якобы, со-

здал сам Пекта Великий. Хем от него сбежал и теперь бродит по ночам и пугает детей. А ещё...

– Ладно, помолчи, – Иван нетерпеливо отмахнулся от него, усмехнулся.

Всё рассказываемое Эламом, наверное, было не чем иным, как досужими домыслами непосвящённых в истину людей. И о Дурных Веках, и о Поясе, и об Анахоре, и о Напель. Равно как и о Хеме... Пугает детей... А меня тоже, значит, попугал?

Иван раскинул в стороны руки, ухватился за перекладчины противоположных стен клетки и невидяще смотрел перед собой.

Мимо медленно проплывали сплошные заросли кустарника в переплетении ежевики и хмеля. Весенние приметы растворились, плавно и незаметно перейдя на позднелетние. Уже шиповник рдел точками спелых плодов, свисали оранжевые гроздья боярышника, в тени таилась чёрно-фиолетовая ягода ежевика. Сейчас бы забраться в самые дебри и полакомиться...

Рот Ивана наполнился слюной. Он только однажды по-настоящему поел ежевики. Это ещё в десятом классе, когда был жив отец и взял его с собой на месяц в Прибалтику, под Ригу. Там он забирался в колючие переплетения и в полусумраке подлеска находил непередаваемого вкуса спелые ягоды. Они свисали, тяжёлые и большие, громадными каплями, потянув за собой стебли...

Тележка катилась и катилась, оставались позади километры и лакомства. Иван вздохнул, посмотрел на дорогу. Она уходила в неизвестность.

– Элам!

– Я всегда здесь.

– Далеко ли до Анахора?

– Как смотреть.

– Хоть как, – резко сказал Иван и застыдился своей невыдержанности. – Сколько ещё будем ехать?.. А ты идти? Час, два или неделю до него добираться?

– Говорят...

– Всё ясно, можешь не продолжать... Есть хочу, пить хочу!

– А мы у тебя с Семнадцатым на что?

Элам подмигнул Ивану, и вынул из сумки, висевшей у него сбоку, и подал Подарку охрянной колобочек чуть больше теннисного мяча.

– Тиля, – уважительно к предмету пояснил Элам.

Иван узнал в тиле, взяв её в руки, вчерашнюю подачку от Элама. С сомнением осмотрел её со всех сторон. Небогато. Укуса на два.

– Большая тиля, – заметил нерешительность узника Элам. – Вкусная и питательная. Когда мы тебя выиграли, мне их дали семь штук для кормления Подарка. Осталось ещё пять.

Жуя, Иван вопросительно посмотрел на Элама – что зна-

чит выиграла?

И тот поведал со всеми подробностями, как он выиграл место у Последнего Подарка, хотя в чём состояло состязание или условие розыгрыша, а также его назначение Иван или не понял, или пропустил мимо ушей, так как в это время дочь Пекты повернулась в его сторону.

– Ты не думай, – занудливо продолжал Элам, – но мы, Эламы, ума ни у кого не занимаем, сами всё обо всем постигаем. Так что всех побороли. На что Курловы и Смиты прозорливы, а всё-таки я угадал в тебе Последнего Подарка, а не они...

Она опять сделала малозаметный знак рукой. Именно ему. Иван улыбнулся и осторожно поводит из стороны в сторону ладонью с растопыренными пальцами, как это делал Элам. Оглянулся, не видит ли кто. Но почему он таится, ходок и сам не знал. Впереди и за его тележкой люди шли свободно, галдели, отчаянно жестикулировали и перемешивались. Они сновали туда и сюда, занятые только собой. Оттого, встань сейчас Иван хоть вниз головой, никого его поза не удивила бы. И мало кто обратил бы на неё внимание. А тут едва уловимая отмашка рукой. И всё-таки...

– Элам, – перебил он гнусавый голос Шестого, – ответь только то, что знаешь наверняка. Остановки будут?

– Будут. Нельзя же всё время идти без отдыха. Даже Гхор, думаю, иногда устаёт.

– Тогда сделай так, чтобы Напель... чтобы её повозка

остановилась рядом с моей.

– Э-э... Первопредок! Ты, конечно, видный из себя мужчина, но Напель тебе не по зубам. Как небо, как звёзды, как женщины за Поясом. Ты думаешь, один мечтаешь оставить от неё потомков? Сколько их до тебя было, да где они? Сколько ещё будет... И не думай!

– Прошу тебя.

Элам подёргал себя за нижнюю губу, словно что-то хотел положить за неё.

– Твоя воля для меня закон, но это, поверь мне, дурацкая затея. Не думал, что ты... – Он глубоко передохнул и поник головой. – Считал, что выиграл, а получается, что и проиграть недолго.

– Ты же меня не так понял. Не собираюсь я её соблазнять. Поговорить кое о чём с ней хочу.

Иван искренне был уверен в себе – да, он желает всего-навсего просто поговорить и что-либо выведать у дочери Пекты, но в душе жаждал общения не только для разговора.

Элам вскинулся головой и с неодобрительным удивлением почти грубо спросил:

– Да о чём же с женщиной можно говорить? – и подтолкнул локтем своего потомка, Семнадцатого в колене Эламов. – Видишь, что придумал! Да если с ней просто говорить, то потомков у тебя никогда не будет. Ты же имеешь возможность стать первородным. А ты – поговорить. Хе!

Осуждающе хекнул и Семнадцатый.

«Однако нравы тут», – подумал Иван.

– Ты считаешь, что с женщиной просто так не следует разговаривать? – Уточнил он. – И ты это серьёзно?

– Конечно! – непритворно и непоколебимо в своей уверенности воскликнул Элам Шестой.

Он приосанился, словно принял стойку. Круглое лицо его, чуть одутловатое и посредственное, вдруг стало строгим и помолодело.

Усов, кудрей и фуражки набекрень ему ещё не хватало, а так парубок хоть куда, – отметил Иван, усмехаясь про себя.

– Нравы у вас, – сказал он вслух и осудил покачиванием головы. – Бедные женщины. – Он помолчал, ощущая, как сладко вдруг защемило сердце в предчувствии того, что его встреча с Напель будет иметь продолжение. И кто знает, каково оно будет... Непроизвольно, словно подражая Эламу Шестому, он выпрямился, насколько позволяла клетка, и подал грудь вперёд, демонстрируя свою статью и силу. Орлиным взглядом огляделся вокруг и... тут же рассмеялся над самим собой. – Да-а... Нравы тут у вас, Элам.

– А что?

– А то. – И добавил строго: – Не забудь сделать так, как я просил!

Элам согласно кивнул головой, но буркнул под нос несколько слов о проигрыше, хотя он думал о выигрыше.

Сила огня

Караван остановился только к вечеру. Все устали от ходьбы, а Иван от безделья и невозможности развернуться в клетке.

Странное, серо-огненное, но тусклое, будто утомившееся от дневных забот, солнце пыталось скрыться за горизонтом, но это ему удавалось с трудом. Вокруг было светло и тихо.

Сопроводители Подарков, как себя и других с некоторым пафосом называл Элам Шестой, а также стража Подарков, которых Иван никак не отличал ото всех иных – шумных и беспокойных, – тем не менее, казались бодрыми и весёлыми. Можно было подумать, что их не коснулась длинная, изнурительная дорога, движение пешком без передышки и при полном отсутствии питья и еды.

С водой и едой что-то вообще было не так.

Иван после утренней тили не проголодался, и жажда в течение дня не томила его. А ведь прошло уже более суток, по расчётам Ивана, с тех пор как он встал из-за стола хлебо-сольного, против испанского обычая того времени, и говорливого идальго дона Ираньеса, жена которого славилась высокой грудью и каплунами, поджаренными на медленном огне. И вино, пусть слегка кисловатое на вкус, выпитое им тогда же – последняя жидкость, поступившая в его организм.

Сопроводители и охрана суматошно устраивались на ночь, мало обращая внимания на Подарки, предоставив их самим себе.

Каким образом там у него получилось, для Ивана было не важно, но Элам Шестой исполнил его просьбу, и клетка Напель оказалась не далее двух метров от него.

Девушка полулежала спиной к Толкачёву и долгое время после остановки не видела его или делала вид, что не видит.

Иван не торопился потревожить её. Медлил, но вздрагивал от нетерпения позвать её по имени. И каждый раз, когда на него накатывалось такое желание, он усилием воли останавливал себя и слово, готовое сорваться и нарушить естественный ход событий. А ему хотелось, чтобы всё происходило непринуждённо, как бы случайно. Чтобы непринуждённо воскликнуть:

– Ах, какая встреча! Надо же так случиться!..

В конце концов, она первой обратилась к нему... каким-то образом ударив взглядом или ещё чем-то... Но первая. И теперь первая пусть начнёт разговор или принудит его к этому.

Но время утекало, и он решил не ждать до бесконечности, иначе, зачем было заставлять Элама припарковывать повозки рядом.

Вот ещё он потерпит минут пять... ещё три...

Напель как будто услышала его, и когда он уже собрался позвать её, она вздрогнула, словно проснулась, грациозно, кошка и кошка, потянулась и полностью развернулась в его сторону. Неторопливо приподнялась на ноги. Иван тут же непроизвольно прикрыл глаза, памятуя об утренней встрече

с её взглядом.

Она засмеялась. По-хорошему, радостно и звонко. Он открыл глаза и снова увидел и удивился отточенности её черт лица и линий фигуры. Ничего лишнего. На лице: прямой нос, вдохновляющий рисунок рта, огромные, возможно, серые глаза. Бархатный взгляд, обволакивающий и призывный, как преисподняя.

– Как зовут тебя, Первородный? – спросила она нежным голосом и ободряюще улыбнулась.

Только сейчас Иван заметил не только её, но и самого себя: стоит с приоткрытым ртом и в неподвижной позе, застигнутый видением чуда.

Она и была – чудо!

– Иван... – отозвался он глухо и грубо. Испугался своего ответа, спохватился и добавил мягче: – Ваней меня зовут. А ты – Напель?

– Возможно... – усмехнулась она одними губами, а глаза её в упор смотрели на Ивана. – Но пусть будет Напель, если тебе хочется.

– Мне не хочется... Мне тебя так называли.

– Эти?

Она сделала пренебрежительный жест рукой, словно что-то грязное стряхнула с пальцев. После чего опять улыбнулась, зажигая в сердце Ивана пульсирующее волнение.

– Ты разве не Напель?

– У тебя много потомков? – Она не обратила внимания на

его вопрос, а спрашивала сама. – Где они?

– Нет их у меня. И никакой я не первородный. Меня Хем схватил и притащил сюда к дурмам. Говорят... – Он замолк, чувствуя, как уподобляется Эламу. – Я из-за... – Иван опять остановился. Разговоры с Эламом могли быть чисто эмоциональными, и названия, данные сопроводителем, могли быть непонятными другим. И всё же он досказал: – Я из-за Пояса Дурных Веков.

– Ты? – она удивлённо приподняла брови, не трогая мраморной гладкости лба. – Ты повелеваешь временем?

– Нет.

– Но ты дошёл до Закрытых Веков из будущего?

– Да... Но я не повелеваю... Наверное, нет. Я могу ходить... передвигаться в нём.

Иван неожиданно осознал трудность в двух словах выразить феномен ходьбы во времени. Когда-то Симон и дон Севильяк значительно проще это сделали. Но они тогда интриговали его, дабы возбудить интерес к ходьбе во времени, к которой он был предрасположен, а сейчас надо было как-то сразу показать это несведущему и, по сути, незаинтересованному лицу.

– Ты передвигаешь время? – Напель явно решила выяснить, что имел в виду Иван, говоря о движении во времени.

– Нет-нет, я сам передвигаюсь в нём. Время от меня не зависит. Оно находится в статике. Если так можно выразиться о времени. Я пользуюсь полем ходьбы во времени... Я в

нём просто хожу... Понимаешь? Там, в поле ходьбы, можно погрузиться в прошлое, а потом выйти в реальный мир этого прошлого...

Она с сомнением покачала головой и на короткие секунды задумалась. На её очаровательном лице живыми оставались только глаза, они изучали Ивана, и он ощущал какое-то ласковое прикосновение к тем участкам своего тела и головы, куда передвигался и где на мгновение замирал её взгляд.

Последующее заявление Напель определённо не ожидалось Иваном.

– Такого не бывает! – капризно, но решительно сказала она. – Время человека просто так не пропустит. Это знают все... И если бы ты был прав, то многое из происходящего здесь, в доприбойном времени, не могло быть...

– Как это не пропустит? – заступился за себя Иван не менее твёрдо. – Но оно пропускает!

Избегая длиннот, он рассказал ей о себе – о ходоке во времени, – о своих путешествиях. Поведал о том, как его схватил Хем и приволок сюда по странному туннелю какого-то Бригса-младшего под горами недоступности в его поле ходьбы, и о своей попытке уйти через поле ходьбы домой. Под конец пожаловался:

– Эта клетка держит меня и здесь и там, в поле ходьбы. Да ещё Хем на страже всё время рядом висит в готовности выловить меня, если я смогу отсюда сбежать... Она что, – он подёргал перекладки клетки, – и взаправду, заколдован-

ная? Или заговорённая кем-то?

Напель пожала плечами, жалоба Ивана её не тронула.

– Не заколдованная и не заговорённая, конечно. И сделана она не из бамбука. Это вещество, помнящее своё первоначальное состояние, в том числе и объём. Поэтому его можно резать или пилить, оно тут же вернёт утраченное. Если только... На это вещество можно воздействовать, но в нашем положении это невозможно.

– Что именно? Говори!

– Пережечь огнём. Огонь нарушит молекулярные связи...

– Правда? – обрадовался Иван и буркнул под нос: – Мог бы сам догадаться... Ну, это мы сейчас проверим.

Он достал зажигалку. Пламя тонким бесцветным лезвием выскользнуло из сопла.

– Потуши!.. – испуганно воскликнула Напель. – Спрячь от глаз других подальше. И не торопись покидать клетку...

– Это почему же?

– Ещё успеешь. Хем и клетка – ещё не самое худшее, что может с тобой произойти, если ты... Слушай меня, Ваня, – в её голосе появилась мягкость, Иван умилился перемене. – Если бы я была Напель, то уже через минуту с начала нашего разговора ты бы умер. Напель – ведьма! Дочь Пекты Великого, Прибой его разбей! Великим он сам себя называет. Отец и дочь подстать друг другу... Верь мне, Ваня... Если мы с тобой объединим усилия, то нас никому не одолеть. У тебя время, а у меня...

Иван не ожидал от неё такого откровения. Однако так и не узнал, чем она владеет и ради чего им надо объединиться. В наступающей темноте вдруг задвигались какие-то тени. Перекрытая ими Напель, как он продолжал её называть при незнании настоящего имени, вскрикнула. Потом донёсся её сдавленно удивлённый возглас:

– Это ты?.. – И капризно: – Долго же вас не было...

И тут же умолкла, будто ей зажали рот.

– Элам!

– Я всегда здесь.

– Что происходит?

– Где?

– Как где? Вокруг нас! Или ты...

– Я ничего не вижу и не слышу, первородный. И тебе того же советую.

– Пошёл ты! Посмотри, где она и что с ней!

– Фью! – присвистнул Элам и весело добавил: – Кто теперь знает, где она? Тут, думаю, побывали её дружки или братья. Да и она сама ведьма. Говорят...

– Опять? Впрочем, говори!

– Ты же не веришь.

– Да говори ты...

Элам что-то забубнил, отвернувшись от Ивана.

– Эй, Элам! Ты чего там?

– Тут... – неуверенно отозвался тот. – К тебе, говорят. Я бы... не советовал тебе вступать с ним в пере...

– Прочь с дороги, приборщик!

Сказано было тихо, но властно и резко, отчего Элам, вероятно, быстро отступил в сторону, уступая дорогу сказавшему. Кто-то вплотную подошёл к клетке. Слабый, непонятно откуда взявшийся свет озарил грубые черты лица незнакомца. На его голову был накинута просторный капюшон, оттого свет выхватывал лишь крупный нос и полоску мохнатых, сросшихся на лбу, бровей, да губы полные, подвижные, с глубокими складками вокруг них.

– Это ты, Ваня? – голос его, неожиданно нежный, дрожал, словно от сдерживаемого порыва при радостной встрече близких людей.

– Я, – озадаченно отозвался Иван и слегка отодвинулся в глубь клетки. – А ты кто?

– Та, которая недавно говорила с тобой, шлёт тебе привет.

Минуту назад виделись, а уже привет, – хотел сказать Толкачёв, но вопрос его был другим:

– Что с ней? Где она?

Полные губы исказила гримаса, угрюмо сдвинулись брови.

– У друзей, – отрывисто и иным голосом сказал незнакомец, ему явно не нравилось произнесённое слово.

«О друзьях так не говорят», – насторожился Иван.

– И?.. Она что-нибудь, кроме приветов, велела мне передать?

– У тебя есть огонь, – уверенно и с нажимом сказал об-

ладатель поистине широкого диапазона голосовых связок – сейчас в нём слышался мощные обертоны командира батальона, при котором начинал свою службу Иван.

– Это она мне... – начал, было, он и осёкся.

– У тебя есть огонь?

Глаза нечаянного собеседника обозначились и вспыхнули собственным светом. Их взгляд, казалось, прожигал Ивану мозг, и он отшатнулся ещё дальше. Прутья клетки впились в спину.

Не могла Напель спрашивать об огне, так как видела его и предупреждала. Что-то тут не так.

– Нет у меня... Нет у меня никакого огня. Почему ты спрашиваешь? Зачем это тебе знать?

– Жа-аль...

Глаза густобрового потухли и стушевались, губы сложились в презрительную ухмылку. Свет померк, и незнакомец растворился в темноте. А, спустя несколько секунд, подал голос Элам:

– Командуют тут всякие! А ты, первородный... Говорил тебе о Напель, будь она неладная. Не к добру она приблизит, а к злу... Ведьма она и женщина. С ней надо говорить только тогда, когда хочешь потомство оставить. Ты же решил просто так... Не-ет, я-то думал – выиграл... А-а...

Не обращая внимания на скулёж сопровождающего, Иван стал на дорогу времени. Здесь ему сразу бросилась в глаза непонятная конструкция Хема, маячившая в двух шагах от

клетки. Синий рюкзак висел на нём. Похоже, Хему он не мешал, либо ему было невдомёк от него избавиться, поскольку был обыкновенной машиной.

Несмотря на предостережение Напель и странную любознательность недавнего визитёра, у Ивана возникло искушение пережечь перекладыны и вылезти из клетки. А там будь что будет.

Однако неразрешимой пока что оставалась задачка с Хемом. Ведь он недаром денно и ночью сторожит его здесь. Почему? Может быть, ему уже известно о возможности Подарка убежать? Или он просто приставлен к нему вне зависимости от его поведения? И что будет, если Хем его опять поймает? Повторится ли всё сначала или он доставит его в другое место, более безнадежное для побега, чем сейчас? Или наоборот?

И всё-таки, не сейчас, так позже, но из клетки надо будет выходить.

Но куда после того податься? Если даже Хем не будет мешать или его удастся обойти? Как вернуться в своё время?

Иван в нерешительности постоял, скучно оглядывая поле ходьбы.

Где будущее, где прошлое?

Последняя мысль придала ему внимательности. Находясь в клетке, направление не особо определишь... Так... Ну, конечно. Его протащили через предел. И будущее – там... Но смущали близкие – лет на тысячу, может быть, больше, –

неприступные горы для прохода в будущее. Они стеной тянулись в одну и другую сторону до горизонта. Это могла быть тыльная сторона его гор недоступности в прошлое, или эту стену образовал Пекта Великий, замкнув время для всего живого. Иван не знал. Зато препятствий в прошлое полаходьбы не было, оно простиралось до неведомых глубин.

Можно, конечно, податься в прошлое. Но там его никто не ждёт. Для него и дом, и друзья – всё в будущем. А на пути туда – стена. Пока найдёшь туннели, если они есть, конечно, пока по ним будешь двигаться... Не Хем, так нечто иное сто раз успеют напасть на него, спеленать и унести либо снова сюда, либо в другие края и времена.

Он собрался уже вернуться в реальный мир, но тут у него в глазах зарябило. Иван поморгал и протёр глаза, однако в стороне прошлого явно что-то появилось и обрело контуры. Какая-то завеса... ячеистого строения. Слабое такое мерцание, будто стекольная свиль под разным углом зрения. Иван смежил веки, постоял, успокоился, а потом открыл глаза – и ничего не увидел.

Показалось, облегчённо подумал он, но червь сомнения остался и беспокоил. С тем он и вернулся в реальный мир. Здесь царили ночь и запахи осени.

Иван меланхолично обозревал темноту до тех пор, пока не заснул в неудобной позе.

Утром начался переполох.

Гхор с глазами в пол-лица и охрана Подарков искали про-

пажу. В клетке напротив никого не было. Гхор ругался непотребно и пытался воспроизвести появление Напель, как это он проделал перед дурмами – его рука что-то там, внутри, нажимала, однако Подарок не думал объявляться. Устав, Гхор стал взывать к исчезнувшей узнице, чтобы она вернулась на место. Затем он стал ей угрожать всеми карами. Не помогло.

Кстати, он её называл Напелью...

Сопроводителям, а их у Напель оказалось пятеро, связали руки и ноги. Гхор, тыкая заострённой, памятной Ивану, палкой то в одного, то в другого сопровождающего, с безумным видом выслушивал их вскрики и допытывался, куда подевался Подарок, который был им доверен, и который они сопровождали, а значит, должны были его беречь как самих себя. Те выглядели отупевшими и полусонными, всё отрицали и повторяли о своей непричастности ко всему – они ничего не видели и не слышали.

Кончилось всё на глазах у Ивана обыденно и страшно: сопровождающих Напель, не торопясь, прирезали и так связанных по рукам и ногам, бросили на дороге.

Эламы тряслись от испуга.

– Говорил тебе!.. То же самое, что с Курловыми, и с нами будет... Целый порядок Эламов ни за что, ни про что исчезнет. Не-ет... Привяжусь к клетке... Нет, свяжусь с тобой верёвкой. И если тебя попробуют украсть, то пусть это сделают вместе с нами... Как мы промахнулись... Говорил тебе, она ведьма, а ты с женщиной говорить просто так вздумал...

Иван уже собрался прервать его и напомнить, что нельзя заикливаться на одном и том же утверждении – надоедать начинает.

Помог Гхор.

Он неожиданно объявился рядом и накричал на Эламов на незнакомом Ивану языке с тремя, кроме имени, расшифрованными лингвамом словами: Анахор ждёт... никому... назад...

Эламы кротко выслушивали его речь и часто кивали головой. Потом Гхор решил почему-то уколоть Подарок заострённой палкой. Может быть, удостовериться в его наличии и не исчез ли он вслед за Напель. Делал он это с бессмысленным выражением на лице, как будто не понимал ни своих действий, ни их последствий.

Иван приготовился к обороне, сейчас он решил не даваться. Кому хочется заработать ещё одну дырку в своём теле? И как только Гхор направил на него заострённый конец, он вырвал палку из его рук, чего начальник охраны Подарков, пожалуй, даже не заметил. Он лишь взмахнул освободившейся рукой, что-то прокричал, и караван засуетился и через минуту выступил в дорогу.

– Говорят, – спустя ещё полчаса начал Элам размеренно и спокойно, точно ничего и не было, – что Подарки распределяют не по правилам. И сейчас всё зависит от Гхора. Как он скажет, так и будет. Напель была Предпоследним Подарком. Первый сейчас думает и боится, что Гхор сделает его

Предпоследним.

– Чего же он боится? – живо спросил Иван с надеждой разобраться, в конце концов, с назначением и иерархией Подарков, и кому они предназначены.

Элам не оправдал его надежд.

– Люди, – наставительно и со значением сказал он и для пущей важности показал Ивану пухлый указательный палец, – всегда чего-нибудь боятся. Особенно, когда что-то меняется в установленном порядке. И Первый, естественно, боится. А как же иначе?.. Эх-хе-хе... Жаль, что ты ничего не боишься, а то бы...

– Да почему я должен бояться, коль уже сижу в клетке? Подумай сам.

– Ну и что, что в клетке, а бояться надо.

– Да у тебя, смотрю, философия. Знаешь, у нас есть анекдот... Ты знаешь, что такое анекдот?.. Хорошо. Так вот, ведут двоих на расстрел. Один другому говорит, мол, давай убежим. А тот у него спрашивает: – А хуже не будет? Так чего мне бояться или этому, Первому? Всё одно.

Элам удивлённо вскинул бесцветные брови и с каким-то новым выражением круглого лица посмотрел на Толкачёва.

«Пиквик, – подумал Иван. – Он же похож на мистера Пиквика. Только у него интересы другие».

– Я тебя убедил?

Элам качнул головой, будто бы согласился, но тут же высказал нечто противоположное:

– Э-э... Всё это слова, первопродок. А страшно и так и эдак.

– Философия... – невесело резюмировал Иван и закрыл тему, присев отдохнуть.

День прошёл спокойно. Элам выдал очередную тилу, Иван через силу съел её: аппетита не было никакого. Правда, и отвращения к еде он не испытывал. На дороге времени невозмутимо дежурил Хем. Коляска катилась без шума и встряски. Иван дремал, разговаривал с Эламом Шестым, вяло думал о мелочах. В голове курился туман с тенями и глупостями. Вечерний привал застал его спящим.

Темнота настоящая, в которой, как известно, черти водятся, ещё не наступила, а к Ивану с двух сторон приблизились некто на них похожие. Слева, где располагались Эламы (сопроводители почему-то держались только этой стороны), вновь засветилось вчерашнее лицо под капюшоном. А справа кто-то маленький, сухенький, похожий на пятилетнего ребёнка, всунулся сквозь перекладыны головой и внезапно заговорил голосом Напель. Иван не ожидал такого и не совсем вник в сказанное малюткой, хотя услышанное запомнил дословно. А сказано было следующее:

– Ваня, твоя дорога времени и дорога, по которой тебя везут, ведут к Поясу Закрытых Веков... Хем в горы недоступности твоих дорог ходьбы не пойдёт... Появись там, внутри Пояса, и я найду тебя...

Карлика не стало прежде, чем Иван намерился ухватить

его за шиворот и вытряхнуть из него что-нибудь более определённое о Напель и месте её нахождения.

– Первопредок! – вопил Элам. – Опять этот! А-а-а!...

– Гони его!

– Да-а-а...

– Огонь! – надвинулся капюшон, ярче засветилось грозное бровастое лицо незнакомца. Он утверждал: – У тебя ведь есть огонь!

– Нет у меня ничего! – крикнул ему в лицо Иван, намереваясь изловчиться и достать до него носком сапога. – Пошёл отсюда!

– Огонь!

Крючковатые пальцы цепко ухватились за штанину Ивана и потянули на себя. Глаза безумца горели пламенем и обжигали не защищённую одеждой кожу ходака. Иван сопротивлялся, пытался вырваться и осуществить свою задумку – стукнуть его так, чтобы тот больше не приставал со своим бредовым словом, но незнакомец держал его крепко.

– Огонь!

– Да катись ты! – безуспешно отбивался Толкачёв.

Не удержался на ногах и упал. На него свалилась палка, отнятая у Гхора и поставленная вдоль перекладин клетки. Иван схватил её и ткнул в сторону полыхающего видения.

Раздался не вопль боли. Раздался страшный треск. Палка вспыхнула вся сразу, от неё полетели искры как от бенгальского огня. Пришлось её спешно отбрасывать подальше

от клетки. А незнакомец, на удивление поражённому Ивану, взорвался подобно взрывпакету. Яркие огоньки разлетелись во все стороны, жёлтые языки пламени пожирали подкинутую вверх накидку с капюшоном, теперь горячей птицей падающую вниз.

– Я же говорил! – безумно кричал Элам Шестой и сбивал с себя искры.

Послышался разъярённый рык Гхора. Он с охраной спешил туда, где возник беспорядок.

Иван не стал ожидать развязки событий в реальном мире и стал на дорогу времени. Хем мирно сторожил его там, но Ивану пока что было не до него. Он достал зажигалку и приступил к переключению осточертевшей ему клетки с противоположной от Хема стороны.

Слабый язычок пламени в сумрачном свете поля ходьбы выглядел красным с ядовитой желтизной, и, казалось, даже не касался прутьев, но где он побывал, там вещество, из чего они состояли, обугливалось и осыпалось тонким порошком. Не прошло и двух минут, как кусок решётки достаточной площади выпала наружу. Иван выскочил из узилища на волю и обернулся к Хему.

Хем сонно висел на том же месте. Его рецепторы (или что там у него было вместо них в качестве органов наблюдения и слежения), по-видимому, видели или сканировали нахождение обитателя клетки сквозь решётку и сейчас не распознавали произошедших перемен.

И это было хорошо. Но на нём висел так нужный Ивану рюкзак. Будь он сейчас у него, и не было бы проблем, в том числе и проблемы Хема. А так надо было ещё маневрировать, дабы обмануть эту проклятую конструкцию.

До стены гор недоступности в будущем уже рукой подать – лет триста или около того.

Вчера, когда Иван выходил в поле ходьбы, они были значительно дальше. Значит... Так вот о чём говорил карлик голосом Напель. Караван с Подарками тоже идёт по дороге времени, но, похоже, не той, по которой ходят ходоки. Какое-нибудь естественное образование, разновидность временного туннеля, что привёл его сюда. И если идти по этой дороге, то можно, по словам того же карлика, дойти до Пояса.

Хем что-то учуял. Изменения здесь или те, что происходят сейчас в реальном мире? Всё возможно. А там, в реальном мире сейчас... Интересно, как это выглядит с клеткой там?.. И жаль Эламов.

Хем дрогнул и медленно поплыл в сторону. Иван шагнул так, чтобы целый остов клетки оставался между ним и стражем. Они так несколько раз будто поиграли – покачались вправо-влево. Хем остановился на мгновение и резко взмыл высоко вверх. Повисел и стремительно спикировал на ничем не защищённого Ивана.

Всё решали малые доли секунды. Толкачёв бросился от Хема в прошлое, но попал в какое-то странное закрытие на

дороге времени. Оно было невидимым. Иван давил на него и словно погружался в податливую, на первый взгляд, клейковину, не продвигаясь ни на шаг.

А Хем падал...

Он упал в метре от ходака и стал раскручиваться. Точно так было в первую их встречу. Сейчас он раскрутится и выстрелит свои щупальца...

Спасти от Хема можно было только при переходе в реальный мир, ведь до того, он там ни разу не объявлялся.

Иван вышел среди суматошной толпы. От тишины и темноты привала не осталось и следа. Горели многочисленные факелы, непонятно откуда взявшиеся в таком количестве. Все – охрана и проводители – двигались в плотной толпе и толкались. Резал слух вопль Элама Шестого:

– Сам виноват!.. Это ты не устерёг! Мы-то здесь при чём?

Дюжие охранники крутили Эламам руки за спину. Те не сопротивлялись, но Элам Шестой ещё громче кричал о своей невинности.

Ивану не хотелось бросать их в беде, но что с ними делать? Потом, когда он их выхватит из этой каши? Не тащить же их с собой в будущее через Пояс, если, конечно, он сам, без Напель, сможет его одолеть.

Он лихорадочно искал выход, а тем временем от укола заострённой палкой взвыл молчаливый Элам Семнадцатый. Похоже, предку и потомку грозила участь Курловых.

– Ну, твари! – буркнул Иван и втиснулся в толпу.

Гхор и его дуболомы никогда не видели работу сержанта особой группы голубых беретов. Для охраны всё случившееся представилось кошмарным сном. Подобно ораве неведомых существ о десяти руках и ногах вихрем прошлась по их шеям и лицам, оставляя за собой вывихи и ушибы. Сам Гхор получил такого тумака в дых, что долгое время находился в состоянии изумления, не имея желанья и мочи вдохнуть.

– За мной! Быстро!

Эламы поняли его с полуслова – жизнь стоила того. Откуда только прыть у них, особенно у Семнадцатого, взялась. Они легко перескочили через платформу с кучей палок от бывшей клетки. Элам Шестой по пути успел лягнуть ближайшего охранника, только что крутившему его руки.

Они бежали по дороге в ночь. Никто за ними не гнался. И вообще, на стоянке вскоре – в темноте хорошо было видно – погасли огни, и установилась тишина.

К исчезновению Подарков в караване, похоже, стали привыкать. А может быть, такое случалось неоднократно, и было в порядке вещей?

Всё-таки с самим караваном, его назначением и поведением людей в нём, со всеми этими Подарками – Первыми, Предпоследними, Последними и иными – Иван так и не разобрался. Ощущалось во всём этом какая-то непоследовательность и искусственность. Собрали приборников, те разыграли Подарки и стали сопровождающими, но во главе поставили Гхора – недалёкого и свирепого предводите-

ля охраны. От кого охранять Подарки? От сопровождающих? Или выискивать в них козлов отпущения за пропажу узников клеток? Как поступили с Курловыми?

Вот украли или освободили Напель, новый случай с ним, а там, в караване, такое впечатление, лишь для порядка пошумели, и спать улеглись. Распределили, поди, оставшиеся Подарки на Первые и Последние – и успокоились...

Впрочем, у Ивана сейчас была особая забота – Эламы. Не до Подарков.

– Вы со мной пойти не можете, – заявил он тяжело дышащим спутникам, когда они отделились от каравана на достаточное, по мысли Ивана, расстояние. – И я не уверен, что мой вам совет осуществим в полной мере. Я вам предлагаю вернуться назад по этой дороге, – в знак подтверждения, по какой именно дороге следует идти Эламам, он топнул ногой. – Сейчас можно незаметно миновать стражу Гхора Я заметил, что по ночам она спит. Так что вы сможете уйти дальше в прошлое.

Семнадцатый цокнул языком.

– Я тоже не уверен...

– Но мы попробуем воспользоваться твоим советом, – поспешил оправдаться Элам Шестой, но уверенности и решительности в его словах не было. – А что намерен делать ты?

– Пойду вперёд... Видите ли, у нас под ногами... или всё, что нас окружает, как я понимаю, составляет временной канал. Вы пойдёте по нему в прошлое, а я направлюсь в буду-

щее.

– Но там тебя ждёт Прибой, – кратко предупредил Семнадцатый и поёжился – упоминание Прибоя ему было неприятно.

– Я его пройду, – самоуверенно сказал Иван.

– Многие так думали. Так что берегись!

– Поберегусь, – пообещал Иван и задумался. – Если, конечно, вы мне скажите, как это выглядит. Или как этот Прибой видится или проявляется при приближении к нему.

– Никак, – ответил Семнадцатый.

– Он прав, – подтвердил Шестой. – Но у меня в пальцах всегда появляется покалывание. Порой за неделю. И я чувствую, будто меня... меня словно несёт или тащит, а я сопротивляюсь... Но время не остановишь...

– Так. Ясно!.. Да, к вам ещё такой вопрос. Ты, Шестой, говорил, что вас обычно отбрасывает лет на двадцать?

– Это меня, – сказал названный Элам. – Но это в среднем. Однажды меня бросило на тридцать четыре года. А самое малое, что у меня было, – четырнадцать лет.

– Это точно, что в среднем.

Собственные оценки Ивана больше чем на порядок расходились со сроками, предлагаемыми Эламами. Если те считают в скором времени встретиться с Прибоем, то до него не так уж и далеко – дни или недели. А вот в поле ходьбы до гор недоступности в будущем и за сто лет в реальном мире не дожить. Такое несовпадение смущало ходока. Выходило

нечто непредсказуемое, ибо на Прибой можно налететь тогда, когда считаешь, что до него ещё идти и идти.

Что-то здесь не так, обеспокоено подумал Иван; от его недавней уверенности осталось немного.

– Скажи, Семнадцатый, ты тоже как-то для себя отмечаешь наступление Прибоя?

– Я уже сказал. Никак.

Между ними повисла минута молчания.

– Что ж, тогда всё! Жаль расставаться с вами, но мне надо прорваться сквозь Пояс к дому, а вам как можно дальше уйти от него. До свидания!

Когда шаги первопредка затихли в отдалении, Шестой со вздохом сказал Семнадцатому:

– Хороший был Подарок.

– И наивный. Думает, что по этой дороге можно вернуться куда-либо. Пожелаем ему, пусть он пройдёт Пояс.

– Пусть... Но я его в каком-то откате уже видел. Если это он, то Прибой отбросит и его.

– Жаль, если так...

Прибой

Иван продвигался, не торопясь, не рискуя, – боялся в темноте сбиться с дороги. Вернее, отклониться от неё, поскольку не доверял виду обочины. Давно догадался – никакая это не дорога, в обычном её понимании, а временной канал.

Что может находиться рядом с ней или с ним?

Стена, энергополе или что-то другое, что в том мире, в котором он родился и вырос, и наименования ещё не имеет? Впрочем, всего этого он не знал, и думать о том не хотел, а лишь старался придержываться середины дороги.

Открытие временного канала вызывало в нём чувство раздражения и ревности одновременно. Его тяготила собственная ничтожность перед создателями канала. Известно же, дикарю всё одно, чем разбивать орех – булыжником или компьютером. Точно так же временем можно либо пользоваться, либо управлять им. Тогда получается, что простое использование времени для ходьбы в нём – это ступень дикаря, которому неизвестно, что это и зачем, а потому берёт он от него самую малость, не требующую большого ума и знаний. Возможно, поэтому Напель так и не смогла его понять. Для неё время выступает, по всей вероятности, компьютером, а не булыжником.

Чтобы избавиться от пребывания в неприятном для него временном канале, можно было бы выйти на свою дорогу времени. Пусть там его поджидает Хем, но это его поле ходьбы, а не чужое искусственное образование. Он и пренебрёт бы им, если бы...

Если бы...

Пришедшая мысль заставила Ивана даже приостановиться, чтобы подробнее вспомнить детали своего высвобождения из клетки.

Из неё он подался чуть в прошлое, а когда его атаковал Хем, он и подавно углубился по оси времени назад. И во что-то упёрся... И всё-таки в реальном мире он отступил, по его представлениям, лет на тридцать. Если пространственными координатами он задавался сам, и они совпали с предположением, то с подвижками во времени случилась явная неувязка. Выходил он в реальный мир из прошлого, а на самом деле вышел ко времени недавнего его исчезновения. Гхор даже не успел расправиться с Эламами.

Напрашивался неприятный вывод – он был привязан к каналу, по которому время текло по своим законам и не подчинялось его расчётам.

Такая догадка, естественно, не придала ему уверенности в себе, растревожила.

Толкачёв почувствовал холодок, коснувшийся спины, хотя ночь стояла тёплая. Посмотрел на небо. Там ярко горели звёзды, собранные в знакомые созвездия. Но и такого не должно было быть. Ходьба во времени приучила его к изменению конфигурации расположения звёзд на ночном небосклоне. В таком дальнем прошлом, в котором он сейчас находился, созвездия не могли не измениться. А они сияют в вышине также, как в дни его нормальной человеческой жизни, когда он о ходах во времени ещё не слышал.

Тогда, поскольку он находится не в своём времени, а в прошлом, здешнее звёздное небо ни что иное, как имитация. Тогда и смена дня и ночи – тоже имитация. Кто-то что-то

включает и выключает? Днём загорается солнце-лампа, а ночью – искусственная картинка над головой подобная той, что демонстрируется в планетарии.

От подобных размышлений и выводов Ивану стало совсем неудобно. Ведь тогда, по всему выходит, его там, в его поле ходьбы, загнали в нечто подобное временному бредню или тралу. Не в том суть, как назвать. Недаром же ему почудилась сетчатая неуловимость в ближайшем прошлом. Она-то его и не пустила, когда он захотел оторваться от Хема.

Чтобы проверить свои догадки, он всё-таки стал на дорогу времени, и лишь реакция, выработанная годами на тренировках в спортивной школе и в армии, и разумная осторожность спасли его от объятий паукообразной машины. Она как будто поджидала его появления и уже крутилась, готовая выбросить щупальца. Впрочем, с другой стороны, могло быть и так – Иван наткнулся на Хема ещё в том времени для него самого, когда он готовил предыдущую попытку схватить ходока.

Так ли это было, иначе ли, но Толкачёв осознал одно: становиться на дорогу времени следует только на самой границе Прибоя, у самых поднятий гор неприступности, только тогда он может гарантировать себе неуязвимость от Хема, если, конечно, верить посланцу от Напель.

Но где находится эта граница? Как ни кратко Иван находился в поле ходьбы, однако отметил статику его картины: точно так же горы недоступности выглядели и во время из-

бавления его из клетки.

Приходилось надеяться на какие-то ощущения, которые овладевали Эламом Шестым при подходе к Прибою. Вдруг и у него откроется в организме или в интуиции какая-либо заметная реакция предчувствия на приближение удара времени о Пояс Закрытых Веков, означающего Прибой времени... Или откат времени... Или...

Впрочем, как это явление не назови, но если оно есть для прибойников и для него самого, то всё едино – Прибой, откат, выброс...

И включают ли после ночи день?..

День всё-таки наступил, удивительно похожий на предыдущие: белые барашки неторопливых облаков, горячее, но не жгучее солнце на бледно-голубом небе и лёгкий, как выдох спящего человека, ветерок, задувающий с неопределённой стороны – то в разгорячённое лицо подует, то охладит затылок.

У самой дороги – неживая природа, имитация. Однако кто знает?.. Не хотелось проверять.

Иван шёл обычным размеренным шагом, выработанным ещё в армии, думал урывками и ни о чём интересном. То вспоминал друзей: по школе, армии, ходоков, – то считал шаги. Порой тоскливо окидывал взглядом дорогу перед собой – петляющая в зарослях (тоже, наверное, искусственных) бело-жёлтая лента. Ни конца ей, ни краю.

Зато начало у неё есть – двор, куда Хем притащил Тол-

качёва. Попавший туда человек, возможно, изолируется от реального времени. Но тогда этот двор – тот же самый отстойник, временная яма, своеобразная нора, где нет времени. Одним словом – небытие... А когда распахиваются ворота, то открывается временной канал, по которому с первого шага со двора начинается ускоренный бег в будущее – дни, месяцы, а то и годы остаются позади после продвижения на метр по этой дороге, ведущей к цели – Прибою...

Но тогда причём здесь Подарки?.. Подарочки!..

И он был таковым – Подарочком. Да вот сбежал. Пусть теперь ищут другого, не такого как он...

Незаметно Ивана охватило какое-то игривое, не к ситуации, настроение. Ему всё нипочём. Подумаешь, дурмы там какие-то вместе с пентами. Да плевать на них! И всякие-якие Пояса Дурных Веков... И Гхоры со своими палками...

Иван зашагал вразвалочку, вихляя задом, будто кому-то на показ, выставляя свою независимость и презрение. Через шаг приговаривал: Эх, эх, эх! – Рифмуя: – Повеселиться нам не грех... Наплевали мы на всех!.. Настало время для потех...

Ощущение такое, что впору бы сейчас подпрыгнуть, завизжать и свалиться куда-нибудь вниз, если было бы куда упасть. Хорошо бы в холодную воду...

Продолжалось такое весёлое и бесшабашное настроение недолго, шагов на двадцать. Так что Толкачёв даже не осознал необычности своего поведения. И когда он шёл уже со-

вершенно развинченной походкой и выкрикивал подходящие междометия невпопад, то внезапно получил страшный, сокрушительный удар, казалось, по каждой клетке своего существа.

Его стало раздирать на части, затем перемирать их в аморфное месиво – голова-ноги, лицо-спина – и, когда от него ничего не осталось целым и постоянным, с размаху стукнуло обо что-то твёрдое...

Мягкое месиво его существа – о стальную глыбу...

Иван потерял сознание.

Очнулся от монотонного гудения и укусов тучи комаров. Само небо от них казалось серым и подвижным. Болотный запах и влага под боком навели его на успокаивающую и приятную мысль – он просто находится на рыбалке. Сейчас подойдёт неукротимый в подобных делах и в выполнении всех ритуалов ловли рыбы Лёша Поканевич и наставительно оповестит:

– Чего лежишь? Поплавков уже видно, скоро клёв начнётся.

Значит, ночь кончается, темнота истончилась, а он, сидя у костерка, задремал, не заметив как это произошло, даже, невзирая на комарё и повлажневшую от росы траву...

Первое же движение, чтобы отогнать кровопийц и подняться на, не прозвучавший ещё, зов Поканевича, вызвали нестерпимую ломоту в костях и мышцах, оттого он смог лишь боднуть траву и невнятно промычать:

– Чёрт возьми! Говорил... Я с кем-то подрался?.. Где я был вчера?.. М-м...

Не поднимаясь и не открывая глаз, пополз. Рука провалилась в глубокий бочажок с водой...

Прибой!.. – грохнуло в голове колоколом. – Прибой!..

Вот что было вчера... Нарвался таки на Прибой! Вчера ли?.. И сейчас я... человек Прибоя... Прибойник!

Злость на себя и на тех, кто устроил ему такое приключение, отодвинула боль во всех членах на другой план. Он резко поднялся на ноги, бегло обежал взглядом округу и потряс перед собой кулаками.

– Ну, убийцы времени! – закричал он в пустоту зарастающего травой болота. – Что бы мне это не стоило, но я доберусь до вас! Я доберусь!.. Ы-ы... Прибой вас всех разбей! Дайте мне только увидеть вас, и вам надолго, если не навсегда запомнится Иван Толкачѐв... Это я вам говорю, КЕРГИ-ШЕТ!.. Пусть я перед вами дикарь... Это вы думаете, что я дикарь!.. Но и мы, ходоки, кое-что имеем и умеем... Вам от нас...

По его опухшему, искусанному комарами лицу текли слёзы бессилия и озлобленности, он отбрасывал их тыльной стороной рук, кровавая щѣки и пальцы...

Пустыня

Болото, куда ни глянь, везде безбрежнее болото...

Местами кривой, пьяный и чахлый перелесок. Нездоровое воспарение, утробное ворчание под ногами, проплешины окон небольших озёр и топей.

И комары... Подобно микроскопическим пикирующим вертолётам, жалящие пулями-укусами. Для них нет преград, даже сапоги – не защита.

Скука и боль...

Иван стал на дорогу времени. Надо было сориентироваться в пространстве-времени, избавиться от насекомых и отдохнуть.

Поле ходьбы он не узнал.

Здесь всё для него предстало новым и незнакомым: запахи, какая-то неживая тишина, совершенно непохожая на тишину поля ходьбы до его пограничных гор, и главное, – свет. Освещение едва разливалось в туманной дымке цвета увядающей сирени. Поле ходьбы просматривалось едва ли лет на сто-двести. Как ни присматривался Иван, но никаких намёков на то, где располагалось прошлое, а где будущее, он не находил. Окаём, без каких-либо ориентиров, везде одинаково безнадёжно терялся в густеющих сумерках.

«Куда же меня отбросило? – в тревоге и тоске думал он. – Эламы говорили что-то о пыли или брызгах, летящих от Прибоя в далёкое прошлое. Может быть, и я стал человеком этих брызг во времени?..»

Он устал, хотел есть и спать, болела каждая жилка, лицо распухло – и никакого просвета в поле ходьбы, словно здесь

существовала такая давность прошлого, что время уже устоялось и спрессовалось в осадке лет, веков и целых эпох, сгустилось и обесформилось до потери какого либо направления, то есть куда ни пойдешь, всё одно – никуда не придёшь: ни в прошлое, ни в будущее. Здесь уже конечный отстойник, утиль забытых самой природой миллионов лет!..

Он топтался на месте и лихорадочно соображал, что предпринять, как выбраться из этой глубины веков.

Вспомнил ненавязчивые советы Учителей – Сарыя и Симона. Для них пять тысяч лет в прошлом такая же безнадежно далёкая эпоха, как для Ивана миллион. Они когда-то говорили о своих поисках ориентиров выхода из пограничного для них прошлого в будущее. Ивану те разговоры были тогда ни к чему, а сейчас пригодились.

Если предполагается исследовать длительный промежуток времени, то удобно использовать изменения окружающего рельефа: например, поймы или глубины русла реки, склона горы, разрушающейся со временем, старение оползней...

Так, что ещё?

По звёздам. Конечно, по звёздам. Здесь, наверняка, искусственный канал создателей Пояса не действует, значит и рисунок звёздного неба должен быть естественным. Однако Ивану он ничего определённого подсказать не может. При ходьбе по собственной дороге времени лет на сто тысяч он знал, каким образом определяться по звёздам, вернее, по

некоторым из них. Чаще всего он смотрел, где находится Бенетнаш в созвездии Большой Медведицы. Эта приметная звезда мчится из прошлого в будущее, чтобы в настоящем обозначить самый кончик рукоятки Ковша. И чем дальше она своей непохожестью находилась от конструкции будущего рисунка Северного полушария, тем в большей глубине веков местонахождение ходака. Но сейчас Иван был... Он не знал даже самого незначительного, но важного – насколько далеко его отбросило от Пояса Дурных Веков.

К тому же надо ещё учесть, что от его гор недоступности до его настоящего – без малого полмиллиона лет.

Так, где он сейчас, и поможет ли ему путеводная звезда Бенетнаш?

Оставались деревья и реки. Вообще, водоёмы и леса.

Он сделал несколько бессистемных шагов в поле ходьбы, лишь бы избавиться от болота и комаров, не дающих что-либо думать и ориентироваться на местности. Так что, становясь на дорогу времени, менял не только время, но и пространство.

Наконец-то...

В реальном мире солнце достигло полудня, но особой жары не было. Чуть свежий ветерок остудил невыносимо зудящие лицо и руки. Вокруг пейзаж без диковинок. Голые скальные выступы из зелёной кипени узнаваемых деревьев и близкое стеклянистое полотно озера.

Да, здесь было хорошо. Тепло и сухо.

Иван добрёл до озера, умылся в прозрачной воде, утоляя боли и зуд, а затем без опаски привалился к глыбе камня, прогретому солнцем и обточенному ветрами и дождями, и уснул, проспав до вечера – тихого и светлого.

Нестерпимо хотелось есть, но что-либо найти в округе не удалось. Некоторое время безуспешно пытался схватить руками резвящуюся в воде рыбу. Попытался сбить какую-то птицу камнем – всё мимо... Зато появилась возможность обследовать направление течения времени без новых поисков. Помочь, по мысли Ивана, могла речка, впадавшая в озеро. Некогда это был, по-видимому, бурный поток, ворочавший полу тонными валунами, а теперь cedящий свои истощившиеся воды сквозь их крутобокие стенки.

Направление к будущему он обнаружил уже с третьей попытки. Вначале, правда, его понесло, похоже, поперёк поля ходьбы, затем он явно ушёл в прошлое, ибо там застал как раз предполагаемое многоводье реки.

В третий раз – не ошибся. Он стоял на берегу заросшего и обмелевшего озера. Ручей пропал, валуны заросли деревьями и кустарником и, наверное, только копнув глубже, можно было обнаружить ложе бывшей реки и камень, послуживший ему подушкой и ложем одновременно во время сна.

Однако сумрак поля ходьбы подавлял. Сиреневый полумрак не рассеивался.

Иван продвигался в поле ходьбы, отсчитывал примерно тысячу лет и восходил в реальный мир, чтобы удостовериться

ся в правильности своего движения – идёт ли он в будущее или топчется в одной точке времени.

И так он шёл, казалось, до бесконечности.

Тёмно-сиреневая пустыня при ходьбе во времени, и пустыня в реальном мире – ни жилья, ни следов человека.

Наконец, позабыв обо всё, занялся поиском еды. Живот подвело к спине, во рту горечь, да и сил поубавилось. Собирали и ели какую-то приторно-сладкую ягоду, ещё больше возбуждая аппетит. Внезапным прыжком удалось поймать маленького зверька. Обжарил его на костре и съел без соли. Всего. Почувствовал тошноту, но пересилил её. После еды потянуло на сон, но грозный рык, раздавшийся невдалеке, заставил забраться на раскидистое дерево.

Там Иван вялыми руками привязывал себя к веткам, дабы не свалиться вниз, и – сам спал, спал, спал...

На следующий день, разбитый и злой, стал на дорогу времени с намерением, во что бы то ни стало продвинуться как можно дальше вперёд, в будущее. Но уже через десяток тысяч лет тёмное, словно вязкое, поле ходьбы внезапно осветилось, открывая даль будущего. И то, что он минутой раньше определял как некий временной колодец, затемнивший будущее, оказался стеной утёсов гор недоступности.

– Пояс! – убеждённо решил он для себя и определил временное расстояние до него – всего пять-шесть тысяч лет.

Однако тут же чертыхнулся и поправил себя: – а может быть, и пять лет. Кто может сказать здесь с большей опреде-

лённостью? Никто!

Надо остановиться, поразмыслить, решил он, и хоть что-то поесть...

Эламы

Реальный мир, возникший перед взором Ивана, обрёл, наконец, какую-то неуловимую ясность, ухоженность, что ли. Это уже была не совсем дикая природа. Чувствовалось присутствие человека. И в воздухе изменилось многое – пахло дымом очага!

Иван вдыхал знакомый запах и чувствовал себя бродягой, блудным сыном. Он куда-то уходил, где-то скитался, а сейчас – вернулся.

К людям!

Всё-таки он никогда не думал, что подобное с ним произойдёт. Что он так безудержно будет радоваться лишь только простым намёкам на присутствие людей где-то невдалеке от нег.

А где люди, там был его дом!

Такое ощущение испытывает тот, кто возвращается в родную семью после долгой отлучки. После долгого проживания в городе при виде села, где родился и вырос. Так он себя считал счастливым, когда после Афганистана проехал на танке под аркой, увитой цветами, и оказался на территории Союза, своей страны, а потом, когда соскочил с подножки

вагона на перрон Московского вокзала в Ленинграде, и ещё позже, когда вбежал в подъезд своего дома. Там резко пахло кошками и мочой, так как в двадцати метрах торговали пивом. Там были выщербленные ступени, и как всегда не работал лифт...

Но он был дома!

Дома!!.

Едва заметная тропинка обозначилась в нескольких шагах от него. Пройдя по ней с минуту, Иван наткнулся на бревенчатый забор, сделанный из струганных топором столбов, которые потемнели от времени – здесь кто-то жил уже издавна.

Тропинка пунктиром, местами пропадая из поля зрения в траве, тянулась вдоль забора. Иван пошёл по ней наугад: она могла привести его и к входу в огороженное место, и в лес, подступивший вплотную к строению. Она же вскоре повернула за угол забора. Иван очутился на небольшой, утоптанной площадке перед раскрытыми настежь воротами во двор с постройками и людьми.

Да, во дворе были люди. Трое. Низкорослые крепыши, чем-то знакомые Ивану, точнее – они кого-то ему напоминали.

Они заметили его сразу. Один из них метнулся в дверь срубового строения, а двое других, прихватив увесистые палки, медленно и настороженно направились в его сторону.

– Здравствуйте! – первым сказал Иван и через силу улыбнулся.

Улыбка, по всему видно, не удалась. Во всяком случае, приветливой она не получилась. Опухлость лица ещё не прошла. Зато его голос, слегка хрипловатый и негромкий, произнёсший приветствие, возымел действие и снял настороженность у подошедших людей.

– Ты кто? – спросил один из них

– Иван Толкачёв.

– ..?

– Я после... Прибоя.

– А-а-а...

– Случайно вышел к вашему подворью.

Позади него раздался шорох. Иван оглянулся и увидел ещё двоих, вооружённых топором и шестом с петлёй.

– Чего он? – спросили разом эти двое у тех, кто стоял перед лицом Ивана.

– Говорит, после Прибоя.

– А-а-а...

– Случайно, говорит, к нам попал. – (На кого же они так похожи? – вспоминал тем временем Иван). – Вы тут посмотрите вокруг, – распоряжался тот, первый задавший вопрос Ивану, – а мы его к Первому сведём. Он его, если что, сразу раскусит... Заходи!

Последнее относилось уже к Ивану.

Он вошёл во двор, проследовал до высокого, теремообразного, грубо слепого деревянного дома. Строителям в иных деревнях руки бы оторвали за такую работу. Но в его

положении выбирать не приходилось, да и почему он должен осуждать тех, кто живёт от Прибоя к Прибою? Слепил – и живёт.

– Нагни голову, а то разобьёшь, – подсказали ему.

Во время. Дверь делалась для низкорослых хозяев. Иван возвышался над ними на голову.

Он пригнулся, шагнул в дверь и очутился в комнате с глиняным полом. Посередине лежала шкура какого-то животного. До помутнения в голове пахло едой и обжитым домом.

Встречал его человек средних лет. Был он круглолицым, невысоким и крепким. До прихода Ивана он сидел за большим тяжёлым столом, занимающим весь левый угол комнаты. Сейчас он встал и направился к пришлому, но вначале вопросительно посмотрел на сопровождавших его.

– Кто это?

– Говорит, после Прибоя.

– Ясно... Ну что ж, будем знакомы. Элам Первый.

– Элам!? – почти вскрикнул Иван.

Это походило на наваждение или провидение. От одних Эламов к другим. Вот почему все они казались ему знакомыми.

– Чему ты удивился? Или испугался?

– Нет, что вы. Не испугался... Но удивился – пожалуй, будет точно. Совсем недавно... До Прибоя... – Ивану не хватало слов, чтобы объяснить, когда и почему он расстался с Эламами, так что для внимательно слушающих его хозяев

он говорил, будто был в бреду: – Они были моими... э-э... Сопроводителями. Они... Двое... Шестой и Семнадцатый... Эламы.

– Остановись, незнакомец! – прервал его Первый. – Кто они? Почему сопроводители?.. Садись к столу. Есть хочешь?

– Хочу!

– После Прибоя всегда нестерпимо хочется есть. Расскажешь всё потом.

Его накормили простой, но обильной едой. Дали запить съеденное чем-то терпким и вкусным.

В дом пришли другие Эламы. Одни мужчины. С Первым их было семеро. Иван поведал подробно о своём назначении Подарка Анахору, о сопроводителях Эламах, о побеге вместе с ними.

– Дороги наши разошлись, – закончил он свой не слишком весёлый рассказ.

– Бедный Семнадцатый! Последнее время, Прибой его треплет каждые, пять лет, – посочувствовал один из Эламов-предков – Элам Двенадцатый.

– Ну, Четвёртый ещё чаще там бывает, – не согласился другой, не назвавший свой номер в последовательности предков и потомков.

Эламы говорили о своих предках и потомках как о современниках или братьях. Так оно, наверное, и было. Прибой иногда целенаправленно заставлял кого-нибудь чаще встречаться с собой – и несчастный прибойник едва успевал об-

житься, когда наступал новый удар. Во всяком случае, так считали Эламы. Одних Прибой щадит, другие от него страдают больше. Но Иван понимал, что если Пояс – инертное образование, то люди Прибоя получают от него случайный откат в прошлое. Вернее, должны получать случайный...

«Хотя, – подумалось ему, – я-то, наверное, совсем не случайно оказался не за десять или тридцать лет, а значительно дальше».

Тут было о чём подумать и подготовиться к новой встрече с Поясом.

– Сколько осталось до Прибоя с сего дня? – перебил он увлѣкшихся воспоминаниями Эламов.

– У-у... Много. Лет восемнадцать ещё. Не меньше или около того. Точнее всего может определять Элам Девятый. Он-то до одного дня может предсказать.

– Слышал я о нём от Шестого. Будто Девятый знает какое-то слово или фразу, чтобы можно было выйти из клетки для Подарков.

– Может быть, и знает, – с сомнением заметил Элам Первый. – Но мы таких слов от него не слышали. Да и самого его уже давно не видели.

Эламы опять поговорили между собой, словно Толкачѣв послужил катализатором темы разговора. Он гостя не касался. До тех пор, пока Первый вновь не обратился лично к нему.

– Чем же ты теперь решил заняться? Есть ли у тебя по-

томки?

Иван задумался над ответом.

Со второй частью вопроса Первого всё было ясно: нет у него потомков. А в первой части читалось обыкновенное любопытство человека, которому интересно знать кое-что о незнакомце. И будь на месте Ивана кто-то другой из прибойников, то понятен был бы и ответ. Человеку надо жить, пока не подойдёт время нового Прибоя. И жить почти двадцать лет. И он, чтобы выжить, должен есть, одеваться, то есть чем-то заниматься. Работать, создавать...

Но что Иван мог сказать Первому? Опять объясняться – он, де, не просто человек Прибоя, а ходок во времени, и пересказать историю своего попадания сюда, в Преддурные века, а также поведать, куда он собирается отсюда идти по лем ходьбы. Поймут ли его эти люди? Оторванные от цивилизации, от понимания времени, самого процесса создания Пояса? Первый, возможно, и поймёт.

И он решил вызвать Первого из Эламов на откровенный разговор, прежде чем подробно рассказывать о себе.

– Я тебе скажу, чем буду заниматься. Но вначале скажи ты, Первопредок, вот о чём. Ты родился когда? До образования Пояса Закрытых Веков? Так?

Первый встрепенулся, остро посмотрел на Ивана. Ходок заметил в его глазах настороженность первых мгновений встречи, но и жгучую заинтересованность.

– Думаю, – сказал Первый ровным неживым голосом, –

моим потомкам это будет неинтересно слушать... Идите, дорогие, займитесь делами. Скажите женщинам и Двадцать Третьему, чтобы не боялись и тоже занимались бы по дому.

Эламы-потомки без видимого неудовольствия, либо какого участия к словам Первого, легко поднялись из-за стола и кучно покинули комнату, где полновластным хозяином, как подумалось Ивану, был Первый Элам.

– Я из двадцать третьего века, – сказал он отрывисто, когда дверь за последним потомком закрылась. – А ты?

– Из двадцатого. Самый его конец... Правильнее, начало двадцать первого.

– О, счастличик! – Элам искренне позавидовал Ивану. – Двадцатый – стабильный век... Однако странно. Как же ты сюда попал? В эти времена?.. Если это не тайна, конечно.

Иван криво усмехнулся: придётся всё-таки о себе рассказывать поподробнее.

– Не тайна. Впрочем, как на это посмотреть. Попав в ваше время, я только и знаю, что говорю о себе и о том, как меня силой заставили появиться среди вас.

Он неторопливо ввёл Первого в перипетии своих врождённых возможностей и в историю последних дней или времён.

Ивану трудно было словесно объяснять даже самому себе соизмеримость своего бытия и тех отрезков времени, которые он проскакивал, находясь в поле ходьбы. Если считать, сколько он прожил, то набежит, вероятно, всего ничего, а ес-

ли учесть все подвижки во времени, то... Сколько? У человечества отсутствовал массовый опыт таких перемещений, значит, и массив словарного запаса, объясняющий это явление, ему был тоже незнаком. А сами ходоки такими вещами не интересовались и даже не любили по такому поводу вести какие-то разговоры.

Но Первый его, в основном, понял, хотя, подобно Напель, удивился, как он выразился, «парадоксу обратного движения во времени». Он так и сказал – «парадоксу», немало удивив, в свою очередь, Ивана. Кроме того, Первого поразила не активная власть над временем, а его пассивное использование непосредственным образом.

– Как можно протолкнуться сквозь время? – непонимающе покрутил он головой, но быстро отошёл от этой темы. – А вот мы, Первопредки, попали сюда добровольно. Все... Ты когда-нибудь слышал о таком понятии или явлении – *перль*?

– Да, я слышал о параллельности миров в будущем. Но...

– Ну да. Тогда тебе трудно понять ужас людей-перлей, когда они узнают о необычности и виртуальности своего бытия...

В своё время, когда Симон говорил и разъяснял понятие перлей, а потом аппаратчики видели в нём того же перля, Иван, конечно, поражался такой возможности. Но в душе он никак не мог понять опасений Симона и Сарыя перед перлями. Да и вообще, для него упоминание об альтернативе будущего, по сути своей, страдало некоторой отвлечённостью.

И даже ненужностью: есть – так есть, а нет – так нет.

Первопредок же Эламов рассказывал как очевидец трагедии, как её участник и жертва.

Она разыгралась в одном из таких миров, обречённых исчезнуть мгновением ока, погаснуть, отключиться...

Можно придумать множество слов, и каждое говорило бы об одном: время, творя будущее физического мира, добивается своего методом проб и ошибок, создавая параллельно текущее время. А потом по своей прихоти или по иным каким-то неведомым нам законам, оно вымарывает неудачные создания. Стирает их навсегда. Без каких-либо следов, напоминающих об их существовании.

Это потом будут работать археологи и будут находить фрагменты прошлых цивилизаций, это потом останется память человечества, это потом народятся новые поколения людей, животных и растений, но всё это многообразие артефактов составит следствие или наследие лишь только одного варианта мира, оставленного быть и развиваться. Все остальные, ушедшие в небытие, ничем не заявят о себе.

Они были, эти альтернативные миры, но их не было!

Бесконечный акт творения и полного(!) уничтожения, более сокровенное, чем прерывание беременности или съедение зерна, потому что даже в таком случае что-то остаётся – чувство сытости или память содеянного – вне зависимости оттого, что получилось бы из развитого плода или проросшего зерна... Но в случае перлей – никаких последствий,

никаких следов, никаких намёков на их существование...

Элам Первый родился в таком мире, и его современники каким-то образом узнали о своей обречённости.

Холодом веяло от слов рассказчика. По-видимому, он уже неоднократно пересказывал то, о чём говорил сейчас Ивану. Потому речь его была плавной и насыщенной словами, которые в обыденном разговоре употребляются редко. Да и слышать их здесь, в лесной глуши, в этом примитивном доме, в затерянном времени, было необычно.

– ... полное беззаконие воцарилось в нашем мире. До сих пор всё это будто в страшном сне вижу... Убивали, насиловали... Банды, орды... Орда на орду, толпа на толпу, человек на человека... Жили одним настоящим. Будущего-то нет!.. Р-раз-з! И всё – небытие... Находились, конечно, те, кто призывал к благоразумию, требовали оставаться людьми, если ничего иного противопоставить безумной природе времени не могли. Но их было мало, слишком мало. И их ненавидели... Как их ненавидели!.. Иных буквально разорвали на части живьём... Побеждал хаос и вседозволенность. Остальное, присущее людям и обречённое ими: история, этика, культура, нравы – отлетело подобно шелухе. Правил инстинкт...

Первый надолго умолк, погружённый в воспоминания. В комнате темнело. Муха билась о стекло небольшого окна, затянутого прозрачной плёнкой, как потом узнал Иван, обычным бычьим пузырьём.

– Пекта! – неожиданно нарушил молчание и тишину Первый.

– Кто?

– Пекта... Тогда появился Пекта. Великий Пекта! Новый пророк и Спаситель! Только в далёком прошлом, говорил он, и ему внимали, в очень далёком прошлом есть для нас условия, чтобы выжить. Надо отгородиться от будущего и создать оазис, закрытые века, стабильный, не подвластный течению времени. Создать во времени остров и жить на нём без боязни за себя и своих детей, детей своих детей... Создать цивилизацию – подобную той, настоящей, но так, чтобы они никогда не встретились и никоим образом не соприкасались, а существовали бы параллельно, но разнесённые во времени... Да-а... Великая Идея Великого Пекты... Его предложения не были пустыми словами. Ведь это он создал канал во времени. Через который, как он говорил, «мы впрыснем свой мир в тело того, который давно уже прошёл и забыт не только людьми, но и природой; который покоится в такой глубине времени, что и последствия нашего бытия рассосутся до новых времён, словно пепел и гул глубоководного вулкана, пока они дойдут до поверхности океанических вод...» Так говорил Пекта!..

Первый вновь помолчал, задумался. Иван не вмешивался в его монолог, ждал продолжения. Какие, оказывается, страсти могут разгуляться, когда человечество теряет перспективу выживания...

– Да, Великий Пекта... Те, кто ещё не обезумел до конца, поверили ему, как Богу. Его лаборатория, развёрнутая в заброшенной угольной шахте Йоркшира стала для них и храмом, и домом, и последним в том веке убежищем. Пекта звал за собой миллионы, а пришли тысячи, большей частью женщины и дети. Мужчины в спасение и Пекту верили мало. Они верили в свою силу...

Первый потёр щеку кончиками пальцев, будто что-то отдирая от неё.

– Так было везде? Во всём мире? – спросил Иван.

– Мне трудно сказать. Я был слишком мал, чтобы говорить сейчас о мире вообще. Но как будто кто-то куда-то уезжал.

– Из Англии?

– Англии?

– Ты же из Англии. Йоркшир в Англии. Такая страна...

Элам покачал головой.

– Не знаю... Наш исход в дикость миллионолетнего прошлого был ужасен. Толпы хлынули в канал времени. Пропускная способность его имела пределы, но каждому хотелось проскочить его быстрее, дабы обрести покой и избавиться от страха исчезновения. Кто-то погиб тут же, растоптанный и раздавленный, другие рассеялись в веках за Поясом, третьи вообще растерялись вдоль канала в неведомых веках и местах... Ужасно... В назначенном времени, то есть здесь, объявилась жалкая кучка испуганных людей. Среди

них был Пекта. Он таки создал Пояс Закрытых Веков, который спустя всего несколько поколений стал чаще называться Поясом Дурных Веков, а Великий Пекта – Убийцей Времени. Убивре... А из Англии мы или... Не знаю.

Первопредок поник головой, прошептал, словно для себя.

– Значит, мы из Англии...

– Вы говорите по-английски. Ваши потомки, правда, уже хуже, чем ты. Но кроме английского, здесь ходит ещё какой-то язык. Во всяком случае, дурмы говорили на нём.

– Может быть, – неопределённо отозвался Элам Первый. – Всё смешалось... Те, кто опоздал к Поясу, одичал, выродился или вошёл в первоначальное человеческое стадо... А мы опередили его, проскочили во времени назад, сколько было надо, и стали людьми Прибоя...

– Но почему вы не знаете истории своей страны, хотя бы?

– Тогда я был семилетним мальчиком. Что я могу тебе ещё сказать вразумительного? Одна надежда – Пояс не вечен... Во всяком случае, дурмы – потомки хурков, а хурки, якобы, живут сразу за Поясом к будущему.

– Ага, – отозвался Иван, что-то прояснялось. – Но как дурмы попали или попадают в доприбойное время? Может быть, есть какой-то канал из будущего в прошлое? Реликт того, который когда-то создал Пекта и по которому вы сюда пришли? Меня вот Хем протащил по туннелю Бригса-младшего.

– Ничего этого я не знаю. Да и никто, наверное, кроме

самого Пекты, не знает.

В темноте послышался взвизгивающий стук, блеснули искры. Первый кресал огонь. Иван чиркнул зажигалку, осветил ослепшее от яркого языка пламени лицо Первого.

– О-о! – его брови поднялись. – Не знаю, что у тебя в руках, но я помню свет на улицах ночами такой... такой... будто сияло солнце. Видно всё. Это называлось... это называлось электричеством... Так? Красивое слово. Думаю о нём, и у меня что-то просыпается здесь, – он указал на грудь в области сердца. – Тогда много было красивых слов...

Затешили сальную свечу, она закоптила, внешний круг сузился, вокруг повисли тени, какие бывают только в сельских домах при свече. Но стало уютнее. Можно было не видеть грубо отёсанных брёвен, из которых был сложен дом, затушевалося окно, затянутое пузырьём, растворилась в полумраке утлая обстановка комнаты.

Проговорили до утра.

Чего-либо нового о Поясе и его создателе, как им управляют и каким образом он устроен, Иван не узнал, зато был посвящён в историю рода Эламов, от Первого до Двадцать Третьего. Пока. Последний Элам ещё мал, но у него достаточно времени до Прибоя, чтобы обзавестись потомком. Некоторые семьи обрывают свою историю и останавливаются в развитии как раз из-за того, что кто-то из их последних потомков не успевает вырасти до детородного возраста. Сколько в своё время поволновались Эламы, пока дождались

детей от Четвёртого, а потом – от Семнадцатого. Ведь Прибой иногда может отбросить в такую пучину лет, что человек может состариться и умрёт, или, что вероятнее погибнет, прежде чем снова приблизится ко времени, когда сможет найти себе пару или вообще вернуться в семью. Так, наверное, исчезли Третий и Десятый Эламы. Не лучше, когда не имеющий ещё потомка, попадает в серию коротко временных отбросов от Пояса. Он всё время находится в состоянии недоросля. Да и частые удары о Пояс иногда приводят к смерти. Но Эламам пока что везло. Четвёртому однажды удалось прожить спокойно двадцать два года, а Семнадцатому – девятнадцать. И род Эламов не прервал своей истории. Немногие семьи могут похвастаться таким многолюдством...

Вопросы же Ивана о Подарках и их классификации на Первые, Предпоследние и Последние, об Анахоре, Напель и многие другие остались без ответа. Первый либо ничего о них не знал, либо преднамеренно умолчал.

Иван прожил у гостеприимных Эламов три дня. Отъедался, отсыпался, помогал по хозяйству. В основном, разминая плечи, колот дрова и складывал их под навес. На четвёртый день простился с Первопредком и его потомками и направился через поле ходьбы к Поясу Закрытых Веков.

Пояс Закрытых Веков

Поле ходьбы встретило Ивана новой своей интерпретацией.

Здесь, перед Поясом, оно имело значительно больше вариантов состояния. Сейчас его окружала полная тишина, так не похожая на ту, что сопровождала его всегда в предыдущих выходах на дорогу времени, и на ту, что таилась при выходе из глубокого прошлого после отката во времени. Создавалось впечатление: мир округи замер перед адским громом или прислушивался в ожидании необычной гармонии звуков.

Восковыми глыбами дыбились горы недоступности для ходьбы, отображая Пояс, созданный гением Пекты Великого.

После разговора с Эламом Первым Иван неожиданно для себя почему-то стал считать этого гения злобным человеком, в то время как сам Элам не выказал никаких отношений ни к создателю, ни к его творению.

Горы Пояса – это впереди, в будущем. А позади фиолетовым маревом притаилось прошлое. От него веяло холодом и необъяснимой тревогой. Где-то там, в глубоком прошлом, что-то было такое, мимо чего Иван так удачно прошёл, или проскользнул, или...

Он был уверен, что избежал чего-то ужасного, неведомого и омерзительного, поджидающего его там, и ему с ним ещё придётся, быть может, когда-нибудь встретиться. Сейчас же он чувствовал, как нечто всматривается плотоядно в его спи-

ну и готово схватить, скомкать, выпить его кровь...

И бьётся это нечто там в бессильной злобе, поджидая другого, более успешного случая.

Не-ет! Он становится мнительным. Ничего там такого не было и не должно быть. Если это было бы правдой, то он должен был это почувствовать там, а не здесь, находясь уже вне опасности...

Иван повёл плечами и постарался забыть неприятные минуты переживания безотчётного страха и неуверенности в себе.

До самого Пояса поле ходьбы просматривалось без глобальных закрытий (мелкие обычно возникали при непосредственном контакте с ними), только правее, там, где в горах намечался небольшой распадок, высились тонкие столбообразные выбросы. Их назначение для него, по-видимому, останется навсегда тайной. Впрочем, – подумал он мимоходом, – здешнее поле ходьбы может обладать другими свойствами, и эти столбы могут быть связаны с его выходами в реальный мир при встрече с Хемом.

Хем! – тут же вспомнил Иван. На нём рюкзак с оружием и едой, и с верёвкой, а она может понадобиться. Но как снять или заставить Хема сбросить его?

Поразмыслив, он двинулся к столбам-закрытиям.

Идти было легко, не надо думать о направлении, о временной яме прошлого, да и вообще, Иван чувствовал себя прекрасно и уверенно, с учётом, конечно, смутного осадка

от недавних мыслей о прошлом.

Вот так бы и шагать до самого дома. Что там Радич и его мышьяная возня, или всевозможные тарзи – мерзкие мифические обитатели поля ходьбы. К ним относят слеков, хищных птиц, оседлавших определённые промежутки времени в прошлом, или тупых нуллов, для которых дорога времени иногда становится полем сражения между собой... Все эти страсти-мордасти, упоминаемые ходоками – миф и мелочь, по сравнению с творением Пекты.

Всё слышанное прежде, и неурядицы у ходоков в том числе, теперь казались Ивану забавными, полусказочными и детскими страшилками, будто виденными во сне.

У столбов-закрытий – неровных, многократно изогнутых образований – его поджидал Хем с синей каплей, словно приклеенного к нему рюкзака. Предположение Ивана о мотивах появления закрытий было правильным. Здесь же стояла платформа с разломанной клеткой. Знакомая картина, и выглядела она так, как будто всё случилось только что.

Много лет не доходя до Хема, Иван остановился.

Хем передвигался туда-сюда на определённом расстоянии, как будто привязанный к линии движения. Наблюдение за ним показало нечто иное. И чуть позже Иван определил – это была не линия, а сильно вытянутый овал, пологие стороны которого попеременно касались то Пояса, то платформы, а крутые проходили далеко в стороне по полю ходьбы. Двигался, а точнее, летел Хем довольно медленно, как бы сно-

симый ленивым водоворотом. Но Иван помнил о мнимости его медлительности и насчёт того, что сможет легко убежать от него, надежд не питал и понимал крайнюю опасность не учитывать этого.

По всей видимости, Хем всё-таки подждал именно его. Поскольку только здесь имелась хоть какая-то возможность проникнуть в будущее, в Закрытые Века, через узкую щель, рассекающую стену Пояса. История появления этой расщелины Ивана не интересовала, но озадачивала – это точно. Нависшие скалы передовых отрогов Пояса в других иных местах казались неприступными, а здесь – на тебе, входи, если есть желание. Не ловушка ли? Но если делать такие трещины для поимки каждого, на кого нацеливается Хем, то надо либо обладать маниакальной последовательностью в исполнении задуманного, либо иметь такую же простую систему изменения Пояса. Ни того, ни другого Иван, взвесив всё «за» и «против», не предполагал. Иначе, горы недоступности должны были менять свой облик постоянно, но такого не наблюдалось.

Хем заканчивал уже второй виток в ожидании жертвы. Иван морально подготовился к броску по направлению к горам Пояса.

Однако вначале, маскируясь за ненадёжным узким щитом платформы – до неё пришлось, по сути, ползти – и, соизмеря полёт Хема, ходок сократил расстояние наполовину.

Всё время подмывало для прикрытия использовать стол-

бообразные закрытия, но для машины, как Хем, они могли просто не существовать, поскольку подобные закрытия на дороге времени относились только к определённом ходуку. В данном случае, к Ивану. Всё дело в человеческой психологии – есть столб, значит, за него можно спрятаться.

В конце концов, он благополучно поравнялся с платформой. Хем как раз подплывал к ней с противоположной стороны. Наступал решительный миг. Если Хем не заметит его и удалиться своей дорогой к дальней точке поворота, тогда появлялся почти стопроцентный шанс избежать захвата его супальцами. Если же заметит...

Хем его заметил. И, по всей видимости, уже давно.

В неизменном же его кружении таился расчёт хорошо запрограммированной машины или изошрённого ума какого-то существа, преуспевшего в выслеживании и в поимке жертвы. Что бы или кого бы ни представляло собой это паукообразное, но его новая траектория слегка откачнулся от намеченной линии движения. Новый путь его теперь должен был пройти как раз над Иваном.

Доли секунды решали участь ходока. Надо было за эти короткие мгновения что-то придумать и предпринять. Главное, удержать себя, не сорваться и не побежать, превратясь для Хема в зайца в чистом поле, где ни кустика, ни прямка, в которых можно было бы спрятаться и переждать охоту.

Наверное, Иван сам не понимал своих действий, поскольку поступить таким образом, а именно: вскочить на ноги –

весь на виду у Хема, – схватить обломок клетки – крестовину с несколькими ячейками – и швырнуть его навстречу противнику – совершенно не собирался. Но Хем (Машина, это обыкновенная машина! – возликовал Иван) сработал стандартно по программе: упал наземь, покрутился, сграбастал щупальцами палки и стремительно понёс их куда-то в прошлое.

Иван вооружился оставшимися обломками и с этой своеобразной вязанкой кинулся по направлению к расщелине.

Хем возник не далее как в трёх метрах чуть впереди и правее, когда до гор недоступности, вернее предгорий, оставалось ещё немалое расстояние. И тут же схватил палку, подброшенную ему Иваном. На считанные мгновения исчез, давая ходоку возможность ещё на десятка два шагов приблизиться к Поясу.

Так повторилось трижды

И каждый раз Иван со страхом ожидал у Хема какого-либо аналитического прояснения в его искусственных мозгах, после чего он не станет реагировать на отвлечённые предметы, а займётся им самим. Возможно, так оно и было, если такие приёмы продолжались бы ещё некоторое время, но Иван уже ступил на пригорок и смог прижаться спиной к отвесной стене. Всего в нескольких шагах от него находился вход в расщелину.

Прямо перед его лицом – рукой подать – висел Хем, но, похоже, атаковать жертву не собирался. Он лишь покачивал-

ся из стороны в сторону, будто преодолевая встречный поток воздуха.

Постояв и переведя дыхание, Иван вновь вспомнил слова посланца Напель, из которых следовало – Хем не пойдёт в его горы недоступности, означающие Пояс Закрытых Веков. По-видимому, Хему вход в Пояс по каким-то причинам был заказан.

Иван расслабился. Хем теперь не страшен. Пусть помячит себе, а я пойду своим путём. Хотя...

«Почему бы ни попробовать?» – пришла дерзкая мысль.

Палкой, оставшейся неиспользованной в его руке, он ткнул машину в точку, где можно было разглядеть какое-то углубление в теле. В нём просматривалась деталь, похожая на большую, плоскую консервную банку из-под шпротов. Из неё выходили суставчатые щупальца-ноги машины. Грубый тычок палкой не возымел никакого действия – Хема лишь слегка качнуло в прошлое. Он не дрогнул и тогда, когда Иван изловчился, поддел палкой лямку своего рюкзака, приподнял его и сдвинул себе в руки.

Обретение нужных ему вещей таким нехитрым способом вызвало у Ивана дикий хохот, унять который стоило большого труда. Скулы свело от напряжения. И уже проталкиваясь сквозь щель, он цыкал себе под нос, так как ощущал боль в лицевых мускулах.

Всё так удачно обошлось...

Встреча

Идти приходилось всё время в гору. Вскоре щель, узкая, как порез в громадном куске масла гигантским лезвием, постепенно обмелел и вывел Ивана на внутренний склон циклопического амфитеатра. Вокруг него громоздились высокие горы.

Открывшаяся взгляду котловина по стреле направления течения времени казалась сравнительно неширокой, ибо в стороны она простиралась, похоже, безмерно. Границы гор – справа и слева от Ивана – лишь где-то угадывались в неведомой дали. А впереди – громоздились пики. Они могли обозначать либо его, Ивана, личные времена недоступности, либо это была другая сторона Пояса Закрытых Веков.

Последнее предположение также означало для Ивана рубеж, через который просто так не пройти.

Но не вид гор сейчас занимал Толкачёва. Их наличие и конфигурацию он отметил, не более. Его занимала необычная картина, раскинувшаяся под ним.

Внизу, в самом центре котловины ядовито-зелёным нарывом пучилось какое-то сооружение. С того места, где находился ходок, можно было с некоторой долей фантазии различить многочисленные башни, лестницы, переходы, колонны, змеистые контуры стен, чего на самом деле не было. Сверху всё это походило на ровную площадку с концентрическими разводящими, удивительно напоминающее гладко срезан-

ный пень сказочно громадного дерева-великана. Жилистые и узловатые, перевитые между собой корни вцепились мёртвой хваткой в землю. В левой части громадного пня эти корни казались мощнее и создавали естественную (естественную ли?) аппарель, по ней проходила широкая ступенчатая дорога к... замку.

Замку?

«К замку», – сказал Иван сам себе.

Иного определения не нашлось, да он и не хотел его искать, потому что совсем недавно, не зная каким образом, предполагал увидеть нечто подобное. Возможно из тех соображений, что были навеяны книгами и фильмами. Ибо все те, кто что-то замышлял против других, кто возвышал себя над другими, кто выделял себя среди других, всегда старались отгородиться ото всех и строили, если, конечно, могли, замки, коттеджи, дома за высокими заборами. Они строили крепости, не доверяя другим, таким же, как и они. Однако строили так, чтобы крепость возвышалась над округой, обладала бы неприступностью, хотя бы с точки зрения её строителей, и внушала бы почтение или ужас перед её хозяевами.

Да и что мог ещё придумать Пекта, даже Великий и гений, замахнувшийся на самоё время и замкнувшийся во временно коконе, в созданном им Поясе? Тысячелетиями подобное строилось до него, так что зачем ему надо было придумать нечто новое? И что, вообще говоря, можно ещё изобрести? Ведь пещерные, подземные, высотные и сверхвысот-

ные, кубические и пирамидальные, готические, модернистские и прочие жилища-крепости уже были, были и были...

Итак, Иван в поле ходьбы увидел замок, построенный на гигантском пне фантастического дерева, спиленного неведомо кем и истраченного на неведомые нужды.

Мрачное, похожее на замысловатый лабиринт сооружение, тянулось вверх остроконечными башнями, шпили которых оканчивались массивными, во всяком случае, с первого взгляда на них, несоразмерно большими матово-оловянными шарами. Между ними просматривалась паутина серебристых связей.

Для потрясённого Ивана оно представляло собой из ряда вон явление, так как дело рук человеческих, замороженное в поле ходьбы, встретилось ему уже во второй раз. Первое – ворота и туннель – могли составлять единое с замком сооружение.

Вот почему Иван так жадно рассматривал строение.

В некоторых местах стены замка искрились новогодними блёстками, а нити между шарами порой окутывались неярким голубоватым светом – будто сполохи северного края. Во всём этом было нечто светлое, подобное объёмному рисунку в книжке про добрых волшебников и фей... Или неповторимый мир мультипликации вторгся на дорогу времени. Только в мультиках можно взвалить на тонкий шпиль такой шар и заставить вспышку растекаться бегущей волной по воздуху, как по воде. А вокруг первозданная, изломанная хаосом

природа...

Иван несколько раз прикрывал глаза, чтобы навсегда запомнить видение. Потом он спустился в долину и почти у подножия пня-холма, служившего пьедесталом замку, покинул поле ходьбы и вышел в реальный мир. Тут он едва не задохнулся от напоённого ароматом воздуха – вокруг цвели кусты, травы и цветы. Смутной тенью пронеслись пчёлы, пели птицы.

Идиллия рая.

Он стоял под сенью молодого каштана в двух метрах от охристо-жёлтой дорожки, широкой полосой перечеркнувшей пёстрое разноцветие большого ухоженного парка. Невдалеке в лучах полуденного солнца сверкали струи фонтана. Вода била из качающейся трубы, оттого своеобразная купа играющей воды приобретала причудливые очертания.

На фоне всего этого – нега и тишина...

Иван стоял, оглядывался и не решался выходить из-под защиты дерева. Что-то его удерживало и настораживало. Возможно, декоративность вычурного пейзажа, будто нашлёпка аппликации, или такая вот глухая тишина. Он не знал.

Выходя в реальный мир, он и не ожидал особого кипения жизни, но предполагал увидеть несколько не то, что видел сейчас – ухоженность ни для кого, красоты, которыми некому наслаждаться. Поэтому, глядя по сторонам, Иван не торопился сделать первые шаги. Да и куда их направить?

Он ждал и дождался.

Из-за чаши фонтана появилась фигура человека, одетого в чёрное. Он торопливо шёл по дорожке, подметая длинным одеянием золотистый песок, прямо к Ивану. Лицо его закрывала накидка. Толкачёв поморщился: страсть к капюшонам, накидкам, свободным одеждам его всегда раздражала. А здесь, похоже, многие любят щеголять именно в таких одеяниях. Ну, как можно в такую жару надеть чёрное?

Человек остановился на краю дорожки, его и Ивана разделяла полоска травы. Под откинутой нетерпеливой рукой накидкой скрывалось неповторимо очаровательное лицо Напель.

– Ты? – удивился Толкачёв, готовый уже вновь стать на дорогу времени или отразить нападение, если бы вдруг от подошедшего к нему чем-то грозило. – Но как ты узнала? Что я именно сегодня... Сейчас и именно здесь?

Её точёное лицо ничего не выражало, оставаясь прекрасной маской. Напель не ответила на его вопросы, а как бы мимоходом, едва приоткрыв губы, приказала:

– Иди за мной!

И пошла дальше по дорожке, не оглядываясь, полностью уверенная, что он подчинится ей беспрекословно.

У Ивана одновременно появился зуд на языке и в ногах. Хотелось что-либо высказать нелестное вдогонку Напель. Язвительное или назидательное. А что? Могла бы улыбнуться, да и поздороваться – у вежливых людей всегда так дела-

ется. Или у них тут вежливость не моде? А ноги уже несли его за ней, он старался ускорить шаг, чтобы не отстать от её быстрой походки. При этом полностью понимал некоторую побудительную причину со стороны – это Напель каким-то способом заставила его подчиниться своему требованию без реплик и раздумий.

Но, вообще-то, она старалась зря, он бы и так последовал за нею, даже не позови она его.

«Может быть, она не полностью ещё доверяет мне, поскольку решила воздействовать на меня таким образом? – раздумывал он, пытаясь вызвать в себе к ней какую-нибудь негативную реакцию, злость хотя бы. – А-а... Будет с неё, – простил он ей всё. – Но как она всё-таки узнала место и время моего появления здесь, в Поясе?»

Почему она так его встретила – полдела, но её осведомлённость – вот в чём следовало разобраться, и чем быстрее, тем лучше. Нет гарантии, что он всё ещё не остаётся Последним Подарком, и его просто выманили таким оригинальным манёвром, чтобы обеспечить привлекательность затеянной кем-то игры с ним. Вполне возможно. И он, страдая, изворачиваясь и надеясь, тем самым подыгрывает, потешая неведомых зрителей. Сейчас они, где-то затаясь и рукоплескал его находчивости, или, напротив, покорности, с равнодушием к судьбе лицедея в его лице, жаждут продолжений...

Или...

Вдруг он для них в поле ходьбы так же виден, как и в ре-

альном мире? Тогда его неуязвимости, связанной с возможностью переключения из одного состояния в другое, будет нанесён тяжёлый удар. Он уже давно проникся непреложностью такого своего положения и привык избегать многих неприятностей уходом на дорогу времени, где его абсолютно, он был в этом уверен до сего мгновения, никто не мог обнаружить. И если теперь...

Размышления его продолжались недолго. Напель обернулась, глаза её сияли и смеялись.

– Здравствуй, Ваня! – сказала она радостно, но приложила к губам палец. – Пойдёшь дальше один. За тем поворотом тебя ждут... Мы ещё встретимся. И скоро.

Ах, как она посмотрела на него! Как произнесла его имя: Ва-аня! Мягко, певуче, ласково...

Она резко свернула в сторону, и ему показалось – поплыла над верхушками трав, исчезла чёрной чертой в зелени шпалер из деревьев и голенастых кустарников, стеной опоясавших лужайку, где они расстались.

Такая девушка!

Он даже покачал головой, отмахиваясь от очарования недавнего видения, дабы стряхнуть его и идти дальше.

За поворотом его, и вправду, поджидали. Трое...

Ах, Напель!

Коварство её безгранично!

Она всё точно рассчитала, правильно. Она знала: после встречи с ней он наверняка расслабится, потеряет осторож-

ность, – и преуспела в своём предположении полностью. И эти трое, похожие на одно лицо, жилистые, с мёртвой хваткой в руках, бросились на него, лишь только он, ещё не согнав улыбку радостно-блаженного предчувствия от встречи с Напель, свернул на дорожку за купу цветущей сирени.

Первый удар сбоку под рёбра он пропустил и, наверное, будь нападающие в меньшей степени уверены в себе и, не отнеслись бы так пренебрежительно к противнику, ему досталось бы и во второй, и в третий раз. Так что это внезапное столкновение закончилось бы для Ивана совсем плохо.

Но они слишком быстро посчитали, что доверенное им дело сделано. По их мысли, для него было достаточно и одного, первого неожиданного удара, чтобы вывести из строя и лишит способности не только сопротивляться, но и сообщать. Свою версию, свысока поглядывая на полусогнутого от боли Ивана, они подтвердили репликами.

– Ему одного моего встречного хватило, – почти миролюбиво сказал ударивший ходока, и хохотнул, довольный собой.

– И то, – скучно проговорил другой. – Могли бы двоих послать... Наговорили о нём столько, что думали – бог, а он... мешок с дерьмом.

Высказаться третьему Иван не дал.

Его внезапные молниеносные выпады руками и ногами, слаженные и целенаправленные, после которых все трое оказались парализованными и в нелепых позах скорчились на

траве, вызвали у напавших не столько болевое, сколько восторженное удивление.

Иван потер ладонь о ладонь, ткнул одного в бок кончиком сапога.

– Вы кто?

– Господин! – вместо ответа услышал он вкрадчивое обращение, сказанное прямо ему в ухо.

Ходок отпрянул в сторону. Перед ним стоял худенький до тщедушности человек неопределённого возраста. Узкая полоска белых зубов, будто приклеенных к губам, растянутых в сомнамбулической улыбке, выделялась на коричневом от природы или загара лице.

– А ты кто? – Иван лихорадочно оглядывался.

Как он не заметил этого типа и подпустил его вплотную к себе? Опять бы получил удар и даже не знал бы, от кого.

– Они опередили меня, господин, – быстро произнёс человек, быть может, тот, что приходил к нему от Напель, когда он сидел ещё в клетке. – Это собаки Маклака. Они охотятся за тобой. Но они... Нам надо идти, господин! Сейчас сюда прибегут другие псы.

Он кинул взгляд на поверженных Иваном и сверкнул маслянистыми глазами то ли снисходительно, то ли мстительно.

– Я провожу тебя, господин! – сказал он и мелкими шажками заторопился прочь от места стычки.

Ивану хотелось в назидание кое-что сказать этим, по словам человечка, собакам Маклака, но ему ничего не остава-

лось, как пойти за посланцем, хотя сделал он первые шаги с настороженностью. Если Напель не виновата в инциденте, то, кроме неё, кто-то другой, тот же пресловутый Маклак и его подручные, смогли также с высокой точностью определить место и время его проявления в Поясе Закрытых Веков. Не похож ли он сейчас и в правду на муху, беззаботно ползающую по стеклу, когда не один десяток глаз наблюдает за его передвижением, и не меньшее количество рук имеют возможность и, главное, намерение прихлопнуть его в подходящий для них момент?

– Здесь, – уже шагов через тридцать (Ивановых) сказал посланник Напель и ткнул длинным тонким пальцем в ажурное строение.

– Здесь?

Иван с сомнением оценил предоставляемое убежище или укрытие. Оно больше походило на беседку, устроенную для отдыха в знойные часы в укромном уголке сада, – навес на четырёх опорах, невысокая решётчатая загородка, вот и всё.

– Внешний вид, – поспешил развеять его недоумение человек.

Они вошли в открытый проём без дверей и очутились в большой комнате явно жилого назначения: кровать, диван, на стене картины в фиолетовых тонах – пейзажи.

– Здесь, – провожатый явно любил это слово и произносил его с удовольствием, – господину следует ждать. Здесь его никто не потревожит. Здесь... отхожее место. Здесь...

можно обмыть лицо и тело. Еда в холодильнике. Всё!

Он церемониально поклонился, показав загорелую проплешину на голове, и вышел под солнце.

Иван поскрёб свой затылок и неторопливо огляделся. Потом потрогал вещи, убедился в их реальности – всё добротное, уютное. Какие-то книжки на полочке над холодильником, в углу разборные гантели, а над ними, в рост Ивана, миниатюрная ниша с портретом мужчины лет сорока с длинным породистым лицом и тяжёлым подбородком. Нос прямой, глаза как у святых на иконах обращены к небу. Нельзя было определить – фото это или рисунок.

«Может быть, и правда икона?» – пожал плечами Иван и направился к проёму, приведшему его сюда, чтобы выглянуть наружу и посмотреть, не продолжают ли охоту за ним люди Маклака.

Однако на полушаге от предполагаемого выхода он наткнулся на невидимую стену.

– Фу ты, чёрт! – засмеялся он и приложил ладонь к ушибленному месту на лбу. – Мог бы догадаться.

Он тщательно ощупал преграду и нашёл её пластичной, но непреодолимой.

Выбор

Изоляция от внешнего мира не испугала, а успокоила его. Так и надо – отсидеться, чтобы в Поясе утихомирились в его

видимом отсутствии. Это если он теперь, конечно, находится в надёжном укрытии. К примеру, пусть о нём позабудут те же самые охотники Маклака. Кстати, почему они за ним охотятся? Вообще, непонятно. Если только как за неудавшимся Подарком? Тогда, кто такой Маклак? И его самонадеянные подручные? Посланец от Напель назвал их собаками Маклака. Значит, знает, кто они такие и кто их хозяин. Знает о них и Напель... Надо поспрашивать.

Другая причина, для чего ему было необходимо вот так на некоторое время отключиться ото всего, состояла в другом: следовало, наконец, остановиться и подумать о себе, выработать линию поведения и план на будущее. Или, если не план, то какое-то разумное представление о своих дальнейших действиях: сколько тут отсиживаться, о чём говорить с Напель, как прорваться через Пояс домой?

Но все планы и предположения решил пока что оставить на потом. А сейчас... Он устало провёл ладонями по глазам. Пошёл и умылся. В холодильнике нашлись еда и питьё по вкусу. Иван плотно и со вкусом поел, затем, кривясь в ухмылке, – будто в кинобоевике участвует – достал бластер, сунул его под подушку и лёг, не раздеваясь, на многоцветное покрывало кровати.

Уснул мгновенно.

Проснулся от ощущения – рядом кто-то есть, но без чувства опасности. Потому, прежде чем открыть глаза, сладко и с удовольствием потянулся. Мышцы отдохнули и отзыва-

лись приятной ломотой и готовностью выполнить любое его желание.

Рядом с кроватью, близко наклоняясь к его лицу, сидела Напель. Её огромные глаза излучали тепло и нежность. Так ему показалось. Повинуясь внезапно возникшему чувству, он обхватил девушку сильными руками и привлёк к себе. Вдохнул волнующий запах тонких духов. Мысли и действительность в голове его затуманились.

Напель не сопротивлялась. Вялое её тело под тонким полупрозрачным одеянием не обещало ничего. Он словно держал в руках большую тряпичную куклу. А холодные губы остались неразомкнутыми в ответном поцелуе. У него пропало всякое желание довести до конца задуманное. Он отстранил её от себя, всмотрелся в неподвижные черты лица: они были неживыми, будто фарфоровыми.

И глубина широко раскрытых глаз...

– Не здесь и не сейчас, – чётко произнесла она, почти не разжимая губ.

И лишь после этих слов будто бы очнулась, оживилась. Взгляд потеплел, и кроме тепла, принёс обещание. Иван прерывисто передохнул.

– Наверное, ты права. Не место и не время.

Он встал с постели и направился умываться, ощущая в себе переполнявшие его неистраченные силы. Вода освежила, пригасила чувства, но и придала бодрости.

Напель продолжала сидеть у кровати. Высокая причёс-

ка, сбитая Иваном, осталась не поправленной, матовая кожа шеи и щеки, повёрнутой к нему, рделись либо от его рук, либо от смущения.

«Если на земле когда-то были богини, то Напель – одна из них», – глядя на неё, сказал он себе.

Но было в ней что-то неудобное для взгляда в полное лицо. И сейчас, не таясь, рассматривая его, Иван понял что именно. Чуть выше бровей, там, где у иных обозначается лобовая впадина, у Напель затаилась ниточка морщины, слегка прогнутой к переносице. Она не безобразила лик девушки, а делала его не только прекрасным, но и мудрым. Слишком мудрым. А это так не вязалось со свежестью и юностью остальных её черт.

Иван подумал о макияже и способностях женщин устранивать и более серьёзные и значительные переоплощения, чем такой пустячок, как эта морщинка. Они знают, где нужно подкрасить, куда наложить тени, что лишнее замазать, как подчеркнуть лучшее и замаскировать дефектное... А Напель явно пользовалась косметикой. Значит, эту трещинку на лбу она создавала специально, или имела её от рождения, однако при макияже обходила её стороной. Но почему?

– Хватит на меня так смотреть! – строго, но с женским лукавством оборвала она его раздумья и наблюдения. – Подсаживайся ко мне поближе. Нам, наконец, надо... – она запнулась, подбирая слово, – надо обстоятельно поговорить.

– Поговорим, – он подчинился взмаху её руки, и сел в уз-

кое, с высокой неудобной спинкой кресло напротив неё.

Легкомысленно-игривое настроение у него не проходило – вызграло ретивое. Слишком давно рядом с ним с глазу на глаз не находилась такая привлекательная женщина. Вообще, женщина...

Он понимал, что в глазах Напель выглядит, наверное, не только смешным, но и несерьёзным, так как уже видел в них осторожное недоумение. Тем не менее, ему понадобилось время, чтобы привести себя в должное состояние, то есть по-настоящему успокоиться и принять деловой вид.

– Извини меня. Развеселился я что-то не в меру и не по делу, – сказал он в оправдание. – Просто стих нашёл на меня какой-то. Поел, нормально выпался... А тут ты, как продолжение хорошего сна.

Он и вправду видел её во сне.

Она кивнула, будто так оно и должно было быть, но развивать тему не посчитала нужным. Начала разговор о совершенно другом.

– Люди Маклака сбились с ног, разыскивая тебя. Ты их, пожалуй, удивил. Вот они и стараются.

– Чем же я мог их удивить?

– Умением. Ушёл от них невредимым. Так что они тебя жаждут поймать, но ищут с опаской.

– Мне тоже надо поостеречься?

– Надо.

– Они ищут и не находят. В чём секрет?

Напель провела пальцами в уголках губ. Отвела взгляд от внимательного лица Ивана, почему-то вздохнула – не то от недавнего отказа ему в ласке, не то от скуки.

– Мне не хотелось бы сразу... Долго объяснять. Впрочем, мы здесь находимся не в том времени, где тебя разыскивают и хотят поймать.

– Понятно. Хотя, конечно, отчасти. Сам факт, не более того. Да, вот ещё я хочу спросить. В поле ходьбы я видел дворец или замок, но в реальном мире я его потерял из вида. Что это за строение? Здесь, или там, во времени?

– Да, оно существует. Дворец, если можно так сказать, Великого Пекты. Но тоже в другом времени.

Иван досадливо pokrutil головой.

– Но я-то его видел. В своём поле ходьбы... Ладно. Меня больше занимает иное. Как ты и люди Маклака определили время и место моего появления в Поясе? Или время для вас прозрачно? – Напель сразу не ответила, и Иван с нажимом добавил: – Если это не секрет.

– Не секрет, – Напель помолчала, черты лица её упростились. – Если ты думаешь, что мы видим сквозь время, то это не так. Всё значительно проще. А может быть, и наоборот – сложнее. Не знаю. Тем более, тебе не так легко всё объяснить. Не в обиду для тебя, Ваня.

Подтверждая свои последние слова, она коснулась его руки своей рукой и долго не отнимала её.

– Я не обидчивый, – заверил её Иван и прикрыл ладонью

другой руки её пальцы.

– Мы, то есть я и, конечно, Маклак, тебя ждали. Хотя есть, правда, кое-какие способы точного определения... Но тебя ждали. Именно тебя. – Она потянула свою руку к себе, и Иван с неохотой отпустил её. – Да будет тебе известно, что в замкнутом пространстве витка времени Пояса Закрытых Веков нет строгой герметичности, если можно так выразиться, Всегда найдутся не одни, так другие лазейки. Некоторые рукава витка, или ларипсы, как их ещё называют, находят пути для естественного течения времени. Благодаря таким возможностям и техническим приспособлениям, открываются временные каналы за пределы Пояса...

– Дурмы и... как их, хурки?

Напель обозначила улыбку – между презрением и отрицанием, но на вопрос Ивана не ответила.

– С твоим появлением возникла ещё одна возможность, нам до того неизвестная. Кстати, там, в поствременном промежутке за Поясом, как нам удалось выяснить, знают о тебе. И знают как, когда и где ты объявишься. Маклак тоже знает. Тех троих, которые опередили Веля, посланного мною, он инструктировал лично. Он их предупреждал, что шутки с тобой плохи. Но они не вняли его советам. Привыкли к лёгким победам. Поэтому, даже подкараулив тебя, они пренебрегли наставлением Маклака и, главное, твоим умением. – Напель вскинула глаза и вдруг, нарушая размеренность своей речи, мстительно бросила: – Так им и надо!

– Что же получается? Я, как у нас говорят, всегда под колпаком? Всегда на виду?

– Нет, не всегда. О тебе известны ещё три-четыре параметра. – (Иван даже поёжился от такого технического определения, как «параметры», найденные Напель, для описания его сущности). – С их помощью, продолжала она, – можно идентифицировать тебя во времени до минут, а пространственные рамки укладываются в считанные метры. И всё-таки, Ваня, это не означает, что тебя можно просто так схватить, поставив, например клетку, подобную тем, где мы с тобой недавно побывали. Понимаешь ли, хотя все эти параметры и известны, но их не хватает, чтобы наверняка знать предысторию твоего поведения, твоей личной воли. Ты появляешься чуть раньше или позже, метрами дальше или ближе. Как тебя схватить? Пока у ловцов придёт понимание акта твоего появления, пройдут мгновения, достаточные для того, чтобы проскочить мимо них с наименьшими потерями для тебя. Так и получилось, когда ты здесь проявился. Мы готовились к метрам, а ты оказался значительно дальше предполагаемого места. И, кроме того... Известно, что ты благополучно будто бы уйдёшь в будущее, то есть к себе домой, а потом якобы вернёшься сюда обратно или... Лучше не буду говорить о предположениях.

– Зачем я буду сюда возвращаться? И так сыт по горло Прибоем.

– Вот этого я не знаю. Может быть, это удвоение или утро-

ение одного и того же события. Такое бывает. С моим именем тоже связаны какие-то будто бы реальные случаи, которые могут быть, если не сейчас, так в будущем. Или гуляет одно и то же известие в разных вариантах. К тому же то, которое уже произошло когда-то...

Иван перевёл дыхание. Всё это было, конечно, интересным, но не убедительным. Во всяком случае, таковыми ему показались последние слова Напель, подозрительно похожие на те, которыми изобилует и фольклор ходоков. Но, как он уже успел удостовериться, в рассказах ходоков мало было истинной правды. Они могут поведать тебе невесть что, но проверить это, при всей своей возможности, не торопятся, поскольку чаще всего воспринимают это лишь как некий корпоративный флёр, возникающий в их среде, который не стоит ни проверять, ни опровергать.

Так и гуляют многие легенды и существуют представления, не имеющие под собой никакой реальной почвы.

Оттого, слушая Напель, он стал уставать от идущего обиняком разговора, ибо был уверен: Напель пришла к нему не ради мистических рассказов. Всё это пока что присказка, полезная, быть может, для него и, пожалуй, нужная для ориентирования в Поясе Закрытых Веков. Однако Напель до сих пор не сказала ничего существенного. А ведь у неё есть какой-то свой интерес, и ему отведена в том какая-то роль. И как знать, возможно, что только по исполнению оной он сможет покинуть Пояс, не без помощи, конечно, Напель.

А ещё лучше, затаилось в глубине помыслов Ивана, с ней вместе.

Пока же шла игра в кошки-мышки. И он, вернее всего, — мышка.

Тем не менее, он её не торопил. Что ей от него нужно, она, был уверен, в конце концов, скажет сама, а что надо ему, он знает сам. В данный момент у него было одно желание — побыть с ней вместе как можно дольше. Она так хорошо смотрела на него. Иногда тупила взгляд, потом опять взмахивала ресницами и поводила с поволокой глаза.

Играла...

Наконец, он не выдержал и спросил:

– Зачем я тебе нужен?

Она нахмурилась. Медленно провела пальцами по своей щеке. В упор посмотрела на Ивана.

– Но это нужно и тебе.

– Что ж... – Иван не стал отнекиваться. – Я согласен, что без твоего содействия мне, по всему, не так просто будет уйти в своё время. Но... Мне всё-таки кажется... Я даже уверен! Ведь в принципе, я это смогу сделать и самостоятельно. Это так?

– Так, Ваня. Я лишь могу способствовать тебе, не более. Однако дело не в этом. Допустим, ты пройдёшь. И вернёшься назад... нет, вперёд по времени. И что? Прощай Пояс?

– Ну а...

– Пояс так и останется.

– Наверное, – Иван повёл плечами, показывая своё непонимание, так как до сих пор не видел у Напель её собственного интереса. Хотя бы к нему самому.

– Не, наверное, Ваня, а наверняка останется. И останутся тысячи людей Прибоя! И страдающие от собак Маклака! И они останутся?.. А сам этот, противоестественный Пояс Закрытых Веков?.. – Глаза Напель засверкали ненавистью. – Ты думаешь уйти ото всего этого?.. Ты уйдёшь, но запомни! Как во всём в этом мире, количество переходит в качество. Сейчас среди людей Прибоя проживают от пятнадцати до двадцати пяти поколений сразу. А когда их будет сто! Тысяча! Понимаешь, тысяча поколений!.. Да они взорвут само время, и человеческая цивилизация уже никогда не состоится на Земле. Да и будет ли цела сама эта планета!?

– Ты... преувеличиваешь, – поражённый её высказыванием, прошептал Иван.

Горячность Напель и истерические нотки в её голосе как-то не вязались с её обликом. Оживлённость лица, жестикуляция руками... Но перспектива возможного развития событий, тем не менее, задела его за живое. Ему подобные вещи не приходили в голову. Действительно, что будет, когда одних Эламов, живущих одновременно, насчитается тысяча?

– Я не преувеличиваю, – резко сказала Напель. – Так оно и произойдёт, если только...

– Но... Но зачем тогда надо было создавать Пояс, перекрывать время? Цель-то была, мне говорили, великая. Уйти

в прошлое, чтобы выжить. И потом... Ведь в таком случае и его создатели пострадают тоже. Это так?

– Не так, Ваня. Они не пострадают. Они всё хорошо рассчитали и готовятся сделать ещё один скачок в прошлое.

– Ну и пусть себе.

– Как ты не понимаешь? Исчезнет здесь этот проклятый Пояс, и у времени появится свободное естественное течение, но только без людей Прибоя. Они просто-напросто исчезнут, поглощённые движением Пояса в прошлое!

Казалось, Напель вот-вот зарыдает.

Иван смотрел на неё, слушал её, но совершенно не воспринимал приводимых ею доводов. Да их и не было, а лишь какие-то утверждения об апокалипсисе, который вот-вот разразится. Из-за несвязности объяснений Напель ему и понимать всё это расхотелось. Если сейчас Эламам мешает Пояс, то после его уничтожения или перемещения... что будет? Логично, что все они заживут своими обычными жизнями и, когда придёт их срок, умрут, а потомки их будут жить дальше. Логично? Вполне. Но Напель пытается ему навязать нечто иное.

– Вот что, – сказал он так, словно решил с ней помириться после ссоры, которой не было, да и не могло между ними произойти. – Ты лучше скажи, что я должен буду сделать? И, пожалуйста... Не надо меня обвинять в том, чего я ещё не совершил.

– Я и не...

У Напель широко распахнулись глаза. Она тоже не понимала его упрёков. А он продолжал:

– Да, да! Ты почему-то решила, что я такой и сякой и на меня надо давить какими-то непонятными... да, непонятными для меня страстями. Но, – он неожиданно для себя улыбнулся, потому что его позабавила двусмысленность того, что он хотел сказать после слова «страстями», и также неожиданно добавил: – Я согласен!

Она с какой-то детской беспомощностью посмотрела на него. Морщинка над бровями дрогнула и слегка расширилась, обнажая заметную складку кожи.

– Ты, Ваня... смешной, – сказала она серьёзно и чуть склонила голову к плечу. – И это мне нравится. Решительность твоя тоже. Но скажи мне, Ваня... Ты когда-нибудь убивал человека?

Вопрос Напель застал Ивана врасплох, обескуражил. Он уже считал, что никто и никогда теперь, когда он стал ходяком во времени, не спросит его о таком. Напель напомнила. Убивал ли он?... Убивал ли, глотая пыль дорог или продираясь сквозь каменные завалы безымянных ущелий Афганистана?

Убивал ли он?..

В памяти, а затем перед взором, подобно вспышке, всплыла и развернулась картина первого в его жизни настоящего, а не учебного боя. Они, молодые и гордые сознанием выполняемого ими интернационального долга, пересекли границу.

Но не проехали и ста километров вглубь чужой страны, как гулкой взрыв мины вздыбил и опрокинул их бронетранспортер. Он, оглушённый и залитый кровью своих друзей, только что живых, здоровых и смеющихся после очередной острой реплики, срезал очередь из автомата группу каких-то людей, тоже стреляющих в него и в тех, кто уже не мог им ответить.

Он плохо помнил детали того боя, а сейчас вдруг увидел и услышал как наяву: надрывные крики, стоны, посвист пуль, косой горизонт и падающие фигурки от его очередей...

За тот бой он получил свою первую награду – первую Красную Звезду... Были и потом бои и ордена.

Но первый бой – убийством тогда это было или защитой?

До недавнего времени он считал – защитой. Но потом совсем по иному стал смотреть на себя и свои боевые заслуги. Наверное, всё-таки убивал... Но и защищал ведь! Себя и товарищей, что бы там сейчас об этом не говорили, особенно те, кто там не бывал, но имеет доступ к газете или телевидению, дабы крикнуть, плюнуть в лицо тем, кто там был, видел, воевал.

Да, он защищал беззащитных людей от безжалостных убийц. Защищал, но и... убивал...

– Убивал, – сказал он глухо. – Но не хочу об этом вспоминать. И... зачем тебе это знать? Зачем спрашиваешь? Разве я подавал повод к таким вопросам?

Напель прищурила глаза и не отозвалась на его вопросы,

а задала свой:

– А если захотят убить тебя? Постой!.. Я, может быть, не так выразилась, – она быстро провела кончиком языка по пунцовым губам. – Пояс, Ваня, будут защищать. И таких защитников много.

– Та-ак, значит, – протянул Иван, суровея лицом. – Они меня, я их... Хорошенькая перспектива.

– Знаешь, Ваня, – печально произнесла Напель, словно пожалела его, – мне от тебя скрывать нечего. Я хочу, чтобы ты знал всю правду о них. Они вооружены. Конечно, их вооружение подстать средневековую, так диктует Пояс и режим поведения в нём, но... тебя здесь уже держат на примете, и никто не даст тебе просто так уйти через Закрытые Векa вперёд, в будущее!

Он пристально посмотрел ей в лицо. Чистое и угрожающе-красивое.

– И ты?

– И я, Ваня!

– Что ж... – слегка дрогнувшим голосом сказал Иван, помедлил и добавил: – Спасибо за откровенность.

Они замолчали, каждый занятый своими мыслями.

Ивану стало тошно думать обо всём услышанном. Он поверил, он *знал* наверняка – именно так и будет, как говорить Напель. Его недавние надежды бесплотной тенью проскочить сквозь Пояс не имели под собой ничего, кроме легкомысленно-наивной уверенности в своих способностях хо-

дить во времени.

Оказалось всё значительно сложнее и серьёзнее. Другие, более значимые и изощрённые силы, чем даже само время, ставшие здесь в неестественной, самой природе противной, застывшей полосе или тонкой мембране между прошлым и будущим, замаячили перед ним грозным препятствием. И знал он не только со слов Напель, а сам, как теперь ему казалось, изначально, сразу же после попадания в Пояс. Они не дадут ему просто так просочиться сквозь него и вернуться в родные времена. И в числе этих сил – Напель. Она вот даже не скрывает своей причастности к ним, хотя и представляет собой особую их часть, более приемлемую для него, что ли.

Но её циничная откровенность обезоруживала Ивана.

На него наваливалась безмерная усталость от её признания и невозможности противостоять ему.

Толкачёв откинулся на высокую, выше головы, спинку узкого кресла, прикрыл глаза.

– Но почему ты? – всё ещё ожидая чуда, спросил он её. – Ведь ты не защищаешь Пояс.

Она улыбнулась, но в глазах её читалась безмерная печаль, и Иван пожалел её, отчего заданный вопрос показался ему неуместным или, по крайней мере, лишним.

– Я, Ваня, тоже человек Прибоя, – произнесла она голосом, как будто больного, и потупила взгляд.

Ивана захлестнула волна нежности.

– Милая... Бедная...

– Не надо, – одними губами произнесла она. – Не надо так, Ваня. – И выпрямилась, подала вперёд восхитительную грудь – упругие полусферы захватывающей величины под полупрозрачной кисеёй платья, – и тут же твёрдо и строго, словно отгораживаясь от него и его ищущего взгляда, проговорила с какой-то непонятной неприязнью: – Не надо меня жалеть! И не такая уж я беззащитная и бедная, как ты тут только что возомнил обо мне.

Глаза её вспыхнули. Иван инстинктивно напрягся, ожидая неприятного эффекта первой встречи. Однако его не последовало. Складка на лбу Напель дрогнула, набухла и где-то в её глубине сверкнула зеркальная точка. И сразу же потухла.

«Сейчас она опять... заведётся и... мало ли что можно от неё ожидать», – подумал Иван и решил направить разговор в другое русло.

– Скажи, Напель. Закрытые Века, сколько их?

– Ч-чего? – посмотрела она на него с недоумением.

– Веков.

Она пожала плечами, всё ещё не уверенная, что правильно поняла ходока.

– Ни одного.

– Но название...

– А-а, – губы её сложились в презрительной полу усмешке. – Поясом Закрытых или Дурных Веков его называют те, кто ничего не знает о Поясе. В основе своей... это, конечно, Пояс. Может быть... На самом деле – это миг, тончайшая во

временной протяжённости перегородка, разделившая естественный ток времени.

– Мне показалось иное.

– Вот именно, показалось!

– Нет-нет. Понимаешь ли, Напель, дорога времени, по которой я хожу, жёстко связана с длительностью времени и расстоянием, которое я преодолеваю в поле ходьбы. Став на неё и двигаясь по ней, я достаточно точно могу оценить, на сколько лет углубился в прошлое или вернулся в будущее. На этом правиле, а, по большому счёту, законе, строится вся система ориентации ходоков в поле времени. Впрочем... Я...

Он примолк, вспомнив, как ошибался в оценках, находясь во времени Прибоя.

– Говори, Ваня.

Она слушала его внимательно, чуть подав себя вперёд.

– Там, в Прибое, тоже есть подобная зависимость, но отличная от нормального течения времени. – И добавил, поясняя: – В тех временах, где я ходил до сих пор.

– Тут ты, наверное, прав, Ваня, хотя эффект пассивного движения во времени мне трудно понять. И всё-таки мне кажется, что у самого Пояса время для тебя ещё больше искажено. И чем ближе ты к нему подойдёшь, тем больше будешь ощущать нелинейность времени. На сколько лет ты оценил временной интервал Пояса?

– По предыдущему опыту, лет на шестьсот, а для Прибоя... тридцать-сорок... Но тогда, – сделал он неожиданное

для себя открытие, – в Поясе вообще нет времени!? Хм... Как же тогда последовательность событий в моей жизни? Или твоей?

– Я тоже хотела бы знать. Но о таких вещах знают только создатели Пояса.

– Пекта?.. Вот у кого надо было бы спросить, а?

– Д-да... – уклончиво, словно через силу, выдавила Напель из себя и отвернулась.

Ей явно не хотелось продолжать разговор. Иван не настаивал. Её жизнь – её тайна. Так и должно быть. У каждого человека что-то своё. Точно так же как и у него самого. А появится у неё желание рассказать, то расскажет. Не будет – её дело. Но, вообще-то, интересно было бы её послушать.

Она как будто разгадала его желание.

– Я, Напель, – сказала она после затянувшейся паузы, – родилась ещё до Пояса, но уже после исхода в прошлое... – Иван приготовился внимать повествованию Напель о своей жизни, но она неожиданно выкрикнула: – И я, как и все здесь, – человек Прибоя! Я!.. Я ненавижу Пекту Великого! Я ненавижу его проклятый Пояс! Не-на-ви-жу-у!..

Из глаз её покатались крупные слёзы, но плечи оставались прямыми и голова приподнятой. Она рыдала и в то же самое время готова была посмотреть вокруг себя свысока и презрительно, или броситься в драку...

– Напель, – сказал Иван твёрдо. – Я с тобой.

Напель

– Не так всё просто, Ваня. Не так просто.

– Я предполагаю, трудности будут. Но, как говорят, глаза боятся, а руки делают. Начнём, а там видно будет, насколько всё это просто или не очень.

Напель отмахнулась от его реплики.

– Нет, Ваня. Возможно, я как-то не так сказала и в тот раз и сейчас, и ты понял меня несколько превратно. А дело в том...

Они сидели вдвоём. Одни. Со времени решительного согласия Ивана помогать Напель прошло, по его мнению, суток двое. Здесь, в закрытом пространстве и из-за вынужденного безделья время тянулось вяло, течение его было подобно движению вязкой клейкой массе, уныло подающейся в переполненный сосуд, из которого черпают по капле, чтобы уступить место вновь прибывающему потоку.

Иван особенно тяжело пережил эти сутки – Напель не приходила, словно канула куда-то. Вообще никто не приходил. Надоело смотреть на стены, лежать и сидеть. Его мучили сомнения. Он дал согласие помочь Напель. Но в чём? Кота в мешке купить?.. Пока что ясным оставалось одно, порождающее вопросы, – не дать Поясу двинуться в прошлое, исчезнуть в этом времени. И, основное, что делать с людьми Прибоя, ведь их поколения множатся.

Разрушить Пояс?.. Разрушить, не повредив людям...

И вот сегодня Напель пришла, объяснила трудности предстоящей перед ними задачи. Он же ничего особенного в предстоящем деле пока что не видел.

– ...что Пояс с веками не связан...

– С какими веками?

– По твоим представлениям, ты говорил, Пояс имеет временную ширину.

– Да, на дороге времени Пояс для меня имеет протяжённость в несколько веков.

– Так вот, нет там никаких веков. Пояс, его место во времени – это миг... И это правда. Но есть правда и в том, что он бесконечен. Подожди возражать, Ваня, послушай меня... Пояс представляет собой математическую... Как тебе сказать? Ты же из двадцатого века, а надо говорить о математике двадцать второго. К тому же ты не математик. Так? Тогда я скажу иначе. Пояс представляет собой некую грань, время вблизи которой искривлено и с разных сторон этой грани имеет полярные знаки. До неё – Прибой. Это как бы обратный ход времени, а после неё – течёт нормальное время... – Напель выжидательно посмотрела на Ивана. – Ваня, мне никак тебе не объяснить того, чего ты, извини, понять не можешь в силу...

– Куда уж мне, – перебил её ходок, но не с обидой, а с иронией. – Обыкновенная функция тангенса. У нуля она уходит в бесконечность. Одна половинка вверх, другая вниз. В той же полярности. А?

– Ну-у, – она задумалась. – Похоже, может быть, но все аналогии подобного рода так далеки... – Она досадливо пошевелила тонкими пальчиками руки, чуть отведя её в сторону. – далеки от оригинала, что я даже не знаю...

– А мне это важно знать?

– Вообще-то, нет.

– Так зачем ты мне всё это объясняешь? Давай не будем забивать головы тем, чего ни сказать, ни понять не можем. Но тогда что же получается? Пояс непроходим?

Напель несколько раз качнула головой.

– Непроходим, да. Но только для людей Прибоя. Однако мы уверены...

– Кто мы? – насторожился Иван.

Она глянула на него исподлобья.

– Ты думаешь, нам двоим всё это под силу? Нет, конечно. Но о других потом. Так вот, мы думаем, что для тебя Пояс непреодолимая преграда. Возможность воздействия на тебя кривизны времени велика только в реальном мире, поскольку там, где ты ходишь, в поле ходьбы, по твоему определению, по всей видимости, время имеет либо другую структуру, либо ты передвигаешься вообще не в том времени, на которое воздействует Пояс.

– Ого! Что же тогда получается? – озадачился Иван. – По вашему мнению, времён всяких много? По мне, так время везде одинаковое. Я кое-что почитал о нём и нигде о разновидностях его не встречался, хотя... – Он задумался. – Гово-

рилось о встречном времени, а у ходоков – о параллельном. О замедленном времени и даже... Нет, это уже не о времени, а скорости света. Свет, якобы, можно остановить.

– Всё это так сложно в понимании не только для тебя, но и для меня, – наморщила лоб Напель. – Не будем разбираться, пусть это останется для специалистов. Для нас важнее то, что ты видел замок Пекты.

Иван кивнул.

– Видел. Хорошо видел. Только что вам в этом моём видении показалось важным?

– Вот это то, что ты смог его увидеть, как оказалось, и непонятно. Когда я рассказала... специалистам, что ты видел замок, и описала, как он для тебя выглядел, у них это вызвало удивление.

– Ну-у... Мне, кажется, тут ничего такого особенного нет. Я вижу дорогу времени на большое расстояние. Некоторые ходоки тоже. Правда, в том прошлом, в котором я оказался после Прибоя, что-то было не так с освещением поля ходьбы, и мне пришлось брести как в тумане. А в самом Поясе достаточно светло и видно превосходно.

– Но как? Почему ты видишь?

Что мог Иван ответить настойчивости Напель? Ничего. Да и все разговоры Напель о сложности устройства времени на подступах к Поясу и после вхождения в него не находили у ходока каких-либо откликов. Ничего такого сложного в структуре времени или ещё там в чём-то он не заметил. Хем

вот мешал, такое было. Что-то удерживало его от движения в прошлое в виде призрачной сети – тоже было. Да и через щель в горах, обозначивших Пояс, когда он по ней пробирался, совсем было нелегко. Но всё остальное – как обычно бывало в поле ходьбы.

Оттого на вопрос Напель лишь пожал плечами. Потом сказал:

– Ходоки объясняют сумеречный свет поля ходьбы распределением освещения Земли в дневное и ночное время. Средняя, так сказать, светимость на всей планете.

– Я не о том. Видишь ли, никто из людей Прибоя никогда не видел замка Пекты.

– И ты?

– Я, – Напель отвела взгляд и помолчала, – видела. Ты описал его верно. Но я бывала в нём ещё до того, когда для меня начался Прибой. Теперь мне до него не дожить и за тысячу лет...

Она опять помолчала, рассеянно глядя перед собой с детской беспомощностью на полных губах. Иван не был посвящён в её размышления или переживания, однако они представлялись ему невесёлыми.

А она сейчас вспоминала замок. Те или иные его подробности: коридоры, комнаты, апартаменты, где она когда-то проживала, – все они произвольно возникали в её памяти и причудливо накладывались на очертания, изложенные Иваном, не отводящего от неё восхищённого взгляда.

Всё-таки он никогда ещё в своей жизни не встречал такой красивой женщины. Природа, создавая её, позаботилась, чтобы как бы не смотреть на неё со всех сторон и при любом положении – её лицо, фигура, стать и движения были бы достойны похвалы только в превосходной степени.

Он беззастенчиво любовался ею. Он терял голову. И не противился чувству. Что он теряет, увлѣкшись Напель и бросаая на неё восторженные взгляды? Пусть она видит его полную заинтересованность ею. Не отвергает же она её с порога. Да, не отвергает... Но тут же, словно наблюдая за собой со стороны, думал совершенно о другом: она попросту играет с ним во взаимность, пока он ей нужен для каких-то непонятных целей.

Эта, не совсем приятная для него, мысль приходила к нему уже неоднократно. Вначале он отгонял эти подозрения, но потом смирился с такой возможностью, резонно считая, что подобное предположение могло стать предупреждением и усилить его осторожность, то есть так думать – себе на пользу. Хотя, конечно, верить в обман не хотелось. Именно быть обманутым Напель – не хотелось.

– А вот для тебя, Ваня, замок Пекты, похоже, почти рядом и, надо думать, доступен, чтобы ты в него мог проникнуть. Только, Ваня... – Она обретала сосредоточенный вид. – Поверь мне, такая доступность обманчива, какими бы не были изощрёнными и неординарными твои способности передвижения во времени. Ты ведь просто ходишь в нём, – Иван

кивнул, – используешь его как данность, а они управляют...
Временные ловушки... – Она вздохнула и повела плечами, будто от прикосновения ледяного воздуха. – Время можно скрутить так, – Напель преобразилась: прищурила глаза, губы её утончились в злой гримасе, она сжала кулаки и придвинула их к подбородку, – что и дорога времени твоя затеряется в бесконечности!

– Но... тогда... что же делать? И зачем мне туда идти?

– Только через него мы сможем проникнуть к системе управления Поясом Закрытых Веков. Иных путей нет.

– Но если мне не удастся пройти?

– Мы думаем над этим. Изучаем возможные неприятности, ожидающие тебя. А их может и не быть совсем. Пока не ясно. Знаешь, давай оставим это на более позднее время, когда приступим непосредственно к походу на замок. А пока вот о чём. – Напель встала, грациозно сделала несколько шагов взад-вперёд, остановилась над Иваном. – Ты говорил о практике идти во времени с другим человеком, не способным самостоятельно ходить в нём.

– Да. У меня есть опыт.

– Как это происходит? Как ты это делаешь? И что должен делать ведомый?

Иван повёл головой, поскольку объяснить ничего не мог.

– В принципе, – сказал он чуть позже, – происходит такое просто. Беру человека в охапку и становлюсь на дорогу времени. Иногда даже за руку можно вести. Не слишком легко.

Но если кого-то протащить надо будет до замка, мы говорим – пробить, то до него, действительно, не слишком для меня далеко.

– По истине, просто, – как будто удовлетворилась его ответом Напель, но в голосе её проскальзывало недоверие.

Глаза их встретились.

– Тогда попробуем? – сказали они вдруг разом.

От неожиданного дуэта оба замолкли и теперь с удивлением посмотрели друг на друга.

И – рассмеялись.

Ивану показалось – сломан последний не дотаявший ледок между ними. Он ей поверил до конца. Теперь его уже ничто не остановит.

– Куда пойдём, к замку или к Прибою? – предложил он варианты.

– К Прибою. Назад в прошлое. К замку сразу идти рискованно, – сказала Напель и охотно охватила руками шею Ивана.

Её тёплые руки и округлости тела словно слились с его сутью, едва не повергнув в окончательное изумление. Он часто задышал и прижал её к себе. Она поцеловала его, мягко касаясь губами щеки у уха, но коротко и без страсти.

– Пошли, Ваня!

– Да... Конечно... Ты...

Он стал на дорогу времени. В сумраке поля ходьбы разглядел чёткий контур Пояса и мрачный, как бы наклеенный

на видимый ландшафт в виде аппликации, замок Великого Пенты. Напель тоже оглядывалась, судорожно цепляясь за него. Он спросил:

– Что ты видишь?

– Лес. Густой лес! А ты говорил...

– Лес?.. Хорошо – лес. А замок? Вон там.

– Нет там ничего. Кругом лес, – заволновалась Напель.

– Не переживай. Это твоё видение поля ходьбы. Значит, лес?

– Не знаю. Не совсем лес, но вокруг какие-то заросли или... Ой! В них кто-то есть! – Испугано воскликнула Напель и крепче прижалась к ходуку.

Иван на всякий случай внимательно осмотрел округу.

– Показалось.

– Да-а-а... – пожаловалась она.

Он пошёл вниз, к кромке Прибоя.

Внизу под скалой висел Хем. Вид его был нелепым, а дежурство в месте, где Иван от него улизнул, – тем более. Неужели он всё ещё поджидал его?

– Ну, подожди, подожди, – миролюбиво и покровительственно сказал Иван.

– Ты о чём? С кем разговариваешь? – удивилась Напель.

– Это я Хему. Вон он. На том же самом месте, где я его оставил, уходя в Пояс. Видишь его?

– Какое там. Ты меня занёс в такие дебри, что вытяни руку, пальцев не увидишь.

– Если здесь для тебя чаща, то будем надеяться, что ближе к замку она поредеет. Мы будем здесь выходить в реальный мир?

– Обязательно.

– Тогда выходим.

Лунная ночь освещала округу мертвенно-серебристым светом. Дул сильный свежий ветер. Ветви редко растущих деревьев дробили лунные блики. Было холодно и сыро.

– Брр! – дрогнула Напель. – Как тут холодно. И ничего не видно.

– Иди ко мне. Так... – Иван развернул её к себе спиной и решительно положил ладони на упругие полушария беззащитной под невесомой тканью груди. – Так тепло?

– И тепло, и... приятно... – Помолчав, она решительно заявила: – Мы так и будем греться, стоя на ветру? Время, Ваня, наступило, но здесь не место.

У Ивана дрогнуло сердце.

– Конечно, не место, – едва промямлил он.

Через минуту они проявились в убежище Ивана.

Время для них остановилось...

– Так нечестно, Ваня, – говорила она с напускной строгостью. – Воспользоваться моей... – Иван ожидал, что она сейчас скажет – слабостью, но она сказала: – ...оплошностью.

– Было бы оплошностью – не воспользоваться твоей оплошностью, – назидательно отозвался он и без перехода мечтательно произнёс: – Так бы пролежал с тобой всю жизнь.

Напель повернулась к нему, в очередной раз, обдав его жаром своего чудного обнажённого тела.

– Не зарекайся! – сказала она холодно и чётко, будто бы и не она минутами раньше неистовствовала в его объятиях, и уклонилась от его очередного поцелуя

Змеёй выскользнула из его рук и встала с постели – грациозная, отчуждённо-чистая, бесстыдная. Одевалась, медленно подбирая разбросанную одежду.

Иван с удивлением и восхищением рассматривал её и не верил своему счастью встречи и близости с нею.

– Всё, Ваня! Вставай и тоже одевайся. Скоро у нас, – она коротко и мило улыбнулась, – будут гости.

– Нужны они нам, – лениво буркнул он, но спорить не стал. Однако, вставая и нехотя одеваясь, он словно сам для себя продолжал бурчать: – Гости! Какие тут могут быть у меня гости? Набегут незваные. Им что? Прибегут, убегут. А ты тут... Унесут ещё что-нибудь... Разве за всяким уследишь?

По-видимому, его ворчание и сам он нравились Напель.

Ещё никогда в её жизни мужчины не играли такой роли, как этот неожиданный, непонятный, весёлый и желанный ходок во времени. Как смешно – ходок во времени! Ходок... Ваня... Всё-таки как с ним покойно, забываешь обо всём. Как ласков его голос... Сильные руки... Как с ним хорошо... Кто знает, может быть, только с ним... она узнает счастье, если таковое есть на Земле. Если только он её поймёт...

Она сидела, подперев ладонями голову, и против воли

блаженно улыбалась. Так, наверное, у неё было только в детстве, при отце... При отце, – ударило ей в голову. Видение счастья и блаженства пережитого улетучились, как сон испугнутой птицы.

– ...им делать нечего, как по гостям ходить, – продолжал дурачиться Иван, не замечая перемены настроения у Напель. – Я сам бы пошёл в гости, так не зовут. А они – незваные, а – гости-таки...

Жизнь – удивительная штука. Всё сейчас казалось Ивану прекрасным, незамутнённым и выполнимым.

Разведка

Гостей оказалось человек двадцать, если не больше. В основном, как пришёл к выводу, наблюдая за ними, Иван, мужчины – рослые, сильные и безмолвные. Они натискались в комнату так, что всем пришлось стоять плечом к плечу и в несколько рядов.

Иван, злословя о гостях, никак не ожидал такого их количества. Когда Напель выглянула в проём двери, неодолимой для Ивана, и что-то крикнула, он предвидел появления двух, от силы трёх визитёров, а они пошли один за другим непрерывной чередой.

Глядя на них, Иван вдруг почувствовал себя виноватым, вспоминая, чем они тут с Напель занимались, пока такая уйма людей терпеливо ожидала приглашения на встречу с ним.

Перечисление имён вошедших было бы бессмысленным делом. Тем более что пока все они для Ивана выглядели на одно лицо. Впрочем, их лиц он как раз и не увидел. Все гости были одеты в тёмную, похожую на длинные плащи, униформу, на голову наброшены капюшоны, перекрывающие переносицу.

Он не предполагал, о чём можно говорить с такой ватагой людей, и с недоумением посматривал на Напель. Она кого-то высматривала в тесных рядах приглашённых ею людей – и не видела.

Пришедшие молчали и практически не двигались – тёмная стена; но в пространстве небольшой комнаты стала подниматься температура, и становилось трудно дышать. И, несмотря на молчание всех, в комнате не было тишины, её перекрывал шум неизвестного происхождения – то ли от дыхания, то ли от стука сердец.

– Карос, ты здесь? – наконец властно спросила Напель.

От её изменившегося голоса Иван вздрогнул.

– Я здесь, госпожа, – ответил с приятным придыханием один из пришедших.

Он стоял среди них в третьем ряду.

– Хорошо. Ты останешься, когда все уйдут. – Напель сделала паузу. – Все увидели этого человека? – строго спросила она и повела рукой в сторону Ивана. – Посмотрите ещё раз внимательно и запомните его. Где бы он вам потом ни встретился, вы должны назвать своё имя и подчиниться его при-

казам, если это ему будет нужно. В случае опасности первыми должны умереть вы, спасая его!

Иван снова вздрогнул от её слов. Рабы и их повелительница!? Умри, подчиняясь... Как будто... в кино.

Точно, в кино. Во всяком случае, Ивану представилось, что всё происходит на сцене. Сейчас они, безумствуя, поговорят о жизни и смерти, поклянутся в вечной покорности госпоже, в лице Напель, потом с кем-нибудь немножко повоюют, и, может быть, кто-то из них, по ходу пьесы, умрёт красивой смертью, спасая главного героя – уже в его лице. А затем актёры – все живые, здоровые и равноправные – благополучно разъедутся по домам, а он снова останется с Напель и до следующего подобного спектакля позабудет всё, что здесь разыгрывалось с такой страстью.

Напель ещё что-то говорила им, они молча слушали её, а Иван отвлёкся и перестал воспринимать её слова.

Он думал о ней и о себе.

Так славно всё у них получилось. Без страхов первой близости и с радостной охотой с её стороны. Вероятно, здесь произошло воплощение его неосознанной мечты и дремлющих желаний. Именно те мгновения в его жизни, которые он будет вспоминать всегда как своеобразную вершину, куда вознёс его случай. Она останется теперь позади, а других таких вершин в будущем может никогда уже не быть...

Гости как пришли, так и ушли – кучно, друг за другом, без толкотни и шума, будто по раз и навсегда заведённому

порядку. Остался лишь один из них.

– Ваня... Ва-ня!

Иван словно очнулся от дивного сна и огляделся.

– Я тебя слушаю, – поторопился сказать он и широко улыбнулся.

Она поджала губки.

– С тобой всё время будет Карос.

– Да, да, – кивнул Иван и всмотрелся в лицо предлагаемого напарника. – Ты можешь откинуть капюшон? – спросил он Кароса, но выжидательно посмотрел на Напель, подозревая, что Карос подчинится только её приказу.

Она разрешила коротким взмахом руки снизу вверх.

Карос, будто копируя её, левой рукой махнул над собой, и перед Иваном оказался молодой, с приятным, слегка полноватым овалом лица человек. Превращение его из мрачного видения стало для Ивана неожиданным, что навело его на мысль: не снял ли Карос вместе с капюшоном и маску? Его догадку тут же подтвердила Напель.

– Он будет всегда в маске. Чем дольше его не узнают, тем лучше для нас. Он когда-то работал в замке Пекты, и его там хорошо знают.

Её объяснения вполне удовлетворили Ивана, он подтвердил это кивком головы, но ему всё-таки почудилась в словах Напель какая-то недосказанность, царапнувшая его по нервам. Он вскинул на неё настороженный взгляд, увидел точёные линии лица и позабыл о своей тревоге – всё встревожив-

шее его как будто проскользнуло мимо. Вокруг идёт игра... Неважно какая. Главное, чтобы Карос быстрее покинул бы их, сгинул, провалился, оставил бы одних...

Напель думала по иному. Она вылила на его разгорячённую голову холодную воду.

– Сейчас, Ваня, ты переместишь Кароса в замок. Надо там кое-что разведать, прежде чем мы туда сунемся все.

– И кое-что посмотреть и прикинуть, – добавил Карос, вновь надевая, вернее легко накидывая, маску.

Она обезобразила его. Капюшон прикрыл глаза.

– Но-о... Прямо сейчас?

Ивану так не хотелось пускаться в путь, что он непроизвольно сделал умоляющий жест, как если бы на него надвинулась какая-то беда.

– Может быть... – продолжил он, на ходу придумывая какую-нибудь зацепку, дабы остаться здесь хотя бы на час-другой.

Напель всех его ухищрений не захотела замечать.

– Мы не можем медлить, – сказала она, как отрубилась. – С минуты на минуту Пояс может начать дрейф в прошлое... Я тебе уже говорила.

– И люди Прибоя...

– Да и да, Ваня. Их сомнут. Они исчезнут. Вот почему следует поторопиться. Надо успеть остановить Пояс. К дрейфу всё уже готово.

– Тогда, конечно. – Иван понял одно: с Напель наедине

не остаться, Карос не уйдёт, и вообще, взялся за гуж, так и позабудь обо всё другом, кроме того, что надо тащить воз. – Карос сам пойдёт? Без моей помощи?

– Он человек Прибоя, – сказала Напель и продолжила холодно и официально: – И тебе придётся воспользоваться своей возможностью, чтобы довести его до замка.

– Понятно... Давай руку, Карос, и держись ко мне поближе.

Они крепко ухватились руками. Иван оглянулся на Напель. Она нетерпеливо потрянула головой.

– Не прощаемся. Идите!

Иван стал на дорогу времени и вывел на неё Кароса. Напарник охнул, рука его мелко задрожала и крепче вцепилась в руку ходока.

– Ты в порядке? – осведомился Иван, ставя себя на место Кароса, для которого выход в поле ходьбы не мог быть рядовым явлением.

– Да, господин.

Иван хотел возмутиться, мол, никакой он не господин, но оставил своё недовольство на будущее.

– Что видишь?

– Н-не знаю... – растерянно сказал Карос. – Зыбь какая-то и... пещера или туннель. Не могу определить...

– Гм... Ладно. Я пойду, а ты следуй за мной. Ну?

– Мы идём прямо на стену.

– Не обращай внимания. Это может быть иллюзией.

– Какая иллюзия? – заволновался Карос. – Она приближается. Скала!

Карос упёрся – и ни с места. Его сил хватило остановить Ивана.

– Вот что, Карос, – сказал ходок неприветливо. – Я хожу во времени куда хочу. И в моих силах протащить за собой любого. Так что, пока ты в эту пресловутую стену не упрёшься лбом и не расшибёшь его, до тех пор иди туда, куда я тебя веду. Понял?

– Да, – не слишком уверенно отозвался Карос. С сомнением и отчаянием разрешил, перестав упираться: – Веди!

Однако через пару шагов Иван вновь стал, так как Карос не пустил его.

– Всё! – натужено произнёс напарник.

– Что опять?

– Я упёрся лбом. Стена!

– Чёрт! – выругался Иван по-русски. – Этого нам ещё не хватало для полного счастья... А ну-ка! Вешайся мне на спину. Давай, давай!.. Ух ты!... Ты что, кирпичи с собой прихватил? Сколько же ты вешишь?

– Сто семь килькомов, – отозвался с сапом Карос.

– Кормят, однако, вас здесь... – неопределённо сказал Иван, поскольку никакого понятия о килькомах не имел и, как они соотносятся с килограммами, не знал. – Держись крепко!

Он сориентировался и шагнул вниз по склону прямой до-

рогой к причудливому, словно вырезанному из цветной бумаги, замку Пекты Великого. И тут же со страшной силой получил толчок назад. Пришлось поспешно отступать, чтобы удержаться на ногах. Карос во весь голос ахнул в самое ухо.

– Что там ещё? – пыхтя под тяжестью и выходя из себя, крикнул Иван.

– Стена... Нос разбил...

– И-эх... – Иван вышел в реальный мир.

Напель в комнате не было, но остался стойкий запах её духов.

Карос сполз с его спины, снял маску. Из его разбитого носа сочилась кровь, на лбу наливался синяк, от удара зарделся подбородок.

– Умыться можно там, – махнул рукой Иван, сел и устало откинулся в кресле.

Симон предупреждал же его. Не всякого можно взять на дорогу времени и провести по ней. Не верилось до того как-то. Думал, что для него, КЕРГИШЕТА, возможно. Ан, нет! Что, если Карос из тех, кому дорога времени заказана? А ведь он специально, надо думать, подготовлен Напель для выполнения какого-то дела. И если он не пройдёт, то это дело может сорваться. Зря Напель поторопилась уйти. Следовало бы сейчас с ней обговорить возникшую ситуацию и принимать другие решения...

Впрочем, меланхолически рассуждал Иван, был у него в

поле ходьбы какой-то туннель. Попробовать через него пробить к замку?

Размышляя о Каросе и неприятностях с ним, Иван невесело усмехнулся: испугался, наверное, бедняга, когда его с маху на стену потащили, предупредив, что никакая это не стена, а иллюзия. Иллюзия же оказалась реальностью...

Появился с виноватой улыбкой на искажённом лице Карос. Нос его распух, синяк над левой бровью обозначился во всей красе, и продолжала кровенить содранная кожа на подбородке.

Иван сокрушённо покачал головой.

– Разукрасил я тебя.

– Я видел вход в пещеру или... А ты ушёл в сторону... Думал, что и руки поломаю, а потом вlepился в стену носом, – вполне довольным и весёлым голосом поведал Карос о произошедшем на дороге времени.

Казалось, что случившееся доставило ему удовольствие, как если бы такое он получал ежедневно. Однако Иван не очень-то поверил и в его довольство, и в весёлость. После таких ушибов обычно не веселятся.

Карос сел напротив Ивана, деловито спросил:

– Что будем делать, господин?

– Что делать, скажу честно, не знаю, – Иван вначале пожал плечами, потом поинтересовался: – Но скажи, если у тебя что-нибудь осталось в голове после удара (Карос, понурясь, делано засмеялся), куда вёл виденный тобою туннель?

Карос осторожно ощупал нос, болезненно скривил губы, шумно подышал через ноздри, словно проверяя их способность.

– Запомнил, – коротко сказал он.

По тому, как это было им сказано, Иван понял, что внешняя весёлость его нового напарника ни о чём не говорила, а он, на самом деле, обиделся. Извиняться или оправдываться Иван не собирался. С ним, пожалуй, ему больше не ходить. Пусть Напель ищет кого другого. Или пусть протаскивает его к замку сама. Попал же Карос сюда каким-то образом, значит, и вернуться сможет. Впрочем...

– Так куда ведёт туннель?

– Туда же, куда мы направлялись. Но ты пошёл напролом в двух шагах от входа в него. А надо бы пройтись по нему.

Карос опять ощупал увеличенный нос, шмыгнув им и отвёл в сторону глаза.

«Да он не обиделся, он просто злиться на меня за недогадливость, – подумал Иван, – и даже, наверное, обвиняет меня в случившемся с ним... И правильно считает. Я бы мог к нему прислушаться... Всё-таки сильно я ему испортил физиономию, а он ею, пожалуй, доволен – красивый мужчина, ничего не скажешь».

Размышляя таким образом, Иван даже слегка взбодрился. В произошедшем, несмотря на неприятный для Кароса исход, и мрачные мысли самого ходока, всё-таки была малая частица и смешного. Вот она-то и настроила Ивана на опти-

мистический лад.

– Пошли, – он встал и взял за руку Кароса. – Ты меня, конечно, извини, что так у нас получилось. А сейчас я попробую пробить тебя по этому каналу.

Карос вздрогнул, услышав, что с ним собирается сделать ходок, а именно «пробить». Так что Ивану пришлось исправлять сказанное:

– Я тебя проведу по этому каналу. Попробую, во всяком случае.

Молодой человек вздохнул. Попытался натянуть на себя маску. Мероприятие доставляло ему боль и неудобство.

– Оставь, – посоветовал ему с улыбкой Иван. – Грешно смеяться, но теперь тебя и так никто не узнает.

Напарник глянул на Ивана снизу вверх из-под лба. Зла в его глазах не было, вопреки мыслям Ивана. И тоже попытался улыбнуться.

– И то, – спрятал он маску в складках своего монашеского одеяния. – Я готов.

Они стали на дорогу времени.

– Показывай, – сказал Иван, превращаясь в ведомого.

– Смотри левее... Ну да, ты же не видишь моего... Веди левее... Ещё левее. Тебе, похоже, всё равно, а мне по туннелю, наверное, только одному едва-едва протиснуться... Не торопись! Чуть вправо... Так. Вошли в него! – И удовлетворённый вскрик: – Пропускает!

– Хм... Ты меня-то видишь?

– Только рука твоя из стены видна... Смешно.

– Наверное... – Иван попытался представить картинку, которую сейчас созерцает Карос. И правда, смешно: – из стены торчит рука и движется в ней без сопротивления. – Ну, ладно. Командуй беспрерывно. Двинулись!

Туннель, пропускающий Кароса, причудливо изгибался, поэтому Иван, подчиняясь подсказкам напарника, видел замок Пекты то прямо перед собой, то сбоку, а то приходилось идти в противоположную от него сторону. Но, тем не менее, явно было заметно – они приближались к нему. Раз в десять медленнее, чем хотелось бы Ивану, но приближались.

Замок рос на глазах. Весь словно отлитый или ювелирно вытесанный из одной глыбы, он и вблизи виделся лишённым каких-либо ненужных деталей и подробностей. Стены сплошные, башни идеально цилиндрические снизу доверху, лестницы с массивными перилами будто впаяны в тело замка – единый монолит.

Иван вслед за Каросом поднялся по длинной лестнице почти до самого её верха. Оставалось ступени три, когда Карос заявил:

– Всё! Туннель закончился. И стало светло. Всё вижу!

– Что именно ты видишь?

– Ха! Тебя, например. А вон там берег моря... – Карос показал, и в том направлении Иван рассмотрел матово отсвечивающую в поле ходьбы зеркальной поверхностью площадку размером с футбольное поле.

– Море, так море, – согласился он с определением Кароса. – А что у тебя сейчас под ногами?

– Ступени.

– Впереди?

– Дверь как будто...

– Правильно. Перед нами замок, а дверь – вход в него, – подтвердил ходок. – Теперь осмотрись и запомни приметы, ведущие к туннелю. Мы с тобой совершенно по-разному видим поле ходьбы. И если нам придётся возвращаться, то на меня у тебя мало надежд найти обратную дорогу. Опять могут быть ушибы или что – того хуже.

– Видишь ли, – после некоторого времени растерянно произнёс Карос. – Море куда-то исчезло.

Иван оглянулся – зеркало исчезло.

– Ну и... Исчезло, значит, не может служить в качестве ориентира. Ищи другие.

– Эта лестница выходит из туннеля.

– Вот и хорошо. Тогда пошли дальше.

Дверь подалась от несильного толчка. Но прежде чем её толкнуть, Иван долго простоял перед ней в нерешительности. Ему как-то трудно было перебороть в себе чувство, что замок, несмотря на всю видимость его материальности, всё-таки нереален. Он всё ещё казался ему не тем, о котором говорила Напель, а лишь неким виртуальным слепком, довольно хорошо видимым в поле ходьбы. Сам оригинал замка мог быть только в реальном мире...

А дверь – уж очень обыкновенная, без затейливой какой-либо резьбы или следов прикосновения мастера, филённая и потускневшая от старости, как многие двери присутственных мест на улицах родного ему города. К тому же она так легко и так обыденно открылась и беспрепятственно пропустила их в длинный коридор, что можно было сомневаться – а существует ли она вообще? С воротами туннеля Бригса-младшего было не так....

– Замок, – словно очнулся Карос. – Это так называемый Холодный пролёт. Я узнал его, хотя он, конечно, там... в другом... выглядит по иному. Но он далёк от цели нашего посещения.

– Дорогу знаешь?

– Знаю.

– Веди, но руку не отпускай. Мне потом тебя здесь не найти.

Коридор, или Холодный пролёт оказался только началом. Они прошли его, несколько раз свернули в другие коридоры, неоднократно спустились и поднялись по разнокалиберным лестницам. Нигде ни души, ни признаков обитания: одни голые стены, всевозможной конфигурации колонны, переходы, лестницы, пустые площадки, обширные залы, – так и должно всё это было смотреться в поле ходьбы, если бы... это и действительно было полем ходьбы

Но здесь полем ходьбы был сам замок!

Ивана не покидало чувство настороженности и даже ка-

кой-то неприятности от посягательств на исконные, как ему представлялось, привилегии ходоков пребывать в поле ходьбы. А тут кто-то сумел построить целый замок. Может быть, тот же самый Бригс-младший, что соорудил туннель под Поясом?

Карос прекрасно ориентировался во всём этом лабиринте, а Иван после первого десятка поворотов и лестниц уже, наверное, не смог бы вернуться к началу пути. Это его тоже смущало.

– Здесь! – наконец остановился Карос. – Нам бы теперь надо выйти... туда...

Не имея понятий, и оттого не зная как объяснить Ивану, необходимость выхода в реальный мир, он почему-то показывал пальцем вверх.

– Ясно, – наконец догадался ходок.

Они покинули поле ходьбы.

Вокруг заиграли краски. Голые грязно-серые стены потеплели приятной для глаза зеленоватой гаммой, между колоннами обозначились тёмно-коричневые статуи в человеческий рост, изображавшие какие-то не то аллегии, не то древних богов, увенчанных разнообразными головными уборами и просто буйными волосами, снабжённые всякими причиндалами, по-видимому, атрибутами, смысла которых Иван не знал. Ярко-красная ковровая дорожка с широкими белыми полями по кромке покрывала пол. Везде чистота и уют. Просторные окна без стёкол пропускали много света и

запахи зрелой весны.

– Да, я не ошибся, – Карос огляделся. – Тебе придётся меня подождать. Но не здесь... Идём!

Он крупными шагами покрыл расстояние до неприметной, со стороны, глубокой ниши, больше похожей на небольшой коридорный тупичок, созданный по воле неведомого архитектора для неизвестных целей. По сторонам тупичка имелись в стенах свои западины с удобной для сидения и ожидания мебелью.

Прекрасное место для альковных дел.

– Мне понадобится, самое малое, часа два... Думаю, не больше. – Карос ощупал нос, покачал головой. – Жди меня и поменьше высовывайся. Скоро здесь полуднеет. Не очень-то, но кто-нибудь, возможно, появится. Впрочем, – он опять коснулся носа, – даже если сюда кто и заглянет, не обращай на них внимания, будто ты здесь по своим каким-то делам. Правда... – Он оглянулся, будто их кто подслушивал. – Лишь бы не собаки Маклака. Другим до тебя не будет дела. Всё!

Он быстро, бесшумно переставляя полные, сильные ноги, удалился. Иван прислушался... Тихо. Развернулся, выбирая, где бы на два часа удобнее присесть, как тут же увидел в противоположной западине непонятно откуда взявшегося человека. Тот был здоров и высок, подстать ему, но сутуловат.

Незнакомец тоже с некоторым удивлением заметил Ивана, его до боли знакомое лицо озарила усмешка. Он помахал

в приветствии рукой и ушёл следом за Каросом.

Только крайнее изумление и скоротечность произошедшего не позволили Толкачёву сразу узнать этого человека. Только по прошествии нескольких секунд, когда незнакомец скрылся за поворотом, и приглушённый звук его шагов растаял, Иван понял – это же он сам, это он увидел самого себя...

Похоже, в Поясе, где время спрессовано до мига, по свидетельству Напель, один из запретных законов ходоков во времени явно не действовал. Во всяком случае, Иван мог здесь увидеть себя в различные периоды будущей и прошлой своей жизни.

Ему не удалось надлежащим образом обдумать и привыкнуть к такому повороту событий, как всё это началось...

Он возникал и исчезал сам, или уходил один или с кем-то в масках. Между каждым появлением – доли секунды. Калейдоскоп фигур, поз, движений. Чем дальше, тем более измученным становилось лицо двойника (или двойников?), лихорадочнее блеск глаз. Будущие его ипостаси, замечая его смиренно сидящим в позе ожидания, вначале слегка улыбались и кивали ему, но потом улыбки становились раз от разу мимолётнее и болезненнее.

Иван уже сбился со счёта, когда двойник появился с Напель на плечах. Был он небрит, с несурзным синим рюкзаком за плечами. Ивану этот рюкзачок нравился. Купил его когда-то ещё студентом в Москве. Но никогда не думал, что

выглядит с ним так вызывающе нелепо и безвкусно. А ведь ради него он отказался от рюкзака, специально приобретённого и подаренного ему Симоном при первом выходе к горам недоступности. Знал бы, так лучше взял тот...

Джинсы на левой ноге его, будущего, оказались разорванными – дыра на всё колено. Иван непроизвольно перевёл взгляд на свою ногу – никаких дыр.

Лицо двойника в пятнах...

Напель, увидев его, испугалась и прижалась к спутнику, он ей что-то сказал, она, по всей видимости, ему всё-таки не поверила, но стала чувствовать себя вольнее. Сердце у Ивана неприятно кольнуло – приревновал её к самому себе, к тому, к будущему.

Показывая на него, двойник что-то пытался ему сказать, но Иван не слышал ни звука. Хоть таким образом, но время стало между ними. Он, тот, будущий, досадливо тряхнул головой, взял Напель под руку и повёл её из тупичка, словно кавалер на танцплощадке.

Иван не выдержал, и вопреки наказу Кароса, вскочил и на цыпочках побежал за ними вслед до поворота в коридор. Осторожно выглянул. Ни справа, ни слева никого не было. Напель и её напарник, вернее он сам, но в будущем, словно провалились.

Он медленно вернулся в облюбованный закуток и сел, погрузился в какое-то странное полусонное состояние, от которого очнулся внезапно с мыслью: Через стены не пройти!

Через стены не пройти, – несколько раз повторил он про себя, уточняя, что бы это значило, пока до него не дошло: точно, отсюда ни в реальном мире, ни в поле ходьбы из замка не выскочить. Здесь он – в двойной мышеловке, или той клетке, в которой уже сидел, будучи Подарком. Или это не так...

И потом...

Вот он сидит здесь уже битых два часа, и за это время увидел все свои будущие появления, связанные с протаскиванием людей Напель. Они уже закончились, а он всё ещё тут сидит, перекрыв все свои будущие действия. И где-то сейчас он вступил уже, может быть, в схватку с Пектой, однако, что там, у Кароса, ещё в первом его разведывательном поиске, не знает. Значит, время здесь течёт параллельно? И он во всех этих параллелях сосуществует сразу?

Представляя всё это себе, Иван стал чувствовать боль в висках и растерянность от приходящих в голову предположений и мыслей. Сейчас он – ещё в начале, но, в то же самое время – он же – сейчас уже... где?

Быстрее бы Карос объявился! У него, наверное, всё в порядке, иначе не было бы перемещений людей Напель. Но всё-таки...

Он не понимал до конца физики явления. Даже не мог придумать, хотя бы для собственного успокоения, хотя бы фантастическую или сказочную гипотезу. Как могут существовать в разных мирах подвижные и неподвижные тела? В

реальном и в поле ходьбы?

Взять хотя бы эту мебель. Стоит тут, может быть, годами, но в поле ходьбы её нет, и всяких украшений нет, даже краска на стенах, и та отсутствует...

Он лихорадочно думал и беспричинно, как ему казалось, нервничал, как будто почувствовал за собой охоту не известно с чьей стороны.

Успокоился только с появлением Кароса.

– Всё в порядке, – сказал он. – Нас ждут!

– Надеюсь, – коротко отозвался Иван и не стал вдаваться в подробности найденного Каросом порядка и сведений о тех, кто там и где их ждёт. Может быть, и будет интересно его послушать, но стоит ли пускаться сейчас в объяснения?

Переход

Напель лежала на его руке и, хотя и с улыбкой на милом лице, но серьёзно выслушала Ивана. Он сетовал на неприятности с Каросом – как трудно его вести во времени, о злоключениях с ним.

– Боюсь, Ваня, – сказала она с вздохом, – так будет со всеми. Это лишь ты непостижимым образом не ощущаешь динамику времени даже рядом с Поясом. Ни нелинейности, ни постоянных изменений. И это хорошо, что Карос всё-таки прошёл, иначе нам пришлось бы действовать вслепую.

– Он кто, Карос?

– Неважно, Ваня. Что поменяет, если я скажу, кто он?.. Ты так вздыхаешь, будто тебя это так волнует.

– Да нет, вообще-то, – Иван понял тщетность своих попыток разговорить Напель и узнать хоть что-то о её подручных или, быть может, рабах.

Напель поцеловала его в щёку.

– Боюсь, – продолжила она, – не всем удастся пройти с тобой дорогу до замка. И о себе думаю со страхом. Знаешь, когда мы были с тобою *там*, меня окружила такая чаща, что даже не знаю, протолкнусь ли я сквозь неё.

– Всё может быть, – уныло согласился Иван. – Но... Подожди, подожди... Но ты же всё-таки следовала за мной и сквозь чащу.

– Не следовала, а продиралась сквозь неё. Ты, Ваня, не внимательный. Посмотри на это.

Она подняла руку, и Иван увидел на её коже следы от царапин.

– Милая моя...

– Если так будет и на пути к замку, я пройду, но другие могут не пройти. И чем их будет больше, тем для нас хуже.

Ему не нравилось предположение Напель. Если она права, то к каждому её человеку при ходьбе во времени придётся приноравливаться уже в дороге, искать способы провести их до заданного места. Придётся попотеть и помыкаться с ними, а потом вернуться опять сюда ни с чем.

– Ладно, – сказал он, – мы с тобой всё-таки прошли, да и

остальных я провёл немало. Ты не поверишь, но это я видел сам. И тебя в том числе, Но всех ли, сказать не могу.

Он потянулся и прикрыл глаза. Так бы вот и лежал и лежал, ощущая под рукой упругую нежность Напель...

К сожалению, всё хорошее кончается всегда очень быстро. А то, что приходит на смену, не всегда связано с предшествующим, и потому иногда может быть, в сущности, тоже по-своему хорошим, но уже совершенно иным. По вековому опыту многих людей, а опыт порождает законы, так что, исходя из них, этих законов, обычно идёт чересполосица хорошего и плохого.

У Ивана как раз закончился первый период. Перед законом бесполезны все ухищрения: технические и психофизиологические. Бессильны и те, кто ходит во времени, используя его пассивно, как ходоки, так и те, кто этим временем может активно управлять. События идут своим чередом, хотят или не хотят того Иван Толкачёв или Пекта Великий и его присные.

Иван готовился к трудностям по переводу людей Напель через временной интервал или из одного времени в другое. Он сам придумывал возможные ситуации и пытался загодя решить некоторые из них, чтобы не медлить на дороге времени. Но, как говорят, действительность превзошла все ожидания. Так он потом признался самому себе, когда ему вдруг вспоминались те часы, растянувшиеся, казалось, на многие дни.

Дорога времени для тех, кого ему пришлось протаскивать или, вернее, по истине пробивать представлялась в таких неожиданных ракурсах, что порой головоломка – как вести очередного клиента – становилась почти неразрешимой.

Поле ходьбы изощрялось, ощетинившись всеми своими защитными возможностями против насилия над ним. Чего только оно не подкидывало Ивану. Оно проявлялось для его ведомых той или иной своей, чаще всего негативной, стороной, подвергая каждого из них, а значит, и Ивана, невероятным испытаниям.

Бесконечные лабиринты каналов и путей: подземные щели, длинные анфилады комнат, бесчисленные подъёмы и спуски... Водные преграды: изрезанные береговые линии, всевозможные потоки, водовороты, гиблые болота... Немыслимые атмосферные явления: ураганные ветры, снисходящие и восходящие потоки, снежные бури, дожди и морозы...

Всё это обрушивалось на пробиваемых Иваном людей неожиданно. Они не понимали происходящего с ними, оттого не подчинялись требованиям неистового ходока, не знали, как вести себя в подобных условиях. Они терялись, пытались вырваться из рук Ивана, безумно сопротивлялись его действиям...

Зато в нескольких шагах до замка мир для них озарялся, и путь становился чистым. Они восхищённо ахали и с любопытством осматривали окружающий их новый мир.

Зато для Ивана каждый такой выход к замку приходился в

другое, непредсказуемое место, и надо было найти дорогу к известному входу в замок, чтобы оттуда начать путь в тот коридорный тупичок, где можно было выйти в реальный мир. А это – переходы и лестницы, километры и километры...

Течение времени в замке, по-видимому, никаким законам не подчинялось. Иван появлялся и уходил, затрачивая на каждый переход часы и дни. А тот он, пришедший сюда в первый раз с Каросом, сидел и отсиживал свои недолгие пару часов, с удивлением глядя на свою изнурительную работу в будущем.

Так оно и было: проходили часы, они складывались в дни. Иван валялся от усталости. Напель, как могла, поощряла его, заставляла есть и пить, но ведомые по дороге времени люди с каждым разом становились тяжелее, а его руки и ноги всё больше наливались чугушной тяжестью.

Двоих, сколько он ни пытался и ни изощрялся, провести к замку не удалось. На них он потратил не менее трети всего времени своих усилий по переводу людей Напель.

Один из них, молодой, смирный парень с открытым полудетским лицом (маска была сброшена по просьбе Ивана), молча вынес всю жёлчь, накопившуюся в ходоке и выплеснутую на него. С виноватой улыбкой он беспрекословно выполнял все команды Ивана, описывал виденную им картину поля ходьбы с такими подробностями, как если бы его заставили разбирать грамматические правила и исключения из них. Но картина эта всегда оставалась одной и той же, на

первый взгляд, очень простой: это была монолитная стена. Верхняя её граница терялась, по утверждениям ведомого, в сумеречном небе, а в стороны уходила за горизонт.

Иван водил его взад-вперёд вдоль этой пресловутой стены, заставлял молодого человека искать расщелины, ступени, лазы или карнизы – что-то, где тот смог бы пройти вместе с ходоком. Толкачёв выслушивал его сетования и придумывал что-либо новенькое. Он отступал с ним до Хема, и оттуда снова начинал очередной набег по направлению к замку. И опять человек Напель испуганно вздрагивал и осаживал Ивана, видя его погружающегося в каменную крепость.

Когда очередная несчётная попытка закончилась неудачей, Иван вернулся в убежище, измазанный кровью разбитых рук полностью лишённого возможности протискиваться сквозь время молодого человека. На немой вопрос Напель он отрицательно покачал головой.

– Замок ему недоступен. Закрытие. Я не смог...

– Жаль, – без особой печали сказала Напель.

Иван пошёл умываться, заставил то же сделать и неудачнику.

Затем Напель долго беседовала со своим слугой, или единомышленником, или рабом (Иван пока что не разобрался, почему все эти люди вместе, а Напель руководит ими), после чего тот, к тайному огорчению ходока, поселился в комнате, заняв небольшой закуток недалеко от входа.

– Так надо, – нахмутив брови, строго сказала Напель.

– Надо, так надо, – не стал упрячиться Иван.

Он устал.

Вторым, не прошедшим к замку, как неожиданно выяснил Иван, уже находясь на дороге времени, оказалась женщина.

Выглядела она лет на сорок. Но вначале, взяв её за руку, ходок ощутил мужскую силу. Ему в голову даже не пришло, кого именно он ведёт в очередной раз. Смуглость лица и порывистость движений не говорили ни о чём. Подозрение пришло не ранее чем через полчаса. До тех пор она крепилась, вздыхала и действовала согласно его движениям и просьбам. Но чем дольше они блуждали в непонятном лабиринте, не имеющего выхода к замку, тем чаще он ощущал её несогласие со своими действиями. Она начала недовольно комментировать его подсказки и приказы. Дальше – больше.

А когда ему стало понятно, с кем он имеет дело (о том он спрашивал её несколько раз: женщина ли она, – пока ведомая, наконец, не призналась), поведение её изменилось совершенно. Она раскапризничалась, рот её не закрывался ни на секунду. Создавалось впечатление, что она решила высказать всё, что она думает о поле ходьбы, о ходаках и, в частности, об Иване. И обо всех мужчинах тем более. Высказывалась хлётко, без тени сожаления о сказанном.

Иван стал уставать не столько от бесцельного блуждания, сколько от необузданного нрава пробиваемой им сквозь время. К женщинам он всегда относился с вежливостью и пониманием их забот. Поэтому, слегка посмеиваясь вначале над

её словами, он не выдержал

– Слушай меня внимательно, – сказал он сдержанно, но веско, – я тебя сейчас здесь брошу. И что с тобой тогда будет, одному провидению известно. Так что помолчи! Пожалуйста...

Она тут же примолкла, услышав в его предупреждении настоящую, хотя и скрытую за вежливым «пожалуйста», угрозу. Он обрадовался перемене в её поведении, так как стал побаиваться острого язычка женщины. Но порой ему казалось, и он опасливо поглядывал на неё, что она готова вцепиться ему в горло ногтями значительного размера – до того она приходила в ярость от его бессилия что-либо сделать с проводкой к замку.

– Он же не хочет, чтобы я... – слышал Иван сквозь сон, сморивший его после возвращения в своё временное жилище, сетования женщины, которые она высказывала Напель. – Ты же знаешь, как мужчины относятся к нам...

«Дура, – хотелось ему бросить ей в упрёк, – что бы ты понимала в ходьбе во времени?»

Напель что-то отвечала ей – успокаивала.

А Иван вспомнил разговор с Эламом Шестым, по твёрдому убеждению которого с женщинами можно иметь дело и говорить с ними только об одном: как продлить свой род и занять потомков. Потому жалуясь Напель, эта женщина была совершенно не права, так как он к такому типу мужчинам не относился и честно старался вывести её из комнаты

к замку.

Но ведь не получилось! И не по его вине.

И... не нужны ему потомки от неё! С такой страшной физиономией, ни на секунду не закрываемым ртом и язвительным языком...

Не получилось, не получилось... Не нужны, не нужны... Подобно бою колоколов, прошло через весь беспокойный сон. Иван встал ещё больше разбитым и усталым, чем был прежде.

Женщину Напель устроила на тюфячке по другую сторону от входа в Ивановом убежище...

Иван провёл последнего из людей Напель и неторопливо возвращался за нею самой. В целом, проводка, что ни говори, всё-таки удалась на славу, так как только двое не смогли пройти с ним через поле ходьбы. А вначале думалось, что такая участь постигнет половину из них.

Иван и не торопился, отдыхая в дороге. Ему предстояло побриться, принять душ, привести себя в порядок.

В предвкушении этого и окончания бесконечных переходов, он спокойно проявился в реальном мире. В комнате было шумно, в ней шла свальная драка.

Около десятка громил, вооружённых короткими мечами, в тесноте ограниченного пространства навалились на обитателей убежища. Узкий ход в комнату обороняли молодой человек и женщина, не пропущенные полем ходьбы к замку.

Женщина, ловко и точно нанося удары и отбивая их, виз-

жала громко и высоко, словно долго не заводящаяся машина. Молодой ухал при каждом поднятии и опускании длинного меча и казался более медлительным, хотя его тяжёлое оружие било вернее и сокрушительнее, чем лёгкая рапира напарницы.

Напель сжалась в комок и с ногами сидела в постели на подушке, спина её упиралась в угол комнаты. Глаза девушки неимоверно расширились, она надеялась применить свой убийственный взгляд, памятный Ивану, и ожидала, когда нападавшие ворвутся в комнату. Впрочем, она отчётливо понимала свою полную беспомощность. Ну, поразит она одного-двух, но остальные достанут своими мечами до неё.

Защита ослабевала. Молча отшатнулся и упал, отвалясь в сторону, молодой человек. Безвольные руки выпустили меч, и тот со звоном свалился на пол. Женщина с удвоенной силой завизжала и заработала клинком.

Иван как раз застал эту картину схватки. Реакция его была решительной. Он ухватил рюкзак и сунул руку за бластером.

– Нет! – испуганно воскликнула Напель и вскочила на ноги. – Здесь, Ваня, нельзя! Только холодное оружие... Мечи... Уводи... Уводи меня отсюда!

– А она?

– Это её долг!

– Ты что?! Я не могу... бросить!

Как он мог бросить того, кто встал на защиту Напель, а значит, и его. Да за одни те мгновения, когда он вышагнул из поля ходьбы и не успел сразу понять происходящего, а она, эта сварливая мужененавистница, заслонила его от неминуемого удара, он не мог оставить её одну против толпы разъярённых мужчин.

– Ваня, уходи-и-м!

Напель повисла у него на руке. Он бессознательно отталкивал её и в то же самое время подтаскивал к двери, чтобы вступить за последнего защитника и помочь ему.

Помощь опоздала.

Багрово сочащееся жало меча вынырнуло из спины женщины и не достало самого Ивана нескольких сантиметров. Визг женщины перешёл в басовитый храп, и последняя защитница свалилась поперёк прохода. Поразивший её мужчина выдернул меч из её тела и с выпученными глазами, в которых не отражалось ничего, кроме страха и стремления к убийству, разбрызгивая капли крови, замахнулся на ходока.

Иван был вынужден обороняться. Ему помогала теснота в комнате. Мечом особо не размахнуть, только в укол, но для того надо попасть в цель, а цель – Иван – не давалась.

Потянулись руки, стали рвать на ходоке одежду. Толкачёв расчётливо отбивался и отступал. На постели стояла Напель. Она одного уже ослепила своим непостижимым взглядом, и тот стал мешать нападавшим. Его просто повалили с ног и растоптали.

Иван отбивался и поражал. Напель накапливала силы для нового выброса энергии из глаз...

И всё-таки их загоняли в угол. Времени достать бластер или наган, дабы пугнуть озверевших нападавших вопреки запрету Напель, не было. Оттого чувство злости одолевало Ивана, он терял рассудок и превращался в берсеркера. И наверняка бы погиб от меча...

– Стоять всем! – вдруг выкрикнула Напель страшным и незнакомым Ивану голосом, от которого дрогнули стены, и как будто стали распадаться на глазах.

Окрику нападавшие подчинились сразу, чуть отпрянули. Они с ужасом ожидали чего-то ещё более страшного, чем схватка со ставкой на жизнь. У Ивана от неожиданности по коже поползли холодные мурашки, он непроизвольно стал разворачиваться к Напель.

– Ваня, – она кошкой прыгнула ему на спину, – уходим отсюда!.. Быстрее!

Он перешёл в поле ходьбы, оставляя противников перед пустотой, которая их поразила, не менее сильно, чем приказ Напель.

– Говорила тебе, – колола она прямо в ухо Ивана, когда тишина и полусумрак дороги времени охватили их. – Надо было уходить раньше, а тебе надо было влезть...

– Нечестно так... – Огрызнулся он. – Нечестно бросать тех, кто... с тобой... – Он говорил и понимал, что молодой человек и эта капризная, но такая мужественная женщина,

были обречены ещё до того, как в комнату неизвестно как прорвались вооружённые люди. Их бы пришлось бросить по другую сторону временного барьера. Однако, даже понимая это умом, он не был согласен с тем, что их следовало бросать ещё живыми и уходить навсегда. Оттого не мог остановиться и бубнил: – Нельзя так...

– Ваня, возьми себя в руки! Ты думаешь, мне легче? Отнюдь. Для тебя они просто некто, кого ты не смог провести к замку, а для меня они – часть меня...

– Прости... Откуда они взялись? Эти... Как узнали?

– Узнали, значит. Нас было слишком много. Кто-то чужой мог выследить или кто из нас сказать что-нибудь лишнее. Или напали на твой след.

– Маклак?

– У Пекты много верных псов. Может быть, и Маклак. – Она соскользнула с его спины, крепче схватилась за его руку, прижалась. – Пошли, Ваня. Ничего уже не сделаешь, не вернёшь... Нет, веди меня чуть левее, там заросли реже...

Ей пришлось поистине продирааться сквозь заросли кустов и деревьев. Она извивалась, наклонялась, обходила, ползла, но её дорога, не в пример другим, вела прямо к замку.

Шагая уже по переходам и лестницам замка, Иван смог критически осмотреть и ощупать себя. Жёсткая щетина отросла, джинсы порваны, в прорехи куртки видна серая бронерубаха, такая полезная против пуль и уколов, но беспо-

мощная от тяжёлого удара меча. Кровь капала с подбородка, и заметившая это Напель промокнула её своим благоухающим платком.

– Любишь, Ваня, подраться, – осудила или просто спросила – не понять.

– Тоже мне любовь. Кому охота?

– Ты не поверишь, – она лукаво улыбнулась, словно минутами раньше на её глазах не умирали преданные ей люди, – но я так люблю, когда мужчины дерутся.

– Какая корысть? Кулаки, синяки... Потом вонючим от них разит.

– Корысти никакой, но когда выходят такие как ты, Ваня, есть на что посмотреть.

– Ну, уж, – сказал недоверчиво Иван, понимая её грубую лесть, и расплылся в улыбке

Наперекор всему тому, что было, что будет, он был собой доволен.

Выйдя в реальный мир, тут же заметил себя, в прошлом, ожидающего Кароса. Попытался предупредить о нападении – контакта не получилось, да и Напель торопила. Ей было необычно и неприятно видеть их обоих сразу. Он махнул себе рукой. Вспомнил свой внешний вид, – представший перед ним тогдашним: небритый, оборванный и с дурацким синим рюкзаком, – и расстроился.

Лестница

Измотанный сложными и долгими переходами по дороге времени без передышки, порой с тяжёлым грузом на плечах – приходилось некоторым людей Напель буквально нести на себе – Иван не смог по-настоящему задуматься о парадоксах времени в самом замке Великого Пекты. Размышления же, посетившие его при ожидании Кароса, оказались поверхностными. Теперь, когда он исходил замок вдоль и поперёк и побывал в его окрестностях, находясь в поле ходьбы, передвигаясь то в прошлое, то в будущее, – это если судить по своему опыту, опыту хождения во времени, – то стал понимать, что никакого прошлого и будущего в Поясе не было. Ибо, куда бы он в замке ни направлялся, время оставалось одним и тем же, как на «будущей» его стороне, так и на «прошлой».

Миг, – сказала Напель о ширине Пояса во времени... А это означало: в реальном времени замок Пекты существовал доли секунды. Он мог обозначиться стороннему наблюдателю как краткое видение. Только способность глаза не сразу забывать увиденное, может быть, удивила бы кого-нибудь или испугала, но понять этого никто бы не смог. И то: нечто странное и грандиозное мелькнуло, сделало отпечаток на сетчатке глаза и в сознании и тут же пропало, чтобы никогда больше не появиться. Как поймёшь, что это было? Игра ума или реальность?

Иван тоже не понимал.

Он здесь, по его расчётам, провёл уже больше недели, если, конечно, считать, сколько времени он потратил на перемещение людей Напель. Столько же где-то в замке находился и Карос, которого он периодически встречал. С ним уходили другие, приведённые Иваном. И всю эту неделю все те, кого он сюда поочерёдно протаскивал сквозь время, что-то ведь делали, переходя от одного занятия к другому, знаменуя тем самым, что и для них время представлялось вместилищем или средой, где происходила некая последовательность явлений, а это всё равно, что существование прошлого, настоящего и будущего...

Вот сейчас он и Напель направлялись по длинному коридору в условленное место. Они переглядывались, обменивались жестами, что означало одно: время течёт, давая всей этой цепочке действий проявляться раз за разом.

Поэтому как понять, что оно на самом деле стоит на месте?

Напель говорит, что временем можно управлять. Но разве можно чем-то управлять, если оно стоит без движения?

И ещё одно задевало Ивана за живое.

Карос настоятельно советовал проявляться в реальном мире только в одном месте замка – в коридорном тупичке. Особенно он предостерегал от пренебрежения рекомендацией при проводке людей. Вначале Ивану подумалось о предосторожности, не лишней и для него. Так как чем дальше от сторонних глаз, тем лучше. Но потом усомнился в своей вер-

сии. Почему бы сразу не проявиться в «святая святых» замка, у той машины, или устройства, или установки, созданной Пектой Великим и держащей Пояс Закрытых Веков в рабочем состоянии и неприкосновенности? И там сразу уничтожить её, эту проклятую машину? Карос на его вопросы прямо не отвечал. Не хотел посвящать его в какие-то тайны, или сам не знал. Всякий раз он нервно тёр ладонью лоб и невнятно бормотал:

– ...Пекта... Пекта не так прост, чтобы кто-то мог... Его не обманешь... Нам надо подойти тихонько...

– На цыпочках, что ли? – иронизировал Иван.

Карос соглашался:

– И то... Везде пороги, их не перескочишь сразу. Надо подготовить всё... чтобы наверняка... чтобы...

Напель на его вопрос о машине насторожилась.

– Откуда узнал?

– Карос говорил. А что?

– Да ничего особенного.

– Тогда почему...

– Перестань, Ваня. Сейчас не до того. Придём, сам поймёшь, а объяснять долго.

Потому-то, как бы не был занят Иван проводкой, но каждый раз, возвращаясь к очередному ведомому, заглядывал в многочисленные ответвления от основной дороги, что позволило ему увидеть в замке многое. Кроме одного. Нигде ничего похожего на машину, которая, якобы, управляла Поя-

сом и сохраняла его цельность, он не находил.

«Нет никакой машины! – высветилась у него однажды мысль. – И нет никакого Пекты!»

Сия странная и крамольная мысль, возникнув, стала преследовать его до тех пор, пока он не сделал следующего предположения: она устроена не здесь, в замке, а где-то в другом месте, и в другом времени.

«А почему бы и нет?» – он думал, кружа мыслями вокруг одного и того же представления, порой переходящего в убеждение: – машина размещена в замке; недаром люди Напель перебрасываются сюда, но вынесена в другое время... Или сам замок бытует не только в реальном времени и в поле ходьбы ходоков во времени, но и в какой-то другой ипостаси Времени, с большой буквы, Времени, проявления которого бесконечны... Или в другом поле, тоже ходьбы, но ему недоступном...

Иначе – он как будто потерял всякое направление в своих размышлениях о нахождении замка и заблудился в трёх соснах.

К тому же эти мимолётные предположения переплетались с мыслями о намерении Напель и её людей, к коим теперь относился и он, достичь желаемого. Но их действия, на его взгляд, пока что больше походили на аферу, чем на продуманную операцию.

Авантюристы они, – всё больше убеждался он, хотя иногда поддавался какому – то наитию и представлял себе

неимоверную сложность мероприятия, задуманного Напель. В такие мгновения у него обострялись чувства, и он ощущал холод от неминуемых предстоящих потерь и утрат, связанных с ним непосредственно в этом странном, непонятном ему деле.

Поистине: и он сам, и Напель, и единомышленники её – не замахнулись ли на то, чего сами не знали, и потому шли к неведомому по неизвестному, окружному пути?..

Карос – в маске, но Иван его узнал сразу – встретил их у неприметных дверей длинного коридора и бесцеремонно толкнул в небольшое помещение.

Тяжёлая мебель тускло отсвечивала в сумраке комнаты. Свет сюда поступал из узкого окна, просачиваясь через тёмный от времени или севшей на него пыли витраж. Перед рабочим столом Кароса в полстены светился экран. Во всяком случае, это походило на экран громадного телевизора. Картинка на стене двигалась, показывая сверху вниз винтовую лестницу с незатейливыми перилами. Полосы ступеней монотонно ползли вверх, исчезали за верхней кромкой экрана, на смену им снизу появлялись новые, до скуки схожие с предыдущими. Долго смотреть на такую картину – в пору заснуть.

– Она? – только войдя и дав Каросу сесть за стол, резко спросила Напель.

Карос потёр лоб, снял маску и насупился.

– По всем признакам, да.

– Наконец-то! Нашёл...

– Не торопись, госпожа...

– Надо торопиться. Они напали на убежище в Топсе. Кэт и Моис защищались. Мы ушли, но они... – Ивану показалось, или так оно и было на самом деле, но голос Напель дрогнул. Она чуть помолчала и добавила почти шёпотом: – Их уже нет между нами.

Карос вздохнул.

– Я как раз хотел тебя предупредить. Наш поиск засекли. И если эта лестница та, которую мы ищем, то у нас ещё есть время. Если же не она, то... Я принял кое-какие меры, но они уже ищут нас.

– Где остальные?

– На местах. Через... полчаса нам надо будет отсюда уходить... Если это она, мы успеваем и можем перейти из сектора служб в сектор жилья. Они нас там долго не найдут. Если не она...

Иван с сочувствием прислушивался к негромкому говору Кароса. У него, наверное, случилось нечто схожее с тем, что у себя недавно заметил Иван: – он всё время говорил одно и то же, словно ходя по кругу.

– Символы встречал?

Напель нервничала, покусывала губы. Щёки её румянились, линии тела менялись неуловимо и изящно. Иван видел только красоту её движений и любовался ими.

– Символы были, – отозвался Карос.

Он прикоснулся пальцем к столу, на экране в правом верхнем углу возникло матовое облачко, в центре его проступила, виденная уже Иваном на воротах лигатура: вычурные латинские буквы P и G, а у основания её, справа, две волнистые линии.

– Это его знак, – уверенно сказала Напель. – Это она! Ты нашёл её! Теперь жди! Внизу лестницы у входа знак появится вновь, но там вместо символа воды будут стоять три звезды. Треугольник углом вниз. И корона над буквами... Что это! – вдруг вскрикнула Напель. – Она...

Секундой позже мелодично прозвенел колокольчик.

Карос вздрогнул, бросил взгляд на предводительницу.

– Они точно знают, где мы, – лицо его скривилось как при плаче. – Мы здесь можем находиться не больше пяти минут... Ну же!

Его восклицание и кулаки, поднятые вверх, относились к медленному скольжению винтовой лестницы на мониторе.

Иван понимал свою роль. Он встал у двери, но спросил:

– Куда будем выходить? Сюда?

– Эта дверь работает только на вход. Через неё отсюда не выйти.

– Тогда её надо забаррикадировать, – Иван уже шарил глазами по комнате, прикидывая, что можно будет в первую очередь подтащить к двери, чтобы преградить путь возможному нападению с этой стороны.

– Не надо. Они в неё не пойдут. Слишком далеко. Они

будут нас ждать на выходе, – и Карос мотнул головой, показывая в противоположную сторону комнаты.

– Раз они сюда не пойдут, почему бы тогда нам не выйти через эти двери?

– Нет, Ваня, – печально покачала головой Напель. – Карос уже сказал тебе: из них не выйти. В замке есть либо входы, либо выходы.

– Я сейчас посмотрю.

Он стал на дорогу времени. Всё вокруг переменялось разительно. Весь антураж комнаты пропал: двери, мебель, аппаратура... В поле ходьбы существовал только первозданный остов замка, а всё остальное – это вспышка, нулевая величина в миге бытия замка, будто ничего этого нет вообще. Глянец голых стен расступился, лишённая начинки, комната оказалась большой. Вместо двери зиял широкий проём, ведущий в коридор. Иван свободно вышел в него, вернулся в комнату и перешёл в реальный мир.

– Что? – спросила Напель.

– Можно выйти.

– Слава тебе, Ваня!

Карос оглянулся, на лице – надежда.

– Тогда у нас в запасе минут десять...

Вдруг черты лица его исказились, взор впился в экран. Верх изображения лестницы на нём зарябил полосами, задёргался. Снизу поднимались ступени и пропадали в серебряной паутине, постепенно затопившей всю верхнюю часть

экрана. Сквозь неё проявился чей-то лик: вначале глаза, брови, обрисовались припухлые губы, прямой нос обрёл очертания, потом – коротко стриженные волосы...

Черты прояснившегося лица показались Ивану знакомыми.

– Пекта! – воскликнула Напель и быстро отвернулась от экрана. – Карос, что бы он ни говорил, не отвечай. И поменьше двигайся. Ты, Ваня, тоже. И не разговаривайте... Карос, не спускай глаз с лестницы, вот-вот должен появиться знак. Если он тот, который нам нужен, сразу же обесточь систему. Ваня, а ты приготовься нас отсюда выводить.

Подобный фотографическому снимку облик Пекты ожил, глаза моргнули, шевельнулись губы. Карос спешно натянул маску и накинул капюшон.

– И всё-таки ты здесь, Напель, – произнёс Пекта мягко и грустно, словно безмерно сожалел о случившемся. Выглядел он лет на тридцать, не больше. На высоком чистом лбу затаилась складочка, как у Напель. На щеках играл здоровый румянец. Он во всём походил на Напель, точнее, она на него. Напель взяла от него всё самое хорошее. – Ах, Напель, – продолжал он негромко, – наслушалась сказок и поверила в невозможное. Разве кто сможет...

– Есть! – выкрикнул Карос и тут же испуганно прикрыл рот ладонью.

– Покажи? – нервно дёрнулась к нему Напель.

– Вот, смотри...

– Да, это она! Выключай систему!

Экран медленно погас, вместо него обозначилась ничем не примечательная стена.

И сразу же послышался топот множества бегущих ног. Слышно было даже не ухом, а через пол и стены.

Бежали не таясь. Бежали уверенно.

Топот на секунды затих, а потом появился со стороны входа, откуда, по мысли Кароса, можно было не ожидать нападения, и стал стремительно нарастать.

– Сейчас они будут здесь, – прижала к груди руки Напель. – Ваня! Как же ты нас поведёшь? Сразу двоих? Мы оба должны...

– Напель, прыгай мне на спину! Так... Карос, руку! Прижмись ко мне теснее. Ну!

Дверь прямо перед лицом Ивана дрогнула от первого удара, и стала раскрываться, но ходок с тяжёлой ношей уже уходил на дорогу времени и истаивал в реальном мире. Ворвавшиеся мгновением позже вооружённые мечами люди никого в комнате не застали, только тонкий аромат духов Напель напоминал о недавнем её пребывании здесь.

– Пекта, их нет! – оповестил один из прибывших.

– Жди команды, – прозвучал голос Пекты. – Они же сами себе придумали смерть...

Иван протащил Напель и Кароса по всему коридору до поворота в другой такой же коридор, то есть длинный и пустой.

– Заверни за угол, – сказал Карос. – Да, сюда. Здесь мож-

но... открыться.

Выйдя в реальный мир, Иван повалился в изнеможении на пол.

– Дайте передохнуть. Минутку бы...

– Отдохни, Ваня.

Слишком устал он за последнее время.

И не только физически. Стали сдавать нервы. В конце концов, ну что сейчас произошло такого? Практически, обычная ситуация – срочно надо было уйти. И они удачно скрылись. Но сколько усилий это стоило ему, будто бы он только что вылез из глубокой ямы, которую копал несчётное число часов, а потом неожиданно обнаружил – не выбраться из неё.

– Полдела сделано! – уверенно проговорил Карос.

Напель присела на пол рядом с Иваном, пригнула его голову и положила её себе на колени. Вытерла ему пот со лба и скул. Только после этого посмотрела на Кароса.

– Ты не прав. Сделана только малая часть. Надо ещё дойти до лестницы, спуститься до врат Творящего Время, войти в них... А там... Что там? Один Пекта знает всё наверняка, а нам придётся ещё кое в чём разобраться. И всё это время нам будут мешать. И лишь потом...

Ивана убаюкивали слова Напель. Так бы и лежал, полу закрыв глаза, и слушал бы её без конца.

– О том поговорим после! – диссонансом размеренному голосу Напель строго и громко проговорил Карос и украдкой

кивнул головой в сторону Ивана.

Она отрицательно покачала головой.

– У нас ещё много впереди неожиданностей.

– Тем более, – проговорил Карос одними губами.

Средневековье

В реальном мире убранство замка резко отличалось от того, каким Иван видел его на дороге времени. И если в том его отображении замок отличался избытком лестничных переходов, тупиков, коридоров, хотя в них ощущалась какая-то цельность и упорядоченность, то вне поля ходьбы постройка удручала бессмысленностью этого лабиринта деталей. Словно строители или создатели (кто знает, как возникал этот замок?) заботились лишь об одном – нагромоздить и прилепить друг к другу как можно больше похожих или, возможно, типовых мелочей в невообразимых сочетаниях. Может быть, и намеренно, чтобы сбить с толку любого, кто вздумает разобраться во всей этой мешанине.

Однако Карос уверенно вёл их к цели.

Недолго.

Пол под ногами провалился внезапно. Отреагировала только Напель лёгким вскриком. У Ивана к горлу подступила тошнота, по голове ему что-то стукнуло, и он потерял сознание.

Очнулся от свежести воды на лице. Ещё не открывая глаз,

он почувствовал, что лежит на чём-то мягком и влажном. В голове стоял шум.

– Сейчас он придёт в себя, – кому-то сказала женщина и ласково позвала. – Ваня, очнись!

Её голос пробуждал какие-то приятные давние воспоминания, так мама по утрам будила его, а он не хотел вставать, умываться, завтракать, – эта милая цепочка действий сейчас представлялась Ивану в знакомой и радостной последовательности. Он улыбнулся ей и открыл глаза.

Боль в голове ошеломила его. Он всё вспомнил и стремительно вскочил на ноги. Под ними заколебалась земля, зачавкала. Где же он? Вокруг опять болото?

– Болото? – спросил он своих спутников, едва различимых в полутьме.

– Оно, – скучно произнесла Напель.

– Он нас поймал как каких-то несмышлёнышей, – зло проговорил Карос. – Маску он сбросил, губы его кривились в усмешке. – Я же знал о ямах времени и о ловушках... Знал, но и забыл... Всё так шло хорошо...

Карос сидел на кочке, как и Напель, и в бессилии стучал кулаками себе по коленям.

– На сколько же он нас отбросил от Прибоя? – Напель устала, плечи её поникли. Но глаза горели неукротимым фанатичным светом.

– Кто знает, – отозвался Карос. – Но мы можем находиться и в Поясе. Но какая нам разница в том?

– Я как будто здесь уже побывал, – осторожно сказал Иван, так как по-настоящему не был уверен в своём предположении. – И если это произошло и вправду в моём поле ходьбы за Поясом до Прибоя, то нас отбросило за сотни тысяч лет...

Напель прикрыла руками лицо.

– Тебе, Ваня, нас отсюда не вывести? – спросила она минутой позже.

Даже не спросила, а больше констатировала непреложный факт. И столько уныния слышалось в её словах, что у Ивана защемило сердце при взгляде на неё.

– Ну почему же... – начал он было решительно, но запнулся.

Карос, подавшийся к Ивану с надеждой, махнул рукой и отвернулся. Напель опустила горящие глаза и вздохнула.

Думая, что они осуждают его, Иван заторопился объяснить свои сомнения. Ведь ему надо ещё найти направление движения к Поясу, а сориентироваться в полутемноте, не видя всего поля ходьбы, и из точки, координаты которой ему неизвестны, он не может. Но не это страшно само по себе, как им может показаться, а то, что для поиска направления ему надо будет всё время таскать их за собой, иначе они потеряются во времени навсегда. Отсюда вывод: когда это они ещё выйдут к Поясу, где их к тому же поджидает ещё и Хем, неизвестно...

Он говорил, говорил, говорил...

Карос так и сидел, отвернувшись, а Напель прятала лицо в ладонях, и что-то говорила своё.

– Но ты же вышел! – в истерическом порыве воскликнула она, перебивая Ивана.

– Вышел. Я и говорю, что вышел. Я и сейчас смогу выйти!

– Прекрасно! Когда?

Они явно его не слушали.

Всё впустую!

«Они меня не поняли», – с отчаянием подумал Иван, представляя нелепость своего положения и те трудности, которые придётся ему преодолеть – моральные и физические, пока он выведет их обратно к Поясу.

От этих мыслей у него разболелись голова и мышцы, захотелось сесть и полежать, позабыв обо всём. Хотя бы на полчаса.

Он рассеянно оглядел тоскливый пейзаж.

Бывало, по осени он любил хаживать за клюквой. Болот под Ленинградом хватает. Но там *живые* болота, а здесь... Смутно проглядывают чахлые деревца, и даже кто-то мелькает, перебегая или перескакивая с кочки на кочку, но впечатление от увиденного – всё мёртвое, застывшее, нереальное. За темнеющим окоёмом не видно линии горизонта, а низкие волокнисто-серые неподвижные облака изолировали местность от неба...

У Ивана мелькнула безумная мысль: – Не декорация ли это огромной сцены, устроенной где-нибудь под замком Ве-

ликого Пекты?. Там, в том его откате, в болоте, где он недавно побывал, всё было не так, как здесь...

Здесь нет даже вездесущих комаров!

– Ваня! Я считаю, так же как и ты, – сказала Напель. – Да, да. Это не временная яма. Это просто ловушка в стенах замка... – Она виновато улыбнулась. – Извини, Ваня, но я совершенно случайно подслушала твои размышления. Ты так образно всё представлял... Но если это так, то... ты, наверное, сможешь? Карос! Карос!.. Мы считаем, что болото – имитация.

Карос повернулся всем туловищем. Он недоверчиво посмотрел на Напель, перевёл взгляд на Ивана.

– Хорошо бы, – сказал он негромко. – Но тогда нам не следует сидеть, а надо идти. Иначе они нас здесь скоро найдут. Куда?.. Да в любую сторону. Возможности Пекты не безграничны.

Карос поднялся с кочки, с брезгливостью натянул на лицо маску, опробовал ногой опору под собой, сделал шаг и ухнул по пояс в болотную жижу. Брызги омочили Ивана и Напель.

Раздался утробный гул, болото заколыхалось, забулькало, зашипело. Стало разжижаться.

– Подержи его! – крикнул Иван. – Я сейчас!

Он стал на дорогу времени.

Непроницаемая тьма окружила его. Под ногами оказалось твёрдое неровное покрытие. Иван покрутился на месте и, наконец, увидел в чёрной стене тонкую светлую вертикальную

прорезь. Сколько до неё было, на глаз в темноте трудно установить, да Иван не стал определять расстояния и проверять, что бы полоса означала. Он надеялся, более того, с первого мгновения был уверен, что это какой-то проход или выход, ведущий из имитационной комнаты в сопредельное помещение, где можно будет проявиться в реальном мире без риска вновь оказаться в ловушке. Карос, пожалуй, прав: возможности имитации не беспредельны, и подобные ловушки рассчитаны не на ходоков во времени.

Он вернулся к спутникам.

Кароса уже по горло засосало в болото. Напель в отчаянии вцепилась в его рукав и тянула на себя, хотя сама уже погрузилась по грудь. Вокруг них набухали газовые пузыри и лопались с пушечным громом, разбрасывая далеко в стороны воду и растения.

Объявилась какая-то живность. Длинные многоногие зверьки с рыжевато-бурой шёрсткой и острыми мордочками сбегались отовсюду к попавшим в капкан ловушки людям. Они противно пищали и норовили вцепиться острыми зубами в незащищённые одеждой места.

Иван пнул, не разбираясь, по ближайшим хищникам, подхватил обмякшее тело Напель, перехватил у неё руку Кароса и увлёк их за собой на дорогу времени. Там почти волоком протащил тяжёлого Кароса к светлой полосе – отблеск изломанного поворота – и вышел в реальный мир.

Красивая ковровая дорожка с длинным ворсом, на кото-

рой они сидели, быстро намокла и потемнела от стекающей с одежды воды и грязи, принесённой ими из имитационной камеры. Все тяжело дышали. Карос мотал головой и отплёвывался. Изодранная зверьками в нескольких местах маска его валялась далеко в стороне. Напель не отпускала шею Ивана и прижималась к нему, словно ожидая ещё какого-то катаклизма, и искала у него защиты. Её трясло от озноба и ненависти.

Сейчас они находились в тесном, лишённом какой-либо мебели, помещении, чуть большем комнаты квартиры Ивана. Казалось, ковровая дорожка просто выходит из одной стены и погружается в другую, противоположную первой.

Пол под ними задрожал. Они услышали почти рядом, будто это происходило за бумажной перегородкой, топот ног и громкое сопение бегущих людей.

– Это за нами, – шепнула Напель и прижала палец к губам. Карос насторожился и положил руку на эфес меча.

Иван, когда топот стих и Напель слегка расслабила хватку на его шее, отметил в памяти некоторую странность, которая возникла у него при первом контакте с погонщиками. Странность заключалась в их вооружении, у них было только холодное оружие: короткие, типа свифских акинаков, мечи и кинжалы. Всё это так не вязалось с электронным оборудованием, управляемым Каросом в недавно покинутом зале, да и с самим появлением Пояса, создание которого не могло возникнуть без сложных вычислительных систем. Оттого

схватка в убежище позволила ему уйти с Напель без особого труда: мечом не сразу достанешь противника.

Он покосился на богатые ножны Кароса, выпавшие из-под полы его длинного плаща, потемневшего от воды.

«Ночь длинных ножей и плащей», – пришло Ивану в голову сравнение с давно будто бы канувшим в прошлое понятием из истории человечества.

Карос нехотя поднялся, осмотрел комнатку.

– Тупик, – сказал он и выжиданием посмотрел на Ивана.

– Ладно, – кивнул Иван.

Ему так не хотелось становиться на дорогу времени. Сейчас бы принять ванну и поспать в сухости и тепле.

В поле ходьбы комнатка оказалась проходной; что вдоль, что поперёк – четыре проёма, по одному на каждую стену.

Туда, куда он сейчас повернулся лицом, шла дорога в ещё одно маленькое – чуланчиком – помещение, из него дальше просматривалась очередная лестница. Слева можно было выйти в коридор, по которому только что пробежала погоня, устроенная Пектой. Справа находился огромный зал. Своды его подпирались толстыми бочкообразными колоннами с валиками вокруг баз и капителей. Колонны скрадывали высоту и объём здания, но всё равно оно, пожалуй, не уступало Юбилейному спортивному комплексу. Пол его пересекали глубокие, но сравнительно узкие траншеи, дна которых Иван в сумерках поля ходьбы не смог увидеть, и едва не угодил в одну из них, входя и осматривая зал.

Ничего примечательного он больше не заметил. Да и не мог ничего нового увидеть. Теперь он понимал, что отображение замка в его поле ходьбы – не что иное, как некое неизменное сооружение, остов или скелет, плоть на котором нарастала только в реальном мире. Точно так же выглядит человек в рентгеновских лучах. И в этом большом зале на самом деле в реальном мире могло размещаться всё, что угодно. Например, громадный склад чего-нибудь. А в траншеях могли закладывать силос или квасить капусту. Именно такие ямы для второго использования Иван видел на гарнизонных складах. В них многометровым слоем квасилась капуста, и солдаты на специальных подъёмниках спускались туда, чтобы поднять наверх заказанное её количество тем или иным подразделением...

Он вернулся к своим спутникам. Его рассказ оживил и взбодрил их.

– Ва-ня! – почти пропела Напель, явно обрадованная принесённой Иваном новостью, и быстро, вслепую вода руками над головой, привела свою пострадавшую от пребывания в болоте причёску в порядок. – Это же мои апартаменты.

Она так и сказала: – апартаменты. Ивану почудился какой-то холодок, исходящий от этого слова и от самой Напель.

– Ничего себе... апартаменты. Там только в футбол играть если... Но... Это же для жилья. Так зачем траншеи накопили? Глубокие, к тому же.

– Это, Ваня, не траншеи. Это ловушки, – просто сказала

Напель, словно о какой-то безделице.

И опять повеяло холодком от её слов.

– Подобно той, где побывали и мы?

– Угу! – невозмутимо кивнула девушка.

– Там же выход был, а здесь...

– Зато надёжнее.

Иван от неожиданных сведений поморгал и внезапно захохотал.

Ему показался до невозможности забавным сам факт существования средневековых ловушек, средневекового вооружения солдат Пекты и людей Напель, да и всё остальное: сам замок, его тайны, заговоры его обитателей. И всё это принесено не из Франции или Италии эпохи Карролингов, а из будущего. Из просвещённого, максимально компьютеризированного, роботизированного и прочая, и прочая – будущего. Из того времени, где исследуется дальний космос, где фактически добились бессмертия, где...

Ведь Карос недавно работал именно в такой комнате... Смешно же!

Смешно было Ивану. Смешно ли?

Не очень, но то была разрядка. Он отсмеялся, будто бы изнемог, однако почувствовал больше бодрости, вытер слёзы и стал излагать спутникам свои мысли.

– Смотрю на вас, слушаю и удивляюсь. Я о таком знаю только по книжкам. Дюма там или ещё кого. Всякие тайны Парижа, например. Или Восток с его правителями и наказа-

ниями. Входит к ним кто-нибудь из неугодных или провинившихся, а пол под ним... раз!.. и проваливается. И падает бедолага вниз, а там его ждут заострённые колья, а то и зверь изголодавшийся сидит и ждёт, когда ему кусок мяса подбросят. Неважно, что живьём. У нас вот о медведях тоже всякие ужастики рассказывают...

– Ну и что? – с явным недоумением спросила Напель.

На лице Кароса можно было прочесть тот же вопрос.

Порядок вещей в замке Пекты Великого их, по-видимому, не смущал, напротив, они считали его вполне естественным.

– Да вы что, не понимаете? Я смеюсь не только над тем, что вы живёте не двадцать вторым веком, откуда, якобы, сюда заявились, а двенадцатым, а то и вторым... До нашей эры. Впрочем, я пока не знаю, когда человек придумал всё это. Может быть, тысячи и тысячи лет тому назад. Я смеюсь и над тем, что вы ничего не принесли с собой из будущего. Здесь, если такая уж есть необходимость, можно понастроить таких современных ловушек... Я не специалист, конечно, но не ямы же дурацкие копать!.. Лазерная защита хотя бы... Инфра всякие... ультра... датчики слежения и дальнего обнаружения... Да сколько уже непродуманно только у нас, в двадцатом. Как чёрта в ступе! А что смогли люди создать за следующие двести лет, мне просто даже не представить. Так почему же методы времён короля Артура?

Напель слушала его внимательно, машинально поправляла причёску, касаясь её кончиками пальцев, предостерегаю-

ще поглядывала на нетерпеливого Кароса, подающего знаки, что пора двигаться дальше.

– Ты вот о чём, – проговорила она почти равнодушно на взволнованный спич Ивана. – Ты прав, конечно. Но здесь, Ваня, в замке, да и в самом Поясе, даже вблизи его как в заповедной зоне, следует остерегаться электромагнитных волн, всевозможных излучений, резких перепадов температуры, громких звуков, выстрелов и всего того, о чём ты говорил. Механизм Творящего Время слишком чувствителен и его реакция может быть непредсказуемой для виновника всего того, о чём здесь было сказано. Вот почему, как ты предположил, здесь Средневековье.

– А как же Карос? Экраны связи? А техника всевозможная?

– Там спецсектор. Он расположен в другом времени. Оно сдвинуто на несколько мгновений относительно того, где обитает основной комплекс Творящего Время.

– Это машина?

Напель повела плечами.

– Он не имеет иного названия. Он имеет имя. И это имя – Творящий Время!

Пришла очередь пожать плечами Ивану. По нему, хоть горшком назови, только в печь не сажай. Вслух он сказал:

– Ладно. Что дальше?

Ответил Карос, но не на его вопрос. Он обратился к Напель:

– Удобно будет пройти через твои апартаменты. Не важно, что чуть в сторону, но это зато собьёт погоню за нами, и мы успеем.

Напель в сомнении поджала губы. Подумав, она отрицательно качнула головой и опять потянулась безуспешно поправлять причёску.

– Если он предполагает, где мы сейчас находимся, а он знает уже, то может думать так же, как сейчас думаешь ты. Я уверена, он послал туда стражников, и те уже затаились не только на входе, но и внутри. Ваня, ведь там траншеи от стены до стены?

– Да. Мне через них с вами не перепрыгнуть.

– Вот. А в нашем мире они нас поджидают. Здесь сидят, за стеной, – она указала пальцем на эту стену. – Тогда нам надо... идти напролом. И именно сейчас. Пока они бегают по всему замку. И здесь и в сопредельном времени. Им понадобится много ещё побегать и, главное, долго ещё нас поискать, а потом собраться в кулак, чтобы выступить против нас. Как думаешь, Карос?

– Возможно, ты права. Тогда что?

– Надо выходить в коридор. По нему самое короткое расстояние до нужной нам лестницы. Мы успеем подойти к ней раньше их. И... Что будет дальше, не хочу загадывать. В конечном счёте, выбор за Творящим Время.

– Как это? Что за выбор? – спросил Иван.

Ему в словах Напель почудилась новая нотка. И она ему

не понравилась.

Карос тоже с некоторым недоумением посмотрел на свою предводительницу.

– Не сейчас, Ваня. Чуть позже узнаешь всё, – скороговоркой произнесла Напель. – А сейчас выводи нас отсюда в коридор.

Мужчины переглянулись.

Иван вздохнул и подчинился.

Штурм

Люди Напель в масках с накинутыми капюшонами длинных плащей рассыпались тёмными изваяниями вдоль стены коридора. Красная с белой каймой ковровая дорожка резко контрастировала с ними.

Как чернильные пятка в луже крови...

Иван об руку с Каросом двинулся на разведку. И уже через сотню шагов Карос остановился перед мало чем примечательной дверью, коих в замке было превеликое множество. Единственное, что её могло отличать от остальных – так это её встроенность в глубокую нишу. Создавалось впечатление, что стена, где она располагалась, имела в толщину не менее двух метров. Рассеянный свет далёкого окна едва достигал этого закоулка.

Карос воровато оглянулся, юркнул в нишу, замер перед дверью, напрягся. Иван через его руку ощутил возможность

появления чего-то ужасного, что могло их ожидать за этой простой дверью из-за тех действий, которые они намеревались сейчас совершить. Так они простояли довольно долго. Карос, похоже, слегка отошёл от оцепенения и молча показал Ивану на едва приметную, подобную теневому отпечатку, символику Пекты. Только по подсказке спутника Иван тоже смог рассмотреть проступающие в центре полотна двери витиеватые, но уже известные ему, латинские буквы P и G, увенчанные короной в виде W.

Сильно нажимая большим пальцем руки, Карос тщательно обвёл им контуры букв. Затем его указательный палец дёрнулся в направлении двери, как будто выстрелил в неё, и показал Ивану – надо войти!

Иван, также молча, показал жестом: откроем или пройдем через неё по ладони – зигзаг ладонью мимо мнимого препятствия. Карос отрицательно качнул головой и сделал движение, словно потянул дверь на себя. Однако вопреки ходу руки он сильно навалился на дверь плечом. И тут же отпрянул, потянув за собой Ивана.

Дверь от мощного толчка или, может быть, просто из-за прикосновения к ней, бесшумно открылась внутрь, в темноту.

Карос буркнул себе под нос нечто удовлетворённое.
– Идём! – сказал он негромко. – Меня можешь отпустить.
Опередив Ивана, он пригнул подбородок к груди и словно против сильного встречного ветра шагнул в чёрный про-

вал. Следом, Иван не заметил, когда они успели подойти, заскользили тени людей Напель. Где она сейчас была сама, он не мог определить. Попробовал обернуться и разыскать её, но даже тот сумрачный свет, доходящий до двери, сейчас загордели, и он ничего не увидел, кроме контуров примятых капюшонов.

Впереди тоже ничего не было видно.

– Они здесь никого не оставили или позабыли поставить. Значит, поджидают нас там, у лестницы, – пристав на цыпочки и потянувшись, Карос шепнул Ивану прямо в ухо и как будто засмеялся, щекоча ходоку висок. – Сейчас будет ещё одна...

Они вновь, как и предсказывал Карос, упёрлись в дверь. И Иван опять без слов спросил зигзагом ладони. Карос не столько увидел его молчаливый вопрос, сколько догадался о нём.

– Нет, – сказал он нормальным голосом, не таясь. – Там они могут тебя увидеть и приготовиться, чтобы встретить нас. А нам их предупреждать не с руки.

– Я обойду их.

– Не шепчи. Здесь можно говорить как обычно.

– Я обойду их и посмотрю вокруг с другой стороны.

– Нет. Мы сейчас вышли на вторую ступень времени. За той дверью, – Карос махнул рукой назад, – осталась первая, а за этой – третья. И мы не уверены, что ты попадёшь туда, куда тебе надо. Лучше не рисковать.

Он высказал всё это на одном дыхании, и ему потребовалось время, чтобы продышаться. Иван воспользовался паузой.

– Вам виднее, конечно.

– Не совсем. Мы всё-таки не знаем твоих возможностей. Может быть, и попадёшь... Если бы это было так, ты смог бы всех нас провести через своё поле ходьбы прямо к подножию лестницы, прямо к воротам обиталища Творящего Время. А он располагаетя на четвёртой ступени... Но есть риск. Не будем искушать твою судьбу. И Напель, – напомнил он, как сильный аргумент, – думает также.

– Пусть так, – буркнул Иван, с сомнением выслушав Кароса. – Сложно всё это. Ступени, уровни...

Однако ничего против полученных сведений он не имел, и доводы Кароса показались ему если не убедительными, то, во всяком случае, кое-что объясняющими. Ведь он сам рыскал по всему замку, но никаких следов лестницы, напоминающей виденную на экране в спецсекторе, не нашёл.

Пока он предавался размышлениям, Карос давал короткие команды отряду людей Напель. Где-то в темноте, в балахоне, с капюшоном на голове стояла и она, но голос не подавала и команду на себя не принимала, полагаясь, наверное, на опыт Кароса.

Вдруг Иван внезапно для самого себя вздрогнул, воочию представив, что сейчас или через несколько секунд, а это одно и то же, он встретится грудь в грудь с тем, кого он дол-

жен будет оглушить или даже убить, чтобы, перешагнув его, прорваться к Творящему Времени и уничтожить его.

«Ты когда-нибудь убивал?» – спрашивала его Напель....

Щемящее чувство неизбежности того, что должно произойти, на мгновение перехватило его дыхание, но сразу же перешло в готовность и решительность столкнуться врукопашную с противником и повергнуть его... Если, конечно, тот не повергнет его самого. Впрочем, сама мысль погибнуть именно сейчас казалась ему дикой и нереальной.

Он был уверен в себе.

Средневековье... Будто герои Дюма, готовые всегда драться, глядя в глаза противника...

Дверь от сильного толчка ногой Кароса распахнулась. Люди Напель устремились в неё.

На вошедших людей со всех сторон, словно светили десятки ламп, обрушился нестерпимо яркий свет. Он привёл в некоторое замешательство только Ивана. Он не ожидал такого. Глаза его сузились в щёлки, он некоторое время плохо видел перед собой.

Но его спутники этого светового перепада, наверное, даже не заметили и, не мешкая ни мгновения, обнажили короткие мечи и ринулись в яростном порыве на первую шеренгу стражей у лестницы.

Соратники Напель в дружном рывке опередили Ивана и оставили его за собой в тылу.

Началось сражение. Приглушённо зазвенел металл. Раз-

дались первые вскрики раненых. Однако акустика помещения была такова, что звуки сразу же замирали в месте их возникновения, и слышны были словно через ватные пробки в ушах.

Вначале Иван видел только чёрные спины и островерхие капюшоны пришедших вместе с ним, да оловянно серебряные вспышки мечей. Они потускнели, когда окрасились кровью. Кровь, растоптанная мягкими, для бесшумной ходьбы, сапогами, поделила светлый мраморный пол площадки перед лестницей. Люди Напель теснили стражу, и грязно красная полоса расширялась, показав несколько человек убитыми и ранеными.

Иван не находил себя в происходящем. Он остался за спинами и без оружия. О том, что он без оружия, вспомнил внезапно, как о страшной несправедливости к себе. Ему *не дали* его! Обошли! Забыли!.. А оставаться безоружным в виду близкой рубки было не только обидно, но и небезопасно. Он осмотрелся, однако рядом с ним никого не было.

Куда-то совсем затерялась Напель.

Он судорожно скинул одну лямку рюкзака, махнул им из-за плеча вперёд, подхватил незанятой рукой и запустил её в синее чрево бесформенного мешка. Там он нащупал в переплетении мотка верёвки ребристую длинную рукоять бластера, в нетерпении оттолкнул её, ухватился за ствол пистолета, и так, держа за ствол, вытащил его. Пистолет засунул под ремень, а рюкзак вновь забросил на спину. Руку опустил

на рукоятку, ощутив себя вполне уверенным, что никто ему теперь безнаказанно причинить вреда не сможет.

Порыскал глазами, выбирая жертву, если она вдруг провётся сквозь тёмный строй штурмующих подходы к лестнице и решит напасть на него. И задался мыслью найти Напель, чтобы охранять и защищать её.

Тёплая мягкая ладонь легла ему на руку с оружием.

– Не надо, Ваня, – негромко сказала, вышедшая из тёмного провала двери, Напель, и посмотрела ему в глаза. – Здесь нельзя стрелять. Возьми лучше это.

Она протянула ему меч.

Он решительно взял его, взвесил в ладони, – о таком он читал, и такой видел в фильмах, – и тут же понял, что совершенно не знает, как им пользоваться.

Нет, махать им направо и налево он, конечно, смог бы. И в первом порыве он так и думал: всё будет так легко, тем более что меч в его руках казался игрушкой. Маши им и... Но так легко это выглядело, когда он наблюдал воинов, владеющих мечами в кино. А, обретя меч, он скис. Нападать и защищаться по правилам искусства боя на мечах, которым, как он видел, в совершенстве владели его спутники и защитники лестницы, он не умел.

Да и откуда ему было набраться этой науки?

А мог бы. Предупреждал же его Уленойк из Амазонии, чтобы учился. Не поверил, отмахнулся, а зря, оказывается.

Иван неумело крутил меч в руке. Лучше бы нож, а ещё

лучше – штык на автомате Калашникова. Вот с ним бы он тут повоевал.

– Я этим... не умею, – сказал он Напель. – Мне бы кортик какой-нибудь...

– Так возьми, – произнесла, словно сделала одолжение, Напель и подала ему похожий на финку нож. – Но и меч не бросай. Кто знает... И вот что, Ваня, ты лучше не вмешивайся в их драку. У нас свои счёты со стражей Пекты, а ты поберегись.

– Ты не права. В этом деле каждый боец на счету. И...

– Не лезь! – круто оборвала его Напель. – Стой и жди!

Иван слегка опешил, но внял её совету.

Стой и жди!.. Стой и жди!..

Вообще-то, интересно, что Напель потребовала не вмешиваться «в драку». Почему именно в драку? Почему такое уничижение события, важного, по всей видимости, для неё. Это же бойня! Ну, назвала бы схваткой или боем, куда ни шло, а то – драка!

Забывшись, Иван стал перебирать в памяти все названия, которые могли быть использованы для краткого описания захвата лестницы людьми Напель с применением силы.

Бой, схватка, бойня... Уже было. Тогда – штурм? Очень широкое понятие. Впрочем, оно первоначально обозначало как раз военную операцию. Но это и штурм высоты, и крепости, и всё такое прочее... Может быть, – сражение? Так это когда много людей и на большой территории... Битва?

Какая это битва? Так себе, кучка бойцов на кучку. Вот под Марафоном была битва. Для того времени, конечно. Битва при Каннах. За Сталинград – вот битва! А здесь бой местного значения?..

А ведь Напель права: обычная драка, только вместо кулаков машут мечами.

Длинные плащи тем временем отдалились. Люди Напель успешно теснили стражу. Был лишь один момент, когда нападавшие остановились и даже попятнулись, топча поверженных – своих и чужих.

Напель ущипнула Ивана в бицепс и закусила до крови губу.

– Пекта прислал подмогу... Но поздно, поздно... – цедила она слова сквозь зубы. Она шипела и презрительно шурила глаза. Мстительное выражение испортило её лицо. – Через пять минут он опоздает навсегда... Ещё пять минут...

– Пришлёт ещё кого, – подсказал Иван, заражаясь её нервозностью.

– Даже Пекте это сделать не так просто. Их ещё надо провести по ступеням времени, а мы уже прошли. Пока они до нас дойдут, нас здесь уже не будет.

– Но... – Иван не знал, как выразить своё недоверие к словам девушки. – Мы ведь только что прошли ступени времени. Карос сказал. А до коридора шагов двадцать...

Она засмеялась. Зло и коротко. Её подбородок дёрнулся как от попадания кислого на зубы, затронутые оскоминой.

– Пусть попробует. А я посмотрю!..

Иван не понял, на что она там посмотрит, так как из дверей, ведущих со второй ступени времени на третью, из тех, из которых они недавно вышли сами, на площадку высыпали вооружённые люди численностью не менее десятка.

– За спину! – прикрикнул он Напель и бесцеремонно подтолкнул её рукой.

Он первым атаковал неожиданную поддержку стражникам. Они, ударив в спину нападавшим, могли сильно повлиять на результат драки не в пользу людей Напель.

Что-то кричала Напель, но ему было не до неё. Не умея владеть мечом, он, тем не менее, ошеломил противника невероятной эквилибристикой – быстрым вращением меча в руке и выпадами им во все стороны. Сверкание меча и неожиданные, хотя и бессмысленные, метания Ивана отвлекли вновь прибывших от основного его оружия – ударов ногами, которым он был натренирован с детства. И когда по призыву Напель прибежала часть её людей, практически все противники Ивана были нокаутированы или корчились от боли, побросав мечи, так что все они уже не представляли опасности.

– Ваня, ты неповторим! – сказала Напель, но в голосе её слышалось равнодушие.

Ивана её заявление не порадовало не только грубоватой лестью, но и тем, что произошло следом. Напель распорядилась:

– Добейте их!

Ему стало нехорошо, он отвернулся от страшного зрелища: люди Напель действовали как мясники, разделявая туши. Их мечи без усталости рассекали поверженных. Нечто подобное он видел однажды в афганском ауле, через который прошли басмачи и вырезали всех – от мала до велика...

Всё заканчивалось и у лестницы. Грудами валялись тела убитых и смертельно раненых, среди них и люди Напель. Их чёрные плащи оттеняли окровавленный пол. Но никто не пришёл к ним на помощь, никто не склонил перед ними головы или хотя бы удостоверился – мертвы ли они или просто упали от изнеможения.

Живые, зажимая полученные раны, расступились перед Напель и Иваном и ринулись вслед за ними вниз по винтовой лестнице.

Погоня

Кто ходил или ходит по ней? Кому она нужна или зачем она нужна? Именно такая?

Иван задавал сам себе вопросы, кружа вокруг толстой стойки, от которой веером отходили ступени шириной всего в ладонь – только поставить пятку. И разумного ответа не находил. Для такой глубокой шахты можно было бы устроить лифт или иной какой-нибудь, хотя бы примитивный подъёмник, раз нельзя здесь пользоваться электроэнергией.

Ходьба по такой лестнице – мозги вытряхнуть. Оттого голова стала кружиться, а ноги – терять ступени и оступаться. Однажды он едва не полетел кувырком, что при такой крутизне вполне могло случиться. Спас Карос, мёртвой хваткой поймавший Ивана за лямки рюкзака. Сказал наставительно:

– Беги и смотри внимательно под ноги. А впрочем, давай-ка я пойду первым. Мне кажется, я здесь уже когда-то ходил... Или, может быть, по другой такой лестнице.

Иван охотно уступил ему лидерство и с уважением посмотрел на его неширокую, прикрытую плащом спину. Карос с виду явно уступал ему в силе, но, похоже, лучше в его руки не попадаться.

Сумеречный свет приходил неизвестно откуда и позволял видеть впереди не более пяти ступеней, всё остальное тонуло в белёсом и оттого и бездонном мареве. И когда там, в этом светлом ничто, обозначилось нечто, Иван судорожно перевёл дыхание и почувствовал себя увереннее, ибо с облегчением подумал: бессмысленной лестнице наступает конец. Ему всякие средневековые ухищрения, предпринимаемые в замке Пекты, уже поднадоели. В них проявлялось какое-то идиотское постоянство, словно одна идея воплощалась многократно с минимальными отклонениями, да и то лишь для того, чтобы показать её со всех сторон: беготня стражников, лестницы, ловушки, помашки мечами...

– Кто?! – оглушительно громыхнула вся шахта лестницы и завибрировала, усиливая звук, как струна.

Люди Напель резко остановились и замерли. Иван также остановился. Сердце у него застучало громче. Предводительница вплотную приблизилась сзади к Ивану и положила на его плечи руки. Он ощутил её тепло даже через бронерубаху, и это подействовало на него успокаивающе. Напель знает, что случилось, и можно на неё положиться.

Однако он ошибался.

– Кто идёт? – опять грохнула вся лестница.

Карос предостерегающе приподнял руку.

– Что это? – шёпотом спросила Напель. – Карос?

Ивана подмывало ответить, что, мол, впереди караульный. Это он должен по уставу, стоя на посту, любому, кто появится рядом с ним, подать команду: – Стой! Кто идёт?

Карос оглянулся.

– Автомат...

Лестница медленно, но для всех неожиданно, истаяла, и беглецы повисли в пустоте и тишине. Лишь из-под ног тянулся тягуче-волокнистый свет, будто тысячи светлых волосков устремились волнуясь космами вверх, создавая такую иллюзию падения, что кто-то из группы не удержался и ахнул:

– Проваливаемся!

– Нет! – прикрикнула Напель высоким голосом. – Обман зрения!

Несмотря на её предупреждение, Иван всё-таки чувствовал себя падающим куда-то вниз. Не было обжигающего вет-

ра, который немилосердно бьёт в лицо при прыжке с парашютом. Не закатывалось сердце от потери веса. И всё равно – он падал. Большим усилием воли он постарался вернуться к действительности, обнаружив, что левая рука его судорожно, до онемения, сжимает центральный столб.

Что-то он последнее время нервничает не по делу. Ему стало стыдно за себя, тем более перед лицом любимой женщины. Он обозлился и на себя, и на непредвиденное обстоятельство.

– Пусти! – стряхнул он ладони Напель и потеснил Кароса. – Здесь такой свет, что... – Он решительно, но осторожно опустил ногу настолько, чтобы нащупать следующую ступень, и нашёл её на месте. – Всё в порядке. Идите за мной!

Дальше их спуск скорее походил на робкое движение слепых или идущих в полной темноте, неуверенных, встретит ли их следующий шаг опору, или их поджидает пропасть.

– Так мы к Творящему до конца жизни не доберёмся, – едва размыкая губы, проговорила Напель.

Она опиралась рукой на плечо Ивана, непроизвольно подталкивая его вперёд. Отчего тот оступался, буркал себе под нос, но понимал её нетерпение.

Бесконечный спуск утомлял. Встать бы на дорогу времени и осмотреться, однако, верил он или не верил в упоминание Кароса о ступенях времени, рисковать не было смысла. Им лучше знать. Объявись он сейчас в поле ходьбы, после возвращения в реальный мир, вернее в тот, в котором

он сейчас находился, мог бы оказаться в любом месте, но не с Напель... Вот что его больше всего удерживало не делать прометчивых шагов по всем этим ступеням.

Через дюжину витков лестница вновь стала просматриваться впереди как прежде, но теперь она как будто упиралась, косо обрываясь, в мутную серую подушку, сотканную из света и тени.

Снова пришлось потратить несколько секунд на остановку и совещание.

Иван пошарил в карманах и нашёл монету. Бросил её вниз. Тусклый её кружок провалился сквозь мнимое препятствие и обозначил своё падение вглубь шахты затихающими ударами по ступеням. Их там ещё оставалось слишком много.

– Средневековье, – хмыкнул неодобрительно Иван и, никого не приглашая, пошёл вниз.

Все двинулись за ним.

Ноги Ивана погрузились в туманное образование и, наверное, запустили в действие какой-то механизм. Одна из стен шахты с грохотом и визгом давно не смазываемых дверных петель (если это были петли), отвалилась наружу, и десятка два стражников ворвались в брешь. Возглавлял их громадный рыжеусый человек с дикими навывкате глазами. Грудь его защищала огненно золотая кираса, в которую облачался ещё Дон Кихот. На голове красовался тяжёлый шлем образца времён Филиппа Македонского. В руках он держал

секиру русского воина на поле Куликовом, способную раз-
рубить человека вдоль с одного удара.

– Маклак! – в один голос вскричали все, кто окружал Ива-
на, но так же все в мгновение ока оголили свои мечи и при-
готовились к отражению атаки, лишь Напель прикрыла лицо
рукавом.

Для Ивана происходящее представлялось в каком-то ми-
стически невообразимом виде. Звероподобное явление Мак-
клака и молниеносная реакция его противников – чётко от-
работанное действо...

– А-а-а! – обрадовано заревел подобно среднеазиатскому
карнаю Маклак. – Узнали! В масках? Ха!.. Я сдеру их с вас
вместе с кожей! Вот тогда-то вы будете похожи на одно лицо!

Он стал заводить руки для размаха угрожающе опасной
секирой. Поведи он ею – попавшему или попавшим под неё
не поздоровится!

Так бы оно, наверное, и было. Но что-то у него и его под-
ручных не заладилось. Как бы он ни был грозен и как ни го-
рел желанием разделаться с бунтовщиками, он не смог про-
рваться к ним. Первые двое стражников, не добежав все-
го полуметра до выброса руки мечом, канули вниз, даже не
успев вскрикнуть. Куда они провалились, нельзя было по-
нять. Да и никто не думал о них.

– Великий! – оглушительно заорал Маклак, беснуясь пе-
ред замершей цепочкой людей Напель. – Какого дьявола! Тут
временной барьер или чёрт знает что! Я не могу до этих...

Сними его!

Неизвестно, слышал ли его Пекта, но Иван успел вставить свои слова между громогласным потоком слов Маклака:

– Чего стоим? Все вниз! Быстрее!

– Он прав, – подтвердила Напель, поскольку призыв ходока к её людям не возымел действия. – Вниз!

Они уже успели опуститься витка на три по лестнице, когда услышали, как на неё наконец-то прорвался Маклак со стражниками.

– Бойся!.. Придавлю каблуком как гнид!.. – угрожал он, не переставая. – Одной задницей всех передавлю!

Вскоре он охрип и приумолк. К тому же, при громоздкости тела и снаряжения спускаться ему по тесной лестнице с круто падающими узкими ступенями было много труднее других. А так как он бежал впереди стражников, то погоня постепенно стала отставать и затихать где-то вверху, вселяя надежду в преследуемых.

А лестнице не было конца...

Загнанные люди дышали с таким шумом, будто прокачивали воздух мехами. И нет времени остановиться, перевести дух. Сверху, даже отставшая, накатывалась неумолимая и такая же задыхающаяся погоня во главе с Маклаком, рык которого, хотя и приглушённый севшим голосом, время от времени раздавался по всему стволу шахты. Он, конечно, сдерживал погоню, но если ему вдруг удастся приблизиться, то для тех, кто находился в конце вереницы людей Напель, это

означало неминуемую смерть. Так что любая задержка могла многим стоить жизни.

И как бы беглецы ни боялись этой задержки и ни остерегались, она случилась.

Один из них, витка полтора над Иваном, оступился, упал головой вниз, под ноги Напель. Никто не успел его подстраховать, он стремительно протиснулся из-за спин впереди идущих и сломал себе шею.

Он страшно застонал. Его товарищи остановились и молча взирали на его мучения.

К нему склонилась Напель. Лицо её, раскрасневшееся и вдохновенное, было прекрасным. Иван залюбовался ею. Она выглядела свежо и бодро. Её дыхание не выдавало спешки длительного бегства и усталости. Иван смотрел на неё и верил ей будто божеству. Вот она сейчас что-то сделает или скажет такое, от чего поверженный встанет как ни в чём ни бывало и устремится со всеми вместе к таинственному Творящему Время...

И она сказала. Твёрдо, без колебаний.

– Ласель, ты знаешь, что надо делать?

– Да, госпожа! – отозвался из-под маски тот, кто стоял ближе всех к раненому.

– Так не мешкай!

Ласель выхватил меч и коротким тренированным замахом рассёк маску вместе с половиной черепа своего оступившегося товарища. Поверженный дёрнулся телом и обмяк.

– Вниз! – коротко скомандовала Напель.

Лицо её оставалось прекрасным и вдохновенным.

Иван едва удержался. Его тянуло вывернуться наизнанку. Никогда ещё он не видел такого хладнокровного убийства своими глазами. Кинофильмы не в счёт. Даже тогда, когда он, находясь в разведке у кишлака, затерянного в пыльной впадине между возвышенностями, увидел вблизи поножовщину среди моджахедов, его так не потрясли те убийства. Они убивали в состоянии аффекта, доведённые до отчаяния долгими боями, потерей близких, недоеданием и озлоблённостью на всех: русских, кабульских, своих полевых командиров и друг на друга.

Но здесь...

Он припомнил погибшего. Когда он его вёл по дороге времени к замку, ему показалось, что с ним идёт хрупкая женщина, настолько тонким и подвижным было его тело. Это оказался юноша. Он дрался со всеми у лестницы и выжил. И лишь неудачно оступился... Лица его Иван не видел, и никогда уже не увидит. Рассекающий удар меча Ласеля недаром пришёлся в маску, чтобы обезобразить лик и не дать возможности опознать противнику, кто перед ним и не сделать каких-либо выводов о составе и намерениях бунтовщиков, вознамерившихся выступить против Пекты Великого.

Через некоторое время, вспоминая событие, Иван вдруг со страхом представил себе, что на месте убитого мог бы быть он сам: со свёрнутой шеей на дороге времени не укро-

ешься. Неужели Напель так же хладнокровно распорядилась бы покончить и с ним?

Нет! – откинул он такую возможность, и тут же решил: – Могла бы!

Потрясённый своим заключением, он, наверное, впервые серьёзно подумал об истинных целях Напель. Что если они у неё, на самом деле, не те, о которых она ему говорила? И ради которых он согласился помогать ей? Уж очень всё идёт не так. Какое-то слепое повиновение людей, окружающих её. И хладнокровие при виде гибели своих соратников...

Он же ждал добра!..

Ему стало страшно и за себя и за неё. Что же она задумала, коль добивается цели, идя по трупам, с уверенностью, что так и должно быть?

Или чем их больше, тем лучше? Но кому?..

Кованые сапоги Маклака бухали уже над самой головой. Остановка стояла не менее десятка витков лестницы, и сейчас погоня практически наступала на плечи людям Напель.

– А-а! Канальи! Будет вам! – басовито и торжественно взвыл Маклак, наткнувшись на убитого, положенного так, чтобы обойти его было как можно труднее.

Погоня потеряла темп и снова отстала.

Иван же шёл как в бреду. Ему казалось, идёт он к своей гибели... Нет, не к гибели, конечно. Он не верил в свою смерть. Но к чему-то такому ужасному и неприятному, что будет равносильно гибели.

– Дошли! – донеслось снизу радостным голосом Кароса (Иван постепенно пропустил несколько человек вперёд). – Конец лестницы! Здесь вход к Творящему!

Творящий Время

В смутном свете Иван разглядел тёмные следы некогда начертанной символики Пекты Великого.

Люди Напель, а осталась их едва ли половина от пробитых Иваном сквозь время в замок, столпились плотной кучкой. Казалась она строгой и тёмной: капюшоны опущены до глаз, маски на лицах, плащи. Поэтому неясно было, радуются они окончанию долгого и опасного пути, предпринятому для достижения входа к Творящему, или, подобно Ивану, испытывают волнение и борются с противоречивыми желаниями: скорее открыть дверь, войти и увидеть то, ради чего жертвовали собой или остановиться, помедлить и не открывать, а оставить всё, как было прежде.

Ещё несколько минут, – лихорадочно размышлял Иван, – и великое творение человечества погибнет, рассеется в веках и тысячелетиях, не оставив о себе ни знака, ни намёка для будущей человеческой цивилизации.

Жаль!..

Где-то Иван прочитал: чтобы удивиться – достаточно нескольких мгновений, но чтобы кого-то удивить – порой не хватает жизни. Войти и удивиться – так просто! Но со-

здать Творящего Время достойно удивления... О-о! Кто знает, сколько человеческих трагедий и просветлений, сколько судеб и идей, слов и споров стоит за ним?

За дверью находилось как раз такое – удивительное создание гениев и мыслителей многих народов и поколений.

И это удивительное создание надо уничтожить. Иначе оно, как Молох, будет, даже не ведая о том, калечить всё новые и новые жизни, пойманные в силки времени и бьющиеся о Прибой, будто мухи о стекло, поскольку впереди у них нет ни будущего, ни прогресса.

Да, надо уничтожить, но жаль!..

Голос Напель был ровен и чётко до жёсткости:

– Данес, и ты, Самол, – назвала она имена своих спутников, телохранителей и бойцов, которых Иван не знал, – останетесь здесь! А ему скажите, чтобы постоял у входа и подождал. Я его позову. И... не церемоньтесь с ним. Так?

– Так, госпожа!

– Входим! И поможет нам Великий Девис!

Дверь легко, от одного толчка Напель, подалась внутрь. Иван краем уха слышал – вот-вот по лестнице ссыплется погоня во главе с разъярённым Маклаком, краем сознания обдумывал слова приказа Напель остающимся у двери и находил их в чём-то неправильными, но весь уже был там, где притаился неведомый Творящий Время. Он вытягивал шею, но углы капюшонов и низкая притолока двери заслоняли перспективу.

Что собирался он там увидеть? Он и сам не знал.

Какое-то гигантское кибернетическое существо, стоглазое, стоустое и сторукое...

Холодно отсвечивающие неземным светом крутобокие кубы аппаратуры, начинённые неведомыми для его века блоками, приборами, элементной базой...

Монументальное сооружение, сияющее разноцветными сигнальными огнями, и снующие вокруг него роботы-обслуживающие...

Какие-то фантастические видения животных и эфирных, сотканных из ничего, созданий...

Может быть, может быть...

Казалось бы, после всех этих мысленных построений и видений ничто его не должно было поразить.

Но он ступил под своды огромного подземного грота и — поразился.

Потому что ничего не видел.

Первое впечатление: вот громадная выработка в базальтовом слое, пустое до гулкости. Высокий сферический свод освещался с боков и давал несильный отражённый свет, создавая иллюзию светлого неба на раннем рассвете, оттого очертания каких-то хаотически разбросанных на полу предметов, в виде строительного мусора, приобретали акварельную размытость и неясность.

Его спутники, по-видимому, первому впечатлению не придавали особого значения. Они стояли и чего-то ожида-

ли. Впереди всех миниатюрная фигурка Напель, в полушаге за ней – Карос. Все они занимали столь незначительное пространство, что предметы, принятые Иваном за строительный мусор, выглядели холмами.

Иван ждал со всеми.

Так в молчании и ожидании прошло несколько тягостных секунд. И вдруг Иван ощутил перемену, ему стало мниться, хотя вокруг ничего ещё не происходило, совершенно новое состояние пространства: весь зал был чем-то заполнен, и нет в нём ни кубического сантиметра свободного места. Даже там, где он оставался с другими людьми Напель, ощущалась такая же заполненность. Она пронизала мозг, тело и конечности, словно включила их в свою структуру.

Впрочем, такое ощущение могло быть связано с разгорающимся в центре зала сиянием. Оно исходило от чашевидного образования, установленного на небольшом возвышении. До появления света на этом месте Ивану виделось высокое мусорное всхолмление.

Вначале засветилось туманное облако. Размеры его увеличивались, оно вспухало, словно подкачиваемое невидимыми насосами изнутри, но за рамки чаши не выходило. Вскоре можно было видеть весь зал как будто затканым тонкой серебристой паутиной, подвешенной к куполу. К стенам тянулись тонкие, с человеческий волос, нити, концы которых терялись в чаше. Они создавали прозрачный клубок, униженный мириадами алмазно-лучистых искр. Это они создавали

светящийся центр, исходящий из чаши. Он не был статичным, а дышал, искрился и жил: в нём возникали вращательные движения, но не вокруг общей оси, ибо каждая его отдельная нить и алмазные вкрапления в неё пребывали вне зависимости от других; они находили собственные меняющиеся пространственные координаты, не выходя, однако, за пределы общего клубка света над чашей.

Подземелье значительно осветилось.

Иван рассмотрел скудный интерьер зала. По-видимому, создавая его и работая здесь, никто не стремился к уюту. Чаша с искристо-волнистым облачком служила центром. Вокруг размещались приземистые пульта с откидными креслами человек на десять. Вот, пожалуй, и всё.

На противоположной стороне от входной двери аляповатым абрисом громоздились навалы не то ящиков, не то коробок. Иван даже непроизвольно улыбнулся. Знакомая картина. Как иногда бывает у овощных магазинов, где без ящиков не обойтись, но они заставляют проходы и безобразят элегантный вид киоска. Точно так же набросаны ящики – тара из-под оборудования – на стройке, где ему приходилось работать...

– Творящий Время! – раздался в тишине напряжённый и торжественный голос Напель.

Иван поискал глазами и заметил её стоящей перед одним из пультов, ближе всех придвинутых к чаше. Тёмный плащ она сбросила. Стан её неестественно выгнулся, боль-

шая грудь далеко подалась вперёд, руки лежали на панели пульта.

– Творящий Время! Ты слышишь меня?

Облачко вспыхнуло, припухло, заиграло зеленовато-си-ней гаммой оттенков.

– Творящий Время! Я – Напель, дочь Великого Девиса, создавшего тебя. Ты помнишь меня?

Что она такое говорит?.. Что она... Какой Девис?.. Ка-кие воспоминания?.. Надо уничтожить...

Облачко – Творящий Время или его видимая реагирую-щая часть – вновь вспыхнуло и залилось розоватой дымкой, в которой задёргались алые сполохи.

– Я рада, что ты узнал и слышишь меня, – всё больше во-одушевляясь и повышая голос, изрекала Напель. – А это мои друзья. Ты должен запомнить их. – Она повернулась к своим людям. – Откиньте капюшоны, снимите маски, пусть Творящий Время запомнит ваши лица. Ваня, подойди ко мне!

Что-то невероятное творилось в душе Ивана. В полном сознании он готов был сейчас выполнить любое желание Напель: убить того, на кого она укажет, расстрелять из пистоле-та или сжечь бластером Творящего Время, покончить с со-бой или, если она только пожелает, любить её на виду у всех. Вместе с тем в нём поднималась противное всем этим поэзы-вам чувство протеста. Его подсознание тревожило и крича-ло ему: – Остановись! Здесь всё не так, как должно быть! Ты оказался игрушкой в руках Напель! Она тебя обманула!

А ноги уже несли его к пульту, к Напель.

Она радостно и светло улыбнулась ему. Столько любви и ласки прочёл Иван в её улыбке и глазах! Сердце его готово было разорваться от счастья. Ему в эти мгновения не хотелось ни о чём не думать, ни анализировать происходящее и свои ощущения, ни принимать какие-либо решения. Он видел лишь одну Напель – желанную, единственную, неповторимую. Он весь погрузился в остановившееся для него мгновение.

Иван ответил такой же любящей улыбкой.

– Стань, Ваня, со мной рядом, – притянула она его близко к себе, взяв за руку, будто непослушное дитя, и опять обратилась к облачку: – Творящий Время, запомни этого человека и будь предан ему как мне. Он для тебя – это я! Я для тебя – это он!

Творящий Время засверкал всеми цветами радуги, зазвучала ликующая, словно хрустальная, мелодия. Напель счастливо засмеялась, нежно и радостно произнесла:

– Ваня!..

Иван, словно в безумном сне, с отчаянным чувством самого хорошего и желанного в его жизни почти задохнулся от упругости её груди и губ, горячащих кровь, когда она прильнула к нему всем телом и поцеловала долгим поцелуем.

– Ваня, – повторила она. – Я жила этой минутой все те долгие дни и годы, пока шла сюда. Я сделала всё, чтобы остаться, наконец, наедине с Творящим Время. И вот свер-

шилось! Я здесь и со мною ты, Ваня! Ты, Ваня радуйся со мной... Всё, всё, дорогой... Других дел много!

– Но-о... Как же так... А Прибой и люди в нём... Напель!.. Ведь ты говорила совершенно другое...

Он выбрасывал слова, как в бреду. Его бессвязная речь не возымела влияния ни на действия, ни на поведение Напель. Она уже отвернулась от него и повелительно крикнула через пол зала своим людям:

– Пусть впустят Маклака! Данес и Самол тоже пусть войдут со снятыми масками. – Её люди, застывшие у входа проявили, по-видимому, не достаточное, по мнению Напель, рвение и она подстегнула их: – Ну, кто там?! Живее!

Маклак с опаской вступил в зал. Привыкая к свету Творящего Время, он часто заморгал короткими ресницами. Недавний противник был кроток и не так страшен, каким показался, когда неожиданно объявился вблизи лестничной шахты. Сейчас он был даже смешон в своём средневековом наряде. Меч его покоился в ножнах, могучие, с узловатыми кистями руки не находили места и совершали беспорядочные движения: перебирали складку подола подкирасной рубахи, дёргали бороду и усы хозяина, поправляли шлем. Струйки пота от недавнего усердия догнать беглецов покрывали его не лишённое привлекательности и мужественности лицо.

– Слушаю тебя... гм... госпожа, – глухо и с запинкой (последнее слово ему подсказали люди Напель) просипел он

сорванным голосом и потупился, изображая полную покорность.

Иван ожидал бури – сейчас Напель прикажет, и с Маклаком поступят так же безжалостно, как недавно с юношей, оступившемся на лестнице. Но вместо гнева и страшного приказа он услышал совершенно иное.

– Я не сержусь на тебя, – сказала Напель. – Ты хорошо служишь. Будь так же предан и мне, как ты всегда был предан хозяину Творящего Время.

– Да, госпожа, – с готовностью отозвался Маклак и расправил плечи, руки его, наконец, успокоились.

Он, похоже, ожидал от неё того же, о чём подумал чуть раньше Иван.

– Сейчас ступай наверх. Закрой люк и убери трупы на площадках и на лестнице. Займись своим делом!

– Да, госпожа!

Не смотря на своё недоумение по поводу такого поворота событий и неспособности пока что оценить это, Иван тем не менее пожалел Маклака. Выглядел грозный предводитель стражи замка помятым. Погоня не далась ему даром. Потные волосы выбивались из-под шлема и висели сосульками. Он прихрамывал, когда входил в зал. Сейчас Напель посылала его наверх. А этот верх находился так высоко, и до него надо подниматься по лестнице...

Иван, как часто у него в последнее время случалось в самые, казалось бы, неподходящие моменты, неожиданно для

себя отвлекся и решил прикинуть высоту лестницы, но ничего не получилось. Он помнил одно: спускались они наверняка долго, но, сколько именно времени и полных оборотов совершили вокруг центрального столба, он даже не мог представить. Сто метров вглубь, а может быть, километр... Впрочем, вниз бежать – это не подниматься.

О чём это я?..

– И вот ещё что... – строго и безапелляционно начала Напель, дабы что-то сказать ещё Маклаку, но внезапно поперхнулась.

Стена над входом осветилась ровным голубоватым светом, и на ней появилось изображение молодявого лица Пекты Великого.

Маклак рыкнул и проворно, припадая на ногу, задом отступил к двери и скрылся в ней. Не хотел, чтобы его заметил бывший господин.

«Трус несчастный!» – определил Иван.

Вся жалость к нему пропала.

Но и люди Напель поспешно натягивали маски или прикрывались капюшонами и отворачивались.

Можно было сделать вывод – они не были уверены в своей окончательной победе. Пока что хозяином в замке оставался, по-видимому, Пекта Великий. Захват Творящего Время ничего ещё не решал.

– Напель... – укоризненно проговорил Пекта; в глазах его затаилась печаль.

Неравный поединок

Напель яростно вскинула перед собой руки, сжатые в кулаки. Не оборонялась, а наступала.

– Что тебе надо? Что? – крикнула она истерически изображению Пекты. – Я не хочу тебя видеть! Не хочу!

– Напель, дочь моя...

– Не смей! Не смей так меня называть! Я не твоя дочь, а ты мне не отец!

– Ты моя дочь. Дочь родная, – грустно и неторопливо проговаривал каждое слово Пекта, будто безнадежно уговаривал маленькую девочку, и при этом знал о тщете своих усилий наставить её на путь истинный. Глаза его наполнились слезой. – Ты, Напель, просто выросла и забыла, что ты моя дочь, а я твой...

– Ты лжёшь! Господи! Ты как всегда лжёшь. Ложь – твоё естественное состояние... А я теперь знаю всё. Понимаешь, всё! И то, как ты обманул моего отца, создателя Творящего Время, и украл его у него. Как ты его унизил и уничтожил. Всё знаю! Ты соблазнил мою мать! Она умерла от тоски и бессилия перед твоей ложью. Ты моего отца выбросил в Прибой. Ты!.. Ты убил его там. Ты убийца! Убийца моих родителей!

Лицо Пекты исказилось, уголки красивых губ опустились, вытянув щёки и обозначив скулы. Они так были похожи друг

на друга – Пекта и Напель. Оба они были явно не англосаксами, в них текла, возможно, восточная кровь.

– Одумайся, Напель, дочь моя, – так же мягко и настойчиво продолжал говорить Пекта. – О чём ты говоришь? С чьих губ в твои уши проник этот яд недоверия ко мне? С чьих слов ты говоришь?

– А-а! – воскликнула Напель.

Она бесновалась. Расхаживала рядом с пультом из стороны в сторону и на каждое выражение доброжелательности Пекты, она словно выплёвывала свои реплики, построенные так, чтобы как можно больнее ранить того, кто называл её родной дочерью.

– Ты сам обманщик и оттого везде ищешь обман. Тебе не понять, что его нет. Нет! Но есть правда! Не ты, а мой истинный отец Дэвис поистине великий человек. Это он – Дэвис Великий, а не ты. И о том помнят ещё те, до кого ты не добрался и не убил, и не отдал на потеху Анахору. Об этом помнит и Творящий Время, детище моего отца Дэвиса. Творящий Время мой брат, потому что я от плоти, а он от разума Дэвиса Великого. Вот она – правда! Спроси Творящего Время, и он тебе скажет то же самое.

Пекта прикрыл глаза узкой ладонью. Помолчал, ожидая, когда полностью стихнут звуки, рождённые в зале от резких, громких выкриков Напель. Он передвинул ладонь, разведя пальцы, к щеке.

– Нет, моя дочь. Всё, что ты здесь наговорила, – чушь! Это

я тебе говорю, твой отец. Дэвис никогда не любил твою мать, хотя она и считалась его женой. Мне не хотелось ворошить прошлого, но знай, дочь моя... Твоя мать ненавидела Дэвиса. За хвастовство, за пренебрежение ею, за тупость и трусость... Это она выбросила его в Прибой. Она! Твоя мать. Выбросила задолго до того, как ты родилась. Твоим отцом был я... Поверь мне, моё дитя. Поверь! И между нами исчезнут все стены, разделяющие нас. А Творящий Время... Он знает тебя со дня рождения. Это твоя мать настояла, чтобы я наладил контакт между тобой и им. А Дэвис...

– Я не верю тебе! Слышишь! – кричала Напель, но в её голосе ощущалась растерянность и колебания.

– Я слышу тебя, дочь моя. Я тебя слышал и понимал всегда. Но почему в тебе вдруг возникли подозрения ко мне и твоей матери? Зачем это тебе нужно?

Настойчивая уверенность Пекты делала своё дело. Однако Напель была крепким орешком. Она быстро справилась с собой. Мгновениями позже в её тоне стали преобладать жёсткие нотки. Она опять обретала убеждённость в том, что высказывала:

– Ты меня... Ты меня тоже вынудил уйти в Прибой. Твои подручные дурмы устроили за мной охоту, чтобы я как обычный Подарок досталась Анахору. Но ни им, ни тебе не удалось лишить меня разума ни в первый, ни в последний раз. И я решила. Я решила!.. Я решила, проклятый лжец Пекта! Оттого я здесь, как видишь. Стою за тем пультом, у кото-

рого ты, забавляясь, играл судьбами людей. Отсюда мановением руки ты выбрасывал неугодных тебе в Прибой. Где сейчас твои товарищи, друзья и единомышленники? Ты почти всех их уничтожил. Ты убил Прибоем моего отца! Ты убил мою мать! Ты сам умрёшь там! Понял!? Я, Напель, дочь Дэвиса Великого, проклиная тебя! Так вкуси Прибоя и умри, как умерли мои родители!

– Остановись! Не делай глупостей! Подумай, дочь!..

Действие затягивалось.

Причины его зародились, наверное, ещё задолго до образования Пояса, сейчас оно переживало кульминационный всплеск. Казалось бы, всё уже было сказано, выяснено – и должна наступить развязка.

Но Напель пошла по второму кругу. Она, наверное, не решилась сделать то, что собиралась, посылая угрозы Пекте. Возможно, неуверенность в своей правоте или страх за предполагаемое деяние удерживали её от последнего шага.

Люди, пришедшие с нею, отступили под дверь и теперь с явным нетерпением наблюдали за словесной перепалкой.

– Я не дочь тебе. И не называй меня так! Мой отец Дэвис! Колин Дэвис! – заклинала она, будто искала в словах утешение или оправдание. – А ты убийца! Испытаешь на своей шкуре Прибой! И запомни. Я двину Пояс в прошлое. Ты понял меня?

– Ты с ума сошла! Остановись, дочь моя. Подумай, что ты делаешь. Ты задумала страшное!

– Страшное? Ха-ха! Ты будешь биться в Прибое долго. Я постараюсь. Обещаю тебе.

– Не делай этого, дочь, – Пекта просил, но без надежды что-либо исправить в создавшейся обстановке. – У нас с тобой неравный спор. Ты свою жизнь строила так, как тебе хотелось. Захотела пожить в Прибое...

– Всё! – воскликнула Напель. – Я устала от тебя! Будь ты проклят!

Она, почти не глядя, ударила пальцами по панели пульта. Изображение Пекты исказилось. На лице его появились жёсткие складки, взгляд серых глаз остекленел... Он исчез, секундой позже тихо погас экран.

В зале установилась тревожная тишина.

Первым нарушил молчание Маклак. Он, оказывается, не очень-то торопился выполнять приказ Напель, когда над его головой раздавался голос прежнего господина. Ведь мало ли как могло повернуться дело. Выходило, что теперь его хозяйкой уже по-настоящему становилась Напель. И он поспешил воспользоваться моментом, дабы поздравить её.

Начальник охраны протолкался сквозь тёмные ряды людей Напель и выскочил вперёд. Щёки и ноздри его раздулись. На лице расплылась поганенькая улыбка подхалима.

– Хвала тебе, госпожа! – громыхнул он как в трубу. – Так ему и надо! А то...

– Пошёл прочь!

– Да, моя госпожа! – Маклак с места не тронулся.

– Пошёл прочь! Я тебе сказала!.. – голос Напель срывался. – Все прочь! Дорогу к своим апартаментам я найду сама, а вы займитесь своими делами.

Она упала в откидное кресло при пульте. Отбросила на спинку голову, прикрыла глаза.

– Ваня, – позвала она, уверенная, что Иван не покинул её. И была права, так как Иван не шелохнулся, когда все поспешно покидали зал и прикрыли за собой дверь. – Побудь со мной.

– Я здесь.

Гнев Напель

Пока между Пектой и Напель шло полное драматизма выяснение отношений с неравными возможностями и с полюсным различием намерений и тональностей, Иван пришёл в себя и кое-что успел понять в происходящем.

Немного он получил утешения от этого понимания.

Первое. Творящий Время, а значит и Пояс Закрытых Веков, и Прибой, создаваемый Поясом, уничтожены не будут.

Второе. Смена власти над Творящим Время и всем остальным – вот основная цель Напель, несмотря на человеческие жертвы. И третье...

Как ни печально, но он стал добровольным орудием в её руках. Она использовала его, влюбив в себя, разжалобив рассказками о своей жизни, пообещав ликвидировать Прибой.

Использовала умело и цинично. И добилась своего. Он же, словно мальчишка, попался на её чары и хитросплетения.

Да и вообще в мыслях Ивана складывалось неприятное ему предположение о своей роли во всём этом. Действительно. Вначале непонятный выход к горам недоступности и пленение Хемом. Потом случайная встреча с Напель в качестве Подарков... Он её сам и подстроил, уговорив Элама Шестого... Но потянулась цепочка якобы случайностей. Неужели всё это было подстроено ею?

Сейчас она становится диктатором в Поясе. Она угрожала Пекте предположением двинуть Пояс в прошлое. Хотя, помнится, говорила, что это Пекта решил подобным сдвигом обречь на гибель множество людей, жизнь которых в Прибое и так похожа на кошмар.

Насколько это несправедливо к нему, Ивану, и к ним, людям Прибоя! Насколько это бесчеловечно...

И это его Напель!

Напель! Ласковая как котёнок, нежная словно шёлк, любимая и любящая.

Любящая ли? Или всё это холодное притворство, обычное женское коварство? Использовать и выбросить... Она пошла на всё, как те разведчицы, для которых любовь – источник сведений. Но у неё ставка более высокая – власть над временем и над людьми. Ради такой цели к тому, кто может действенным способом помочь её достичь, можно снизить, дабы подарить ласку, нежность и любовь.

Возможно ли такое со стороны Напель?

– Ваня. Побудь со мной, – произнесла она негромко, и сердце его сжалось и тут же наполнилось радостью – столько беспредельной души и тепла он услышал в её словах и голосе.

– Я здесь, – отозвался он.

Почему он мог так плохо о ней думать? Ну конечно, – Пекта, её люди, невежа Маклак... Сейчас они останутся вдвоём и решат, каким образом поступить дальше с Поясом и Творящим Время...

Но не рано ли он обрадовался её приглашению побыть с нею?

Вот прогони она его со всеми – куда бы он пошёл? Люди Маклака и те, кто пришёл с Напель, считали себя в замке не пришельцами, здесь был их дом. У каждого из них, возможно, имеются свои апартаменты, не такие, конечно, как у Напель, а скромнее, но свои. Со своими ловушками и другим средневековым бредом.

А вот он – пришелец в этом тесном мирке. Поэтому, выгнав из зала других, она могла выгнать его только за пределы Пояса, что, наверное, не так-то просто.

Так не оставила ли она его сейчас здесь для того, чтобы распрощаться с ним и позабыть, как она отвергла своего отца? И стать единовластной властительницей времени?

Все эти сумбурные мысли промелькнули у Ивана безо всякой последовательности, а вперемешку. Он одновремен-

но верил и не верил Напель. Одно подстёгивало другое. Тем не менее, он ясно понимал, что наступает самый ответственный момент общения с Напель, после которого она, и Иван всё больше настраивал себя на такой исход, может быть, уже никогда не скажет со страстью и с просящим защиты у него придыханием: – Ва-аня!

Острая жалость к себе и Напель, к ожидаемому разрыву, что неминуемо возникнет между ними всего после нескольких сказанных слов, охватила его. Он ожесточался перед неизбежностью, но и не давил в себе желание оставить всё так, как есть, а это означало – всегда быть с Напель, каким бы неприятным и оказался предстоящий разговор.

Он охватил свой подбородок ладонью и посмотрел ей в глаза. Её это взволновало. Она встала, вплотную подошла к Ивану, положила тёплые руки ему на плечи и потянулась для поцелуя. Глаза её прикрылись, но приоткрылись губы, показав сахарно белую полоску зубов.

Он почувствовал головокружение от желания, исходящего от неё, и от её прикосновений.

«Нет... Нет!» – приказал он себе и грубовато перехватил её запястья и опустил руки вниз, не дав себя обнять.

Так они, неотрывно вглядываясь друг другу в глаза, простояли долгое время. У Напель они, вначале затуманенные и ласковые, постепенно приобретали пронзительность и строгость. Она сделала движение освободиться из его хватки.

– Ты... – начал он с трудом. – Ты можешь объяснить, что

здесь происходит? И с тобой тоже?

Она молчала. Её ищущий взгляд блуждал по его лицу.

– Зачем мы сюда пришли?

Она безмолвно покачала головой, как бы умоляя его не задавать вопросы. Глаза её подёрнулись мглой рассеянной отдалённости: мысли её были далеки от забот Ивана.

Он слегка встряхнул её за руки.

– Напель!

Она улыбнулась, открыто и радостно, словно только что увидела его.

– Ваня! Мы одни! Мы победили, Ваня! Творящий Время в нашей с тобой власти! Он наш! Ты понимаешь?.. Неужели ты не понимаешь? В наших руках власть!..

– Над чем или над кем? – терпеливо спросил он, хотя никаких надежд уже не питал. Напель сейчас находилась почти в невменяемом состоянии, когда никакие доводы не смогут достичь её разума.

– Над временем.

– И что дальше?

– Мы можем жить вечно! Мы сможем увидеть всю историю Земли. Нам подвластны прошлое и будущее. У нас власть над теми, кто жил, живёт сейчас и когда-нибудь будет жить... Ты понимаешь, Ваня? Власть!

– Нет, не понимаю!

Она надула губки.

– Я объясняю непонятно? Но это лишь из-за разности ве-

ков, где мы с тобой до того жили. Ваш век...

– Ты объясняешь понятно, – перебил её Иван. – Но как же теперь люди Прибоя? Как же сам Временной Прибой? Ты ведь хотела уничтожить Пояс! Ты...

– Пстой, Ваня!

Она резко, с силой выпростала свои руки. От неё повеял холодок отчуждения. Глаза её посветлели и помертвели.

– Я тебя слушаю, – почувствовав перемену, требовательно проговорил Иван.

– Так слушай... Что тебе до них, до людей Прибоя? Ты никогда не поймёшь ни их горестей, ни их радостей, ни их предназначения в жизни. Они, Ваня...

– Но подожди...

– Ты дослушай! – отмахнулась она. – Они только люди Прибоя.

Столько презрения и равнодушия заключалось в её отмашке и тоне произнесённых слов, что Ивану стало жутковато.

– Так люди же, Напель. Тысячи и тысячи. Ты же сама мне о них говорила и слёзы лила.

Она вдруг мило улыбнулась, взгляд её потеплел. Она опять потянулась к нему.

– Ты, Ваня, добрый и наивный... Потому я и полюбила тебя, как никогда никого ещё не любила. И поверь, никого, наверное, теперь не полюблю. Но, Ваня!.. Ну и поплакала я. Так что с того? На то я и женщина. И то, что мне их жалко,

это правда... Может быть! Но правда и в том, что – это люди-призраки. Это... Они... Это виртуальные ничтожества. Они же не живут, Ваня... Они мертвецы!

– Как ты можешь?

– Да, могу! Люди Прибоя лишь существуют. У них врождённый инстинкт Прибоя. Отсюда их философия. Зачем что-то делать, создавать, учиться, мыслить? Зачем заводить семью, растить детей? Зачем дружить, объединяться в общественные организации, любить и ненавидеть? Вот их пафос и кредо жизни! Потому что уже в их генах – Прибой... Вот придёт Прибой, думает с рождения каждый из них, и всё надо начинать сначала. Так зачем им такая жизнь?.. Да, я уничтожу Прибой, но только двинув Пояс в прошлое, и уже без них!

Слова срывались с её губ отрывисто и зло. Глаза сверкали. Она, тесня грудью, наступала на Ивана. Её энергии и эмоций хватило бы на пятерых. Под её напором Иван попятился, отступил шага на два и остановился, считая своё отступление неправильным. И когда она как будто выдохлась, сделав паузу, он повысил голос и постарался, чтобы она услышала его тоже.

– Ты, Напель, не права! Как ты не права. Это люди! У них, это правда, не мне говорить тебе о том, своя логика и этика поведения. Однако они умеют думать, они хотят любить и дружить. И у них семьи. Не такие, какие знаю я и, может быть, ты, но семьи. Они объединяют предков и потомков,

состав их меняется. Но суть-то остаётся. У них семьи с родовым гнездом Первопредка. Разве я тебе говорю нечто новое, чего не знала ты?

– Но ты не смеешь и не должен...

– Нет! Смею и должен! Ты забыла: если Пояс двинется, то он погонит людей тоже в прошлое, в то неведомое и необжитое время, где они будут влачить жалкое существование. Ты их не убьёшь, но превратишь в животных. Вновь в обезьян. Вот тогда у них не будет ни памяти, ни семьи, да и ничего человеческого. Единственное что они смогут – это проклинать тебя!... Тебя, Напель!

Она упрямо нагнула голову и отошла к пульту.

– Какое мне до них дело? – тихо, но жёстко сказала она после длительного молчания, когда Иван начал верить, что уговорил её не делать глупостей. Голос её окреп и зазвенел: – Я никогда не уничтожу Творящего Время, а с ним и Пояс. Никогда! Ты слышал? Я выбрала тебя! Но выбирай и ты, Ваня. Ты можешь остаться со мной, и я буду тебе верной и вечной подругой или женой. Как ты пожелаешь. Или... уходи к себе... Уходи, Ваня!

– Не-ет, – покачал головой Иван, всё больше злясь на себя и на неё. – Я просто так не уйду. У меня достаточно сил и умения, чтобы с твоим проклятым Творящим Время справиться самому и освободить людей Прибоя от его ужаса. И ты, Напель, предала меня... Потому я имею и моральное право!

Он привычно снимал рюкзак.

– Ваня!

Он видел открытый в крике рот Напель, но им владело одно желание – уничтожить машину, создающую Пояс. Под руку попался пистолет, хотя нужен был, пожалуй, бластер, но времени на поиски не было.

Рука его, ощущая тяжесть оружия, так и не успела подняться. Подняться и произвести выстрел в ненавистного ему Творящего Время.

Иван онемел.

Его поразила Напель, её лицо.

Что с ним творилось!

Оно оставалось таким же слегка испуганным и красивым, но милая складочка на её лбу приподнималась, и под ней из глубины сверкнул третий глаз, зелёный как чистейший изумруд. Напель пыталась прикрыть его ладонью, но это, похоже, было выше её усилий – руку её отбрасывало какой-то неведомой силой.

Глаз раскрывался всё шире, Напель кричала, тело её ломалось, руки тянулись к лицу. Иван чувствовал, как его омертвляет и сковывает взгляд третьего глаза Напель. Спасение могло быть одним – уйти в поле ходьбы, каким бы оно ни было вблизи Творящего Время.

Он собрал всю волю, чтобы избавиться от зависимости неведомого влияния и исполнить своё желание. Ему это, кажется, удалось. Напель уже начала смазываться и сквозь

неё просвечивали искры сияния Творящего Время. Но ещё быстрее Напель успела положить руки на панель пульта.

Страшная неодолимая круговерть скрутила, завертела и понесла Ивана с громом проламываемых стен пустого дома. Он потерял сознание.

Долгое возвращение

Весь мир качался на качелях. Только одна из четырёх тяж качели была оборвана, оттого – лёгкие укачивающие толчки, подёргивания, зыбкость...

Нет, он лежит на батуте, и тот его после падения с небольшой высоты ласково убаюкивает...

Упругие, сотрясающие тело и мозг удары чередовались, отчего возникало чувство беспечного успокаивающего взлёта, зависания в невесомости и падения, и ожидание следующего удара и взлёта.

Но очередного удара не последовало. Иван подождал его, заволновался и очнулся. Посмотрел перед собой и едва сдержал крик ужаса.

В полуметре от его лица, нависая над ним (он лежал на спине, голова ниже ног) горели чьи-то громадные немигающие глаза, утопленные в костистые глазницы, подобные провалам голого черепа. Вокруг глаз лоснились мелкие чешуйки.

Ниже глаз – клюв, наметившийся прямо ему в переноси-

цу. Иван резко бросил себя в сторону через бок. В районе позвонка атланта хрустнуло, и томящая боль прошла. Он ещё раз перевернулся и вскочил на ноги. Пальцы правой руки мёртвой хваткой продолжали стискивать рукоятку пистолета. Он готов был стрелять в страшные глаза. Но их не оказалось вблизи, они пропали где-то в плотной завесе тьмы. И всё-таки рядом кто-то шумно дышал, вдыхая и выдыхая массу воздуха, что говорило о больших размерах существа.

Иван прислушался, подумал, хочет ли он увидеть обладателя таких лёгких? Пожалуй, решил, пусть оно останется там, в темноте.

Но в этот момент земля дрогнула под ногами Ивана – удар, пауза полёта, удар...

В плотной черноте ночи обозначилась мягкая, белёсая дымка тумана, в ней – горообразный, окантованный идеальной кривой нормального распределения случайных величин, силуэт существа, в десятке метров медленно проплывающего мимо.

Видение затушевалось и исчезло.

Иван, потрясённый увиденным, замер на месте. У него не возникло сомнения в том, что мимо него прошествовал динозавр. Откуда он здесь? Кто его сюда перебросил? Как его угораздило встретиться со зверем далёких эпох Земли?

Тут он вспомнил...

...открывается третий глаз Напель, её борьба с ним... оцепенение, охватившее каждую клетку его естества, же-

лание стать на дорогу времени... падающие руки Напель на лик пульта Творящего Время...

Она его отбросила в прошлое!

Если так, тогда следует срочно узнать, кто здесь, в этом времени, гость: он или зверь из мезозоя?

Впрочем, возможны два варианта.

Предполагают же, что динозавры, во всяком случае, некоторые их виды, дожили до новейших времён. При таком раскладе не так всё страшно: он сейчас находится в прошлом, но не слишком далёком.

Но если он в гостях у динозавров? Настоящих? Живущих в своём времени?

То это... это... Десятки миллионов лет!..

Сколько именно, он не знал, но когда-то читал, что динозавры, во всяком случае, подавляющее число их видов, якобы, вымерли почти шестьдесят с лишним миллионов лет назад от того момента, когда Иван появился на свет.

Но возможно ли такое?

У Ивана слегка помутилось в голове. Вдруг заболели все кости и косточки. Он опустил в жёсткую на ощупь траву и бессмысленно посмотрел остановившимся взглядом в мутное полотно затуманенного пятна света.

Он смотрел и не видел. Думал, но не знал о чём – какие-то быстро летные воспоминания без определённой последовательности. Как мерцающая на экране картинка появлялся и пропадал третий глаз Напель, нацеленный на него зелёной

бездной. Наплывало ощущение её упругого молодого тела, полное страсти и одновременно холодности. Какие-то детские шалости лет двадцать пять тому назад в детском саду... Уродливая фигура раскачивающегося на ходульных ногах Хема, он падает на землю и раскручивается. Тут же коротышка прохаживается – Элам Шестой, и слышится отчаянный голос Пекты...

Всё смешалось, перепуталось в голове. Разновременные события наложились друг на друга прозрачными лоскутьями: ни концов, ни начал.

Тем временем темнота истончалась, постепенно переходя в марево тумана, который быстро редел. Наконец, Иван увидел себя отчётливо и близко со стороны. Так, как если бы его глаза непостижимым образом удалились от него самого на расстояние нескольких шагов и внимательно рассматривают теперь усталого согбенного человека, бесцельно проводящего время.

«Какой я помятый, – подумал он. – Кто бы из хорошо знающих меня прежде сейчас увидел. – Вот удивился бы моему невзрачному облику и одеянию...»

Видение самого себя передёрнулось и пропало. Он сидел на песчаном берегу неширокой реки, подмяв под себя кустик с крупными синими ягодами, их сок пропитал несуразными вляксами поредевшие и выцветшие от носки джинсы.

Он вскочил. Отряхиваясь, перепачкал чернильным цветом руки, вытер их о куртку, оставляя на ней тёмно-синие

следы пальцев.

Вода в реке показалась тёплой, но руки, как он их не тёр песком, не отмылись. Он постоял в нерешительности над водой. Берег круто уходил вниз и терялся где-то в глубине. А там... кто-то притаился и ждёт – как бы на него напасть.

«А, – подумал он, – семи смертям не бывать!»

Снял джинсы и прополоскал залитые соком чернильные разводя, лишь слегка осветлив их ядовитость. Потом залез сам в речку и смыл пот недавней беготни по залам и лестницам замка Пекты.

Никто из реки на него не напал.

Небольшой костерок, разведённый тут же на берегу, высушил одежду. День обещал быть жарким, но вскоре подул ветерок и принёс затхлый воздух с неприятным запахом мыловаренного завода. В середине дня дышать им будет, наверное, невмоготу.

Иван и не собирался дожидаться, когда солнце наберёт высоту и разогреет миазмы далёкого прошлого. Тем более, невдалеке опять прошлёпало чудовище мезозоя. Иван, присев под куст, словно он мог защитить его от безмозглой многотонной твари, подождал, когда минуют поочередно: маленькая на длинной жёлто-грязной шее голова, чем-то похожая на верблюжью, потом неимоверно разросшееся тёмно-коричневое тело, поддерживаемое искривлёнными тумбами ног, и очень подвижный и смешной хвост, конца которому, казалось, не будет.

Глубоко вздохнув, словно перед нырком в глубину, Иван стал на дорогу времени, и сразу же выскочил в реальный мир.

Там, на дороге времени, не было привычного или чего-то похожего на поле ходьбы. Там были мрак, удушье и вязкость – густая субстанция прошлого, где каждый шаг вперёд или назад во времени равнялся векам, а то и многим тысячелетиям.

Он только окунулся туда, шагнул, а в реальном мире произошли значительные перемены. Русло реки отступило, песчаный берег, покинутый им мгновение назад, зарос могучими деревьями, похожими на сосны. Но самое главное, что этот шаг был чрезвычайно удачен, так как Ивану случайно удалось угадать направление в будущее.

Трудное возвращение к нему с этого шага и началось...

Каждый раз, прежде чем стать на дорогу времени, Иван учащённо дышал, делая, как любил говорить его тренер, гипервентиляцию лёгких, потом напоследок делал глубокий вдох. В поле ходьбы успевал сделать, преодолевая сопротивление времени сгущённого, словно патока, два-три шага. И, задохнувшись от нехватки воздуха в груди, выскакивал в реальный мир. Попытки повторялись, он всё больше уставал, сильнее ощущал голод и наливался злостью и упрямством одолеет толщу времени.

Когда силы совсем стали покидать его, он сделал последний рывок как можно дальше в будущее, после чего решил-

ся остановиться и отдохнуть. Чего-нибудь поесть, посидеть у костра, поспать. Но некоторые перемены в реальном мире на территории, не покидаемой им при движении во времени, насторожили его.

Он стоял на довольно широкой, хорошо утоптанной дороге, шедшей через мелкую, поросшую лесом ложбину. Дорога пересекала русло древней реки, всё ещё струившей свои обмелевшие воды в неведомый водоём. Через неё был переброшен мост явно искусственного происхождения.

Будь Иван в своём времени, он мог бы сравнить дорогу с обычной лесной где-нибудь в центральной России, а мост – с неширокой гатью, построенной на болоте. Но до его времени пролегли десятки миллионов лет...

Со стороны моста доносилась дикая какофония звуков, издаваемых какими-то инструментами. По нему двигалась длинная вереница существ. Блестели спины, качались рога или палки, реяли блёклые стяги. Впереди шествия два звероподобных динозавра, обвитые хитроумной упряжью, тащили за собой громоздкий помост. На помосте...

Тени, скользнувшие по лицу, отвлекли Ивана от созерцания странной процессии. Он глянул вверх. Как раз вовремя. С голубого неба, разинув зубастую, похожую на клюв, пасть, на него пикировал птеродактиль, а второй висел чуть в стороне и криком подбадривал первого, ожидая своей очереди для нападения, а, может быть, надеясь разделить добычу.

Иван, спешно уходя на дорогу времени, успел отметить у

птеродактилей литые металлические нагрудники с шипами.

После нескольких мучительных шагов в кромешной тьме, – реальный мир изменился. Дорога ещё существовала, но по ней, наверное, уже давно никто не ходил. В некоторых местах, одолев утоптанную, может быть, веками почву, проросли молодые деревца. Островки кустов в некоторых местах вообще перекрыли путь, а на месте моста лишь одинокая опора торчала трухлявым напоминанием о нём.

«Динозавры что, воюют?» – позабавился мыслью Иван и содрогнулся от недавнего видения. Жёлто-красной, вытянутый, U-образный ряд острых зубов почти рядом над головой и мощный нагрудник, нацеленный шипом на него, ещё не вылиняли на сетчатке глаз, и он запоздало убоился нападения.

Любопытство едва не толкнуло его на возвращение в прошлое. Вырванная из многомиллионной истории жизни на Земле картинка врезалась в память необычностью явления, звуками, цветом и шоком от внезапной атаки доисторических животных. А может быть, и не просто животных, а разумных. Возможно, кто-то этих птеродактилей послал на разведку, а сам или сами продвигались под рёв не то труб, не то рогов, опасаясь возможного нападения. А это означает, что где-то рядом находился противник – динозавры или какие-нибудь другие существа, дожившие в процессе эволюции до осознания самих себя и окружающего мира, чтобы вооружиться и защищать себя металлическими нагрудника-

ми сложной формы.

Иван колебался. Но, поразмыслив, отказался от возвращения. Первое, что его остановило, то это негарантированный выход в тот же самый момент прошлого, ибо он шёл в непривычном для себя поле ходьбы, где было трудно, а, вернее, он не мог уверенно ориентироваться. А второе, – всё-таки он находился не на прогулке, когда можно заглянуть в любой уголок реального мира и всё неторопливо рассмотреть.

Зато с затаённой мечтательностью продумал о возвращении сюда каким-либо образом, чтобы ещё раз увидеть начало или продолжение войны одних разумных существ исчезнувшей цивилизации против других. Да и вообще, посмотреть на жизнь неведомой культуры, от которой не осталось никаких не только следов, но даже намёков к тому времени, когда он сам появился на свет.

Долгое возвращение

(продолжение)

Еда, взятая когда-то в дорогу давно уже, чтобы не пропала, была съедена ещё в убежище, устроенном Напель. Поэтому после долгого сна на голодный желудок, поскольку Иван встал с намерением – дойти без отдыха до того времени, где можно будет подстрелить какую-нибудь живность, хотя бы отдалённо напоминающую зайца, утку или козла, наконец, и

без опаски съесть их.

Существа, бегающие и ползающие, бронированные, покрытые бляшками, панцирями, вооруженные иглами и безобразными рогами, произрастающими в самых неподходящих местах, не вызывали в нём ни аппетита, ни уверенности вообще в их съедобности.

«Все они ядовиты и вредны мне», – сидело у него в голове.

И тут же припоминались черепаховые супы, обожаемые аборигенами некоторых стран и европейскими гурманами, змеи, с удовольствием поедаемые китайцами...

И всё равно, не мог он преодолеть себя и застрелить вот эту уродину, чтобы съесть её.

Тьфу!.. На неё-то смотреть противно. А есть... Брр!..

Он тяжело вздохнул, бросил последний взгляд на мир, приютивший его на часы сна, и решительно стал на дорогу времени. Вчера, вернее, перед желанием выспаться, ему показалось, а сейчас он ощутил в полной мере возможность дышать в поле ходьбы. С трудом, но дышать. Отпадала необходимость выходить в реальный мир после минутной ходьбы в густом, законсервированном прошлом.

Первые десяток-другой шагов, оставив за собой почти миллион лет, Иван проделал без помех. Правда, неровность шага ног могла увести его в сторону от точного направления в будущее, поэтому он предполагал, если хватит сил и дыхания, пройти ещё столько же и покинуть дорогу времени, чтобы отдохнуть и отдышаться в реальном мире.

Планы его прервались самым неожиданным образом.

Невдалеке от себя, почти по ходу движения, он заметил слабое свечение. Оно быстро напоздало на него.

Вначале показалось – свет просто причудился ему от долгого желанья увидеть его в действительности на дороге времени. Иван остановился, напряг зрение, всмотрелся в расплывчатое пятно света. Оно имело неоднородную структуру. Лишь по мере приближения к нему, становились видны некоторые смутные детали. Предназначения и их природы Иван долго не мог определить. Когда же понял, какой угрозе подвергается, то предпринимать что-либо, кроме как выйти в реальный мир, ничего нельзя было и придумать.

Несколько секунд он стоял под солнцем неогена или ещё палеогена в зените и прогонял видение: морда неведомого зверя с чрезвычайно растянутым вширь ротовым отверстием, усеянным крупными и острыми зубами. Такие зубы привыкли вгрызаться в плоть других живых существ, а не пережёвывать травку.

Иван сокрушённо потряс головой, сомневаясь в действительности подобной встречи. С таким крупным животным на дороге времени он встречался впервые.

Да и откуда ему там взяться? Зверю этому? В поле ходьбы? Такого быть не может! Ха!..

Он почти уговорил себя, что ничего подобного на дороге времени появиться не может. Те зверушки, о которых твердят ходоки, не идут ни в какое сравнение с увиденным. Если

это, конечно, не проделки создателей Пояса.

Убедил и забыл бы несколькими часами спустя. Но внезапно рядом с ним, шагов пять или около того в стороне, воздух загустел, будто из него создаётся некий, находящийся в движении, объект. Так реализуют себя в реальном мире ходоки во времени.

«Неужели кто-то из наших?» – радостно и тревожно задался он вопросом и подождал, когда проявление закончится.

Ему не удалось удивиться появлению ходока и броситься к нему навстречу с расспросами и своими сомнениями, так как только что виденная на дороге времени оскаленная морда возникла перед ним и в данном мире.

Существо стояло на мощных широко расставленных куриных ногах. Передние лапы, игрушечные по сравнению с габаритами животного – короткие и тонкие, – были сжаты в кулаки и двигались так, будто качали помпу. Морда овалом, положенным на бок с доминирующей пастью. Глаза, нос и уши терялись на её фоне.

Но, по правде сказать, Иван, собственно, ничего, кроме оскала зубов, не видел.

Плотоядная пасть!.. Да вот ещё глаза – тусклые, красноватые, похожие на перегоревшие угли.

Зверь – ходок во времени! Не просто тарзи, то есть жильцы дороги времени, а именно ходок.

Иван бросился, было наутёк, но уже через полсотни мет-

ров осознал тщетность своих усилий убежать от преследователя. Зверь как будто даже не торопился, а вперевалку вышагивал за ним, немисливо выворачивая карикатурные ноги. Шаг его равнялся пяти человеческим, потому и, переваливаясь с боку на бок, он держался наравне с бегущим Иваном. Порождение давних эпох явно не спешило, с любопытством присматриваясь к будущей жертве. По-видимому, подобное двуногое оно видело впервые и изучало его.

– Ну-у... – Иван выругался, сдёрнул рюкзак с плеч и вытащил из него бластер. – Я тебя не трогал... Эта штука... Смотри, я тебя!.. Не подходи!

Зверь не понимал, но остановился. Его, наверное, заинтересовали странные действия потенциальной пищи. Если это и было так, то он не собирался мешкать: голод подгонял, а еда – вот она. Его длинная шея изогнулась как у курицы перед клевком. Зёрнышко, явно, великовато, но его можно склевать и по частям.

Иван тоже не медлил. Он, не целясь, полоснул противника бледным в ярком свете дня лучом бластера, попал в морду повыше пасти наискось и выжег мозг у зверя, могущего ходить во времени.

Последнее обстоятельство повергло Ивана в тоску.

Дорога времени населена (судя, в основном, по рассказам знакомых ему ходяков), но не густо. А он вот, походя, по сути, убил существо, равное себе по способностям или, возможно, более способного. Ивана ходить во времени учили

Учители. Оно же проделало весь цикл от ухода в поле ходьбы, и затем возвращения в реальный мир самостоятельно. Бестолковое, подчиняющееся одним только инстинктам, но, тем не менее, само приручило время...

Он потоптался вокруг огромной поверженной курицеобразной туши с неимоверно разросшейся головой бульдога. Бластер благоразумно в рюкзак не вернул, держал его наготове, ибо весть о горе мяса молнией распространилось в самых отдалённых уголках от места его короткой схватки. Какая-то мелкая живность уже старательно, но пока что безуспешно опробовала остроту своих зубов о дубовую кожу, покрытую костными пряжками. Более крупные гости были видны в воздухе и в высокой траве.

Скоро здесь начнётся пиршество. Человек был лишним на нём.

После нескольких попыток Иван определил сторону будущего и продолжил своё затянувшееся возвращение к нему.

Ещё раз он видел свечение на дороге времени, но постарался уйти отсюда подальше, и раньше, чем увидит новую отвратительную пасть, нацеленную на него.

Темнота робко начала редеть. Наконец, наступил момент, когда, как и в первом его возвращении, после Прибоя, поле ходьбы осветилось привычным светом.

Иван увидел в будущем для себя горную преграду – Пояс Закрытых Веков.

Пояс, и не только

Дворище Эламов, а Иван вновь вышел к нему в реальном мире, показалось ему родным и желанным. У него возникло предположение, что его дорога времени каким-то образом связана с координатами гнезда Эламов. Во-первых, потому что подсознательно стремился именно сюда сам, прежде чем двигаться дальше к Поясу; а во-вторых, – вид самого Пояса диктовал выбор направления, которое опять же приводило его к дворищу Эламов.

В этот раз он сделал, наверное, лишний шаг по сравнению с предыдущим выходом из поля ходьбы, отчего объявился здесь годами десятью позже. За эти годы забор успел обветшать, в нём появились свежие заплатки из грубо отёсанных досок. Деревца вдоль него подросли, а тропинка стала шире. Идя по ней к воротам, он подумал о судьбе двора Эламов в момент его нахождения в Прибое. С людьми, попадающего в него, Иван уже разобрался, испытал его на себе. Во всяком случае, он знал, что с ними случается. Но что происходит с недвижимостью? Скажем, вот с этой постройкой? Служит ли ей Пояс преградой или она продолжает существовать, минуя его?

Тут что-то было непонятное. Даже парадоксально непонятное. Эламы – предки и потомки, отброшенные далеко в прошлое, построили дом и живут в нём или привязаны к нему в течение всего времени до следующего Прибоя. Воз-

можно, так оно и есть. Они живут, двигаясь в будущее, а те, кого отбросил Прибой, тоже появляются в стенах дома и живут вместе со строителями. Или дом отбрасывается в прошлое, подобно людям, в целостности и сохранности, хозяева приходят и живут в нём?

Так? Наверное, так... Правда, что-то здесь не стыкуется. Если послушать самих Эламов, то они будто бы живут в одном доме, не общаясь и не встречаясь друг с другом.

«Или я что-то не понял?» – задумался Иван. Наконец, он фыркнул. – «Мой дед, – подумал он, – мог бы жить в моей квартире, а мои внуки... если будут, естественно, – тоже могут использовать её для жилья. Таким образом, мы наследуем по цепочке и живём в одном месте. Хотя и в этом предположении всё не так просто...»

Куст с красными ягодами бузины коснулся ветками его лица и вывел из задумчивости. Но мысль разобраться во всём этом осталась.

Ворота двора, как и в прошлый раз, были распахнуты настежь. Во дворе никого: ни движений, ни звуков.

Был полдень. Конец лета.

Иван, поглядывая по сторонам и отмечая изменения, неторопливо направился в дом Первопредка.

Тот, слегка пополнившийся и посивевший от серо-фиалковой седины, сидел за памятным Ивану столом и писал. Он вскинул голову навстречу гостю и сразу узнал его. Вышел из-за стола, почти весело спросил:

– А-а, опять новое возвращение из времён не слишком близких?

Иван кивнул.

– Новое, будь оно неладно. Аж от динозавров.

– Занесло тебя...

Ивана накормили простой и сытной едой, принесённой женщиной. Она отворачивала от гостя лицо и делала всё тихо и молча. Иван её поблагодарил, но она не отозвалась на его «большое спасибо!».

Несмотря на оптимистический вид Первопредка Эламов, разговор у них состоялся грустный. Первопредок сообщил, правда, с большой долей неуверенности, что Пояс якобы обрёл подвижность и пополз в сторону прошлого. Иван вкратце, опуская детали, рассказал о случившемся с ним, и тем самым подтвердил слухи о движении Пояса.

– Так... – выслушав ходока, заключил Элам Первый. – Значит, прощай Великий Пекта, да здравствует Великий Дэвис! Или Великая Напель? – он усмехнулся, помолчал. – Постой-ка! В прошлый раз... Ну конечно! В тот раз ты говорил о встрече с Эламами, моими потомками. Но с кем, позабыл.

– Шестым и Семнадцатым.

– Точно! – на кругловатом лице Первопредка заиграла улыбка от предвкушения сказать новость. – А Элам Шестой сейчас здесь. Лет семь уже тому... Зато Семнадцатый... У него серия короткого Прибоя. Два-три года – и бьёт его. А после твоего рассказа, думаю, дела у него усугубятся... Не

знаю. И у нас давно нет сведений о Четвёртом.

Первопредок несколько предложений произнёс, словно для себя, поминая всех потомков по порядку, может быть, для проверки в памяти, где и в каком состоянии они находятся на данный момент. Потом поднялся, выглянул за дверь и кому-то крикнул, чтобы позвали Элама Шестого.

Иван неожиданно для себя и неизвестно отчего разволновался. Когда знакомая фигура обозначилась в проёме двери и заблестела загорелая лысина почти во всю голову, он растрогался и порывисто привстал из-за стола ей навстречу, готовый дружески обняться со своим Сопроводителем, похожим на незабвенного Пиквика.

Элам Шестой оторопело уставился на громадного человека в перепачканной – синие подтёки – одежде с распростёртыми объятиями больших рук. Если Иван с ним расстался чуть больше месяца по своему времени, то для Сопроводителя со дня его ухода от него прошли многие годы.

Процесс вспоминания живо проявлялся на его лице: вначале дрогнули белёсые ресницы, затем в недоумении поджались полноватые губы, следом нижняя челюсть пошла вниз и, наконец, появилась недоверчивая улыбка, переходящая в узнавание.

– Ха!.. Подарок!.. Ты?

Он растрогался не менее Ивана. Они обнялись с теплотой и приязнью. Коротышка Элам даже подпрыгнул, чтобы достать и обнять его за шею ещё до того, как Подарок нагнул-

ся к нему. У Ивана поднялось настроение, появились силы и бодрость, как будто только и ждал этой непредвиденной встречи.

Весь вечер в кругу предков и потомков Элам Шестой недоверчиво хмыкал, слушая одиссею Ивана. Сам коротко рассказал о себе и своей жизни за последние годы. Ничего особенного, если это считать с точки зрения человека Прибоя. Дважды побывал в нём. Первый из них всего на год. Едва пришёл в себя – новый удар. Сейчас всё в порядке, однако, подвижка Пояса, а значит, и направление Прибоя в прошлое, сокращает время до удара об него.

Когда всё уже было сказано и рассказано, Элам Шестой повёл Ивана в общинный дом спать. По дороге он усиленно тёр ладонью лысую макушку и вдруг решительно заявил:

– Вот что, Подарок. Тебе одному всех дел не переделать. Я пойду с тобой!

Иван рассмеялся.

– Утро вечера мудренее. Так у нас говорят. Завтра поговорим. А сейчас ты мне только угол укажи, в который мог бы я свалиться. Честно скажу, устал.

– Обижаешь, Подарок. Мы – Эламы, мы не такие.

– Да ладно тебе, – вяло отшутился Иван. – Что я у вас, первый раз что ли?

Бывший Сопроводитель ввёл его в небольшую чистую комнату, освещённую двумя свечами. Большую часть её занимала застеленная белым бельём кровать.

– Где умывальник и туалет, помнишь?

– Помню.

– Тогда спокойной ночи!

– Спасибо! Тебе того же, – сонно пробормотал Иван, готовый завалиться в постель, не раздеваясь.

Наутро у Элама Шестого решимости составить компанию Ивану не убавилось. Напротив. Он уже всё подготовил к своему уходу с родного подворья.

Иван сокрушённо чесал затылок, поскольку никак не мог определить своего отношения к его предложению. Само собой, вдвоём – не одному. Товарищ в дороге скрасит одиночество, подбодрит в тяжёлый момент и поможет в предельно-случайном мире Пояса Закрытых Веков.

Всё это вязалось с Эламом полностью. Здесь одни плюсы.

Но и обуза! По сути дела, дополнительный груз на дороге времени и замедлитель скорости движения и реакции на непредвиденные ситуации, когда надо незамедлительно уходить в поле ходьбы или возвращаться из него в реальный мир.

К тому же, как он поведёт себя там, на дороге времени? Открыта ли она ему? Может быть, его и не пробить через время.

– Хорошо. Я возьму тебя с собой, – сдался он от потока просьб и доводов о крайней необходимости Эламу идти с ходоком.

– Я же знал, – расцвёл в улыбке Элам.

– Только при одном условии, – Иван своими словами со-
сигнал улыбку с его круглого лица.

– Я так и знал, – уныло протянул он. – Что я должен де-
лать?

– Делать ничего не надо. А надо проверить тебя на дороге
времени. И если мне не придётся тебя тащить на своей шее
до самого Пояса, то мы пойдём вместе.

– Но мы же там с тобой уже побывали, – напомнил Элам.

– Это было не поле ходьбы.

Далее Иван дал ему несколько пояснений, вводя в курс
различного восприятия дороги времени и о возможных
неприятностях на ней для новичка.

Элам слушал внимательно и понимающе опускал голову,
отражая, будто полированной кожей темени, блики солнеч-
ных лучей. И всё-таки Иван ловил в его взгляде не то, чтобы
недоверие, а лёгкую иронию, мол, давай говори, что хочешь,
только не надо меня пугать, я всё равно буду стоять на своём.

После того, когда Элам в очередной раз мыкнул по повод-
ду получить синяки в поле ходьбы, Иван, памятуя поговор-
ку по искажённой цитате, что «битие определяет сознание»,
решил не откладывать проверку его проницаемости сквозь
толщу времени.

– Дай руку! – сказал он.

– Зачем? Что?.. Сейчас?!

Элам неподдельно испугался. Поистине, когда-то умереть
нестрашно, страшно умереть сейчас. Иван довольно улыб-

нулся.

– Что тебя смущает?

– Ну-у... как же... Надо как-то подготовиться... – Элам медленно отступал от ходока, словно тот мог сейчас схватить его и потащить куда-то в неведомое и страшное. – Не так же сразу.

Для Ивана, привыкшего становиться на дорогу времени в любом месте и в любую минуту, то есть подобное действие встало для него в ряд с обычной ходьбой, принятием пищи, ведением разговора и прочим, сейчас не были понятны волнения человека, который готовился к этому в первый раз. Известное дело, опытному человеку в обыденность то, что для новичка требует условностей и каких-то, почти таинственных или сакральных деталей для подготовки, без чего, по их представлению, ничто не должно делаться. И не делается!

– У тебя, Сопроводитель ты мой, – шутливо сказал Иван, – похоже, после моих пояснений сложилось несколько превратное представление о поле ходьбы. Я просто тебя предупредил. На самом деле, там нет ничего страшного, как это может слышаться в моём пересказе. Дай руку!

Шестой потомок Эламов, быстро вспотев лысиной, неуверенно протянул руку – короткую, сильную, толстопалую.

Иван выспался, хорошо поел, почувствовал силу. У него с утра сложилось хорошее настроение, а от него – желание поиграть с Эламом, естественно не причиняя ему вреда. Здесь

был свой резон. Так можно с самого начала показать все те неприятности, которые могут возникнуть или угрожать непрофессиональному ходоку в поле ходьбы.

Он подтянул слегка упирающегося Элама к себе поближе и стал на дорогу времени.

Элам вскрикнул, попятился, словно таким образом решил вернуться в реальный мир.

– Что?.. – Иван крепче ухватился за руку Элама, стоящего с ним с приоткрытым ртом. – Что видишь?

Шестой выпучил глаза и стал озираться вокруг, так и не закрывая рта.

Ротозей в музее. Забавная картинка. Для Ивана.

– Мосты вижу... – наконец определился Элам. – Мостики... Дорожки...

– А определённое? – потребовал пояснений Иван.

Впрочем, даже после полных неопределённости, к тому же неуверенно высказанных Эламом слов, он сумел хорошо представлять его видение дороги времени. И с вздохом подумал о тех препятствиях, какие поджидали Сопроводителя, и что тому придётся преодолеть, а следовательно, вместе с ним и ему, Ивану, прежде чем они доберутся до Пояса и замка Пекты в нём.

И всё-таки он ожидал худшего. Дорожки – это не скалы и не пещеры в них, а более проходимые пути.

– Определённое... Сейчас, – закивал Элам. – Э-э... Знаешь... Это похоже на лабиринт. Я его вижу сверху, так

как стою на одной из его стенок, а рядом... – Он осторожно перегнулся и заглянул за невидимый Иваном уступ или край, скрывающий нечто находящееся за ним внизу. Сказал с удивлением: – Пропась! Всё уходит в темноту.

– А дорожки?

– Стены как дорожки. В местах разрыва мостики. Тонкие и узкие... Но не везде. Из чего они сделаны?

Иван пожал плечами.

– Понятия не имею. Давай оставим выяснение, из чего они сделаны. Главное, чтобы ты мог по ним идти и не проваливаться. Ладно?.. Теперь давай пройдемся. Не торопись и иди строго по своим дорожкам. Оступишься, держись крепче за меня. Ну!

Против ожидания, мобильность Элама при движении и в прошлое и в будущее оказались сносными. Кроме того, у него всегда находилась дорожка или мостик, чтобы без помех пойти за Иваном практически в любую сторону. А где тропок или мостиков не было, Элам с явным удовольствием повисал на руке Ивана, пока тот переносил его на следующую опору.

«...а у меня, Ваня, камушки», – вспомнил Иван представление поля ходьбы Учителем...

По возвращении на подворье, Иван согласился взять Элама Шестого с собой. И рад был этому не меньше будущего ведомого.

Пояс, и не только

(продолжение)

– Ты видишь его? – показал Иван на Хема, так и не снявшего дежурства перед горной цепью Пояса. – Я теперь думаю, что он специально был настроен именно на меня.

– Ты имеешь в виду этого журавля? – спросил Элам. – Вижу.

Иван с сомнением покачал головой. Хем походил на что угодно: на консервную банку, сплюснутую бочку, на кастрюлю с паучьими ногами, – но не на журавля.

«Видение на дороге времени, – занятная штука», – подумал он, в который уже раз, и отвлёкся.

В голову пришло, что надо бы как-то систематизировать варианты представления поля ходьбы, хотя бы для себя. Может быть, собрать статистику и извлечь из неё полезное. То же для себя? На будущее? Кто знает, вдруг удастся, пусть вчерне, выявить загодя какие-то отличительные признаки у людей, влияющие на их представления о дороге времени загодя. Тогда и человека подготовить можно и самому знать, чего от него ожидать, коль случится пробивать его сквозь время.

Элам толкнул его в бок.

– Ты чего задумался? Я что-то не так сказал?

– Всё правильно сказал. Просто у меня Хем ассоциируется не с журавлём. Я вижу нечто другое.

– Фью! – присвистнул Элам. – Ну, не журавль, так чайник с длинным носом.

Они приближались к Хему, и тот насторожился. В этот раз он занимал позицию строго между стеной Пояса и ходоками, а не блуждал по вытянутой траектории овала, как делал прежде. То ли сам догадался, то ли кто его сюда специально поставил и приказал ждать.

– Он на нас носом целится, – оповестил Элам. – Будто пушку на нас наводит. Того и гляди стрельнет... Ты знаешь, что такое пушка?

Иван хмыкнул.

– Знаю. – Он никаких изменений в положении и действии Хема не отмечал. – Нам его не обойти. Придётся с ним поступить по-другому. А ты откуда о пушке знаешь? – поинтересовался Иван, с неохотой доставая бластер.

Стрелять по Хему не хотелось, и он медлил, чего-то ждал. Вдруг Хем догадается, чем ему может грозить сегодняшняя встреча, и уйдёт с дороги; тогда уничтожать его не надо.

– Первопредок о пушке рассказывал... Слушай, Подарок! Он сейчас нас чем-нибудь стукнет. Бей его! Чего стоишь?

– Думаю вот, – отозвался Иван и едва не опоздал.

Хем сорвался и начал стремительно падать к ним в ноги по наклонной. От тонкого луча бластера он ярко озарился, словно луч поджёг в нём внутренний источник пронзительно яркого света, ослепившего людей. И тут же его не стало. Дорога к горам Пояса очистилась.

– Его, наверное, выбросило в реальный мир, – предположил Иван, когда они проморгались и вытерли слёзы, и опять стали видеть; но проверять собственную версию не стал. – Идём к Поясу.

– Хорошее у тебя оружие, – уважительно заметил Элам, – но страшное.

– Да уж, – озабоченно отозвался Иван, вспомнив предостережения Напель. Как бы чего не произошло после применения лазерного луча вблизи Пояса. Элам отвлёк его, упёршись на месте. – Ты чего?

– Да вот... Ты меня сейчас поддержи. Здесь большо-ой провал.

– Держись!

Вблизи горы Пояса выглядели неприступными.

Их передовые скалы значительно выросли, по сравнению с теми, что были памятны Ивану по первому разу. Они обрели отрицательный склон и походили на вал воды на мелководье. На глаз было заметно, что не только ходоки подходили к нему, но и он наплывал им навстречу.

– И правда ползёт, проклятый... – эмоционально высказался Элам. – Кого уже совсем поглотил, а для многих удары Прибоя дорого стали стоить. Иных до смерти бьёт, не давая передышки, а кого лет на сто отбрасывает. Те дичают и мрут, поди, в одиночестве.

О такой жалобе Иван уже слышал на подворье Эламов и воспринимал сетования Шестого из них как фон к без-

звучному движению Пояса. Он выискивал путь для прохода в горную гряду – и пока не находил. Ложбинка, которой он когда-то воспользовался, поднялась вверх и стала недоступной. Лишь в отдалении по фронту Пояса ему показалось нечто, похожее на приступок.

– Пойдём вдоль стены, поищем, где пройти можно.

– Но... – заволновался Элам. – Это же поперёк времени.

– Какая разница? Поторопись!

– Как же это так, – бубнил Элам, оттягивая руку Ивану. – Мы же поперёк времени пошли. Чует моё сердце, попадём не туда, куда надо, а к перлям. Стоило тогда моему Предку бежать за Пояс, дабы не оказаться перлем.

– Помолчи, пожалуйста! Без тебя тошно. А перлей вообще не упоминай. Да и что ты о них знаешь? Ничего.

– Не черти же они. Перли.

– Перестань! Попадём к перлям, так назад вернёмся. Бывал я у них. А сейчас не тянись. Да и... Чего ты их боишься? Это я тебя должен бояться, так как ты для меня перль настоящий.

– Да ты что? – Элам вновь остановился. – Ты – перль?

– Это ты перль, а мой мир правильный... Так что иди и помолчи немного.

– Я-то ничего. Молчу. Но как же так?

– А вот так! Всё!

Ивану, по правде говоря, тоже не хотелось уходить далеко в сторону от уже проверенного входа в горы Пояса. Кто

знает, каким образом реализуется в реальном мире такое отклонение? Выйдешь, а там замка Пенты нет и в помине. И о перлях Элам напомнил, как о нечистой силе, помянутой к ночи.

Когда они, наконец, взобрались на скалу, а потом выше – в горы, перевалили хребет и стал виден замок, Элам свободной рукой вытер пот с головы и лба и признался:

– Ты всё говорил, де, горы да скалы. И шёл будто и вправду в гору. А я-то по ровному. Никаких у меня гор.

– Ну да? – не поверил Иван, тоже немало попотевший. – Чего же ты так тяжело дышишь?

– Потому что, чем для тебя было круче, тем сильнее у меня сводило ноги. Не пошевелить. Через силу шагал, думал уж не дойду, да боялся, скажешь ещё, навязался на мою голову... А сейчас вот ничего, разошлись.

– Разошлись, – повторил-передразнил Иван.

Пока что Элам не был в тягость.

Однако несколькими минутами позже он всё-таки пожалел, что взял его с собой. Стены лабиринта, по которому так свободно шёл Элам, внезапно оборвались.

– Кто-то проломил их до основания, – поведал прибойник виновато Ивану. – Взорвали, похоже.

– Плохо, – сказал в ответ Иван. – Замок видишь?

– Какой замок? – покрутил головой Элам, отыскивая названное строение. – Нет, не вижу.

– Ладно, увидишь... – Иван тяжело вздохнул. – Полезай

ко мне на спину... На горло не дави!

Потащил его Иван на закорках до самой лестницы, где Элам смог встать на свои ноги и идти сам.

Сидя и отдыхая на ступенях, Иван ещё раз продумал план своих действий. Напомнил Эламу, как вести себя в замке.

Главное, считал ходок, не появляться в реальном времени, насколько это будет возможно. В реальном мире его могли случайно увидеть и осложнить выполнение задуманного. План сам по себе был чрезвычайно прост. Иным он и не мог быть. Следовало найти апартаменты Напель и, руководствуясь их расположением, добраться до дверей, разделяющих уровни времени, и уже от них дойти до винтовой лестницы, ведущей к Творящему Время...

Иной дороги он не знал.

Простота и, по существу, одно вариантность плана таила в себе опасные неудобства. Дело в том, что Карос прекрасно был осведомлён о его незнании других подходов к Творящему Время. Он и люди Маклака могут поджидать его где-то именно на известном пути. Или расставить новые ловушки, совершенно другие, которые он не ведаёт, как их можно обойти или как из них выбраться.

«Может быть, – иногда с надеждой думал Иван, – они меня не ждут совсем, или такого моего быстрого возвращения...» Но знание того, что кто-то там может рассчитать до минут и метров его появление в Поясе, быстро отбивало охоту на что-то надеяться.

Всё это действовало Ивану на нервы и мешало думать.

После проникновения в Пояс в нём ощутимо стали бороться два чувства: затаённая нежность к Напель и решительное желание уничтожить то, что её окружает, чем она живёт.

Ведя Элама по дороге времени, он приближал момент встречи с Напель, и первое чувство стало доминировать в нём, а второе – блекнуть и отходить назад. Он, словно наяву, видел её и осязал. Внутренний взгляд его и руки скользили по её бёдрам, груди, длинной шее, увенчанном кругловатым чарующим лицом. Её глаза...

Иван остановился, как будто налетел на стенку.

– Третий глаз! – пробормотал он.

– Ты о чём? – спросил Элам со свойственной ему живостью.

Ему уже поднадоело молчаливое шествие по бесконечным коридорам и бесчисленным лестницам замка, лишённого какого-либо убранства. Смотреть не на что – голые стены.

– Нет, нет, ничего, – поторопился с ответом Иван.

Странно, он впервые после выхода из прошлого вспомнил и оценил последние секунды перед тем, как Напель послала его в невообразимо далёкую историю Земли, туда, откуда он (она надеялась, наверное, на это) никогда уже не сможет вернуться. У неё под складочкой на лбу таился третий глаз. Сколько раз он целовал её как раз в эту складочку и ничего не подозревал. А под ней...

– Элам, ты не встречал людей с третьим глазом вот здесь? – он ткнул себя пальцем в лоб чуть выше линии бровей. – На лбу?

– Встречал. Как не встречать, если кени когда-то жили среди нас свободно.

Иван, задавший, как ему казалось, чисто риторический вопрос и получивший положительный ответ, обрадовался и расстроился одновременно. Напель, значит, не урод какой-то, но человек ли?

– Кени? Кто они? И почему ты сказал, что жили в прошлом времени?

– Кени... Говорят, в дни исхода наших Первопредков их племя оказалось на линии временного канала. Я не представляю как такое возможно, но так говорят. А почему в прошлом времени, так с ними якобы что-то случилось. Прибоев пятьдесят назад или больше того. Знаешь, Прибои считать трудно... Говорили, среди них будто бы какая-то странная болезнь случилась, они и вымерли. Но и другой слух был, что их Прибой пропустил через Пояс Дурных Веков, и они ушли в естественное будущее... Так говорят о кенях.

– Интересно... говорят. Зачем им третий глаз, не говорили?

– Говорили. Как не говорили. Три глаза у человека. Чудно такое, потому и говорили. Так вот он у них как будто служит не для того, чтобы смотреть, а для чтения мыслей у других людей. Глянет третьим глазом кеня и тут же знает, о чём во-

круг него другие думают. А что?

– Ничего. Рассказывай дальше.

– Я всё уже рассказал.

– Негусто, – разочаровался Иван. – Скажи, от кеней и обычных людей дети были?

– Не-а... Кени жили отдельно ото всех, замкнуто, да и люди к ним относились свысока. Кени считали себя мудрецами, а жили подобно дикарям. Так что смешанных детей не должно было быть.

– Так говорят или ты наверняка знаешь?

– И говорят, и знаю, – приосанился Элам.

– Ладно... Ты помнишь Напель?

– Как же. Красивая... Ведьма!

– Да, красивая, но не ведьма. У неё есть третий глаз.

– Да-а? Хм... А ты говоришь – не ведьма. Но... Она на кеней не похожа. Те сильно смуглыми были, и у них на верхних кончиках ушей росли волосы. Первопредок говорил, как у рыси. Такое животное когда-нибудь на Земле будет. Видел? – Иван кивнул. – А Напель... Не может она быть кеней или трёхглазой.

– Её третий глаз я сам видел. И она не дочь Пекты, а Дэвиса. Это она сама говорила.

– Дэвиса, говоришь? Его звали Чудак Дэвис. Разве тебе Первопредок не говорил, что детей у него не могло быть. – Иван отрицательно качнул головой. – Какие дети у скопца? – продолжал Элам. – Женщины, те над ним потешались. Дэвис

- хвалился вдребезги разбить Пояс, а тот разбил его Прибоем.
- У Пекты, я предполагаю, тоже есть третий глаз.
- Элам глянул снизу вверх на Ивана, укоризненно сказал:
- А ну тебя! Чего тебе дались эти трёхглазые? Лучше скажи, когда мы придём? Сколько можно?
  - Скоро. Но мы с тобой ещё поговорим.
  - О трёхглазых, что ли?
  - О них. И о чём-нибудь другом тоже.
  - Зря надеешься. Я о них больше ничего не знаю. Да и никто не знает. Надо их самих спрашивать.
  - Что ж, спрошу.

Апартаменты Напель

Иван вёл Элама знакомыми коридорами и лестницами без задержек.

Остановились в тупиковом ответвлении, где он сам появился в первый раз с Каросом. Именно отсюда он собирался, не выходя в реальный мир, дойти до спецкомнаты, где Карос разыскивал винтовую лестницу с символикой Пекты, а затем уже проследовать дальше, к апартаментам Напель.

Специального помещения с электронным оборудованием в поле ходьбы найти не удалось. Наверное, она существовала в реальном мире, а выход из неё, наверное, тоже давал возможность достичь уровня времени, отличного от того, в котором они сейчас пребывали. Иван хорошо помнил, что

прямо от пульта он уходил с Напель и Каросом на дорогу времени через проём двери.

Ясный и простой план достижения Творящего Время, обдуманый, казалось бы, со всех сторон, вплоть до засад, устроенных Маклаком, и новых ловушек, и к которому Иван стал привыкать, начал проявлять свои изъяны. И первый из них обнаружился слишком рано. В нём не был учтен вход в спецкомнату в реальном времени. Так как только потом Иван мог опять скрыться в поле ходьбы. Подумав, он, наверное, сумел бы предугадать такую необходимость, как входить в эту комнату. Но не предугадал. А ведь Карос не даром же, работая с ним и ведя людей Напель, не всегда соглашался уходить на дорогу времени, а предпочитал действовать в основном в реальном мире.

Постояв в задумчивости и осознав своё незавидное положение, Иван коротко объяснил Эламу суть затруднения, возникшего у них. И закончил:

– Будем выходить.

– Так выйдем, – беззаботно отозвался Сопроводитель. Объяснения Ивана его не тронули, а вернее, он напускал на себя эту кажущуюся беспечность, поскольку добавил уже твёрдо: – Только ты имей в виду: если что случится, бросай меня, а сам уходи. Я за себя сам постоять могу. Я знаешь какой? Да я...

– Ладно тебе тут из себя героя строить, – раскусил его уловку Иван. – Видел я, какой ты у Гхора был.

– Ну... Гхор? Так то Гхор был, – нисколько не конфузясь, заметил Элам.

– Поверь, Гхор – дилетант. Здесь ребята порезвее будут, и вооружены мечами. Пользуются ими виртуозно.

– Конечно... Если...

– Всё, выходим! Мою руку не отпускай и всегда держись поближе ко мне, не стесняйся.

Реальность встретила их унылой тишиной. Ковровая дорожка с высоким ворсом тушила шаги. Никто со звериным рыком не нападал на них. Никого вокруг не было видно. Никому они не были нужны, никто, стало быть, ими не интересовался...

Элам подозрительно осмотрел Ивана. У него на голове в районе макушки появились морщины, так усиленно он соображал, чего это такого боялся Иван, переходя из одного времени в другое?

– Ты, Подарок, что, пошутил? – с обидой проговорил он. – Понарассказывал мне всякого.

– Перестань! Радуйся, что вокруг никого.

– Я радуюсь, – отозвался Элам скучным голосом.

– И всё равно держись за мою руку и не отвлекайся.

Иван с сомнением остановился перед одной из дверей, коих по коридору было немало.

– Как будто здесь.

Он внимательно оглядел филёнки двери, ища какие-нибудь знаки. И не находил.

– Давай войдём и всё, – посоветовал Элам.

– Так... Ещё раз сверимся, – сказал Иван самому себе, игнорируя предложение спутника. – Мы вышли... До поворота, – Иван оглянулся, – вон того. Я шёл с ними... Шагов двадцать... Здесь столько и будет. Похоже... Это она.

Он толкнул дверь, она невесомо легко подалась. От неожиданности Иван едва не упал, хорошо, Элам стоял рядом, вцепившись в его предплечье двумя руками. Карос, помнится, открывал дверь плечом, с усилием. А тут – будто сама открылась, увлекая за собой входящего.

В спецкомнате находились люди, занятые у пульта. На стенном экране розовело увеличенное лицо Напель – других цветов и деталей его Иван не видел. На его глаза словно набежала слеза и застила их. Он замер, Элам тоже стоял в столбняке, но по иной причине – его поразило убранство комнаты: о таком рассказывал им, потомкам, Первопредок – пульты, экраны...

Напель что-то чётко и повелительно говорила, а люди внимали ей. Однако стук в дверь отвлек их от экрана, и они неторопливо стали разворачиваться, чтобы посмотреть на непрошенных визитёров.

«Надо уходить! – молоточком стучало в голове у Ивана. – Надо уходить, пока не увидели и не отметили наше появление в замке. Надо!..»

Но голос Напель, но её розовато-расплывчатый лик затормозили его реакцию. А головы людей, стоящих у пульта, по-

ворачивались.

Они что-то или кого-то успели увидеть у двери: какие-то тени растаяли в воздухе. Это могло быть и невероятное сгущение его, но дверь оставалась открытой. Элам не догадался прикрыть её за собой, а Иван не заметил; когда же увидел, то возвращаться не стал: надо было как можно быстрее уходить отсюда.

– Мы засветились, – поделился он с Эламом неприятностью. – Нас спасёт только скорость. Пока они сообразят... Лишь бы Напель ничего не видела. Давай, бегом!

За поворотом они вышли в реальный мир. Именно здесь Карос приказал тогда покинуть поле ходьбы.

– И здесь бегом! Шевелись!

– Я за тобой. Ты не думай... Поспею.

Из Элама бегун был никудышный. Его короткие ноги никогда не испытывали правильной постановки при беге – они выворачивались, не выпрямлялись до конца в коленях, а ступня при соприкосновении с полом давила пяткой. Иван почти тащил его за собой, не отвечая на его стенания.

– Поспевай!.. Да, вот ещё. Тут у них ловушки. Ямы такие понастроены. Если провалимся, не пугайся.

– Обежим! – заверил Элам, сопя и задыхаясь.

– Обегать не будем. Нам надо бы как раз провалитьсяя.

– Во! – пропыхтел Элам своё мнение ко всему этому.

– Тогда выйдем в нужное место.

«Хорошо, что взял с собой Шестого, – мельком подумал

Иван. – Вдвоём всё-таки спокойнее, забота о нём отвлекает. Бежал бы сейчас один, был бы похож на затравленного зверя. А так – словцом перекинуться можно, поделиться сомнением. Главное, не один...»

– Устал?

Элам только сверкнул выпученными глазами; пот катился по его лицу ручьями.

– Лучше... падать, чем... бежать... а?

– Философ... мне тут...

Пол исчез под ногами.

Иван, ожидая такого на каждом шаге, всё-таки от внезапности ничего правильного сделать не мог, так как падал головой вниз и никак не удавалось развернуться ногами. Прямо в ухо пронзительно заверезжал Элам. Иван упал на плечи, верхняя оболочка болота под ним спружинила и бросила на Элама – тот завопил сильнее.

– Перестань! – прикрикнул он на него.

– Это... – пропыхтел Шестой, – боевой клич!

– Ну да? А похоже на плач.

Они барахтались в темноте, роняя бессмысленные реплики и макаясь в воду то руками, то седалищами.

Наконец руки их опять прочно соединились. Иван покинул реальный мир. Во мраке подземелья пришлось долго тыркаться во все стороны, так как свет из проёма имитационной камеры в этот раз заслонился выступом стены.

– Сюда! – рванул Иван к себе Элама. – Быстрее!

Через минуту после падения они пятнали болотной жижей, стекавшей с них, ковровую дорожку. Иван огляделся. Как будто только вчера они втроём сидели здесь с Каросом и Напель, усталые и загнанные.

– Побудь без меня немного и не вздумай никуда отсюда угодить.

– Куда здесь можно пойти? – скривил губы Элам. – Тут выходов-то, наверное, нет.

– Есть. Потому – затаись! – приказал Иван спутнику. По дороге времени он проник в апартаменты Напель. Бездонные ловушки-траншеи геометрически чётко расчертили пол на линейки. Бросались в глаза голые стены.

Интересно, как здесь в жизни? Даже не задумываясь, Иван покинул поле ходьбы и вышел, будто не в реальный, а в фантастический мир.

Он оказался в небольшой, уютно обставленной комнате неизвестного назначения.

Тяжёлым серебром мерцали стены, свет десятка свечей дробился в вычурной хрустальной люстре. Столы, столики, пуфы, с полдюжины картин с разнообразными сюжетами, притаившихся в полумраке, – всё на месте и к месту. На столах в замысловатых, но чарующих глаз вазах стояли живые цветы, только-только срезанные с клумбы, с блестящими капельками воды на лепестках и листьях. В лёгком для дыхания воздухе был разлит их аромат. Здесь легко дышалось.

Однако все эти красоты Иван видел краем глаза. На сто-

лике, перед которым он стоял после проявления в столбняке, находился его карандашный портрет, вправленный в тяжёлую золотую раму. Рядом горела свеча, стояло фарфоровое блюдо с водой и высыпана горсть кедровых орешков. И тут же записка. Буквы крупные, написанные каллиграфическим почерком.

В записке всего три строчки:

Ваня, я тебя люблю! И жду!

Не уходи, останься! Что мы друг без друга?

Даже если вечность впереди?

Иван подержал в подрагивающей руке свой портрет. В задумчивости посидел несколько минут на пуфе. Думал он сразу о многом, но доминировала одна мысль: они с Напель должны быть вместе, а Творящий Время всё равно должен быть уничтожен! Он ещё не знал, как осуществиться задуманное, смогут ли объединиться два почти взаимоисключающих его желания. И, тем не менее, другого пути не было: Напель будет с ним, когда он размечет лучом бластера адскую машину времени.

Он бы ещё, наверное, посидел, но послышался шорох шагов.

«Напель!» – встрепенулся он.

– Останься!.. – сказал кто-то или ему почудилось?

Он схватил записку и вернулся к Эламу, безмятежно сохнувшему лёжа пластом на ковровой дорожке.

Записка жгла руку. Почему она её написала? Знает, что я

уже в замке? Он развернул бумагу и посмотрел на её плоскость в свете дня. Ни пылинки. Значит, написана недавно, к его приходу, а не дежурная, не на всякий случай. И свежие цветы. И орешки. Ещё тёплые. И едва нагоревшая свеча.

Неужели знает и пока не мешает ему? Или подготовила что-нибудь другое, дабы оставить его здесь, в Поясе, навсегда

– Пошли, Элам. Думаю, сюрпризы нам подготовлены, но не здесь, а там. – Он показал пальцем в пол, подразумевая скорый спуск по винтовой лестнице вниз. – В камере Творящего Время. Так что пойдём, не торопясь, и пока что без опаски. А по дороге я тебе покажу, как пользоваться огнестрельным оружием. И бластером тоже. Сдаётся мне, пригодится нам и то и другое.

Конец Творящего Время

Элам, больше не связанный необходимостью всю дорогу держаться за Ивана, повеселел.

– Вот понастроили, – стучал он кулаками в стены и топал каблуками самодельных сапог по ступеням лестниц, проверяя их на прочность. – Из камня?

Иван неопределённо пожимал плечами. Из чего сделан замок, он до того не задумывался, несмотря на то, что, конечно, гладкие, без швов стены и перекрытия и будто впаянные в них лестницы тоже удивляли его. Может быть, подумал он

после вопроса Элама, в двадцать втором веке перлевого мира люди, потом перешедшие сюда, научились выращивать такие постройки или по-настоящему делать цельнолитыми, а не так, как предлагалось в их, двадцатом?..

Они беспрепятственно спускались по винтовой лестнице вниз, к Творящему Время.

Система лестницы, задуманная как отвлекающая или устрашающая для посягателей на тайны замка, по заложенной в ней программе обрабатывала исправно: то ступени повисали в некоторых витках в светящемся мареве с плавающими в нём странными тенями, то раздавался суровый, выясняющий, кто и куда идёт, голос. Иван на звуки не обращал внимания и без опаски переступал мнимые провалы. Элам вначале паниковал, но, следуя за ходоком, вскоре пообвык и не преминул выяснить, что к чему.

– Что это?

– Оптическая иллюзия, – отозвался Иван. – Но где-то ниже есть доступ к шахте извне. На нас могут напасть. Но ты не вмешивайся в драку, а беги вниз.

– Побежишь тут. Голова уже кругом. Сюда бы сани. Жиром полозья намазать и... Как с горы зимой.

– У вас бывают зимы? Я у вас саней на подворье не видел.

– У нас редко. Но иногда после Прибоя попадаешь туда, где она бывает постоянно. Вот там я и познакомился с санями.

– Там тоже люди Прибоя живут?

– Кто их знает? Наверное, как и мы, в Прибой попадают. Но они не люди...

– Кени? – живо обернулся Иван к Эламу.

– Нет. Их все зовут северянами. Северяне – и всё. Говорят, это остатки какой-то древней цивилизации, бывшей когда-то на Земле. Но дикие совсем. На нас, правда, не нападают. Не слышал о том ни от кого. Напротив, всегда помогают выбраться к теплу. А между собой воюют. Никто не знает из-за чего.

«У них бы побывать, – тоскливо подумал Иван и вздохнул. – Они, наверное, потомки тех, виденных им во время возвращения из прошлого. Впрочем, навряд ли. Вернее всего – другие, более позднего рождения разума. Между теми и этими лет – миллионов двадцать пять, пожалуй, будет. Много, если до человечества, до хомо сапиенс, осталось всего два миллиона лет, а пралюдей он здесь не видел».

И, правда, не видел!

Не люди ли Прибоя наши предки? Временная петля, в которой происходит перекачка части населения Земли двадцать второго века в прошлое, чтобы стать бесконечно далёкими предками для самих себя. Сюда же втянуты и кени – странное и непонятное племя людей с тремя глазами. Вечный кругооборот!

Сколько всего в мире интересного!

А тут лестница, Творящий Время...

С другой стороны, это и есть кругооборот. Ведь кто-то

должен прорвать Пояс, дав возможность людям Прибоя создать когда-нибудь, через одичание и новое озарение, то общество, из которого он и они сюда пришли. И если вечное кругообращение, то и он вечно будет находиться в нём: его будет захватывать Хем, Гхор в слепой ярости протыкать ему ягодицу, Эламы кормить, а Напель соблазнять и использовать в своих целях, и прочая, и прочая – бесконечное число раз.

Эта бесконечная винтовая лестница всегда будет вести его вниз то с людьми Напель, то с Эламом, то...

Ну, уж нет! Третьего варианта не случится! Да и с предполагаемой круговертью можно побороться. Для того надо кончать с Поясом сейчас, немедленно, иначе кружение по петлям времени и вправду может затянуться надолго. И не дай, и не приведи, как говорится, чтобы навсегда.

Элама, по-видимому, терзали совершенно другие мысли. Его беспрестанно поражала нелепость существования самой лестницы.

– Вот понастроили! – повторял он одну и ту же фразу, обыгрывая её голосом так, что она звучала то восхищением, то раздражением, то удивлением, но, чаще всего, выражала непонимание и неодобрение.

Ивану, занятому своими мыслями, не хотелось объяснять спутнику, почему Творящий Время так глубоко опущен под землю. Надо бы тогда говорить о космических лучах и их возможном влиянии на него, о температурном режиме и о

многом другом, знаемом понаслышке, где-то, когда-то вычитанном по другому поводу и логически додуманном им самим, то есть о том, в чём он сам считал себя полнейшим профаном.

– Вот понастроили!..

Лестница закончилась, каблуки Элама стукнули по каменной брусчатке перед дверью в камеру с Творящим Время. Оружие они держали в руках.

Иван толкнул дверь с изменённой монограммой – Дэвис и Напель. В зале царил темнота и гулкая тишина.

– Что-то не верится, – оторопело сказал Иван и с остервенением подёргал себя за ухо. – Или нас совсем не ждали... Либо... Творящий Время поменял местопребывание. А?.. Тогда меня обвели вокруг пальца как... Себе на потеху! Ай да Напель!.. Хотя... Мне кажется или... свет?

– Светает, – подсказал Элам, не понимающий, а потому не разделяющий забот Ивана.

– Точно! Они нас не ждали... Ай да Напель...

Случилось то, о чём он даже не подумал, составляя свой план. Он свыкся с мыслью – Напель знает о его появлении, и предприняла какие-то меры, а сама должна была сейчас поджидать его у пульта Творящего Время, чтобы опять отправить в прошлое, или пропустить через Пояс, или... Ничего другого на ум не приходило. К тому же смущала записка. Ждёт и любит! Как можно ждать и любить и при этом держать пальцы над панелью управления пульта? Наверное, на-

мечались переговоры, но и для этого надо встретиться. От того он предполагал, что их встреча назначена здесь, у Творящего Время.

А где ещё?

Оказывается, не ждали! И что тогда дальше? Без Напель он тут ничего и пальцем не тронет, она ему нужна здесь, рядом, в руках...

Углями в кузнечном горне разгоралась канитель нитей Творящего Время над чашей. Стало светлее. Иван оглядел зал. Кажется, ничего в нём не изменилось. Он подошёл к пульта, окинул взглядом его лицевую рабочую часть – и ничего практически на ней не увидел. Обычная столешница: ни кнопок, ни клавиш, ни каких-либо переключателей.

Он вспомнил Напель у пульта. Она тогда ни на что здесь не нажимала, а словно делала пассы руками. Самому попробовать поводить ладошками над пультом он сразу отказался.

Что предпринять дальше, он не знал. Нет Напель, нет... ничего.

По идее, она должна зафиксировать появление посторонних людей в непосредственной близости от Творящего Время. Пекта тогда точно знал, куда и когда следует обращаться к дочери. Сейчас надо ждать того же. Засветится стенной экран и появится изображение разгневанной Напель. Обязательно разгневанной. Тогда можно будет с ней поторговаться, выманить её сюда и...

Дальнейшее терялось в туманном далеке.

– Ну и что теперь? – Элам освоился и с присущей ему живостью рассматривал Творящего Время. – Давай кончать с ним.

Иван смущённо побряхтел.

– Подождём.

– Подождём, так подождём. А чего?

– Может быть, Напель придёт.

– Напель? Ай, Подарок! Надо тебе связываться с женщиной?

– Надо.

– Ну, смотри, я тебя предупреждал и предупреждаю ещё. Женщины, они ж такие... Да что я тебе говорю? Напель сейчас властительница Пояса. Вон куда женщина замахнулась. Женщина! Что в них хорошего?

Элам мог бы долго продолжать говорить в том же духе. Прервало его свечение экрана над входной дверью. На нём промелькнули белые пятна, похожие на ракорды изношенной киноплёнки, потом он засветился голубовато-серым светом.

Элам удивился, завертел головой.

– Сейчас увидишь, – пробормотал Иван, не отрывая взгляда от экрана. – Сейчас...

Тело его одеревенело от ожидания. Скорее бы появилась Напель, и начать с ней диалог-игру по завлечению её сюда.

Экран посветил с полминуты и погас, почему-то страшно обрадовав этим Элама.

– Вот! – воскликнул он торжественно, будто сам погасил его.

У Ивана заболела шея, он опустил голову и увидел в проёме двери точёную фигурку Напель.

Он задохнулся, жадно рассматривая её. Высоко открытые стройные ноги, перетянутая широким поясом тонкая талия, обнажённые руки, полу прикрытая восхитительная грудь – вся словно фарфоровая, ни одной лишней линии или детали. Само совершенство!

Сейчас она на меня набросится, изругает, завизжит, позовёт стражников... Но Напель вошла неуверенно под своды зала. Может быть, от яркого света, ослепившего её.

– Элам! – шепнул он.

– Вижу, – также ответил Сопроводитель. – Ух, ты какая... Я тебя теперь понимаю.

– Будь рядом. Когда я её схвачу, ты...

– Знаю.

– Пистолет держи наготове. Как только я её схвачу, ты...

– Да знаю я! – Элам рассердился и сказал в полный голос.

Она увидела их. Лицо её оживилось.

– Ваня!

– Напель!

Он шагнул ей навстречу, не замечая потянувшегося за ним Элама. Она – к нему. Заметила Шестого, отшатнулась. Опять сделала короткий шаг вперёд. Руки их встретились. Иван пережил, наверное, самый сладкий миг в своей жизни.

Миг, когда она обвила его шею ласковыми руками. Они слились в поцелуе.

Он позабыл всё.

Всё!!!

Больной толчок в спину отрезвил его.

– Ты-ы! – яростно стучал по его спине кулаками Элам.

Поверх головы Напель Иван увидел стражу, готовую к нападению. Во всяком случае, ему так показалось. Реакция у него была мгновенной. Одной рукой он до хруста костей в хрупком теле Напель прижал её к себе, выхватил засунутый под ремень бластер и крикнул Эламу:

– Огонь

Ослепительный луч перечеркнул накрест Творящего Время, заметался снизу вверх, взад-вперёд, сверху вниз. Элам стрелял по клубку нитей...

Мир рушился, гудел сто звонными колоколами и угасал в темноте.

Напель, Напель!

Сарый вытаращил глаза, разглядывая Напель, когда Иван, держа её в руках, реализовался в своей квартире, выйдя из поля ходьбы.

Опущенная на пол, Напель гордо повела головой.

Такого Учителя Иван ещё не знал. Его масляные глазки бегали туда-сюда, он показывал всем своим видом любова-

ние женщиной.

Напель посмотрела на него свысока – богиня глянула с небес и что-то там увидела копошащееся в грязи.

– Кто это? – фыркнула она.

– Мой Учитель. Камен Сарый.

Напель с сомнением ещё раз оглядела тщедушного человечка и с нескрываемым презрением бросила:

– Этот?

– Напель! – Иван укоризненно покачал головой. – Мы же договорились. – Здравствуй, Сарый! Здравствуй, дорогой!

Он притянул ошеломлённого от такой ласки Учителя за плечи к себе и поцеловал его в лоб.

– Это Напель, – представил он свою спутницу, фыркающую как кошка.

– Из каких же, Ваня, веков ты достал такое чудо?

Напель комплимент понравился, она уже более благосклонно посмотрела на невзрачного Ваниного учителя в поношенном спортивном костюме, явно великом для него.

Иван счастливо засмеялся. Он был дома! Он был дома с Напель!

– Вот и хорошо! Познакомились. А теперь – ванна! Все разговоры и расспросы на потом. Напель, в ванну! Если Сарый не всё на себя вылил, то там был сносный шампунь. Полотенце я тебе дам. Сарый, где твой восточный халат? Уходя, я его постирал.

– Ну вот! – буркнул Сарый. – Набегут всякие...

– О! – только и произнесла Напель, как он тут же выпятил куриную грудь и молодцевато тряхнул облезлой головой.

– Я сейчас, мадам! *Вам* понравится, – он сказал «Вам» с несвойственным ему уважением и придыханием. – Я уверен. Даже в Фимане, поверьте...

– Сарый! – строго оборвал его Иван и пояснил Напель, невольно повторяя сказанные когда-то слова Симона. – Он, Напель, у нас хороший. Он тебе, надеюсь, понравится. А сейчас – всё! Иди, мойся. Там у нас, правда, далеко не твои апартаменты, но всё остальное – в порядке.

Она беспрекословно подчинилась ему.

Всё-таки ему удалось её вышколить. Не рычит, не показывает заострённые ногти, поднося их к самому лицу. И – вообще.

А как трудно с нею было вначале...

Мир рушился и исчезал в темноте, затихал колокольный гуд. В руках у него билась и верещала Напель, на плечах висел Элам. Они куда-то проваливались, или это только казалось. Он пытался встать на дорогу времени или выйти в реальный мир, но, потеряв ориентировку, он не знал, в каком времени находится. Падение продолжалось. Наконец, ему показалось, что наступил критический момент, и он не выдержит и сам завоюет не по-человечески, но всё вдруг озарило светом и зеленью.

Напоследок был сильный толчок, подобный взрыву, между Иваном и его спутниками. Их разъединило и раскатило в

разные стороны по изумрудной весенней траве.

Оглушённый Иван вскочил на ноги.

Рядом, погрузившись в мягкий ковёр травы, руками и ногами колотила землю Напель. Сквозь её несвязную речь несколько раз прорвалось:

– Предатель, предатель, предатель!..

Элам тоже поднялся, потирая ушибленные локти и колени. На истерику Напель он не обращал внимания.

– Как ты думаешь, Пояса больше нет?

Иван пожал плечами: судьба Пояса его сейчас не занимала. Он подошёл к Напель, нагнулся приподнять её. Она извернулась из-под его рук.

– Не прикасайся ко мне! Ты!.. Как я тебя ненавижу! Предатель!..

Колени её были окрашены травой, блузка, и без того лёгкая и открытая, порвалась в нескольких местах, лицо пылало ненавистью.

Но притом она была так прекрасна в своём неистовом гневе, так гибка и совершенна, что Иван приоткрыл рот и в полном изумлении глядел на неё широко раскрытыми глазами, будто видел впервые.

Она грозила и обвиняла, плакала на его груди и бросала в него вырванной с корнем травой и землёй, пока в полном изнеможении не заснула на его руках.

Но третий глаз её ни разу не напомнил о себе, чего так боялся Иван. Оттого он был всё время начеку, дабы каким-ни-

будь образом нейтрализовать его силу. Единственное, что он смог придумать – это схватить Напель, развернуть её к себе спиной и дать выплеснуться неведомой энергии глаза в пустоту, а не на него или Сопроводителя – Элама Шестого.

Впрочем, он не очень-то надеялся, что ему удастся в такой момент удержать Напель. Однако ничего иного в запасе у него не было...

Всё это время Элам с безразличным видом прогуливался в стороне и раза два голосом и взмахами рук отгонял каких-то любопытствующих животных.

Вокруг слабыми волнами на выровненной земной поверхности расстилалась зелёная, переходящая в матово-серое марево на горизонте, степь. То тут, то там виднелись стада животных, и как будто пахло дымом. Где-то невдалеке, возможно, жили люди.

– Говорил тебе, – проворчал подошедший Элам, помогая Ивану удобнее уложить спящую Напель на траве. – Женщина, какая бы она ни была распрекрасная и хорошая, всегда мужчине обуза. С ними всегда неприятности.

– Слышал уже. Что делать будешь? Со мной в будущее пойдёшь?

– Зачем? Кому я там нужен? Здесь, чуешь, – он принюхался широким носом, – бывшие люди Прибоя живут. Остаюсь вместе с ними деградировать... – Серьёзно добавил: – И дичать буду.

Иван хмыкнул и похлопал Элама по плечу. Этот коротыш-

ка прав.

– Вольному воля.

– Пистолет у меня пусть будет.

Иван на несколько секунд задумался. Оружие, здесь?.. Вообще-то, он опять прав, здесь могут быть хищники.

– Пусть, – сказал он. – Только по людям не стреляй. Договорились? – Элам кивнул. – Давай я тебе покажу, как его заряжать. У меня ещё есть патроны. Десятка два. Хватит тебе.

Он вынул обойму – Элам расстрелял её полностью, – набил её, вытряхнул из рюкзака оставшиеся патроны.

– Двадцать четыре. Положи в карман.

Элам засунул пистолет под ремень, деловито рассовал по карманам боевой запас. Не поднимая головы, буркнул:

– Ну, я пошёл. Прощай, Подарок!

– Э!.. Эй!.. – спохватился Иван. Элам, не оглядываясь, уходил. Крик Ивана заставил его обернуться. – Как же так? – посетовал ходок. – Раз – и ушёл?

– Долгие провода бьют, – Элам коснулся рукой груди у сердца. – Я здесь никуда не денусь. Это ты во времени скачешь как... Заглядывай и в наше время. Прощай!

Ивану стало даже обидно. Ему казалось, что их прощание должно было произойти как-то не так. Ведь они расстаются навсегда. Приглашение в гости – жест, ибо ему сюда, наверное, никогда не дойти просто так. Хотя бы руки пожали или каким-то другим образом расстались бы, но не так скоропалительно и просто.

Кругловатая фигура Элама Шестого быстро исчезла на фоне испарений степи, млеющей под горячим солнцем в зените. У Ивана пересохло горло от жажды и внезапной разлуки с Эламом. Он несколько раз сглотнул скупую слюну и отвернулся в другую сторону, противоположную той, куда ушёл Элам. Отрывалась навсегда связующая нить между ними. Они сейчас уже были так далеки, как если бы не метры ещё разделяли их, а уже целая вечность...

Похоже, Напель быстро свыклась с потерей звания владыки Пояса Закрытых Веков. Иногда, правда, она замыкалась в себе, и тогда Иван предпочитал не раздражать её лишним словом или действием. Но большую часть времени, пока они неторопливо продвигались ко времени настоящего для Ивана, она смеялась, дурачилась, подобно девочке, дразнила Ивана и таяла в его объятиях.

Это был их медовый месяц.

Они любили друг друга, находя место для такого времяпрепровождения повсюду: и в реальном времени, и в поле ходьбы, у рек и озёр, в скалистых горах и девственном лесу...

Возвращение домой не казалось Ивану ни длинным, ни скучным.

Случались неожиданные встречи и происшествия, неприятности и сложные положения. Будь Иван один, он так бы именно и назвал бы всё это. А для двоих – как острая приправа, от которой их любовь казалась ещё слаще...

Напель выпорхнула из ванны – прелестное создание из кинофильма. Пёстрый халат прихотливыми складками облёк её тонкую талию, босые ноги обнажены значительно выше коленей, одна грудь, тяжёлая и румяная от горячей воды, открыта взору посторонних, что мало трогало Напель. Напевая, она ушла в комнату причёсываться, а счастливый Иван, бурча от избытка чувств, встал под душ.

Шум воды не мешал думать. Мысли возникали сиюминутные, но важные для Ивана. Надо приобрести фен для волос для Напель... Сменить жильё. Кардинально сменить. Вилла на берегу южного моря во втором-третьем тысячелетии до нашей эры. Чистый воздух, чистая вода. Во!.. Хозяйство... Подумать, как протащить сквозь время современные достижения цивилизации... Электростанцию, скажем...

Иван тщательно вытерся полотенцем, с удовольствием ощутил игравшие под кожей мышцы. Фальшиво воспроизвёл мелодию песенки только что пропетой Напель.

Дверь из ванны не открывалась. Кто-то или что-то подпирало её с внешней стороны. Иван налёг плечом и просунул голову в образовавшуюся щель. Выглянул наружу. Под дверью связанный по рукам и ногам, с кляпом во рту и безумными глазами лежал Камен.

От удара ногой дверь оторвалась с петлями. В два прыжка Иван влетел в комнату.

– Напель!

Её перед зеркалом не оказалось. Расчёска валялась на по-

лу.

Иван встал на дорогу времени. Поле ходьбы безмолвно окружило его, никаких признаков жизни или движений в том промежутке времени, пока он так беззаботно стоял под струями воды.

Он бешено ворвался в будущее. Но и там пустота.

Возвратясь в квартиру в реальном времени, он увидел открытую настежь входную дверь. Но на лестничной площадке, и внизу перед домом тоже никого не было, кроме случайных прохожих. В поле ходьбы тоже...

Учителя пришлось приводить в чувство. Избавленный от пут и кляпа, он долго изрыгал проклятия в адрес всяких. И вертов паршивых притом, прежде чем вразумительно рассказал и показал жестами.

Некто, трое или даже пятеро, – глаза у страха велики, подумал Иван, неслышно вошли в квартиру, без осложнений обезвредили Учителя, ударив его по голове, и подпёрли им двери ванной комнаты. До того он, якобы, услышал удивлённый вскрик Напель.

– Медис?! – назвала она имя.

На неё тоже будто бы набросились.

Всё, что мог, Сарый сообщил. Описать облик совершивших нападение он не смог. Не успел рассмотреть.

– Так-то повернулось...

Иван голым сидел на полу и бессмысленно рассматривал пальцы своих ног.

– Я знаю, кто они, – прокрипел Сарый, шаря на голове в поисках шишки.

– Ну?

– Перли! Кому ещё быть? Они, знаешь...

– Зачем она перлям? А если кени?

– Кто? – Учитель о кенях слышал впервые.

«Ходоки мне не помощники», – с горечью подумал Иван и стал одеваться в дорогу.

Сарый смиренно наблюдал за его суетой. Его неотрывный взгляд раздражал Ивана. Хотелось наговорить Учителю каких-нибудь пакостей.

– Опять в бега? – с хрипотцой в осевшем голосе поинтересовался Сарый, когда Иван уже был полностью готов к выходу. – Куда теперь?

– Не кудыкай! Куда, куда...

Иван швырнул рюкзак в угол и подошёл к окну. Внизу шла старушка, ноги её от старости едва ковыляли. Маленькая собачонка тщательно обнюхивала куст сирени. Ветер заставлял листья дрожать...

Сарый прав – куда? Ну, куда он сейчас побежит? Кто этот Медис? Может быть, перль и тоже трёхглазый? А то и игры разыграны в пресловутые ступени времени, в которые ему дорога заказана.

Не оборачиваясь, Иван уныло, но требовательно сказал:

– Есть хочу!

– Я сейчас, – засуетился Сарый и почти бегом подался на

кухню.

Конец первой книги